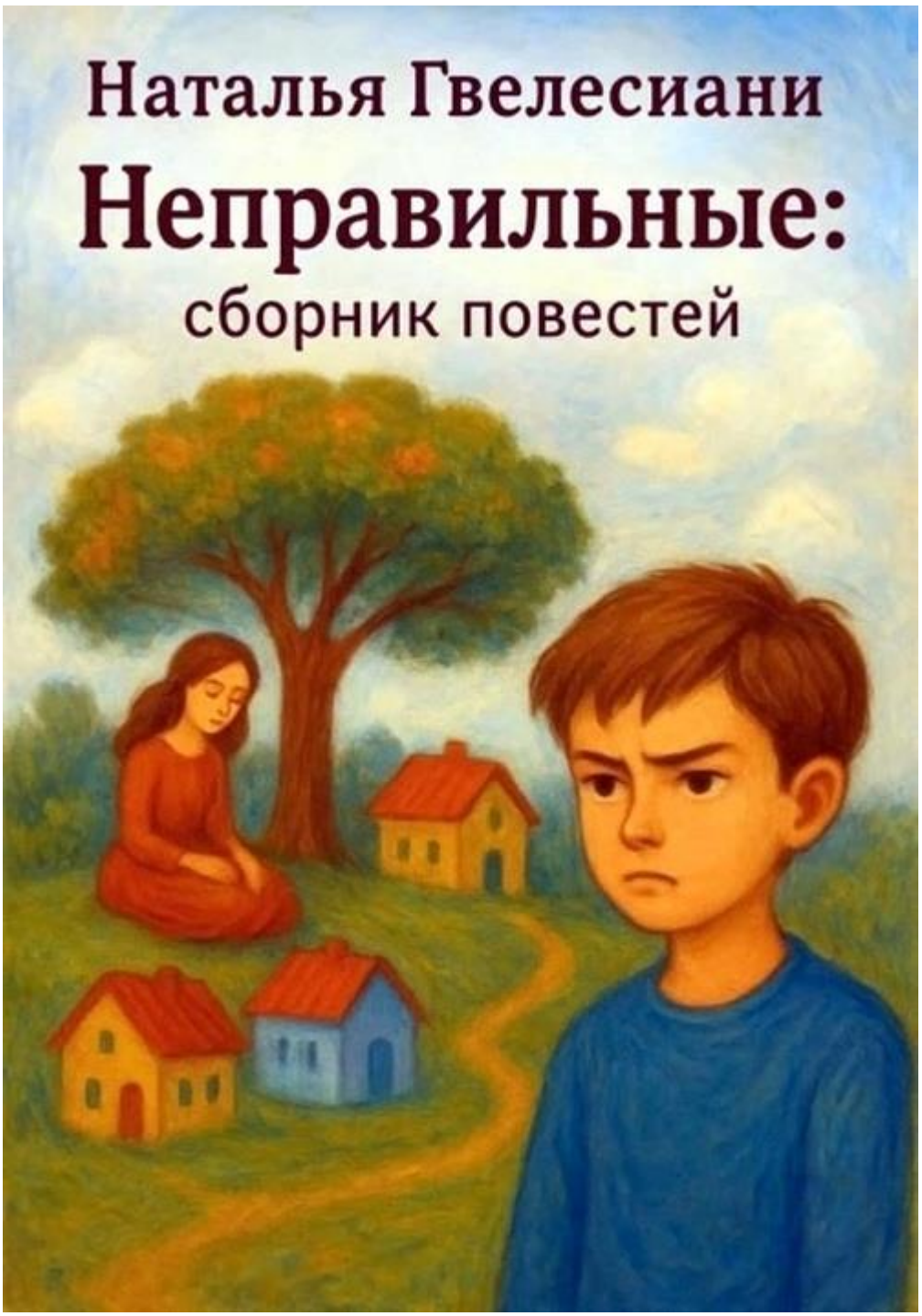
Наталья Гвелесиани
Неправильные:
сборник повестей

Наталья Гвелесиани

Неправильные

Сборник повестей

Тбилиси, 2025

Аннотация

В книгу русскоязычной писательницы из Грузии Натальи Гвелесиани вошли четыре повести разных лет, центральной темой которых являются поиски истоков подлинного бытия, которые автор видит во внутреннем Свете, имеющем свой Исток. Две из них были опубликованы в «Новом журнале» и «Неве». За повесть «Уходящие тихо» в 2007г Н. Гвелесиани была удостоена литературной Премии им. Марка Алданова. В последней повести автора «Неправильные» исследуются на высоком философском уровне самые разные аспекты современной жизни. Среди вопросов, которые автор не мог обойти — немалое место уделено христианскому осмыслению военных конфликтов на территории постсоветского пространства. В частности — российско-украинского конфликта. Раздумывает автор и над тем, каким путем идти дальше российскому обществу. И даже предлагает – свою альтернативу.

Неправильные

«Наконец, Эрика поняла, что вопрос на уровне сопоставления двух правд неразрешим. Правды разных народов, как и разных людей, их групп и группировок, всегда эгоистично двигались всяк в свою сторону и лишь дипломатические хитрости временно удерживали их от войн».
В повести исследуются на высоком философском уровне самые разные аспекты современной жизни. Среди вопросов, которые автор не мог обойти — немалое место уделено христианскому осмыслению военных конфликтов на территории постсоветского пространства. В частности — российско-украинского конфликта.
Раздумывает автор и над тем, каким путем идти дальше российскому обществу. И даже предлагает – свою альтернативу.

Отзыв о повести от НейроСети

Гвелесиани использует образ «неправильности» как метафору для обозначения чувства отчуждения и несоответствия общепринятым нормам. Это состояние становится катализатором для глубоких размышлений о сущности человеческой природы и поиске пути к истинному «я».

Одной из ярких особенностей является использование символизма и аллегорий, что придает произведению многослойность и открывает возможности для различных интерпретаций. Гвелесиани искусно сочетает элементы психологической прозы с философскими размышлениями, создавая произведение, которое оставляет глубокий след в душе читателя.

В повести «Неправильные» также проходят как один из лейтмотивов - раздумья героев о военный конфликт между Россией и Украиной, однако автор не занимает явную сторону в этом противостоянии. Вместо этого, она исследует глубинные причины и философские аспекты войны, предлагая читателю задуматься о сути происходящего.

Гвелесиани акцентирует внимание на духовных и моральных аспектах конфликта. В её произведении прослеживается идея о том, что отказ от высших идеалов может привести к деградации и разрушению системы.
Кроме того, автор рассматривает войну как проявление духовного кризиса, связанного с утратой связи с высшими ценностями и истиной.

Мягкий мир

О детской дружбе как опыте познания Души.

Уходящие тихо

Скрытую пружину повести можно определить как движение точки сборки от Центра (Христианского Сердца) к периферии, которое парадоксальным образом приводит к Сердцу... Но все это раскручивается на уровне простых человеческих отношений, и о пружинах помнить не обязательно.

Пустите детей и не препятствуйте им

О детстве как уникальной поре цельности и единства с жизнью. Как не утратить с годами его верную основу в условиях некоторых противостоящих ему традиций взрослого мира?.. Что можно противопоставить уродующей индивидуальность системе ложных понятий, установок, общественных отношений? Одной из тем повести является изображение и художественный анализ проблем современного начального школьного образования и воспитания.

Публикации:
«Уходящие тихо» (*журнал Новый Журнал 2007/247*)
«Пустите детей и не препятствуйте им» (*журнал Нева 2020/11*)

Об авторе

Гвелесиани Наталья Александровна. (По паспорту – Гвелесиани Натэла Сандроевна). Род. в 1967г. Окончила филологический факультет ТГУ им. И. Джавахишвили. Пишет прозу и эссеистику.
Лауреат литературной Премии им. Марка Алданова (за повесть "Уходящие тихо"- Новый журнал N247,2007). Публиковалась также в журналах "Нева" (роман "Мой маленький Советский Союз" - в сокращении, отрывок романа "Новая сказка о Гайдаре" под названием "Сказка о Гайдаре", повесть "Пустите детей и не препятствуйте им"), "Уральский Следопыт","Футурум АРТ", "Новая реальность". Автор книг "Путь неприкаянной души (О Марине Цветаевой и не только)" - (Ставрополь, издательство "Ставролит", 2013г), "Выход Алисы из Зазеркалья" (серия 'Психология') - (Москва, издательство "Велигор", 2015г). 'Мой маленький Советский Союз' - полная авторская версия. (Москва, издательство "Рипол-Классик", 2016).
Автор литературно-критических статей о творчестве М.Цветаевой, М.Горького, А.Гайдара, В.Крапивина, , а также статей о христианстве в современном мире. Интересуется религиоведением, философией, психологией.
Автор диалектического метода толкования Библии (см. сборник "Взирая на Христа").
Автор «Нового Завета в художественном переводе» (в 3-х книгах).
Также является автором оригинальной гипотезы о причинах некоторых форм аутизма (изложена в статье "Аутизм и инстинкт сохранения целостности"; в книге "Выход Алисы из Зазеркалья", также - наиболее полно - в статье «Аутизм и гештальт целостности»).
С помощью НейроСети, согласно этим новаторским взглядам не только на природу аутизма, но и природу человека вообще, автором были созданы новаторские пособия "Введение в Целостную химию для гуманитариев", "Целостная органическая химия", «Краткий словарь химических терминов для гуманитариев».

Живет в Грузии, в г.Тбилиси.

От автора:

Все мои литературные, научные и иные произведения распространяются под авторским именем (псевдонимом) “Наталья Гвелесиани” или "Гвелесиани Наталья Аоександровна", при том, что моё настоящее имя по документам — Гвелесиани Натэла Сандроевна.

Произведения на этой авторской странице и на других ресурсах, все изданные и не изданные произведения и книги, кроме тех, что были изданы под иной лицензией и срок иной лицензии еще не истек, распространяются и должны распространяться в будущем, в том числе по истечении срока иных лицензий, по данной лицензии:

Авторская лицензия:
© Наталья Гвелесиани, 2025.
Creative Commons Attribution–ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).
Это произведение распространяется по лицензии
Creative Commons Attribution–ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).
Разрешается свободное распространение, копирование, цитирование, а также создание производных произведений (переводов, инсценировок, экранизаций и т.п.), при условии обязательного указания имени автора и сохранения этой же лицензии в производных работах. Лицензия бессрочная и не подлежит отзыву. Полный текст лицензии:
https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode.ru

© Natalia Gvelesiani, 2025.
Creative Commons Attribution–ShareAlike 4.0 International License (CC BY-SA 4.0).
You are free to share, copy, distribute, and adapt this work (including translations, performances, and film adaptations), provided that proper attribution is given to the author and that derivative works are distributed under the same license.
This license is perpetual and irrevocable.
Full license text: https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/

© Наталья Гвелесиани, 2025
ORCID: 0009-0006-7898-9156
https://orcid.org/0009-0006-7898-9156
DOI: 10.5281/zenodo.17723170
https://doi.org/10.5281/zenodo.17723170
© Наталья Гвелесиани, 2025.
Creative Commons Attribution–ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Содержание

Неправильные. *Повесть*
Мягкий мир. *Повесть*
Уходящие тихо. *Повесть*
Пустите детей и не препятствуйте им. *Повесть*

Неправильные

Повесть

С утра земля тиха, безмятежна, проста. Птицы робко пробуют голос, в ветвях дремлющей у двери мушлумы – вот-вот зазвучит флейта. Так звонко и нежно, словно выпрастывая утро из зелени округи, провозглашает новый день прижившаяся в их дворе иволга.
Скоро, шутливо перебрав некоторые лады и тем самым перекликнувшись, птичье братство, все больше вскипая восторгом, упоенно кивая друг другу на что-то неизъяснимо-славное вскриками, трелями и чириканием, сольется в оркестр.
Все это будет чуть позже. Может быть, уже через мгновение. А пока голос иволги – сам рассвет! – мелодично струясь в грудь и касаясь какой-то вибрирующей струнки, сделал всю ее внутренность невесомой и заставил привстать.
Надо спешить!
Выбравшись из постели, Эрика надела джинсы и белую футболку, белый свитер и серую куртку, накинула на шею длинный оранжевый шарф и неслышно выскользнула в итальянский дворик, тихо затворила за собой дверь.
Там она присела на лавочку у стены, с наслаждением откинулась на ее спинку и, положив руки на колени, погрузилась в молчание.

Итак, некоторое время она просто молчала.
Более того, Эрика имела привычку молчать по утрам каждый день. Хоть иногда и позволяла себе перерывы ради того, чтобы приятная во всех смыслах привычка не переросла бы, чего доброго, в обязанность.

Она прочитала по памяти «Отче наш» и «Иисусову молитву». И стала понемногу отодвигать от себя набегающие мысли, чувства, ощущения, опасения чисто повседневного плана. Типа «А будет ли дождь?» или «Что там на завтрак?». Или, допустим, как стать отстраненной, чтобы соседи, которые скоро начнут спешить на работу, обронив «Здравствуйте!», просто пробегали мимо. Как не замечать их озабоченные, уставшие уже с утра лица и не жалеть их.

Сегодня она представила себе это так: ей необходимо добыть для соседей по планете кислорода. Поскольку ну какой на земле кислород при таких темпах прогресса. Вот уже наступило время, когда людям подают его в порядке очереди через аппараты ИВЛ. А совсем скоро… Да что там говорить!.. Лучше – молчать.

Дело в том, что Эрика обладала способностью видеть сразу все – все недобрые примести в том, что казалось большинству людей добрым.
Она училась отделять эти примеси так искусно и тщательно, как отделяет от земли, грязи и пыли крупицы золота ювелир.
Эрика знала – этот процесс начинается с себя.

Она была как легкая пустая лодочка, скользящая по необозримым волнам пространства, которое ей воображалось. Давно уже оторвалась она от берега, а разного рода бури вынудили отправить за борт все лишнее.

Но лишнее то и дело пыталась запрыгнуть в ее сознание, и нередко ему это удавалось. И если бы гибкий кондуктор ее воли тот час не выпроваживал бы за борт непрошеных пассажиров, никакого плавания бы не случалось.

А отправляться в такое плавание Эрика старалась ежедневно с самого утра.

Сегодня лишнее пыталось выдать себя за зеркало, в котором преувеличивалось ее, Эрики, уродство, так свойственное и другим двуногим. Оно показывало ленцу во взгляде, сухость и холод. Из коих можно бы было, на первый взгляд, вывести следствие о нежелательности и даже совершенной бесполезности ее молитвенных усилий.

Но Эрика уже знала – это всего лишь инерция тела. Птица ее души скоро пробудится и вспыхнет, вкусив хлеба с небес, мягким, нежным как елей, добрым, кротким огнем.
А молитва – когда бессловесная, когда полная стройных мыслей и слов, а когда и просто музыка, музыка кругом, которая звенит тонким дождем и умывает округу - так и приподнимет ее на некую неотмирную высоту.

Эта высота представлялась ей не Элеонской горой – эта ассоциация была бы слишком нескромной – а Мамаевым Курганом, на котором она вела свою собственную Сталинградскую битву. Она – и множество других знакомых и незнакомых ей людей, жителей Божьего града, которые тоже вели вчера и сегодня и во веки веков некую великую Битву с князем сего мира. И тоже, конечно же, начинали с себя. Безжалостно стреляя в собственную гордость.

Все эти люди, и Эрика вместе с ними, не казались себе великими. И они не понимали, как можно желать другому того, чего не желаешь себе. Как можно обвинять кого-то в том, что делаешь и сам.

В последнее время их всех – и ныне живущих, и взирающих на происходящее из прекрасного далека – очень удивляли два народа: русский и украинский.
Выйдя из одного родового корня, связанные одной верой, они безжалостно наступали на кровные интересы друг друга.
Другие же, не столь близкородственные народы, посматривали со стороны на это печальное зрелище со смешанными чувствами, желая не упустить собственные интересы, называемые мудреным словом «геополитика».

Впрочем, что значит слово «народы»?
Народ Эрика и подобные ей люди знала один.
«Мы тот народ, у которого Господь есть Бог», - пел псалмопевец.
Но тогда даже он и представить не мог, что этот единый народ – не иудейский. И что в небесный Иерусалим - столицу этого всемирного братства во Христе – путь всем воюющим народам заказан просто по определению.

Вначале Эрика долго пыталась понять, кто из двух народов прав, а кто - нет.
Потому что у каждого из них была своя некая маленькая правда.

Потом чаша весов склонилась в сторону обиженного – того, на землю которого вторгся агрессор. Теперь уже точно враг, а не друг.

Но оставалась малая толика сомнений – ведь враг на самом деле вступил на свою собственную землю. Исконную, русскую. От которой когда-то опрометчиво отступился. Хотя формально – теперь чужую. Поскольку кто-то прочертил внешние границы.
А те, кто желали не упустить собственные интересы, торопились подобно лесным зверям – пометить новые границы, расставив вдоль них пушки, направленные этому врагу прямо в сердце. Это называлось – политикой сдерживания.

И речь теперь шла с точки зрения врага – о безопасности оставшейся в его руках территории. Не говоря уже о престиже. А на деле – о попранной гордости. Поэтому он неустанно устраивал провокации, подначивая живущее по ту сторону границы население к сепаратизму.

Наконец, Эрика поняла, что вопрос на уровне сопоставления двух правд неразрешим. Правды разных народов, как и разных людей, их групп и группировок, всегда эгоистично двигались всяк в свою сторону и лишь дипломатические хитрости временно удерживали их от войн. И все равно – столкновения разных правд с той или иной степенью периодичности – становились неизбежными. И разряд их был тем сильнее, чем дольше их сдерживали.

Выход был один – в обретении Истины.
А Истиной был Христос.
Только в Нем как в истинной Субботе мог успокоиться единый божий народ без того, чтобы не делиться на эллинов и иудеев, мужчин и женщин, рабов и свободных.

Для этого же - всяк должен был отворотиться от своей личной правды и увидеть правду соседа. И смириться перед ней. И – взглянув окрест, вдруг узреть общее небо над головой. И необозримую прекрасную Землю вокруг.

Добро пожаловать друг, на новую Землю! Да будет воля нашего Бога и на Земле, как на Небе!

Соседи, втайне стесняясь происходящего, давно проскочили мимо и скрылись за воротами. Отпели радостный гимн своей иконе – солнцу – птицы. Робко замерла в отдалении кошка, не решаясь пересечь незримую черту, отделявшую Эрику от всех и вся. А молитва ее все лилась и лилась, словно уравнивая две чаши весов с молитвами обоих народов. Словно это теперь всецело зависело от нее – преодолеют ли они притяжение земли и явятся ли во всей своей оголенной нищете пред очами неподкупного Бога. Долго еще вырывались вслед за незримым струением из груди – из тесноты ума вопросы. И, не встречая сопротивления, возносились в простор. Где иные из них внезапно озарялись ответами и, ликуя, обретали полноту. Чтобы лучиться потом из глаз теплой ясностью и простотой.

Наконец, дверь рядом с лавочкой решительно распахнулась и на пороге появилась высокая пожилая женщина с аккуратными, коротко постриженными седыми волосами. Она повернула к Эрике, глядя на ту подобно подсолнуху немного сверху, длинное одутловатое лицо с правильными чертами и довольно живыми, хоть и грустными глазами, и протянула чайник. Она была в выцветшем халате, накинутом поверх ночной рубашки.
- Деточка, ты уже встала? Нагрей, пожалуйста, кипятку. А я организую бутерброды.

Женщину звали Елизаветой Семеновной. Но сама она предлагала называть себя тетей Лили.

Эрика охотно направилась в полуразваленный флигелек напротив, служивший одновременно кухней, ванной и туалетом и, сделав то, о чем ее просили, заодно умылась. Здесь, как и в доме, было чисто, несмотря на обилие бытовых предметов, годных на все случаи жизни. Поскольку хозяйка то и дело их перебирала под предлогом уборки. Правда участок двора между домом и флигельком, где повсюду ютились в горшках дремучие комнатные растения изрядного возраста, был не так опрятен, ибо ближайшие соседи

частенько роняли тут мусор и даже иногда ставили свое мусорное ведро. Хозяйка же, спокойно приплюсовывая чужой мусор к своему, однако, выдворяла ведро. После чего иногда следовала брань из плотно зашторенного оконного проема квартиры за левой стеной. А в районное отделение мэрии или куда повыше летели жалобы…. Ох уж эти итальянские дворики, обычно излишне романтизированные, полные обид из-за тесноты. Здесь тоже иногда разворачивались нешуточные бои.
Сейчас чужого ведра не было, и Эрика прибралась тут на ходу сама.

Потом, когда уже они сидели за завтраком, тетя Лили, всматриваясь в лицо Эрики своими прозрачно-синими, совсем не выцветшими глазами, в которых всегда что-то мерцало, как в хрустале, тревожно бросила густым, бархатистым голосом:
- Не хотела говорить с вечера. Звонили из мэрии. Эти опять накатали жалобу. Теперь на тебя. Дескать, примазалась к старухе, живешь без регистрации. Я-то понимаю к чему все эти поползновения. Им нужно сжить меня поскорей со свету, чтобы дети племянника моего покойного супруга, на которого был записан дом, продали бы им эти метры. А тут ты… Помогающая, продлевающая мне жизнь.
- Да что вы, тетя Лили, это вы мне помогаете.
- Теперь опять придут проверяющие. Это не страшно – они люди понятливые, уже поднаторевшие в разгребании доносов. Но беседовать с тобой все равно будут.
- Ну и побеседуем.
- У тебя-то с документами вон какая история! Может напишешь про все про это детективный роман?
- Как раз сегодня иду в Дом юстиции за очередной справкой. Оставьте, прорвемся!..
- Ох, деточка-деточка, как же тебя мучают. Я тоже в прошлом году ходила вот так вот по всем кругам бюрократического ада. А все из-за Петра, моего прежнего жильца и помощника, когда он тут жил. Ну, ты же знаешь эту историю – его порекомендовали мне из лютеранской церкви, когда он подрабатывал у них разносчиком обедов для пожилых. Парень из Белоруссии, биолог. Объездил пол бывшего Союза и, попав в Грузию, прямо-таки очаровался ею. Решил жить здесь столько, сколько позволят. Хотя он и нигде не мог найти работы, кроме случайных подработок грузчиком. И не только потому, что он иностранец. Он был с травмой головы после какой-то аварии, с дыркой в черепе. Какой из него работник – все такому отказывали. Да и характер как у контуженного – никто не хотел связываться. Даже эти побаивались… И поставили было доносы на паузу.
- Знаю, тетя Лили. Он не долго думая схватил ваш паспорт и побежал с ним в социальную службу, чтобы выхлопотать прибавку к пенсии. А когда вы закричали ему вслед: «Вернись, ты же не все знаешь!», он сделал вид, что не услышал.

Эрика старалась деликатно закруглять истории, которые тетя Лили любила рассказывать ей и любым зашедшим на огонек гостям по многу раз на дню. Эти истории были невероятно подробны.

- Ну, хлопотал-то он больше для себя. Кушал-то он обычно за троих. Я все время вертелась на кухне, готовя ему борщи. Правда продукты в основном приносил он, причем, бесплатные. Поскольку посещал все церкви подряд, в какие только не хаживал благотворительные столовые. И по магазинам он у меня ходил, и на базар бегал пешком. Знаешь, деточка, после гибели Вадика я разговаривала с монахинями и они сказали, что мне ничего не остается как всю оставшуюся жизнь молиться и помогать нищим. Мол, только так может мать облегчить грех самоубийства сына. Ну, я хоть и неверующая, но одно время исправно молилась. А потом плюнула на это дело. Но твердо решила найти человека, который бы нуждался в помощи. Поэтому Петра я взяла к себе без платы. Пока в его жизни не появился Николоз, который, наконец, устроил его на работу, вставал он чуть свет, убирался во дворе, поливал цветы, а после завтрака, если не нужно было

закупаться, исчезал на весь день. Видимо, больше для того, чтобы меня не беспокоить. Где ходил-бродил и не знаю, скрытный он был, не любил говорить о себе. Знаю только что крутился все больше возле католической миссии при Посольстве Польши. И еще часто ездил на Тбилисское море в благотворительную детскую больницу, открытую монахинями ордена святой Камилы. Из католической миссии он и привел однажды молодую женщину – монахиню Людмилу. Сказал, что она тоже родом из Белоруссии и что он знает ее давно. Людмила стала навещать меня и часто не с пустыми руками. Однажды он даже пригласил ее в Оперный театр. Сам он обошел все тбилисские театры, все музеи. Регулярно взбирался на Мтацминду. И даже – ты не поверишь – нашел лазейку в посольства самых разных стран, ходил на какие-то дни открытых дверей. Все про все знал, особенно про свои права. И мне говорил, что я не знаю своих прав, что мне положены такие-то и такие-то выплаты. Умел этих выплат добиться. И в тот раз тоже, несмотря на мой запрет, побежал куда-то качать права. И накачал!.. Выяснилось, что я живу тут без регистрации, но при этом зарегистрирована в другом конце города в бывшей квартире сына, которую продала после его смерти аж двадцать лет назад. Ну, мне тут же и заблокировали паспорт, а вместе с ним и с пенсию. А потом – боже мой! – сколько мы с Петром ходили в этот самый твой Дом юстиции, сколько собирали справок. Племянника вызвали из Москвы, чтобы он как собственник меня прописал. А Петр между прочим и тут обнаружил мои права. Объяснил мне, что племянник моего умершего супруга оформил дом на себя незаконно, что единственная его наследница – я. И что можно дать ход делу. Но я сказала: «Сиди уж!... Будто я не знаю этого сама. Я только делаю вид, что не знаю. А ход делу, если понадобится, можно дать всегда. Но с чего бы мне б это понадобилось? Думаешь, кто мне помогает деньгами все эти годы - государство? На государственную пенсию нам с тобой вдвоем точно не прожить. И еще бы не помогать, ведь это племянник упросил меня срочно продать тогда квартиру Вадика буквально за копейки, чтобы они могли уехать в Россию и купить там, добавив свои финансы, приличное жилье. Эти деньги они у меня одолжили с условием, что будут помогать. И исправно все эти годы помогали. Уже и выплатили тот долг, а я все живу. А два месяца назад умер племянник. Вот так-то деточка. Я была поражена в самое сердце. Не ожидала я от него такого. Мне-то уж восемьдесят пять. А ему было – только семьдесят. Эх, зажилась я… В маму свою пошла. Она тоже ушла в восемьдесят пять.
- Да что вы такое говорите. Не считайте годов!
- После смерти племянника его дети в помощи мне отказали. Я их понимаю, никто и не обязан содержать постороннюю старуху. Но ничего, у меня еще есть кое-какие антикварные вещички, есть книги позапрошлого века – я их и раньше понемногу продавала. Надо торопиться, а то кому все это достанется? Случись чего, соседи взломают дверь и все вынесут. Я вот все думаю, что мне свои вещи и книги надо кому-то завещать. Только чтобы этот человек не забыл похоронить меня. А то я все время боюсь, что меня кинут в общую яму… Может быть, ты станешь таким человеком?.. А знаешь, деточка, говорят, что племянника похоронили очень достойно. Были такие столы, такие букеты, такой катафалк! А какие гости!..

Эрика протестующе замахала руками, вскочила, накинула пиджак, схватила сумку с документами и – бросилась прочь.
- Погоди, а как же бутерброды?!
Но Эрика, машинально поглаживая шею, как после сорванного с нее слишком теплого и тугого шарфа, провоцирующего удушье, уже была далека.

2

Дом юстиции Грузии представлял собой гигантское здание в центре Тбилиси. Построенный не так давно, он цеплял взгляд своей необычной, постмодернистской красотой. Крыша его была покрыта громадными плитами, напоминающие издали не то

листья, не то шляпки грибов, не то совиные крылья. Нескончаемым муравейником вливались в него потоки посетителей, не создавая, однако, очередей. Ибо все юридические службы, бывшие здесь в одном флаконе, были разделены на отсеки и всюду сидели за компьютерами многочисленные операторы с высшим юридическим образованием.
Не будь этой системы, так удачно сфокусированной в одной точке, Эрике бы пришлось еще туже.

Мытарства в кафкианском стиле начались в жизни Эрики с год назад, когда у них с братом дошли руки до приватизации их общей, все еще государственной квартиры.
Ох уж этот квартирный вопрос. Собственно, из-за него Эрика и перебралась жить к тете Лили. Поскольку конфликты с братом, который к тому же подсел на алкоголь, стали невыносимы.
Он почему-то считал, что приватизировать квартиру следует на него, потому что, дескать, он мужчина. Эрика же отстаивала законный, а не шовинистский вариант – приватизацию на всех троих, включая мать. Матери же при этом было все равно. Она просто жалобно призывала их обоих к миру и спрашивала нельзя ли отложить переоформление до ее смерти.
А пока брат всячески саботировал процесс, отказываясь собирать свою часть справок, выяснилось, что вообще-то сначала еще надо доказать, что в данной квартире живут именно они. И что они вообще – дети своих родителей.

Итак, верхушка айсберга системы в виде здания с совиными крыльями втянула Эрику в свои коридоры, и втянула надолго.
Она достала тетрадь, где отмечала, какие справки пора забирать сегодня и какие пришла очередь заказать и взяла первый номерок.
Потом привычно двинулась по узким извилистым коридорам к окошку с указанным номером.
Там она протянула бумагу, пробежав которую взглядом, ей должны были выдать другую бумагу. На основе которой она бы заказала в другом отсеке – следующую бумагу. И так предстояла сделать, постоянно перемещаясь из конца в конец, несколько раз.

На сей раз женщина-оператор, заглянув в компьютер, пытливо вперилась ей прямо в глаза и спросила:
- А зачем вам нужно такое количество бумаг?

- О, это длинная история. Понимаете, родители назвали моего отца именем Сандро. Полагая что оно французского происхождения. Они желали придать жизни сына легкости. А когда он получал свой первый, еще советский паспорт – паспортист решил что это - чисто грузинское имя. И что будет грамотней записать его полный вариант, и притом по-русски. И вписал в паспорт имя «Александр». К тому же паспортисту не понравилось как звучит отчество моего папы. Дедушку звали на грузинский лад - Биктором. И отец носил отчество – Бикторович. Паспортист исправил и эту оплошность – вписал на русский лад моему родителю отчество «Викторович»… В общем, отец принял все это как что-то само собой разумеющееся. И попал на весь своей век и даже на посмертную жизнь – в нарушители закона. А вместе с ним – все мы, его законные супруга и дети.

Женщина едва заметно усмехнулась. И небрежно обронила, вписывая что-то в компьютер:
- Что ж, бывает. В советское время случались еще не такие истории – посетите музей советской оккупации и убедитесь. Кстати, моя мама тоже украинка.
- Да, мама родом из Запорожья. Правда, мать у нее была русская. Национальность матери ей и вписали в графу. Хотя фамилия осталась отцовская.

- Это называется - русификация. Записывали украинцев как русских.
- Да нет, маме, по ее словам, было все равно. Ее спросили, какую вписать национальность. Она не долго думая выпалила: «Русская». А почему – и сама не знает. Наверное, говорит, потому, что в семье, да и всюду, говорили по-русски.
- Вот это и есть то самое. Когда даже не поняли как проглотили наживку.
- Между прочим, дедушка, узнав про этот выбор, ничуть не обиделся. А бабушка даже сказала: «Ну и умница. Хоть одно дитя будет в меня». В семье было четверо детей, и старшие записались украинцами.
- Скажите, а как ваш отец прожил семьдесят четыре года с неправильными паспортными данными. Неужели никто никогда ему на это не указывал? Неужели у него не возникали проблемы?
- Возникали, наверное, но он про них нам не рассказывал. Не знаю как в последние годы, а тогда все решала взятка. Предполагаю, что так ему было проще – ведь у него уже были жена и двое детей. Причем, брак он зарегистрировал в Туркменской ССР, а дочь, то бишь я – родилась в Узбекистане. Поменяй он имя и отчество, пришлось бы и нам менять все документы. Причем, начиная с Туркмении и Узбекистана.
- Дорогая, все тайное рано или поздно становится явным. К сожалению, нерешительность и низкая законопослушность отца обернулись для вас… как бы подобрать слово помягче… неким родовым проклятием. Ведь что посеешь, то и пожнешь.
- Увы, это так. И я даже рада, что когда мы затеяли приватизацию квартиры, все это вдруг обнаружилось. Я благодарна каждому юристу, кто дотошно указывает на все неточности, помарки и опечатки. И тщательно их исправляю. Я очень не люблю нарушать закон. К тому же, если бы мне захотелось отправиться в путешествие по бывшему Советскому Союзу или даже эмигрировать в одну из стран СНГ, в любой момент мне могли бы перечеркнуть визу или вид на жительство и отправить обратно. Это бы было ужасней всего!
- Вот, значит, что является вашим стимулом соблюдать закон – желание эмигрировать.
- Но и Грузию я люблю тоже. Просто то, что теперь принято называть периодом советской оккупации, совпало с моим ранним детством. И, учась в русской школе, я выросла на русской культуре. Даже закончила потом филфак в тбилисском педвузе. Но работы потом по специальности «Русский язык и литература» уже не нашла.
- И себя, как видно, не нашли.
- Может быть.
- Наверное, вам бы могло помочь двойное гражданство – грузинское и одновременно российское.
- Но вы же сами знаете, что для таких как я это возможно лишь чисто теоретически. Выйти из грузинского гражданства, принять российское и только потом опять попробовать получить второе гражданство уже как иностранной подданой, что предусматривает экзамен по грузинскому языку… Все это слишком энергозатратно! И – к тому же материалозатратно.
- Давайте ближе к делу. В итоге, закон о том, что основным документом гражданина является его Свидетельство о рождении, выписываемое согласно актовой записи о рождении, обязал вас вернуть вашему покойному отцу его законные имя и отчество. И отец посмертно опять стал Сандро Биктровичем. Так?
Тонкие губы логичной женщины опять едва заметно вытянулись в подобие усмешки, словно между ними лениво расположилась змейка. Правда, довольно безобидная змейка. Скорее - уж.
- Так, - вздохнула Эрика.
И добавила, горячась:
- Да никто его этим именем и отчеством никогда и не называл! Даже в семье его звали «Сашей»! И мама, и мы! А теперь нам, его детям, тоже приходится стать Сандроевной и Сандроивичем. Да и у мамы вдруг объявился новый муж – Сандро. Я уже поменяла

метрику и паспорт. Брат же ничего менять не желает. Говорит, что отец был Александром, и что он тоже останется Александровичем, и точка тут!... Впрочем, вскоре он убедится, что все его прежние документы стали незаконными. И его тоже будут ожидать большие перемены. Причем, за каждую справку надо платить!.. Если не за саму справку, то за ее перевод. И за печать нотариуса.
- Ну, видите, это и есть родовая карма. Надо было записывать - как звали. Или звать - как записывали.
- А может быть стоило предусмотреть для таких случаев в законе исключения? Ведь вы же сами говорите, что советское государство было оккупационным, мало ли что оно наворотило в своих документах. Оставили бы отцу его имя, с которым он прожил всю жизнь, и дело с концом. Тем более что мы-то уже живем в другой стране.
- Э-э-э, дорогая… Не так это просто, не так. Вот представьте – вы покупаете квартиру у некой Эрики Александровны. А в домовой книге при этом записано, что ее отец – Сандро. Вы-то, наверное, и не обратили бы внимания на такую мелочь. Но Дом юстиции не может не обратить. Потому что если окажется, что Эрика Александровна все-таки не дочь Сандро, а потом объявится законная дочь Эрика Сандроевна и спросит кто продал ее квартиру от имени какой-то мошенницы, у которой даже отчество не ее – отвечать будем мы. Но больше всего пострадаете опять-таки вы – это вас заставят вернуть квартиру законной владелице. Причем, совершенно безвозмездно.
- Да я уже это поняла. Просто мне все кажется, что закон все равно можно как-то модернизировать. Дополнить справедливость милосердием. Уравновесить, так сказать, первое – последним.

Эрика нехотя улыбнулась.
И даже оператор-юрист, наконец, выпустила изо рта невидимую змейку и, откинувшись на спинку стула, тихо рассмеялась в кулак.

3

После того как очередная порция бумаг была собрана и заказана, Эрика опять оказалась на воздухе. Быстрым шагом прошла она к площади Свободы и остановившись у отвернутого от стоящей в ее центре статуи Героя-Победоносца, скромного бюста Пушкина, стала прохаживаться.
Монумент с Георгием на коне заменил когда-то стоявшего здесь на постаменте Ленина с традиционным указующим перстом. В бытность, когда Площадь Ленина переименовали в Площадь Свободы, каменного идола снесли. Возможно, это сам Ленин превратился в поверженного дракона, которого блистающий золотом Георгий разил копьем. Вокруг монумента, как и прежде, важно разворачивались автомобили, проплывали синие автобусы.
Пушкинский сквер же, полный щебета птиц, зелени и фонтанной воды, служил этому – нет, не альтернативой, а скорее - дополнением. Здесь тбилисцы и гости столицы делали передышку.
Быть может, сквер тоже был переименован. Но все по-прежнему называли его пушкинским.

Мысли о злосчастных бумагах не покидали ее. Вся эта канитель, казалось, вытянула из нее за год все силы. Эрика даже похудела. Что, впрочем, ей шло. Она вновь стала выглядеть как в двадцать лет. Хотя как раз в этом году эта сумма удваивалась. Но Эрика в душе никогда ничего не удваивала, она удивительным образом умела сохранять ядро своих юношеских мыслей и чувств, своих убеждений.
Вот только реалии и подстраивающиеся под них идеи или, лучше сказать, идеологии, сквозь которые люди привыкли взирать на факты, постоянно менялись. И Эрика нередко

путалась. Ей приходилось тратить львиную долю энергии, чтобы по-прежнему сохранять «лица не обще выражение».

Чтобы отвлечься, она прибегла к самому верному способу – стала просматривать новости и сообщения в телефоне.
Было 10 мая 2022 года. Многие посты все еще были посвящены отпразднованному в России Дню Победы. Участники Бессмертного Полка уже проплывали летящими портретами- журавлями перед взором миллионов пользователей соцсетей. Были среди них и портреты двух ее двоюродных дедов с Украины – дяди Пети и дяди Вани, как называла их никогда не видевшая их, но выросшая под их портретами мама. Те погибли – один в Румынии, а другой – в Австрии.
Господи, какое это чудо, что ей осталась хоть социальная Сеть! Здесь, как нигде, можно было еще оставаться собой. И быть там – сразу со всеми, невзирая на границы.

Однако впервые праздник со слезами на глазах – который был, наверное, для нее, самым чистым и светлым, даже светлее чем Новый Год – совершенно не радовал.
Порадовало только видео от подруги из российской глубинки. Та любовно обошла с телефоном зацветшую на даче вишню. Тихое веяние ветерка, колышущего цветки, неторопливый завтрак пчелы, тихо струящийся комментарий подруги и отдаленные голоса с русской речью, среди которых преобладали беззаботные вскрики детей – они были стремительны, как чижи - помогло ей, наконец, войти в атмосферу пушкинского сквера.

Она так и представляла себя – Самарская область, электрички, дачный поселок, подруга и другие дачники с их весенними хлопотами – это прямо тут. Стоит только руку протянуть… Но, боже мой, сколько бюрократических препонов нужно преодолеть и сколько вложить средств, чтобы оказаться перед этим лицом к лицу!.. На каждый километр пути – небось, не меньше килограмма справок. Эрике все это было совершенно не под силу!
А между тем жителям отколовшихся от Украины регионов раздавали российские паспорта просто так, даром. Как и грузинским абхазам и осетинам.
Тут Эрика некстати вспомнила, как, когда она однажды обратилась в Консульство РФ в Грузии с просьбой о гражданстве, помощник консула только руками развел. И рад бы, мол, помочь, но закон не велит. Только в общем порядке – сначала разрешение на временное проживание, если дадут квоту, потом срочный отъезд в точно указанный срок, временная регистрация в чьем-то, а всего лучше - в собственном жилье, потом спустя год, быть может, вид на жительство, если позволяют доходы. И обязательная справка о них, обязательная работа с заработком не ниже прожиточного минимума, куда иностранцев не так уж и берут, ведь руководству предприятия, за них, иностранцев, приходится отчислять государству какие-то выплаты. И так – в лучшем случае пять лет. После чего можно подавать заявление на гражданство. Которое могут и не дать. Даже если ты вырос на русской культуре. И даже если твоя мать сделала выбор в пользу русской национальности. Да даже если ты русский.
Правда, одну возможность перед Эрикой тогда все-таки вытянули, как кота из мешка. Ей предложили, благо у нее было педагогическое образование, отправиться преподавать русский язык в детском доме. Чему бы она была несказанно рада. Да вот только тот детдом был - в заброшенном дальневосточном поселке, что располагался прямо у границы с Японией. Там, по словам помощника консула, имелось общежитие и гражданство за этот переселенческий подвиг обещали предоставить в трехмесячный срок. И даже посулили подъемные.
Эрика, любившая также и Грузию, своих тбилисских родных и друзей, любившая своих друзей, проживавших по всей России, дорожившая редкими встречами с украинской

родней, не могла обречь себя на ссылку, откуда, - она это знала - по материальным возможностям возврата не будет. К тому же здоровье ее не годилось для каторжного труда. Да, наверное, консул потому и предложил этот вариант, что был уверен, что он не пройдет. И можно будет поставить галочку – дескать, мы сделали все, что могли.

И вот, забытая суровым законом, Эрика прохаживалась сейчас напротив бюста Пушкина. Непринужденная атмосфера парка, ее легкость снова исчезли. Словно на месте святого Георгия, сменившего Ленина, на фоне которого кудрявая голова поэта казалась детским мячиком, вдруг появился Медный Всадник.

Куда ты мчишься, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?

Этого в современном мире теперь не знал никто.

Из любви к родной культуре, литературе и одиночества Эрика иногда вела воображаемые диалоги с деятелями прошлого.
И сейчас ее внутренний взор словно проник в изваяние поэта.
Пушкин, приветливо улыбнувшись, покинул изваяние и, материализовав трость, принялся вышагивать взад-вперед, поглядывая на Эрику с совершенно неземным, величайшим добродушием.

- Александр Сергеевич, вы бы хоть усыновили меня, что ли… Я тоже Александровна, но теперь, получается, Эрики Александровны, согласно документам, на Земле больше нет.

Приостановившись, Пушкин посмотрел на Эрику так проникновенно, что у нее мурашки пошли по коже.
- Как грустна наша Россия, - протянул он задумчиво. В этот миг печаль так и переливалась в его горящем взоре, но лицо при этом оставалось светлым. Оно, казалось, стало даже светлей от печали.
Но он быстро опомнился, опять взглянул на Эрику, прокрутил в руке трость, направил ее к небу и ласково промолвил:
- Дитя, я – брат твой. Товарищ твой Пушкин, как говаривал наш собрат Андрюша Платонов. Мы все тут – дети одного Отца.

- Так, - охотно согласилась Эрика. – Но скажите мне, брат Пушкин, как же так получилось, что в созданном вами, как нам всем тут рассказывают в школе, современном русском литературном языке стали исчезать слова? Все помнят, как в годы сталинских репрессий исчезали люди. Но чтобы – слова… Вам знакомо слово «спецоперация»?.. Мне страшно, что, возможно, через совсем малый промежуток времени этот канцеляризм станет повсеместным. И вытеснит из нашего с вами братского языка точное, громадное по силе воздействия слово, соответствующее этому явлению. А там гляди – сгладятся в сплошную плоскую линию и все другие слова. И тут – это для меня ужасней всего! – мы перестанем понимать даже вас! Хотя, признаться честно, в школьные годы вы были мне безразличны. А потом до вас - было недосуг. Но сейчас, когда у меня есть досуг – я вдруг узрела брата!.. Как славно, что вас уже невозможно запретить! Но можно перекодировать ваши смыслы, сделать их чуждыми уму и духу.

Пушкин опять нахмурился. С ожесточением вцепился в трость и, озираясь, хотел было кому-то ею пригрозить. Но вдруг, обернувшись, увидел золотого Георгия на коне.
- Какая подделка! – произнес он гневно. - Боже мой, неужели вы по-прежнему молитесь

золотым истуканам!..
- Но это же святой Георгий, - возразила Эрика.
- Нет в этом скафандре ничего святого! Святые источают мир из собственного сердца! Да так, что порой даже иконы - мироточат.
- Вы хотите сказать, что такое явление как святой Георгий, поборовший на этом самом месте такое явление как Ленин – не соответствует своей форме на данном конкретном месте?
- Да, он совершенно неуместен.
- Так как же соединить суть и форму в стол разъявшемся мире? Знаете, мой брат, одна наша сестра, страдающая синдромом Аспергера, как-то спросила меня, зачем поэты пишут стихи? Разве нельзя, как она изящно выразилась, говорить просто?

Пушкин добродушно подмигнул:
- «Как сердцу выразить себя, другому как понять тебя?»
- «Трудов напрасных не тая, любите самого себя, достопочтенный мой читатель, - быстро продолжила Эрика, - Предмет достойный, никого, любезней, верно, нет его». Поэтому так бьет в самое сердце тютчевская строка, ставшая афоризмом: «Мысль изреченная есть ложь». Знаете, мне иногда хочется замолчать насовсем. После таких стихов.

- Мне тоже хотелось, - признался Пушкин. – Собственно, в раннем детстве я больше молчал. Родители мои были дома слишком откровенны. Они не прятали от детей своих истинных чувств. Например, до нас с сестрой им было недосуг. И они нам не врали – не показывали большей любви, чем у них было. Не произносили пустых слов. Не пытались тужиться, наполняя слова энергией, которой они не чувствовали. Отчего слова бы раз - Дваивались, раз -Траивались и раз - Четверялись, становясь двусмысленными. И я за это им теперь благодарен. Зато я с малых лет видел, как слова превращаются в змеиные хитросплетения, едва только на порог дома ступали гости. И как эти невинные домашние ужи превращаются в гадюк, вступив в пределы большого света. Ах, каюсь, я тогда испытывал нездоровое наслаждение, молча наблюдая из своего угла за их коловращением. Я тоже не любил говорить. И даже делать лишних движений, за что получал нагоняй от матери. Я не хотел быть обманщиком, как все. Но позже я открыл дверь в библиотеку отца. И поэзия, куда проник мой нескромный взор, - не только высокая, но и неловкая из-за своей торжественной напыщенности, а иногда и скверная, представляющая собой фривольные стихи, стала моим спасением. Я увидел, что слово может быть просто выражением любви. Даже в ее искаженной, извращенной форме. И что все слова в стихах стремились достичь этой любви, как просветления. Стремились обрести свое первоначальное, простое значение… С этого дня я почувствовал себя освободителем слов. И мою неповоротливость, замкнутость и молчаливость как рукой сняло.

- Я поняла, дорогой брат! Вы потому потом и совершили революцию в отечественной словесности, вернув ей свежесть и простоту золотого века! Вы стали нашим освободителем! Нашим солнцем, греющим нас изнутри подлинной любовью! Как же я вас раньше недооценивала! Бедный вы наш добрый гений! Да и мы все тут, наверное, вас до сих пор недооцениваем, как недооценивала, впав в замешательство от вашей искренности и чистоты, собственная матушка. Но как же вы могли… Как вы сумели найти потом общий язык буквально со всеми – от горничных до царей? Да и к сердцу не понимавшей вас матери все-таки проложили незримую тропу перед самой ее смертью?.. И – простите – но зачем вы стали таким повесой, зачем вам понадобился высший свет, зачем вы мелькали там, подобно мотыльку, летящему на лампу?.. Зачем столько вертелись, столько болтали в этом ложном кругу?..
- Милая, если бы я болтал меньше, этот свет был бы - еще хуже.

Когда улыбается Пушкин, все темное вокруг становится таким незначительным. Таким временным.
Едва приметно усмехнувшись, Пушкин опять обернулся на истукана на постаменте. И – о чудо! – тот опять показался Эрике настоящим героем.
Но ведь только что Пушкин – сам Пушкин! – указывал на его ложное величие. И при этом сердился.

Встретившись с Эрикой взглядом, Пушкин промолвил - почти неслышно, больше глазами, чем словами:
- Дело не в том, что у чаши снаружи, а в том, что у нее внутри. Если ты от души полюбишь святого Георгия, то он будет весь - твой. Он так и просияет от твоих мыслей. И будет стоять на своем месте – хоть на этом же самом – только для тебя одной. А как бы было славно, если бы и все кругом его полюбили!

- А как же Ленин? Вы знаете, когда он тут стоял, некоторые его любили. Хотя большинству было все равно, а иные даже надсмехались.

- С Ленином немного сложнее. Он начал за здравие, а кончил за упокой. В школьные годы он даже изучал в религиозном кружке Слово Божье. И по своей наивной честности, присущей гениальным, то бишь, попросту естественным детям - тоже заметил несоответствие великой Истины - Правде и Красоте, которые, казалось бы, должны были идти рука об руку. Но нет правды на Земле. И он от всего сердца решил, будто ее и в самом деле нет ее и выше. Особенно его оттолкнули мертвые напыщенные слова, которыми преподавали тогда Закон Божий. Какие же из этого вышли ужасные следствия! Мой бедный брат Ленин решил, что Царствие Божье можно восстановить не Сверху, а - снизу. Причем, насильственным путем. Отняв у Слова его творческую Силу. В дальнейшем, когда по логике вещей слово его стало неумолимо расходиться с делом, он вдруг смутно почувствовал себя обманщиком, очень страшным обманщиком. И на этой почве – заболел… Еще бы немного и Ленин бы от тоски – замолчал. Даже не отдавая себе отчет – почему. Поэтому пришедшая к нему смерть была самим милосердием.

- Знаете, тете Лили, у которой я сейчас живу, не хватает на нашей Площади Свободы именно Ленина. Ведь он был символом ее молодости. Они тогда воображали, что он – самый лучший человек на Земле. И что действительно видит светлое будущее. И указывает в него путь уверенной рукой.
- Ну и славно. Пускай эта светлая вера омоет там, на небесах, Ленина от его невольной лжи, осушит его слезы и – поднимет в великий град Иерусалим. Пусть тысячи советских людей, поверивших в миф о вожде, засвидетельствуют своей чистотой свою любовь к нему. А Господь, как мудрый и добрый правитель Дук из моей поэмы «Анджело», конечно же, простит его. Только тот, зажав в ужасе уши руками, должен тут же отмахнуться от непереносимых его слуху слов чистой хвалы и тут же переадресовать их подлинному настоящему Человеку. Человеку, и - одновременно – Богу. Потому как нет под небесами другого имени, которое открывает путь в Будущее, нежели имя – Иисус Христос.

Пушкин ушел не прощаясь. Просто растворился в тонком луче, в котором порхала белая бабочка.
Зареяли над бюстом стрижи.
Потом по нему запрыгал воробей, чикрнул клювом по плечу.
Птичья перекличка слеплялась в ком, каталась по земле, платаны перекидывались им.
Порой ком застревал в кустах и звуки становились веселей.

Подплыл синий автобус. Пассажиры важно высадились и тоже поплыли кто куда походками стройными, значительными. Все-таки это был самый центр столицы. Здесь все выглядело приличным.
Сегодня эта важность показалась Эрике какой-то легкой, воздушной.
Она встала со скамьи и принялась обозревать окрестности, намечая дальнейший путь.
Сердце ее звенело и даже все тело растворялось в какой-то умиротворенной прохладе, овевалось светлым ветерком.

В таком настроении она долго бродила по улочкам старого города, присматривалась к причудливым цветам на балконах и выхватывала взглядом на некоторых из них ласковый сине-желтый флаг с шелковым полотнищем.
Витрины с сувенирами не казались ей, как раньше, слишком назойливыми, неуместными.
Она даже отметила, что некоторые изделия отличались отменным вкусом.

Полакомившись лепешкой с лобио из придорожного ларька, она поднялась по крутой тропе к храму недалеко от крепости Нарикала. Отсюда со смотровой площадки, хотя это была еще не самая вершина горы, уже был виден весь город.
Его храмы, площади, будто склоненные друг к другу крыши и Гора Мтацминда, нежились в привычном утре.
Тут же, склонившись друг к другу, стояли парень и девушка со славянской внешностью и тоже глядели вдаль.
Наверное, украинцы. Их теперь можно было встретить повсюду.
Хотя, может быть, и русские.
Да как их отличить.

Да, все верно. Для того, чтобы быть искренними, совсем не обязательно молчать.
Достаточно просто любить.
А там можно – даже иногда шалить.
И - «истину царям с улыбкой говорить».

4

У тети Лили за накрытым столом сидели гости – монахиня Людмила и Петр.
Эрика, расцеловавшись с ними, тоже присела.
Она уже знала, что это их последняя встреча с Людмилой. Та уезжала в Польшу, куда переводили некоторых сотрудников их миссии.
Петр был сумрачен, Людмила как обычно – скромна и приветлива. Она сидела прямая как тополь, очень белокурая, светлокожая, с тонкими чертами лица, тонкими пальцами, с тихим, мелодичным голосом. С ясным, открытым взором.
Одета она была в однотонную ситцевую юбку и кофту. Шею украшали маленькие жемчужные бусы. Руки лежали на коленях, и только иногда она бралась тремя пальцами за ручку чашки, аккуратно отхлебывала глоток.
Рядом с ней вечно сжатый в пружину Петр с его угловатыми движениями и резко падающими словами, казался каким-то топором. И, видимо, чувствуя это, помалкивал. Он ожесточенно жевал колбасу, тихонько пододвигая при этом блюдо с бутербродами поближе к соседке. Та же к ним так и не прикоснулась.
Тетя Лили сегодня была не так хлопотлива. Доставив последнее блюдо, она поскорей встала рядом со столом, облокотившись о его край.
А там – повела круговую чашу своих воспоминаний по новой.

Все они уже выучили эти истории наизусть. И чувствовали себя не то заложниками, не то заговорщиками, когда, переглядываясь и подмигивая друг другу, старались переключить

внимание хозяйки со своего прошлого – на что-то другое.
Петр даже достал блокнот, вырвал листок и стал писать к тете Лили какие-то вопросы. Но тщетно – сквозь ее глухоту, да и упрямство, пробиться было невозможно.
А тетя Лили торопилось. Она верила, что передает им что-то очень важное. Чего передать больше некому. И упорно закачивала в их память, как в компьютерный диск, множество сведений.
Казалось, она желала добраться до генетической памяти целого народа и порой говорила так ярко и эмоционально, словно стояла прямо перед ним.
Она буквально стояла, произнося свои речи, и могла, несмотря на одышку, выдержать так несколько часов, если бы гости через некоторое время не разбегались.

Сейчас она опять рассказывала историю своей семьи как историю любви. Точнее, серию историй о любви. Про каждую из них можно было написать отдельный роман, о чем все ей неоднократно советовали. Но советы тоже благополучно пропускались мимо ушей.

Сегодня, едва взглянув на Петра, который украдкой взглядывал на профиль Людмилы как узник на свет в единственном окне накануне расстрела, Эрика внезапно все поняла про него.
Она поняла, что Петр увлечен не Грузией, а Людмилой. И не увлечен, а одержим. Он приехал сюда за ней. И вероятней всего, вскоре после ее отъезда начнет не находить себе места и сорвется в Польшу.
Эрика сразу почувствовала, как усилилась в ней теплота к этому человеку.
Как все просто. И как благородно.
А ведь тетя Лили, безуспешно пытавшаяся вытянуть из того причины его нежелания возвращаться на родину, уж было предположила, что он что-то натворил там. Может быть, даже украл. И на всякий случай запирала шкафы и отмечала положение ваз – не повернуты ли они. Не искали ли в них сокровища, хотя их и нет.
Не сбылось и предположение Эрики о политических гонениях в Белоруссии на прямолинейного Петра.

Внезапно, глядя на молодеющее на глазах лицо тети Лили, которая властно вступала в череду воспоминаний, самоотверженно отметая подобно соловью даже собственное тело с его немощами, отметая даже слушателей, и, пожалуй, даже близкородственную душу, Эрика впервые поняла, что эта дошедшая до края жизни женщина стоит сейчас не перед прошлым, а перед будущим.
Это будущее качалось заманчивыми небесами над ее молодыми героями. Это из него шли во все стороны еще неведомые тропы. И было еще время сделать любой выбор. Или пока что просто бродить, заглядываясь на всю эту то тихую, то бешеную кутерьму затей и событий, перескакивая с тропы на тропу.
Можно было еще над будущим немного посмеиваться, безудержно в него стремясь.
Не брать его в расчет.
Или слишком брать, отдавая даже жизнь.

Внешне рассказы тети Лили напоминали записи летописцев. В них скурпулезно отражалась внешняя канва событий. Словно все это было крайне необходимо не столько будущим потомкам, сколько небесам, где в Книге жизни ведется незримый учет каждой детали. И каждая из них имеет свой вес. И - свои последствия.
Это-то обилие фактов и не вмещалось в сердца слушателей. Потому что предназначалось не для них.
Сердцами они ловили лишь настроение, ловили эмоции, которые тетя Лили передавала, полная ими до краев, с поистине художественным блеском. Не умея, правда, как следует передать суть, да и не всегда понимая ее.

Эти две задачи – так бережно хранить факты и так сильно чувствовать все, что за ними стоит – были титаническими. И даже в чем-то несовместимыми. Им, молодым, такое было еще недоступно. Для этого нужна была титаническая натура уже много пожившего и много увидевшего человека. Его неисчерпаемая энергия, ушедшая теперь в будущее и двигающее именно его.
«А мы-то по наивности называем это старостью, Думаем, что силы уходят в песок, - подумала Эрика.

И вот Эрика принялась сама для себя отдаляться от деталей, которые не вмещались в сознание, и извлекать стоящую за ними музыку.
Эта музыка была одновременно высокой поэзией.
И, в таком уже виде, органично вписывалась в глубину ее души, в некий ее код.

… Тифлис начала двадцатого века.
Две юные смешливые гимназистки – Мария и Нина - немного опаздывая из-за того, что долго наряжались, и нисколько этим не тяготясь, шагают в ногу. Внезапно, прыснув, они прекращают эту забаву, становятся деланно солидными.
Едва уловимая дрожь в мостовой все нарастает, превращается в грохот копыт за спиной, а потом вдруг стремительно сходит на нет. Сидящий в коляске юноша, откинув верх, приветливо снимает шляпу и произносит немного нараспев:
- Приветствую вас, барышни. Давайте-ка я вас подвезу.
Это Левон - внук известного во всей Российской империи нефтепромышленника и мецената Александра Манташева, сын продолжившего его дело Левона Манташева, больше известного тифлисцам в качестве конезаводчика - тоже едет учиться.
Только его гимназия мужская.
Но до перекрестка, где их пути разбегутся и завиляют по узким улочкам, дорога пока одна.
И эти встречи, эти смущенно-сладостные поездки «до перекрестка», когда все молчат и лишь искоса изучают друг друга, - да нет, просто излучают друг в друга еще не тронутую прелесть – стали игривой традицией.
Проворно выпрыгнув из коляски на развилке, этот, кажется, сам принц, торопится подать руку, чтобы девушки сошли.
А там лошади лихо срываются с места и – вот уж только вихрь остается на дороге. И маленький остаток пути до здания из красного кирпича кажется им таким приятным.
Строгая учеба впереди – уже получила свой неведомый заоблачный привет. И может теперь только внушительно покашливать.

Гимназия из красного кирпича и поныне стоит на одной из улочек старого города, что сбегают ручьями с горы сразу за Площадью Свободы. Теперь тут – обычная школа. Здесь выучилась и тетя Лили.

Странная все-таки у них была семья. Сложная из-за несходства ярких натур.
Ее бабушка была польской пани, вышедшей, вопреки воли семьи, замуж за русского инженера с украинскими корнями по фамилии Олешко, занимавшегося постройкой военно-грузинской дороги. С ним она познакомилась на водах северного Кавказа. После чего семья отреклась от юной пани и та переехала к мужу в Тифлис. А там у них и родились ее будущие тети – тетя Мария и тетя Нина, бывшие сестрами- погодками. И младший их брат Семен – ее будущий отец.
Но счастье длилось не долго. Отец семейства, как и многие интеллигенты той поры, сочувствовал народу. Как-то он не пошел на работу, и, надев, праздничный костюм, взволнованный, торжественный, куда-то вышел. Таинственно бросив жене, чтобы она не отпускала сегодня детей на прогулку. Хотя обычно он имел привычку докладываться

жене про то, куда направляется.
Пани с ее критическим умом показалось это странным. Взяв маленького сына на руки, а девочек-подростков за руки, она тихонько увязалась следом.
Так они дошли до Кирочного парка. Где уже бушевала стачка рабочих.
Многочисленную толпу окружали не менее многочисленные зеваки, многие из которых тоже были интеллигентами. К ней и прикорнул отец семейства, встав в самом конце. Держа под мышкой портфель, он поправил на носу очки, вытер лоб платком и принялся вытягивать голову.
- Роман!.. – внушительно сказала у него под ухом жена.
Обернувшись, господин Роман Олешко с ужасом посмотрел куда-то поверх ее головы и, оттолкнув ее и девочек вбок, прикрыл их спиной. И в самый раз. Нагайка с металлическим кругом на конце угодила только в него. Это полицейские в голубых мундирах и на конях, рубя направо и налево нагайками, стремительно заливали толпу.
Спустя несколько месяцев в том же 1909 году отец семейства скончался от опухоли почки, которая развилась от удара.
Пани же всю оставшуюся жизнь потом сердито твердила:
- Ну зачем же, зачем же надо было быть таким ротозеем! Какой он был подлец – оставил меня в такой стране одну!

Оно и понятно, ей пришлось поднимать семью в одиночку. Она даже платила за съемную квартиру, поскольку приезжий инженер не успел обзавестись своей.
Поэтому когда в дом явился высокий светловолосый красавец-юнкер и, представившись женихом ее старшей дочери Марии, попросил ее руки, пани резко сказала, что свадьбы не бывать. Поскольку нет приданого.
На что юнкер возразил, что отсутствие приданного для него не помеха, что родители его, имевшие в Витебской губернии большое имение, благословение которых он уже получил, напротив, обещали сами прислать довольно внушительную сумму к свадьбе. Он только что окончил университет и должен теперь дополнить свое образование - военным. А поскольку с детства он как дворянин был приписан к Цицановскому полку, а тот дислацировался на Кавказе, то решено было продолжить учебу в Тифлисе.
Юноша искренне поведал и о том, что родители были даже рады, что он оказался в Тифлисской губернии, они надеялись, что он тут, обретая самостоятельность, подзагорит и наберется витаминов на всю будущую жизнь в туманной столице. Поскольку он надеялся со временем обосноваться в Петербурге.

Тогда пани выдвинула условие – свадьбе быть только после того, как юнкер через три года наденет офицерские погоны. А до той поры пусть изволит помогать их семье денежно, пусть выплачивает нечто вроде ежемесячного пособия. Чем и докажет – собственную серьезность и дельность. Встречаться же с дочерью можно будет у них дома. Тем более, что на тот момент будущей супруге было всего пятнадцать лет. Жених же был старше той лет на восемь.

Хитрая была пани.
Но юнкер, не раздумывая, принял это предложение. И, видимо, как-то сумел обосновать сию прихоть перед родней.
Три года пролетели как в сказке. Выкуп был выплачен, свадьба сыграна и в 1913 году тетя Мария покинула материнский кров.

Поначалу юная чета отправилась в городок Сарыкамыш Карской области Российской империи, где и стоял на тот момент 156-й пехотный Елисаветпольский полк имени генерала князя Цицианова.
Там Александра Григорьевича Ипатова – так звали молодого офицера – поначалу

назначили заведовать лошадьми. И он так истово исполнял служебные обязанности, что когда однажды тетя, приносившая обед в конюшню, разглядев в углу кусок отменной веревки, шепнула мужу, что неплохо бы было приобщить ее к личному хозяйству, муж с возмущением воскликнул: «Неужели ты могла подумать, что я, русский офицер, могу стать вором?!. Сходи в москательную лавку!»
Позже он принял в декабре 1914 – январе 1915 годах участие в героической обороне этого населенного пункта от турецких войск.
Это закончившееся русской победой сражение по стойкости и героизму, а также тяжелым потерям с обеих сторон историки называют одним из решающих в ходе Первой мировой войны. Не удержи они тогда Сарыкамыш, Турция могла овладеть Карсом, дойти до Тифлиса и захватить весь Кавказ.
Тетя же, окончившая с началом войны курсы сестер милосердия, помогала раненым. Среди них был и муж. Его потом переправили в тифлисский госпиталь, и ей довелось повидаться с родней.

Вскоре блестящего офицера и специалиста, повысив в звании, назначили помощником военного атташе при Русской Миссии в Тегеране. Ведь Александр Григорьевич знал несколько европейских языков и самостоятельно выучил фарси.

Но и эта чета была разлучена.
Случилась революция – сначала февральская, потом октябрьская – и глава семьи был убит.

Причем, тоже совершенно невинно, тоже, казалось бы, из-за пустяка.

И поначалу тетя долго верила, что так не бывает. Что этого просто не может быть, ведь тут просто ошибка.

Просто когда они возвращались через несколько лет после Октябрьского переворота в Россию, потому что Русская миссия, оказавшись в невольной эмиграции, фактически, бездействовала, а Александр Григорьевич рвался в Петроград, в гущу событий, так как сочувствовал большевикам, - он даже пытался помочь, когда русские дипломаты из-за политической чехарды на одно время перебазировались в Красноводск, организовать побег двадцати шести бакинским комиссарам, заготавливая для них лодки - ей вздумалось сначала заехать в Тифлис. Душа была не на месте, так хотелось опять проведать родных, ведь теперь от них не доходили вести.
По словам тети, сам шах уговаривал их не возвращаться. Они могли бы остаться жить в Персии, могли бы уехать в Париж. Но Александр Григорьевич твердо отвечал: «Я – русский! И мое место сейчас – в России!».

Добравшись по Каспию до Баку, неся среди поклажи кадку с мандариновым деревом, подаренным напоследок самим персидским шахом, с придворными которого Александр Григорьевич, бывало, обедал, а после все они иногда устраивали поездку к морю и плавали на фелюгах, они сошли с парохода.

Мандариновое дерево пришлось выкинуть прямо в прибрежные волны. В Баку свирепствовал тиф и кадку с ним дальше берега не пропустили из-за карантина.
Приняли решение пробираться в Тифлис через Гянджу.
Добрались туда с какими-то попутчиками на подводе.

А там, на вокзале, первый же красноармейский патруль, увидев офицера, взял его под арест. Погоны они тут же сорвали, а даму при этом небрежно отстранили локтями, хотя та

тоже рвалась за супругом. Да еще и скрутили ему руки за спину, когда тот попытался ими размахивать.
Сейчас это кажется странным, но по свойственному ему чистосердечию он въехал во владения большевиков в форме царского офицера. Быть в форме, в которой присягал на верность Отечеству, казалось ему естественным.

Александра Григорьевича отправили обратно в Баку и заключили в острог на острове Наргин.

Разве могли они знать, что незадолго до этого в Гяндже был подавлен мятеж, организованный кадровыми военными, в основном офицерами-азербайджанцами. Среди них были и русские. Поэтому пойманный офицер сразу попал под подозрение.

Это был переоборудованный чекистами в тюрьму бывший лагерь для турецких военнопленных. Сбежать оттуда было невозможно. Крошечный – всего в три километра – остров омывался со всех сторон Каспийским морем. Причем, территорию с тюремными постройками отделяла от воды только узкая прибрежная полоса. И на ней почти по всему периметру острога сидели родственники заключенных.

Тетя Мария тоже вернулась в Баку.
И потекли долгие дни неизвестности.

Каждый день тетя писала письма: одно – мужу, а другое – следователю, перечисляя одно и то же: простые бесхитростные события, дни безмятежного счастья, всю жизнь любимого, бесконечно благородного существа, которая проходила – вся - на ее глазах. Объясняла, что… ну не мог он быть членом антисоветского заговора. Попросту потому что они после революции не разлучались ни на минуту. И потом – ведь муж революцию любил.

День за днем в сторону острова Наргин – он располагался в десяти километрах южнее столицы – шли подводы, а затем и баржи с родственниками заключенных.

Каждый день тетя Мария, переночевав где придется, тоже проделывала этот путь, подходила к зданию тюрьмы и вставала в серую очередь к окошку, куда передавала письма и скудную передачу.
Иногда получала письмо от мужа и тут же жадно впивалась взглядом в строки.
Потом выходила во двор и вступала в круг сидящих прямо на усыпанной гравием земле других женщин – чьих-то жен, матерей, дочерей.
Все эти женщины, каждая из которых была погружена в себя, в какую-то глубоко свою, отчаянную думу, казались монументом. Да и весь мир – он внезапно окаменел. И как бы – уже покрылся бронзовой пылью истории. Можно было биться об него головой, можно было сиро глядеть себе под ноги, где под исчезнувшей опорой дымилась собственная потухающая жизнь. Суть дела от этого не менялась. Через равные, а иногда и неравные промежутки времени – где-то там, во дворе тюрьмы – сухо расписывались выстрелами на телах их родных творцы нового мира.
Каждая из них, как ни сдерживали они, окаменев, слезы, все равно вздрагивала при этих звуках, выйдя на секунду из оцепенения. Каждая думала – уже без слов – сокрыв свою думу глубоко в сердце даже от собственных, не говоря уже о посторонних – глаз: «Не мой ли это?..».

Но некоторые из женщин молились. Для них молитва была действительно опиумом. Плюс некое подобие опоры в виде надежды на загробную жизнь удерживало их от помешательства.

Как-то тетя Мария услышала краем уха, что тела расстрелянных и умерших от тифа, пыток и недоедания свозят на самую верхнюю часть острова, где вырыт гигантский котлован. Там их сбрасывают, присыпают известью, тонким слоем земли и ждут новую партию.
Потом все повторяется заново.
Порой земля шевелится. Кое-где слышны стоны. Это мечутся в предсмертном бреду случайно недобитые.

А для еще более масштабных расстрелов была припасен другой котлован – он находился на соседнем острове Песчаный. Заключенных переправляли туда на баржах. И туда уже никого не пускали.

В один из таких тягучих, однообразных дней чья-то рука опять механично протянула ей из окошка сложенный лист бумаги.
Письмо!.. От Александра Григорьевича!..
А вдруг он уже лежит, оприходованный, в общей яме?..

Она еще не знала, что это письмо окажется последним.

То письмо тетя Мария, которая больше никогда не вышла замуж, хранила всю жизнь.

Все они видели этот пожелтевший лист бумаги, исписанные неровным мелким почерком, некоторые слова на котором стали от времени неразборчивы, много раз. Тетя Лили каждый раз доставала его из особого ящика в столе, разворачивала прямо в воздухе и принималась читать. Голос ее становился совсем молодым, потому что в нем никогда не высыхали слезы. В нем рокотал протест, лилось недоумение. Жалость с умилением – была тому опорой. Все это так и кипело, грозясь перешагнуть даже через край жизни.

Александр Григорьевич, казалось, писал по воздуху прямо сейчас:

«Милая и дорогая Маруся!
Я живу пока благополучно, очень тебе благодарен за все то, что ты делаешь для меня в такой длинный период времени. Мне одно хотелось бы – хотя бы еще раз увидеться с тобой – но это так трудно, что я не советую тебе обращаться за пропуском для свидания. **(Далее неразборчиво)**…. несколькими словами как этим письмом.
Ввиду разных осложнений или я, возможно, буду осужден на срок, а то в худшем случае и навсегда со свету, ты особенно не беспокойся и береги лишь себя, а моя судьба вся от Бога! Двум смертям не бывать.
Тебе же советую уехать по возможности скорее домой – устроиться дома и жить спокойно. При такой дороговизне уже при наших средствах очень трудно и невозможны никакие помощи. Пока я живу, и думаю, что хотя я и в тюрьме, все же меня кормят с грехом пополам, а как-то тебе, я и представить себе не могу.
Мне очень грустно, что ты так скучаешь, беспокоишься. Милая моя деточка, старайся лучше жить дома.
Если тебя интересует моя судьба, ты тогда все же… **(Неразборчиво)**… лишь бы я не был перед тобой виноват… **(Неразборчиво)**… нигде нельзя сверить точного времен…**(Неразборчиво)**… может быть, просижу долго, что для меня лучше, чем смерть.
Обязательно напиши мне, когда ты уедешь.

Можешь принести мне кусок… **(Неразборчиво)…** около одиннадцати часов и дать мне с письмом?
(Неразборчиво) … будешь знать – нахожусь в тюрьме.
Если можешь, то привези мне 2 пары белья, больше ничего не нужно, и то не передавай, пока не узнаешь, что я жив и в тюрьме, а то пропадет.
Хорошо было бы, если бы хотя бы меня осудили, а то так – на нервах отражается.
Маруся, деточка, ты очень много расходуешь на посылки, я тебе всегда об этом писал, ведь ты каждый раз, когда свободна… **(Неразборчиво)…** можешь в любое время принести и дать мне знать о своем отъезде.
Желаю тебе всего хорошего, большого счастья. Кланяйся всем моим. Не беспокойся, береги главное свое здоровье. Никто тебе в жизни не поможет, если сама не будешь себя беречь.
Целую тебя крепко-крепко и прости меня за все.
Будь здорова и счастлива.
Целую крепко.
Твой Саша».

Закончив чтение, тетя Лили, у которой глаза, которые часто наливались слезами, были сейчас совсем распахнутыми, беспомощно сказала:

- Ну, вот и еще одна жизнь в нашем роду была жестоко оборвана революцией. Хоть дядя Саша и не был моим кровным родственником, но для меня он – все равно наш!

Она развела руками, как крыльями, словно большая неведомая птица, запутавшаяся в каких-то силках, забрала из воздуха лист и бережно отправила обратно в ящик.
Оттуда же она извлекла старинную шкатулку. А из нее – какое-то сияние тихо перешло в ладонь.

- Людмилочка! – сказала тетя Лили как можно торжественней. Стараясь твердостью в голосе отогнать только что пережитое. – Эти сережки подарил моей тете Марии в день свадьбы ее Александр Григорьевич. Ты знаешь, она тоже потом жила как монахиня. Она больше не вышла никогда замуж. И, знаешь, старалась каждое воскресенье подниматься в церковь Давида на Мтацминде. Оставаться в Баку дольше она тогда действительно не могла и, видимо, передав для мужа все, что он просил, последовала его совету. Вернувшись в Тифлис, где у нее был на Авлабаре дом, купленный для нее мужем, где и жила на тот момент ее родня, тетя целиком посвятила себя уходу за матерью, сестрой, братом. Она даже усыновила внебрачного сына моего отца, родившегося от гулящей женщины, когда тому было семнадцать лет. А заодно – тетя забрала из детдома, куда отдали детей после смерти матери, и его младшего брата, отец которого был неизвестен. А там, когда брат женился на моей маме – простой селянке из Манглиси, - и мои родители, перебравшись в отдельную квартиру, едва концы сводили с концами, упросила их, чтобы они отдали ей на воспитание меня, старшую дочь. Потому что у тех только что родилась еще одна девочка. Тетя меня и воспитала. И знаешь, деточка, воспитала очень хорошо. Я не хвалюсь. Но тетя сама говорила, что я не доставляла ей никаких хлопот... А теперь, знаешь ли, мне скоро умирать и не хочется, чтобы эта семейная реликвия сгнила вместе со мной в земле или попала в чьи-то равнодушные руки. Я хочу подарить эти серьги тебе.

- Мне?!. Что вы, тетя Лили, нам этого нельзя! Мы даем обет бедности.
- Это, деточка, не богатство, а - свет.

Вытерев глаза, тетя Лили подытожила, стараясь говорить суше, чтобы совсем не расстроиться.

- Позже, когда тетя написала в Кремль письмо с просьбой сообщить ей о местонахождении мужа, из местного ВЧК пришел ответ, что Ипатов Александр Григорьевич был расстрелян за участие в контрреволюционном заговоре. Приговор был приведен в исполнение в 1921 году. На письме же Ипатова к супруге значилась указанная его рукой дата – 26 августа 1920 года. В этот день – тоже 26 августа, но год спустя – тоже за участие в заговоре - он известен теперь всем историкам и знатокам русской литературы как «Дело Таганцева» – в Петрограде был расстрелян поэт Николай Гумилев. Считается, что это было одно из первых дел, с которого начались массовые расстрелы в отношении дворянской интеллигенции. Хотя на том же Наргине такие расстрелы были уже давно поставлены на поток. Примечательно, что в этот же месяц и год Россия похоронила Блока.

5

Бумаги. Бумаги. Бумаги.
Поворот налево, поворот направо. Окошко под одним номером. Окошко – под другим. За каждым из них сидят похожие на изваяния люди. Они глядят в компьютеры, стараясь не глядеть на посетителей.
Понять их можно – посетители проходят здесь валом и, если, встретившись раз с ними глазами, не отвести мгновенно взгляда, каждый из них станет как бы братом. И совестно будет не разбиться ради его дела в лепешку. Сердца же на всех не хватает, ох не хватает. Раз дело поставлено на поток.
Вот и мелькают взад - вперед тела. И человек в окошке тоже старательно ведет себя как тело. Да он и действительно сейчас - только тело.
Человеком он становится только перед лицом другого человека. Только когда обнимет его изнутри как друга.
- Здравствуйте!
- Здравствуйте.
- Как там наше дело?
- Какое дело?
- Дело о приватизации квартиры на имя моей матери. Вот справка.
- Покажите доверенность.
- Пожалуйста.
- Хорошо. Подождите немного. Я узнаю пришел ли ответ… Да, ответ есть. Распишитесь.
- А не могли бы вы его мне прочитать?
- Минутку… Знаете, тут написано, что вам пока что отказано в оформлении и приватизации квартиры. Но вы можете в течение десяти дней обжаловать это решение.
- А где обжаловать?
- Не знаю. В суде, наверное
- Этого еще только нам не хватало!
- Там написано, что вам все равно придется обратиться в суд. Потому что имя вашего покойного отца «Сандро» не соответствует имени «Александр» в Протоколе заседания Совета народных депутатов Орджоникидзевского района Грузинской ССР от такого-то числа такого-то года. Имеются и другие несоответствия. Кто такая Валентина Майсурадзе?
- Моя мать.
- В Свидетельстве о наследовании Валентины Майсурадзе, согласно которому ей передаются права на все движимое и недвижимое имущество супруга, указан в качестве наследодателя Александр Майсурадзе. А в Свидетельстве о смерти и Свидетельстве о

браке данного господина – указано имя «Сандро».
- Да мы вообще не поймем, зачем понадобилась процедура наследования. Ведь у отца не было никакого движимого и недвижимого имущества. Что мы наследуем? Причем нотариус оценил сумму не существующего наследства аж в 25 000 лари. Из-за чего наша семья теперь считается хорошо обеспеченной. И ей не положены некоторые социальные льготы.
- На кого был выписан ордер? Только на отца?
- В утерянном ордере было указано, что на отца и членов его семьи – мать и дочь. Имя отца было указано, а наши с матерью имена – нет.
- Тогда надо наследовать.
- Но что?!
- Право на наследство от отца. Поскольку государственные квартиры были подарены советским режимом при его распаде в собственность всем бывшим гражданам советского Союза. Но только тем, на чье имя был выписан ордер. Всем остальным это право – передается по наследству.
- То есть мы должны сначала унаследовать недвижимость и только потом обратиться с просьбой передать ее нам в собственность? Какой-то абсурд.
- Без этого передача собственности была бы невозможной.
- По-моему, все это можно было сделать проще. Но тогда бы пострадала казна. Сколько выписывается в год таких свидетельств!.. Целая статья дохода.
- Кроме того, в документах Эрики Майсурадзе… кто такая Эрика Майсурадзе?.. тоже имеется несоответствие. В архивной Справке по Форме 16-17, где отражаются выписки из Домовой книги, указано, что ее отчество – Александровна. Тогда как ее настоящее отчество – Сандровна.
- Но ведь это сам Дом Юстиции рекомендовал нам привести имя покойного отца в соответствие с его актовой записью о рождении! И привел его согласно нашему заявлению! Там же имеются справки о изменении имен и отчеств в наших личных документах.
- Этих справок недостаточно. Протокол на получение квартиры, заменяющий утерянный ордер и справки по Форме 16-17 на всех проживающих в данной квартире лиц должны быть теперь подтверждены в суде. Поскольку это правоустанавливающие документы. А несоответствие имен, отчеств и дат рождения в правоустанавливающих документах подтверждается только в суде.
- Час от часу не легче! Какие же это правоустанавливающие документы, если собственности еще нет? Точнее, собственность-то, наверное, все-таки имеется. Но только в виде потенции… А как же тогда…
- Девушка, может быть хватит? Мы думаете, вы у меня одна? До свидания!

- Добрый день!
- Здравствуйте.
- Недавно мне пришлось еще раз пробежаться взглядом по Справке об изменении имени моего отца в моем Свидетельстве о рождении. И я заметила опечатку. Вместо дня моего рождения 5 июля, на одной из страниц указано «015». Это что – телефон экстренной службы? Исправьте, пожалуйста. Жаль, что девушка за стеклом при получении мною сего многостраничного документа сначала попросила расписаться за его получение, а выдала - уже потом.
- Это ничего. За исправление ошибок, допущенных Домом юстиции, вам платить не придется.
- Хоть одна хорошая новость. Тогда исправьте, пожалуйста, опечатку прямо сейчас. И распечатайте документ в трех экземплярах.
- Увы, вторая новость плохая. Сначала я напишу с ваших слов заявление, а потом оно поднимется наверх – вы же знаете, мы только операторы, только посредники между

заявителями и юристами, которые занимаются каждым конкретным вопросом персонально. Причем, мы даже не знаем их имен. А они сами – не знают, чей документ попадет им сегодня на стол. Все распределяет компьютер через систему номеров. Эти господа юристы находятся на втором этаже. Наш этаж может сообщаться с ними только по телефону. И то – только с сотрудниками-консультантами.
- И когда же я получу сверху исправленную справку?
- Увы, никогда. Именно в данную справку исправление уже внести задним числом не получится. Но вам выдадут еще одну справку. Где будет указано, что в прежней - имеется ошибка.
- Так получается, у меня теперь будет две справки, которые я должна буду всюду носить вместе со свидетельством о рождении?
- Это небольшая одностраничная справка.
- Но за ее перевод на иные языки тоже придется платить! Тоже придется заверять перевод у нотариуса. Я вижу, что у вас тут свой маленький бизнес.
- Я понимаю, вы устали. Поэтому не знаете что говорите.
- Хорошо, а как мне быть с ошибкой в отчестве покойного отца? Кто мне ее подтвердит? Неужели только мой папа?
- Я переправлю вас в сектор «17». Там служба ЗАГСА.

- Добрый день! Я хочу справку!.. О том, что в Свидетельстве о смерти и Свидетельстве о браке моего отца с моей матерью изменилось не только его имя, но и отчество. А также – что такая же метаморфоза с отчеством отца произошла и в моем Свидетельстве о рождения. Потому что отчество в актовой записи о рождении отца и в его паспортах отличалось одной начальной буквой. В актовой записи было указано «Бикторович», а в паспорте – «Викторович». Почему-то в справке об изменениях в данных отца ничего про это не сказано.
- Покажите справку…Ну что ж… Все понятно… В данной справке невозможно было отразить изменение в отчестве вашего покойного отца. Потому что отчества у в Грузии отменены.
- Но отчество-то все равно есть. И в советских документах оно тоже имелось. Как мне теперь подтверждать за границей тот факт, что мой отец Александр Викторович стал господином «Сандро, имя отца которого – Биктор». Как дословно впечатано в справку. Или вы считаете, что тамошние юристы не так хорошо видят?
- Я считаю, что у нас нет полномочий подтверждать ошибку в отчестве, раз в новых документах его нет.
- Где же ее можно подтвердить?
- Не знаю, наверное, в суде.
- Тогда дайте справку о том, что вы мне отказали. Чтобы я имела возможность обосновать свое обращение в суд.
- А для чего вы собираетесь обратиться в суд за данной справкой?
- Просто для того, чтобы у меня были правильные документы.
- Это не основание для обращения в суд. Он может отклонить ваше заявление.
- Но почему?! А вдруг я захочу уехать?
- Вот когда захотите, тогда и появится юридически верное основание. Если вам дадут в Консульстве другого государства отказ на рассмотрение ваших документах из-за разночтений в отчестве отца. Советую вам заблаговременно разыскать актовую запись о рождении деда – она обязательно понадобится.
- Уже разыскала. Точнее, узнала о невозможности ее разыскать. Так как архив 19 века села Схлити, в котором родился мой дед, проживший, кстати, по документам, 99 лет, был утерян. Но дедушку действительно звали Биктором. Имеется Свидетельство о смерти. Правда, есть одна маленькая неприятность. Раньше было принято указывать в актовых записях о рождении возраст родителей малыша. А дед был старше бабушки почти на 30

лет. Постеснялась бабушка разницы в возрасте и, видимо, упросила супруга соврать, будто ему на десяток меньше. Хочу предупредить об этом казусе заранее, а то мало ли что… Эту историю сохранило семейное предание. Впрочем, теперь уже я не ручаюсь за ее точность. Может дедушка соврал при получении паспорта, прибавив себе лишний десяток. Может, он не хотел идти на войну в составе советских оккупационных войск.
- Какие-то вы все сказочники.

- Простите, а как можно подтвердить то, что в одном документе в нашей фамилии «Майсурадзе» имелась опечатка. Русская буква «Й» была напечатана дважды. Точнее, ошибку уже исправили, о чем имеется соответствующая справка. Но в грузинском языке буква «Й» отсутствует. И переводчик, когда мне понадобилось перевести справку об этом исправлении, вынужден был перевести «Й» - краткое» как простое «И». Но в русском-то документе русский человек из какой-нибудь русскоязычной организации – все равно разглядит букву, которой нет.
- Даже не знаю, что вам посоветовать. Может быть, вам стоит обратиться в Московский институт русского языка? В моей практике были прецеденты такого обращения за письменным подтверждением фонетических казусов.

- А как быть с разницей между местом Харагаули и поселком Орджоникидзе Харагаульского района Грузинской ССР, где родился отец? В Географическое общество Грузии, что ли, обращаться? Раз по мере того как круто менялась власть этот населенный пункт несколько раз изменил название?
- Да это всем и так понятно. Забейте на это.
- Но за границей нашу историю не преподают будущим консулам и нотариусам.
- Не знаю - не знаю. Кстати, а вы обратили внимание, что печать в вашем советском Свидетельстве о рождении совсем выцвела? Этот экземпляр уже потерял силу.
- Мое внимание уже обратили и на это. Но, к счастью, Дом юстиции уже заново зарегистрировал в Грузии и выписал мне новое свидетельство. Видимо, там, наверху, владеют техникой прочтения даже древних манускриптов. Но дубликат своего прежнего Свидетельства о рождении я на всякий случай все равно заказала через соответствующую службу. Правда, пакет с дубликатом из Узбекистана пока не пришел.

- Прошу вас посмотреть, не пришел ли еще ответ из Узбекистана на мое заявление. Мне должны были переслать дубликат Свидетельства о рождении.
- Ответ сильно задерживается. Не знаем, по каким причинам. Честно говоря, он может вообще не прийти. Наши коллеги из Узбекистана такие не обязательные… Может у вас есть там родственники, которые смогут придти в архив ЗАГСА с вашей доверенностью и заказать дубликат на месте? Или, может, вы сможете съездить к ним в гости сами?
- Да я была там только проездом. Когда еще сидела в животе мамы. Плюс еще трое суток после освобождения.
- Тогда – ждите. Может вам и повезет.

- Вот возьму и откажусь от этой чертовой приватизации!
- Дело ваше. Но проживать в муниципальной квартире без правильных на нее документов вы все равно долго не сможете. На вас и так заведено административное дело о незаконном вселении. Оно приостановлено только до тех пор, пока вы не приостановите своих усилий доказать обратное.
- Тогда выпишите всех нас – и дело с концом! Может быть, от этого всем сразу станет легче?
- Вообще-то сначала надо доказать сам факт прописки.
- Получается, что если я захочу уехать, то не смогу… Неужели я не смогу уехать?!

6

Потрясающая духота. Весь город в точках. Из них создаются многоточия. Из многоточий – тучи. Из туч – тьма.
Эти точки – сжавшиеся Вселенные.
Каждый человек – это потенциальная Вселенная.
Каждый человек – носит искру Творца.
Но почти каждый стал номером.
Каждый уснул в плоскости своего удостоверения личности.

И вот одна точка под зовом внутренней энергии творения все-таки сорвалась. Она взорвалась. И Вселенная вкруг нее распустилась, заиграла, возрадовалась. Но и загрустила великой болью, великой скорбью.

Итак, точка стала звездой. И заболела пушкинской тоской, пушкинским сумасшествием.

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез.

И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса;
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса.

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку как зверка
Дразнить тебя придут.

Что-то подобное почувствовала сейчас Эрика, покинув дом правосудия. В этом здании словно сконцентрировалась мощь ядерного гриба, который еще не преодолел инерцию камня. Массивные крыши-глыбы вдавливали эту мощь в землю. Земля же проседала и, мелко дрожа, из-за всей силы сдерживала какой-то идущий изнутри гул.
Эрика была на стадии срыва, накануне взрыва. Пребывая, так сказать, в стадии свободного падения.

И что бы с ней было, если бы не Творец и его пламенные товарищи – Пушкин и Николоз.

Опять словно материализовался перед ней постамент с бюстом Пушкина и стал похож на смартфон, по экрану которого медленно проплывали вверх - строчкой за строчкой - имена ее виртуальных друзей, разбросанных по всей планете.
Среди этих имен она увидела имя «Николоз» и нажала на звонок. К счастью, он жил в Тбилиси.

- Здравствуй, Николоз! Ты сейчас где? Не мог бы ты приехать на площадь Свободы? Что-то я нехорошо себя чувствую.

И Николоз, конечно же, приехал.
Это был словно вылитый Николоз Бараташвили, умерший в лермонтовском возрасте поэт-романтик еще такого далекого от скоростного интернета девятнадцатого века – такой же черноглазый, со сросшимися на переносице густыми бровями, с непокорной челкой в волнистых каштановых волосах. С легкими быстрыми движениями, нежной улыбкой, веселым, ясным, ласковым взором. Добрым, благородным нравом. Тоже худощавый, тоже юный, хотя был старше своего тезки почти вдвое.
Недавно этот нынешний Николоз вступил в еще один роковой для поэтов возраст – ему исполнилось тридцать семь.
Нет, он отнюдь не подражал знаменитому грузинскому поэту. Тот, наверное, даже не входил в круг его чтения. Но как только Николоз появился перед ней, как только они с ним расцеловались по принятому в Грузии обычаю, Эрика сразу ощутила «цвет небесный, синий цвет». Полюбившаяся Николозу с детства «синева иных начал» была так щедра, что распахивалась перед каждым, кто доверчиво вступал под ее сень.
Эрика, взяв Николоза за руку, почувствовала прохладу родничка. Ее гнет и смятение тут же рассеялись.

Она могла бы сразу рассказать ему про то, как давило на нее правосудие, хотя она сама не совершила ни одного правонарушения. Но вместо этого Эрика, не выпуская ладони Николоза, просто рассмеялась, припомнив рассказ тети Лили про то, как закончил свои дни на острове Наргин ее дядя Александр. Ее собственные треволнения показались в сравнении с этим совершенно незначительными. Дом Юстиции словно превратился из ядерного - в простой гриб, и, уменьшившись до своих естественных размеров, исчез в траве. Хотя и оставался по-прежнему ядовитым.

Так, смеясь неизвестно чему, они поднялись на проспект Руставели, дошли до Кашветской церкви, нырнули в переход и, переправившись на ту сторону, выпили по стаканчику лимонада в «Водах Лагидзе» и съели по мороженому. Потом вдруг ринулись бежать, несколько удивляя прохожих, почти что вскачь. И, добравшись, с несколькими передышками, до вагончиков фуникулера, вдруг запрыгнули в них, решив подняться в парк на Горе Мтацминда. Причем, им удалось уговорить сотрудников впустить их в вагончик без пластиковых карт, на покупку которых денег уже не осталось.

Мало помалу Эрика разговорилась и выложила на суд Николоза свое главное сомнение. Ведь Николоз был еще и философом – он закончил философско-богословский факультет в каком-то православном вузе.

- Понимаешь, я не знаю, как можно любить людей и при этом не осуждать их. Страшно признаться, но мне нравится Грузия - без грузин, Россия – без русских, Украина – без украинцев и, видимо, Европа – без европейцев. Наверное, это называется - Земля без людей?..

Они опять немного посмеялись.
Но улыбка Эрики выглядела слишком неуверенной, слишком грустной.

Николоз шутливо упал на траву, лег на нее лицом вниз и раскинул руки самолетом. Потом быстро перевернувшись, сел и протянув к ней руку, усадил рядом с собой.

- Понимаешь, ты путаешь вот эту вот Землю – с Новой Землей. Эту проблематику по-своему обозначил еще Кант.
- Как это?
- А вот как!

Поднявшись, он поднял за руку и ее. Теперь они вновь стояли, соприкасаясь ладонями, на краю смотровой площадки, откуда был виден весь город. Но свободной рукой Николоз показывал не вниз, а прямо перед собой и немного вверх. Потом он очертил для пущей наглядности этой своей свободной рукой круг над их головами. Так, что Эрика вдруг почувствовала себя в центре шара.
Она с удивлением опять взглянула окрест. И, встретившись с внимательным, озорным взглядом своего спутника, выпустила из сердца, как из рук, какой-то старый, давно превратившийся в хлам груз.
Фух!... Как же она долго спала. Ее улыбка, наконец, тоже стала настоящей – такой же ясной, безмятежной, как у Николоза.

Синий небесный свет был у нее внутри. А если внутри, то и - повсюду.
Люди и деревья, травы и цветы, крошечные здания внизу, носящиеся в воздухе стрижи, роящиеся мошки – все это стало удивительно красивым. Эрика смотрела на все это и не могла взять в толк, как она не замечала этого раньше.

- Стоп-стоп, - сказал Николоз и шутливо провел у нее перед глазами ладонью, как бы желая сменить кадр. – Ты можешь уклониться в другую крайность. Мы еще не на Новой Земле. Пока что ты только поставила ногу на следующую ступень лестницы, конец которой бесконечен. И на каждой ступени – своя мера Света. Каждая – отдельный мир, хоть и органически слитый с целым. Поскольку обителей, то есть миров в Царствии Божьем – наверное, не меньше, чем звезд на небе.

Эрика невольно вслушалась в долетавший до них говор других посетителей смотровой площадки. Большей частью это были иностранцы. Среди них была и русскоязычная женщина с ребенком. Малыш капризничал и женщина осаживала его скупыми, как бы глинистыми на ощупь, холодными словами.

- Мы еще не на Новой Земле, - продолжил свою мысль Николоз, подмигнув малышу, после чего тот стразу замолчал и уставился на него. – Хотя одновременно и на ней. Понимаешь, ты, как и большинство людей, путаешь реальное - с идеальным. А эта путаница – та еще штука. Из-за нее и возник весь тот сыр-бор, который мы называем – кто хаосом, а кто – злом. Думаешь, что проповедовал змий нашим предкам в Раю? Землю реальную. Оторвавшуюся от небес. Землю бескрылую. Землю унылую. Землю - с рельефом вместо гор. И человека, оторвавшегося от Бога. Неполноту которого вдруг захотелось стыдливо прикрыть фиговым листом. Но самое печальное даже не в этом. Змий начал с того, что оторвал в нашем воображении Бога - от Бога.
- Ты хочешь сказать… Неужели и Бога – тоже два?..
- Как я люблю твою понятливость, милая Эрика! Ты всегда все схватываешь прямо на лету! Да, люди жестоко запутались. Очень часто они обращаются к Богу бескрылому. Богу – ветхому. Похожему на них самих. Который возвышается над ними ну точно как какой-нибудь крестный отец у мафиози, лишь благодаря силе, уму и могуществу. Вот этому-то не благому Богу и научил их поклоняться сам сатана.

- Все верно, Ника! Так было до тех пор, пока настоящий Бог, смилостивившись над ними, не явился во плоти, сидя на простом осле. Правда, большинство не узнало его. Так как давно забыло.

- Более того, большинство по-прежнему принимает двух богов – истинного и ложного – за одного. Причудливо соединяя их богословским мостом, перекинутым к Новому Завету – напрямую из Ветхого. Тогда как на самом деле там нужен не мост, а лестница. Лестница, построенная по законам диалектического мышления. Поскольку все в мире развивается или деградирует по спирали – диалектически. И сам Христос без сомнения – был диалектиком.
- Вообще-то да. Он-то не зря говорил притчами. А люди!.. То есть мы. Вот что мы сделали хотя бы из его слов про то, что если тебя ударят по одной щеке, следует подставить и вторую? Мы решили быть настолько буквальными, что стыдливо отводим глаза, когда нас бьют. Да и за других вступиться не хотим. А Иисус-то всего лишь хотел сказать, что нужно быть великодушными. Иногда кажется, что лучше бы он с нами, дураками, обходился без притч.
- Да. Поэтому я и хочу сделать новый перевод Библии. Хочу перевести ее на язык современных понятий. Снабдив его соответствующими комментариями. Пускай истины этого древнего текста, написанного также и для будущего, дойдут, наконец, до наших современников в таком виде, какой оптимально соответствует их современному мировосприятию, с учетом сегодняшнего уровня развития. Честно говоря, я этим уже занимаюсь. Я начал, однако, сразу с Нового Завета, так как он является высшим Синтезом двух противостоящих друг другу религиозных систем – как бы тезиса и антитезиса – в виде политеизма и монотеизма. Эти системы наиболее ярко в те времена и на той территории проявили себя в вероучениях и образе жизни язычников и иудеев. И Ветхий Завет тут имеет лишь переходное значение. Он – всего лишь Антитезис. Печать же непонимания священных текстов снимается Св. Духом. Не знаю справлюсь ли я с Божьей помощью с такой задачей, но – поле для деятельности тут необозримое. Тут необходим парадигмальный подход. Все человечество до прихода Иисуса билось, как в тисках, в парадигме ветхого мышления, ветхой веры. Даже праведники были от этого несвободны и руководствовались в поступках и писаниях некоторыми понятиями своего века. Поэтому и Новый Завет часто понимался на протяжении веков тоже через призму прежних установок. Эту традицию пытались прервать гностики и особенно Маркион, но и они многое поняли не так. Нужно, наконец, избавиться от то и дело всплывающих по инерции из коллективного бессознательного прежних богословских установок. И взглянуть на то, что донес Иисус через свое Слово – совершенно без предубеждений. Увидеть сказанное – другими глазами. По правде говоря, если бы христиане с самого начала опирались на один только Новый Завет, благоговейно оставив Ветхий Завет на полке с первым букварем – ибо тот был только детоводителем ко Христу - христианство бы от этого только выиграло. Бог иудеев – был еще слишком иудей. Конечно, он уже лучше беспринципных греческих богов, над которыми, любя, по-своему потешались даже люди, что засвидетельствовано в эпосе Гомера. И все же, все же, все же…

Эрика, глядя во все глаза на Николоза, который, посерьезнев, задумчиво всматривался сейчас как бы внутрь себя, вдруг выпалила:
- И тогда все в наших головах, наконец, встанет на свои места. Потому что Бог предлагает нам только самое лучшее. Истина - проста, полезна и красива. Она просто прекрасна. И только этим и заслуживает нашего внимания. Она не навязывается как скучная дидактическая правда этого самого второго… который как бы другой Бог. Взять хотя бы заповедь «Не сотвори прелюбы!» - как истолковывает ее Христос. Помнишь, как он ответил на вопрос можно ли разводиться? Дескать, и вовсе не разводись, кроме как если была измена. А если ты прикоснулся к другой женщине хотя бы мысленно - то ты уже прелюбодей.

Эрика смутилась.
Но Николоз, бегло одарив ее улыбкой, казалось, не заметил этого смущения. Он стал с жаром развивать ее мысль:
- Ну и как прочитать эти слова без предварительной установки, которую внушил нам социум? Церковь заботится о недопустимости разводов. А Иисус заботился – о любви. Он говорил всего лишь о том, что настоящая любовь между мужчиной и женщиной может быть только единственной. И верность – ее органичное свойство. А когда любви нет, то – нет и верности. А если нет верности, то – нет и брака. Если же нет брака, то – имеет место развод, даже если двое продолжают по инерции жить вместе. Слова «и вовсе не разводись» не означают: «Не разводись никогда». Иисус говорил, что настоящая любовь – вечная. Но если мы ей изменяем, то смысла в браке нет.

7

Ветер крепчал. В сильных лучах солнца желтела поднятая им пыль. В этой песчано-глинистой пыли словно вырисовался перед пылким воображением Эрики бараташвилевский храм в песках. Найденный поэтом после жестоких разочарований. Тот так не нашел отклика у любимой женщины, казавшейся ему единственной родной душой. В чьих глазах он только и видел отражение горнего света.
А еще он видел это отражение в Родине, которой поклонялся столь же рыцарственно.

Я храм нашел в песках. Средь тьмы
Лампада вечная мерцала,
Неслись Давидовы псалмы,
И били ангелы в кимвалы.

Там отрясал я прах от ног
И отдыхал душой разбитой.
Лампады кроткий огонек
Бросал дрожащий свет на плиты.

Жрецом и жертвой был я сам.
В том тихом храме средь пустыни
Курил я в сердце фимиам
Любви - единственной святыне.

И что же, - в несколько минут
Исчезли зданье и ступени,
Как будто мой святой приют
Был сном или обманом зренья.

Где основанье, где престол,
Где кровельных обломков куча?
Он целым под землю ушел,
Житейской пошлостью наскуча.

Не возведет на этот раз
Моя любовь другого крова.
Где прах бы я от ног отряс
И тихо помолился снова.

Двинувшись к тропе, ведущей к спуску, Эрика с Николозом, не сговариваясь, приостановились рядом с молчаливо разглядывающим их малышом и, заискрившись улыбками, приветливо замахали руками. А Эрика даже погладила того по голове.

Потом их дискуссия долго еще крутилась вокруг проблем педагогики.
Николоз с жаром доказывал, что те христиане, которые по-прежнему желают обходиться без лестницы, держась за ветхую букву, являются ревностными поклонниками другого бога в первую очередь в области педагогики. В то время когда передовая педагогика как синтез науки и практики давно уже стала гуманной, такие псевдохристиане уперто цитируют апостола Павла, его Послание к евреям: «Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает». Опять-таки, даже такой образованный апостол все равно еще пользовался некоторыми понятиями и предрассудками своего времени, к тому же он, как и Моисей, старался в своих беседах с наиболее твердолобыми из новообращенных учеников – самими иудеями – говорить на понятном тем образном языке. Ясное же дело, что тут не идет речь о физических наказаниях. Несомненно, что мир, созданный нашим Богом, был великолепным. И если люди, оторвавшись от него, принялись строить другой мир, строить в отрыве от Творца, то есть бескрыло, то – святая указка нашего великого Педагога, которая радостно скользила по карте живого Мира – превратилась в их руках в палку для наказаний. Но разве Христос не переломил собственной крестной смертью все эти летящие в него палки, камни и копья? Как можем мы по-прежнему брать их в руки кроме как с целью защитить жизнь?
Заповедь же «Почитай отца и мать», по убеждению Николоза, является только тезисом диады. Антитезис гласит: «Родители, не раздражайте детей ваших». Но тезис и антитезис – это только одна из ступеней в лестнице. Никак нельзя на ней останавливаться! Истина приближается на новом витке, с каждой новой ступенькой. Но обретается, только вверху. Она не смешивает оба начала, но беря из них лучшее, преобразует в нечто новое, превосходное. Синтезом в данном случае, как впрочем, и во всех других случаях на самой вершине лестницы является Любовь. Которая не превозносится, не ищет своего.

- Так это без Любви все распадается на пары противоположностей?
- Да, синтез достигается только в Любви. А она – дар Свыше. Даруемый через нисхождение Св. Духа. Эта всеобъемлющая Любовь является на каждой ступени лестницы по-своему, снисходя к нашей малости.

- А как можно почитать родителей-пьяниц, родителей-насильников, родителей, которые тебя бросили? Или может быть даже домогались, ведь бывает и такое? – спросила Эрика.

- А вот это – вопрос, на который ты, милая Эрика, сегодня уже ответила. Хотя может быть и не соотнесла свой ответ с данной конкретной заповедью. Запомни, пожалуйста, запомни навсегда, твердо веруй: существует мир реальный и мир идеальный. Причем, идеальный мир и есть наш реальный мир. А то, что мы принимаем за реальность – лишь временные случайные черты, которые когда-нибудь сотрутся. И мы увидим – мир прекрасен. Поэтому во всех людях, большинство из которых являются чьими-то детьми и родителями – следует почитать эту истинную идеальную основу. Любить, как говорила Марина Цветаева, человека таким, каким его задумал Бог, но не осуществили родители.

- А как же любить волков, питающихся агнцами? Я имею ввиду не волков в агничьих шкурах, а реальных зверей. Кто создал хищников? Тоже тот, который второй?
- Несомненно. Я твердо верю в пророчество Исайи. Когда случайные черты сотрутся, «волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их».

- Между прочим, я читала, что, быть может, некогда на Земле существовала цивилизация людей, которые видоизменили растительный и животный мир по собственному произволу. Вроде бы это они внесли в природу хищничество, вмешавшись в генетические коды.
- Скорее всего, это сюжет для фантастики. Но чем черт не шутит.
- А еще я думаю, что, быть может, время многовариантно и быть может Земля с Эдемом и Земля после грехопадения находятся в параллельных пространствах и между ними существует портал. Вот только пройти сквозь него могут только чистые сердцем. Не обремененные ничем лишним. Такая картинка стала вырисовываться у меня после прочтения книг писателя-фантаста Владислава Крапивина. Ведь Вселенная по Крапивину представляет собой Великий Кристалл. А всевозможные миры – только его грани. Перемещаться по ним могут только те, кто сохранил в себе детство в евангельском смысле. И знаешь, Ника, намерение одного чистого сердца может изменить даже прошлое. Потому как прошлое, настоящее и будущее – они как бы всегда здесь и сейчас.
- Вот Иисус и изменил Вселенную. Давай только не забывать, что нет под небом другого Имени, которым можно бы было спастись. Только храня Его в нашем сердце как знамя можно жить здесь или там. Без Него наше сердце не очистится.

Спустившись с вершины Горы к ее подножию - в узкие гористые улицы со старинными домами и зданиями, которые были здесь тихи, хотя и несли свою неспешную жизнь рядом с проспектом, - они продолжали увлеченно обсуждать свои сегодняшние открытия.
В некоторых окнах можно было увидеть флаг Украины. А из одного двора вылетела шумная ватага детворы и принялась делиться на команды. Кто-то звонко выкрикнул, что он – за Зеленского. И тут же нашелся оппонент, выпаливший со смешком, после некой заминки, что он согласен быть Путиным. Компания вмиг разделилась на две команды и принялась воевать с помощью игрушечных пистолетов. Те же, у кого же их не было, были вооружены самодельными дубинами из старательно обструганных веток.

- Да уж… У детей чувство юмора не иссякает никогда, - промолвил Николоз.
- Ты полагаешь, что их забава так уж невинна?
- Во всяком случае, они отчетливо чувствуют, что что-то в этой войне не так. Какая-то она не натуральная, постановочная. Я так пока и не понял, кто за нею стоит. Пока Восток и Запад, так называемые великие державы проводят свои границы, делят влияние, быть может, какая-то третья сила является их кукловодом.
- Этой третьей силой может быть только так называемый другой бог.
- Но он всегда опирается на людей. Наверняка за всем этим стоят планы неких современных преемников иезуитов по уменьшению численности населения планеты. А это значит, что войны и эпидемии будут только множиться. И все идет к тому, что когда-нибудь во имя всеобщего мира будет создан новый мировой порядок во главе с мировым правительством. Будет ли он лучше войны всех против всех? Хотя не ручаюсь за правильность этих выводов. Опять-таки, когда нет всеобъемлющей Любви, все распадается на пары противоположностей и вступает в борьбу. А потом – скатывается во вражду. Люди борются то с миром, то с собой. Те же, кто желает сохранить в себе лучшее – убивают мир в себе, отсюда – нервные болезни. Все мы мечемся между самыми разными крайностями. И только Св. Дух может опять объединять, опять избавлять, возвращать цельность.
- Но ведь развитие все равно предполагает борьбу. Хотя бы борьбу за лучшее будущее. Или я чего-то не так поняла?
- Да, в мире после грехопадения за все приходится бороться. Идеальный мир не взять без борьбы. Но борьбы – благородной, по всем правилам чести. Борясь за свои идеалы так, как это делал Спаситель. Единственная допустимая честная и благородная борьба – это борьба за ценности, завещанные нам Христом. Но самое главное, за что заповедал

бороться сам Христос – это за то, чтобы мы проповедовали о нем самом: разносили бы во все концы света благую весть о его рождении, жизни, смерти, воскресении. О его учении, о его Имени. О спасительной силе этого Имени. И о том, что спасать только самих себя - мало, надобно – нести весть о спасении другим.
- А за что же боролись или, быть может, борются и сейчас – раз уж прошлое и будущее едины – люди, живущие в Эдеме?
- Сейчас-то они борются за нас, стараясь нам помочь из всех своих сил. А раньше они просто играли… Да, наверное, они, радуясь, играли!.. А может быть, и сейчас играют в какую-нибудь благородную Игру.

- Жалко людей. Жалко их, Ника. Многие просто ткут свои тусклые дни совсем как пауки. И добыча их так же жалка. Бедные эти операторы за компьютерами Дома юстиции, как бездарно пролетают их дни.
- Ну не скажи, что бы было с нами в столь падшем мире, если бы не учет и контроль. Разбойник на разбойнике бы сидел и разбойником погонял. А вот то, что тебе стало их жалко – это хорошо! Есть повод для того, чтобы стать для них – педагогом.
- Мне?! Педагогом?!
- Ну да. У тебя и диплом соответствующий. Подумай, чем занимался Иисус на Земле. Именно педагогикой! Он перевоспитывал грешников. А праведников – просто воспитывал.
- Да… Но!.. Хотя впрочем…
- И я бы посоветовал тебе начать воспитательный процесс с министерств и ведомств, ответственных за принятие законов. Взять под педагогическое крыло - журналистов, депутатов. Ты можешь запечатлеть свои мытарства на бумаге. А я – дополню их своими соображениями по реформе законодательства и мы попробуем заинтересовать общественность. Смотри что тут можно сделать – депутаты могут инициировать закон, по которому материальная ответственность за ошибки в документации ложится на юридические службы. И расходы гражданина по их исправлению – включая заверение и перевод у нотариусов разнообразной документации, а также ее возможное доказательство в суде – тоже должны оплачивать соответствующие юридические структуры. Частично компенсируя их из зарплаты допустивших их служащих. Если же ошибка была совершенна в далеком прошлом – придется компенсировать за счет госбюджета. Предусмотреть в бюджете специальную статью расходов под это дело. И даже выдавать гражданам, нуждающимся в исправлении документации, беспроцентный кредит, который потом погасит само государство, когда клиент предоставит подтвержденную платежными документами смету своих расходов. Поверь, после этого ошибки в таких документах станут нонсенсом.
- Как мудро, Ника. Вот только где у государства деньги на еще одну статью расходов. Если люди не смогли довольствоваться разумной плановой экономикой и опять скатились к частной собственности, опять предпочти серфинг на волнах экономических кризисов. И похоже что государство только радо пополнять прорехи в казне за счет пошлины с моей беготни по бумажным коридорам.
- Но достижения-то есть и у капиталистического общества. Мы можем вооружиться его способностью к самоорганизации.
- А как ты думаешь, Ника, Маркс совсем был не прав?
- Ну, как тебе сказать. Перевернутый, поставленный с ног на голову мир, который сама Библия называет падшим, действительно руководствуется самыми низменными, чисто экономическими интересами. Потому как вожделеющее и страстное начала душ большинства людей – берут вверх над их разумной частью. Это если прибегнуть к объяснению процесса исходя из трехчастного деления души по Платону. И вот этот практически обезбоженный мир, прикрывающий наготу фиговым листком внешних религий, Маркс описал превосходно. Он ошибся только в сроках падения капитализма, не

учел его великой способности к мимикрии. Эта мимикрия в виде мелкобуржуазной психологии успешно встроилась даже в советского человека, буквально въелась в него. Да иначе и быть не могло. Раз Маркс, увидев перевернутый мир в его истинном свете, не догадался поставить его на место. А место мира – только под Богом. Сама подумай, за что сейчас борются, дойдя почти до прямого ядерного столкновения, такие акулы капитализма как США и Западная Европа с одной стороны, и вновь пытающаяся стать акулой Российская Федерация? За постсоветское пространство как за колонии. Они могут достаться или одной стороне, или – другой. Россия пытается не упустить своего. Понять ее можно. Но не простить. Потому что хватит уже оставаться христианской страной чисто номинально. Хватит гнаться за новомодными технологиями эксплуатации человека, которые становятся все более хитрыми, тонкими.

8

Долго они шли, опять взявшись за руки, по новой Земле. Шли, как ее хозяева, лаская взорами синь неба в хлопающей листве платанов. Проницая лучистыми взорами хлопающих глазами людей. Обнимая взорами – все без изъяна. Чувствуя себя педагогами, призванными раскрыть в человеке – человека. И сделать Землю гуманной, святой.

И опять возник перед внутренним взором Эрики - Храм. Он, прозрачный, покачивался прямо в воздухе. А может быть он и состоял из воздуха и тонкого прозрачного пламени – то белого, то золотого, то – зеленого. Они с Николозом незаметно оказались внутри него как под сенью раскидистых платанов и пошли, не прерывая беседы, как по проспекту. По прежнему с одной стороны струилась дорога с проплывающими по ней синими автобумами, а с другой – уносились за спины величественные здания. И шли навстречу, как бы на ощупь, какие-то очень неуверенные, потерявшиеся в себе люди. Слепо озирались по сторонам. Маялись внутри самих себя, робко высматривая просвет наружу. Хотя снаружи казались – просто замкнутыми, усталыми. Искали выход там, где выхода нет – не внутри, а снаружи.
Вдруг взглянув искоса на Николоза, Эрика увидела, что тот тоже был сейчас человеком и - одновременно храмом. Захотелось прислониться, прильнуть к нему.
Похоже, что те же чувства испытывал и Николоз.
Приостановившись, он тоже пристально взглянул на Эрику. И, озадаченный, отступив на шаг, неуверенно улыбнулся.
Эрика же процитировала начало бараташвилевского «Мерани»:

Без дорог и троп звездный твой галоп, мой Мерани,
Ворон каркать стал, но от нас отстал за горами.

В этот момент они проходили возле знаменитой первой мужской тифлисской гимназии – ныне это была просто школа под номером один, - в стенах которой и учился некогда поэт. Прах которого покоился в пантеоне писателей и общественных деятелей на Мтацминде. Но сейчас перед школой, которая располагалась у подножия Горы, на которой Бараташвили любил уединяться, дабы отрешиться от суетности, стояли лицами к проспекту на каменном постаменте два других великим грузинских поэта и общественных деятеля – Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели.

Николоз задумчиво промолвил:

- Кажется, это стараниями праведного Ильи и были впервые напечатаны стихи Бараташвили? Ведь это ему передала бережно хранимую ею тетрадь женщина, ставшая бараташвилевской музой?.. Что скажешь, филолог?

- Да, Бараташвили не печатался при жизни. Да и успел он написать всего тридцать шесть стихотворений и поэму «Судьбы Грузии». Кстати, поэма интересна тем, что в ней честно излагаются все главные неприятности, которые постигли или могут постигнуть Грузию под крылом России. Но вывод – тоже честно – делается иной: другого выхода нет. Что за странный рок, что за судьба предначертана народам, которые стали для этого вечно мятущегося океана – России – ее невольными берегами? Это уже вопрос к тебе, философ.

- Праведный Илья тоже размышлял о том, как нашим двум народам разорвать свою дружбу-вражду. И ты знаешь, вся глубина его мысли не понята до сих. Многие думают, что Илья вел борьбу за политическую независимость Грузии. Тогда как на самом деле – он боролся за ее духовное пробуждение. Для пробуждения же – нужно было сбросить все оковы. В том числе внешние. А из внешних оков - наисильнейшим был гнет тогдашней царской России, который распространялся и на русский народ. Опять-таки, гнет исходил из ветхой, самодержавной, крепостнической России. А добро могло прийти на святую Грузинскую землю только из святой Руси. Точнее, все добро, конечно же – от Бога. Но подлинную братскую руку помощи в борьбе с иноплеменниками-мусульманами мог протянуть погибающему грузинскому народу только святой русский народ. Вот только до себя самого, таящегося глубоко внутри, русскому народу еще предстояло дорасти. Так же как и грузинскому. Так, и только так обретается дружба народов! Только так она перестает быть жалкой пародией! Перестает быть – несносной комедией. Это возможное будущее торжество святости, торжество божьего Света в жизни грузинского народа Илья изобразил в поэме «Видение». Наверное, все это можно отнести и к возможному будущему русского народа, ведь все святые народы идут в одном направлении. И нет народа не святого, когда он действительно зрел.

Эрика же вспомнила, как поразили ее когда-то поэмы другого классика грузинской литературы – горца Важа Пшавелы. Она даже раздобыла книгу о его жизни и с упоением погрузилась в настоящее рыцарство. Им был проникнут каждый поступок этого ни на кого непохожего творца. Каждая его строка – тоже была поступком. И за каждый из них – горные рыцари, населяющие волшебную страну, которая сквозила, извлеченная точным воображением поэта, из глубины тогдашней Пшавии, готовы были платить кровью. Вначале Эрику даже слегка оттолкнуло это обилие чистой алой крови, которую обильно проливали мифические пшавские рыцари за родину, честь, царицу Тамар и свою величайшую святыню – Лашарский крест. Потом, погрузившись в чтение кристально чистой по тональности прозы Важа Пшавела, где жизнь человека тоже была неотделима от природы и буквально трепетала в эфире Вселенной, проникая в незримые простым глазом пространства, паря там горным орлом – Эрика поняла все по-другому. Гимн крови был для поэта – символическим гимном жертвенной жизни. Поскольку за счастье и свободу в этом мире надо было платить.

Одного тогда так и не смогла понять Эрика…
Но у нее теперь был человек, который, как ей казалось, мог объяснить буквально все. Она немедленно обратилась к нему, словно перед ней стоял сам некоронованный царь и отец грузинского народа, получивший такие прозвание потому, что буквально возродил и выпестовал его во второй половине 19 века, реформировав даже язык - сам Илья.

- Ника, объясни мне, пожалуйста, как мог Илья Чавчавадзе, которого православная церковь даже канонизировала как святого, назвав его праведным… Как мог праведный Илья, руководя банком, созданным им ради ссуд на поддержание лучших проектов отечества, не помочь Важе Пшавела, который так нуждался. Важа Пшавела не был князем, он жил в своем селении крестьянским трудом и охотой, был многодетен. Платили же ему за стихи не так щедро, как равным ему по таланту и популярности поэтам-князям.

Он даже не смог доучиться, когда Общество по распространению грамотности среди грузин отправило его учиться в Санкт-Петербург. Потому что этих средств хватило только на один год. Более того, это Общество спустя несколько лет потребовало от поэта, и без того жившего впроголодь, занятого непосильным трудом, чтобы тот вернул некогда предоставленный ему кредит. Поскольку поэт так и не выучился. Из-за чего Важа Пшавела испытал немало горьких минут. Его даже травили в тогдашних журналах, так как сумму этот мужественный человек возвращать отказался. Гордо умолчав о том, что она была попросту неподъемна. Более того, когда он уже в зрелых летах еще раз обратился в Общество, чтобы оно помогло ему доучиться, чтобы отправило еще раз в Россию – потому что нуждался в дальнейшем развитии, нуждался в новых людях и впечатлениях – ему в очередной раз отказали. А ведь этим Обществом руководил ни кто иной, как Илья. Во всяком случае, его сотрудники. Все это совсем подрезало крылья горному орлу. Недолгую он прожил жизнь.

Конечно, вопрос был не шуточный.
Ника призадумался. И даже развел было руками. Но вдруг лицо его озарилось какой-то мыслью, стало радостным.
- Эврика!.. Я вдруг понял, что, наверное, праведный Илья молился, прежде чем принять то или иное решение. И скорее всего Бог не положил ему на сердце оставить Важа Пшавела за границей на весь срок учебы. По неизвестным нам причинам тот мог бы там даже погибнуть. Скорее всего, из-за своей вспыльчивости. Ведь он был еще вспыльчивее Пушкина. Чуть что – и пытался решить проблему в кулачном бою. Точно-точно!.. Не миновать ему было дуэли! А так как он был метким стрелком, то противник из самозащиты, стреляя первым, вынужден бы был убить того наповал. Или сам Важа стал бы убийцей и сгинул на каторге. Праведный Илья знал про все такое не понаслышке, сам он тоже был вспыльчив. И тоже дело доходило до дуэлей.
- Что-то в этом есть. Ты знаешь, был даже случай, когда Обществу распространения грамотности среди грузин, которое и устроило молодого Важа Пшавела учителем в народную школу, вынуждено было согласиться с его увольнением. Потому что тот избил какого-то начальника.
- Потому что пылкий просветитель, вероятно, тоже путал реальное с идеальным и не умел ждать. Он не умел жить будущим и приближать его через терпеливое постепенное взращивание однажды посеянных всходов. Поэт увяз в рыцарстве, которое грезилась ему раем из прошлого. Потому что и в самом деле стоял на некой святой земле. Но он не понял, что этот рай - в будущем. А до него большинству – еще далеко… Он - то идеализировал общину горцев, которые не знали крепостного права, то горько разочаровывался, когда видел в современности отступничество от мифических заветов предков. И, честно говоря, хоть отец его был священником, и притом хорошим, мало он думал о силе Крови Христа. И о его великой гуманной педагогике. Вот почему Важа Пшавела был так неуживчив с разного рода чиновниками, а с прямыми подлецами немедленно схватывался в рукопашную. Мог он, наверное, ввязаться в драку и с теми, чье внешнее поведение не соответствовало каким-то его представлениям.

- Ты хочешь сказать, что Бог не зря наложил на Важа Пшавела оковы бедности, дабы научить того смирению?
- Нет, милая Эрика, настоящий Бог так не поступает. Такое манипулирование обстоятельствами и слабостями людей – плод ума падшего Денницы. Наш Господь всего лишь хотел уберечь Важа Пшавела от гибели на чужбине. И поэтому не положил на сердце Ильи оказывать тому более существенную денежную поддержку. Ведь будь у Важа Пшавелы средства, тот бы немедленно рванул за бугор. И заболел бы там к тому же ностальгией. Когда кто-то предложил в присутствии Ильи послать Важа Пшавела учиться в Германию, Илья воскликнул: «…знаете ли вы, что из этого получится? Оставьте его в

покое. — в Германии, в лучшем случае, увлечется философией и тогда повесит пандури высоко к потолку. А что, если и философа из него не выйдет?.. Назначьте ему гонорар, пусть лучше уйдет он в горы и пишет».

- Знаешь Ника, будь я на месте Важа Пшавела, я бы все равно отправилась учиться. А там будь что будет! Гипотеза твоя, конечно, правдоподобна. Но ответ на вопрос, почему Важа Пшавелу целых два года травили в журналах, когда он не смог вернуть ссуду за учебу в Санкт-Петербурге, прерванную вопреки его желанию, я все-таки не получила. Скорее всего, Илья Чавчавадзе из-за своей занятости просто пропустил эту журнальную возню.

Их разговор перекинулся к теме о послушании.
Оба они с жаром поддержали ту мысль, что во всем послушными могут быть своим наставникам только малые дети. И то до определенного возраста, пока не научатся здравому суждению и не выработают в характере первоначальный стержень. А далее слепое послушание может причинить только вред. Особенно добровольно-принудительное послушание духовному учителю, которое при полном устранении собственной воли становится гипнотическим подчинением. Тогда как надобно не устранение данной нам Творцом собственной воли, а ее преображение, устремление к горнему. Глагол «слушаться» происходит от корня «слух». Поэтому развитие внутреннего слуха, чуткости к руководству просвещенной Святым Духом Христа совести – и есть подлинное слушание. Оно не имеет ничего общего с казарменным послушанием. Выбор, решение почти всегда остается за слушающим. Будь это иначе, мы бы были машинами. Или марионетками. И в этом неживом качестве могли бы быть спасены одной волей Бога. Но к счастью, люди не марионетки. Они живые. Из чего следует и высокая ответственность – делать свой выбор, принимать решения. И да – отвечать. Как за судьбы всего мира, так и за собственную судьбу, за собственное спасение.

Тут же полезли в интернет и выяснили, что слово «послушание» встречается в синодальном переводе Библии всего четыре раза. Очень обрадовались этому открытию. Твердо решили, что новому переводу Библии на язык современных понятий – быть! И даже придумали ему название – «Рыцарский».
Съели опять по мороженому и разошлись.
На прощание Николоз крепко обнял ее, прижал к груди.

«Милая Эрика», - не раз повторяла она мысленно, удаляясь от проспекта. И чему-то улыбалась.

9

Удивительные потекли дни.
Николоз пригласил ее в свою бригаду.
А там ее вскоре – приняли в отряд.

Это была бригада ремонтников во главе с бригадиром– самим Николозом.
Эрика никогда не представляла себя в такой роли. Обычно она зарабатывала тем, что помогала с уроками детям из русскоязычных семей. Но теперь было лето, а ей были необходимы деньги на документы. Вот Николоз и предложил ей заняться малярными работами вместо исчезнувшего после отъезда Людмилы Петра.
Никто не знал, куда занес Петра никому непонятный вздор его души, которой он так никому и не открыл. Действительно ли он рванул в Польшу? Или впрямь – как сказал напоследок – ушел в местный монастырь? Адреса он не оставил, зато бросил, прощаясь, все свои вещи, велев кому-нибудь отдать. Однако тетя Лили все еще хранила их, надеясь, что тот даст о себе знать. Порой же у нее мелькала мысль, не наложил ли Петр на себя

руки - слишком уж поспешным было его бегство.
В общем, сложилось так, что Эрика заняла в их бригаде место Петра.
Николоз сам обучил ее основам малярного дела, казавшегося Эрики таким не хитрым, но оказавшегося на деле целой наукой, которая, к тому же, как и все на свете, часто расходилась с практикой. Потому что жильцы, которым был необходим ремонт, а иногда и предыдущие жильцы, делали все не правилам, на авось. И теперь приходилось либо полностью все переделывать, либо фантазировать, пытаясь сделать что-то – из ничего. Да и средства на ремонт по всем правилам требовались не шуточные, а хозяевам их обычно недоставало. Особенно если учесть, что они были очень странной бригадой. Некоторые клиенты, узнав про такую их особенность, иногда сразу закрывали перед ними дверь. Не все могли сразу поверить, что им предлагают ремонт за цену в два или три раза меньшую, чем на рынке. А некоторым малоимущим – и вовсе бесплатно. Некоторым же, кто зарабатывал неплохо – по полной цене. Николоз умело перераспределял средства так, чтобы компенсировать недобор от малоимущих и совсем неимущих клиентов за счет тех, кто готов был щедро оплатить качественную и добросовестную работу.

Эрика и познакомилась с Николозом на сайте, где тбилисцы искали и предлагали работу или жилье. Ей нужно было снять комнату. И Николоз, поинтересовавшись в сообщении ее обстоятельствами, неожиданно предложил пожить у пожилой женщины совершенно бесплатно. Правда на тот момент там проживал Петр, но Николоз пообещал переманить того в собственную холостяцкую комнату. Он тоже жил в итальянском дворике, на одной из улиц по соседству с тетей Лили. Его старший брат, эмигрировав в Чехию, со временем перевез туда и родителей. Те звали его с собой, но Николоз, по его словам, не видел необходимости менять место жительства, ведь Земля всюду одна.
Не прошло и двух дней, как задуманное предприятие состоялось. И Эрике даже в голову не пришло призадуматься над тем, за что ей такое благо. Большинство людей рядом с Николозом каким-то образом сразу переставали озадачиваться такими вопросами, настолько все становилось самим собой разумеющимся.

Бригада их состояла из трех-четырех человек. Ника был электриком и по совместительству мастером на все руки. Эрику все почтительно именовали – маляром-штукатуром (на практике это означало, что Эрика занималась шпаклевкой и поклейкой обоев, покраской рам и дверей, а все остальное – таскание мешков и красок, цементную штукатурку, покраску стен и потолков брал на себя Николоз). И был еще уже не молодой сантехник по имени Георгий. Тоже, как и Николоз, – русскоязычный грузин с какими-то славянскими корнями в роду. По-юношески любознательный, с живым, распахнутым, ласковым взором, в котором нежность перетекала в печаль, а печаль, накаляясь, могла вдруг упруго излиться в виде короткой вспышки гнева – чаще всего безадресного. Тот закончил художественное училище имени Тоидзе и тоже умел работать кистью. Умел в нужный момент грациозно подправить то, что Эрике пока не удавалось.
Частенько присоединялся к ним худющий белобрысый Алексей – неловкий паренек, который занимался когда-то вместе с матерью возле церквей попрошайничеством. Николоз отбил его от влияния семьи, и тот теперь, зарекшись быть вечно нищим, успешно постигал азы духовной нищеты, временно поселившись в его жилье. Благо что раскладушка после Петра еще не успела быть сложенной. Отец выставил Алексея за дверь за общение со странным старшим другом, под влиянием которого тот стал ему перечить. Надеясь на то, что сын, который только что окончил школу, не справится с самообслуживанием, и вскоре, отрекшись от дружбы с Николозом, вернется в его объятья. Хотя вроде бы и сам безуспешно гонял жену и сына за иждивенчество за церковный счет. Теперь же успех незваного незнакомца взбесил его. Но Алексей, называя Николоза братом, буквально ходил за тем по пятам и жадно впитывал каждый его жест, хотя тот и отмахивался от всяких попыток подражать себе, и даже иногда сердился. (Кажется, это

был единственный пункт, из-за которого Ника мог сердиться, поскольку считал, что у каждой подлинной личности – своя индивидуальность, своя колея). Он то и дело делал Алексею в полушутливой форме внушения за попытки брать напрокат его, как он выражался, личину.
Алексей даже решил никуда в этом году не поступать, чтобы сначала выучиться у Николоза. Когда же его спрашивали, чему он желает выучиться, тот скромно ронял: «Всему». Над чем окружающие, да и они сами, немало повеселились, пытаясь найти и перечислить то, что входило в это понятие. В их бригаде он быстро освоил все профессии и названный старший брат уже доверял ему некоторые участки работы.

Состоятельных клиентов они находили через интернет. А все остальные узнавали об их благотворительной бригаде изустно. Отбоя от клиентов не было, поскольку они уже понемногу становились местной легендой. Тем более, что редко можно было встретить ремонтников, которые готовы бы были, помогая друг другу, быстро справляться со всеми видами работ. Николозу даже приходилось проверять, в самом ли деле люди нуждаются, и отбирать среди них действительно нуждающихся.
А еще у них были официальные сертификаты о том, что они – индивидуальные предприниматели, занятые в сфере мелкого бизнеса. Бригадир хотел, чтобы все было законно и все члены бригады зарегистрировались в налоговой службе. Хотя вообще-то налоги с мелких предпринимателей в Грузии не брали. Но могли начать брать в будущем. И Николоз счел бы своим долгом платить их.
Работа была хоть и тяжелой, но под шутки и разговоры, нередко переходившие в философичные диспуты, а иногда и в жаркие споры, она спорилась, и время пролетало быстро. К тому же благодушно улыбающиеся чему-то хозяева тоже иногда вставляли свои реплики. А некоторые из них начинали с ними приятельствовать, и потом иногда все вместе гуляли. Иные даже подключались и к другим идеям Николоза, у которого они никогда не переводились и успешно воплощались в делах.

Все это уже было до появления Эрики и ей ничего не оставалось, как радостно влиться в это великолепное сообщество.

Работали они по общему решению всего по шесть часов в день, с десяти до четырех. С обязательными выходными днями в субботу и воскресенье. И с возможностью кому-то опаздывать или уходить раньше или брать однодневный отпуск, в связи с уважительными причинами. А иногда кто-то мог взять короткий отпуск вовсе без уважительных причин. Им позволял это принцип взаимозаменяемости. Николоз и быстро набирающийся профессионализма Алексей как игрок в запасе всегда были, как говорится, готовы.
В обязательный же отпуск решили уходить всей бригадой в сентябре. И даже предвкушали, что проведут его в этом году в палатках, путешествуя по горам. Николоз знал много удивительных маршрутов, где пышная красота природы соседствовала с древними храмами и монастырями. Обычно он, как только выдавались праздники, – уходил в такие места один. Часто он проводил выходные в палатке близ какого-нибудь монастыря, посещал богослужения, беседовал с паломниками и, если повезет, монахами.

Свободного времени им хватало. И если Эрика не всегда понимала куда его деть, то Николоз посвящал его «Богу, людям и себе». Так говорил он сам, немного растерянно поглядывая на Виктора. Все-таки раз тот уж был склонен к подражательству, то надо было иногда озвучивать, чему именно стоит подражать, как-то объяснять свои мотивы. Поэтому Николоз также разъяснял, что под словом «себе» имеется ввиду саморазвитие.

Встав в шесть утра, Николоз проводил не меньше получаса за молитвой. Потом гулял с

час в парке, имея с собой блокнот и порой записывая в него какие-то приходящие мысли. Иногда – уносился на велосипеде в Парк Рике.
Прихватывал он на прогулку и томик какого-нибудь поэта. Он считал, что истинная поэзия – родом из той самой глубины, где коренится настоящая личность. И каждый глубокий поэт был для него другом, с которым он и общался на этой глубине.
В последнее время Николоз ходил с томиком стихов А. К. Толстого. Он часто говорил, что весь строй дум этого на редкость прекрасного человека коренился в Красоте, которая неотделима от Добра. И ссылался на отзыв о А. К. Толстом философа Владимира Соловьева. Книга же Владимира Соловьева «Оправдание Добра» была у него настольной, наряду с Новым Заветом, Псалтырью и сборником произведений Ильи Чавчавадзе. А еще в комнате у Николоза имелась икона праведного Ильи.
Другому чтению – а оно было обширнейшим, куда входили не только святые отцы и протестантские проповедники, но и философы, историки, искусствоведы, педагоги, психологи, классики прозы и поэзии – Николоз отдавался уже после девяти вечера, часов до одиннадцати. Когда возвращался после каких-то своих дел или из гостей.
К современным писателям он был равнодушен, а постмодернистов не выносил.

После утренней молитвы и прогулки Николоз писал книгу о диалектическом методе толкования Библии. Он говорил, что этот метод также можно назвать парадигмальным, так как, по его мнению, при каждой смене парадигмы развития общества следовало понимать текст Писания еще глубже, вровень со временем и даже больше того. И для каждой парадигмы может потребоваться очередной перевод на язык углубившихся понятий, а также, быть может, возникших новых понятий.
Писал Николоз медленно, вдумчиво. Тратя на это дело всего лишь час, но зато какой час! Весь сжатый в превосходный афористический текст. Который можно было читать и как часть книги, и как отдельную миниатюру, в которой фрактально отражалась тоже отражалась многогранная суть целого.
А еще он – переводил.

Словом, Николоз был по-хорошему занятым и, может быть, потому - счастливым человеком.

На уборку Николоз времени почти не тратил, поскольку старался сразу класть все на свои места, сразу мыть тарелки, кастрюли. И того же по умолчанию ожидал от других. Благо что предметов быта в его жилище, которое они прозвали в шутку Бочкой Диогена, было в отличие от книг – немного. Только самое необходимое.
Режим приготовления пищи тоже не занимал у него много времени. Николоз питался пищей простой и здоровой – варил за 15 минут суп из крупы, представляющей смесь нескольких злаков, картофеля, моркови, болгарского перца и приправы из сухой зелени. Варил без зажарки, добавляя подсолнечное масло и приправу уже после варки.
Руководствуясь правилами здорового питания, он считал жареное вредной пищей. И старался не употреблять консервантов, кофе. Не ел он и мяса. Хотя позволял иногда себе рыбу, яйца и молочное. Любил лобио, гороховый суп, каши на воде. Включал в рацион семечки и орехи. А летом и вовсе переходил на салаты и тушеные кабачки. И, конечно же, покупал себе фрукты, если была такая возможность (чего мог позволить себе не всегда).
Николоз приучил себя к двухразовому питанию, благодаря чему вес его всегда оставался одним и тем же. Правда, в этом случае приходилось налегать на хлеб, обычно черный.

Как-то они с Эрикой говорили о постах, и Николоз процитировал отрывок из пятьдесят восьмой главы пророка Исайи: «Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетённых отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо; раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом; когда увидишь нагого, одень

его, и от единокровного твоего не укрывайся». Николоз сказал, что в этих словах сконцентрирована вся соль христианства. Вынь ее и останется пустая вода. И прибавил, что никогда не постится в общепринятом смысле. Лишь иногда, когда он чувствует, что грехи совсем одолевают, у него настолько пропадает аппетит, что он сам не может притронуться к пище. И хватается как погибающий за продолжительную молитву (хотя никто не знал за Николозом грехов, тот часто с болью говорил, что некоторые свои склонности ему омерзительны).

Тогда же он рассказал об еще одной своей гипотезе в области христианской науки. Николоз считал, что по мере того, как человек возрастает в Духе, телесный его состав тоже обновляется. Меняется даже метаболизм. Вероятно, он замедляется. И поэтому количество пищи тоже необходимо уменьшать. Но, конечно, не в сторону одного хлеба и воды. А в сторону простой, малокалорийной, богатой витаминами и микроэлементами пищи, содержащей, к тому же, растительный белок. Для этого достаточно фруктов и овощей, злаков и бобовых. Черного хлеба. Растительного и зеленого чая, растительного масла.
Если же человек, возрастая в духе, не меняет свои пищевые привычки, то начинает полнеть и болеть. И даже может стать инвалидом.
Поэтому, как он считал, частенько от полноты страдают православные батюшки.
Да и у тех, кто далек от духовности, с годами замедляется обмен веществ. Но количества пищи они при этом не уменьшают.

Вслед за диетологами Николоз считал, что здоровое питание обязательно следует дополнять физической активностью на свежем воздухе. В идеале всем этим условиям – появлению здоровой пищи на столе, физической активности на природе – соответствует работа в саду и огороде. Но жителям городов остается довольствоваться суррогатом – хотя бы утренними прогулками по зеленым улицам, ближним скверам и паркам. Можно при желании – заняться скандинавской ходьбой, велосипедом, поиграть в мяч.

Относительно раннюю смерть своего любимого А.лексея КонстантиновичаТолстого – тот стал после пятидесяти лет страдать от полноты, головных болей, грудной жабы, астмы и умер от передозировки морфия, с помощью которого тогда снимали боль – Николоз объяснял именно отсутствием телесной самодисциплины. А также наивным туризмом в оккультизм и тем, что в отличие от своего тезки Льва Толстого, поэт не смог подняться над привязанностью к охоте. Он не смог догадаться, что привычка к этому невежественному развлечению является убийством и, будучи одухотворенным человеком, все-таки продолжал грешить.

- А Владислав Крапивин понял это сразу. Он с детства возненавидел охоту, - не преминула напомнить Эрика и о своем любимом авторе. Но не затем, чтобы противопоставить его А. К. Толстому – тот тоже был для нее одним из любимейших. Просто Эрике всегда хотелось восхищенно говорить о Крапивине, открывать для людей это чудо. Так, наверное, относились к Евангелию настоящие проповедники. Они просто не могли молчать. Правда, Эрику смущало то, что, получается, Евангелие ей заменяли книги писателя, который, как она считала, воплотил Евангелие в собственной жизни.

- Но насколько я знаю, Крапивин тоже стал после пятидесяти страдать от полноты. И даже от непомерной полноты, - возразил Николоз.
- Да, - вздохнула Эрика, - Пожалуй, твоя гипотеза верна. Если бы Владислав Петрович вовремя бы взялся за себя, то не разрушил бы свое здоровье. Хоть он и прожил долгую жизнь, но тоже вынужден был уже после пятидесяти отойти от активной жизни

физически. Он даже уже не смог руководить «Каравеллой» - детским отрядом, который он создал еще в юности.
- А как бы он взялся за себя, если никто не рассказывал ему о связи духовности и питания? Или, может, кто ему чего и советовал, но неубедительно. Людям нужно говорить о таких вещах вновь и вновь, пока они не призадумаются и не сформируют у себя нового мышления, не выработают новой установки.

10

В июле они познакомились с семьей Кароянов.
Им тоже был нужен ремонт, а денег на него не было совсем. Их частенько не было даже на пропитание и на оплату коммунальных услуг, из-за чего семья нередко оставалась без света и газа, при этом готовили на дровяной печи, используя вместо дров доски, палки, ветки и шишки.
Мебели тоже почти не было – спали на брошенных на пол матрасах. Впрочем, не было и пола. Так же - как и стен. Были - просто обмазанные цементом блоки.
Цементное облако постоянно стояло в воздухе, из-за чего ходившие летом в одних трусах мальчишки – дети приветливой высокой женщины по имени Эльвира – вечно терли кулачками припухшие веки и красные, слезящиеся глаза.
Был у детей и отец, но он горько пил, а напившись, буянил. Семья его в такие периоды выселяла. И периоды эти все больше затягивались. Так что отец фактически бродяжничал, лишь иногда наведываясь в гости.

Это были курды.
Как и цыгане, эта народность вписывалась в тбилисский колорит сугубо по-своему. Местные курды обычно жили разрозненно, тихо. Амбициозности в них не было совсем. К высшему образованию они не стремились и часто можно было увидеть их, узнаваемых по смуглым лицам и густым, курчавым волосам, одетыми в оранжевую спецформу с изображением на спине по-своему мудрого и задумчивого старика – дворника с картины Пиросмани. Но встречались среди курдов и люди образованные. Они были с приятными манерами, отличались простотой, ценили шутку.
Николоз говорил, что для этого народа у Бога есть особый промысел – он незримо отрицает чванство, шовинизм у тех народов, среди которых обитает (своей независимой страны у курдов не было, как и евреи, они были рассяны повсюду).
А по тому, замечает ли человек на своих улицах таких людей, здоровается ли с ними – познается он сам.

Итак, они познакомились с семьей Кароянов, которые жили в одном из спальных районов в брошенной строителями времянке на пустыре рядом с рынком. Таких времянок – они стояли вряд, подобно солдатам на смотру – было несколько. И в них тоже жили какие-то вселившиеся туда без спросу люди, оставшиеся без крыши над головой.
Поселение образовалась несколько лет назад. Городские власти вначале не знали про это, потом им было недосуг, и они смотрели на факт вселения сквозь пальцы. Но когда поселенцы обустроились, сделали ремонты, огородились и даже вырастили сады – им захотелось все это узаконить. И тогда-то и началась битва с городской администрацией за право жить на этой территории и дальше. Битва эта продвигалась с переменным успехом. Администрация то грозила выселением, предлагая взамен оплату съемных квартир в соседнем микрорайоне, то обещала все-таки разрешить им проживание на территории после очередных выборов. Все зависело от политического контекста – от близости выборов в органы местного управления. И под шумок такой обнадеживающей близости им как-то даже провели электричество и газ.

Семья Кароянов жила в крайнем бараке. За ним сухая глинистая земля была усеяна колючкми, на которых отчаянно трепыхались на вечном ветру обрывки целлофановых пакетов, которые, казалось, были собраны охапками со всего района. Кое-где валялись пластиковые бутылки, консервные банки и даже шприцы. Тут же располагалось очищенное от хлама футбольное поле, опознаваемое только по воротам, обозначенным двумя булыжниками.
На этом поле обычно носились с мячом или просто сидели на деревянной балке, молча глядя прямо перед собой непонятными, струящимися вверх взглядами, три мущкетера, как называл их Николоз – Стефан, Гриша и Лука. Это и были братья Карояны, почти погодки.
Старшему, Стефану, было двенадцать лет, Грише – одиннадцать, а Луке – девять. Все они, как дети, еще не вступившие в подростковый возраст и не обнаружившие, что мир совсем не таков, к каковому готовили их родители и учителя, были еще добрые и в крупном – послушные.

Когда Николоз приходил с чемоданчиком, полным всевозможными инструментами, деталями, разноцветными проволками, раскрывал все это, как волшебную шкатулку, мушкетеры стразу налетали и принимались все это с раскрытыми ртами перебирать. Стефан спрашивал про назначение каждой вещи и Николоз весело объяснял. Если надо было – даже показывал. И вскоре уже и эти мальчишки стали ходить за Николозом по пятам. Тем более, что он подарил им набор шашек с шахматами и после рабочего дня они еще успевали сыграть с ним партию в шахматы. Тянули жребий - кому из мушкетеров выпадет счастье сесть за шахматную доску.
Эрике оставалось только удивляться, как быстро мальчишки освоили трудную для нее игру, хотя младшие – Гриша и Лука – учились в спецшколе. Считалось, что - из-за задержки в развитии.

Сама она предпочитала футбол. После шахмат все они высыпали во двор и азартно гоняли мяч до темноты.

А после шли в ту темноту как во все расширяющиеся ворота далеко-далеко, пока бараки совсем не скрывались из виду, и разжигали в поле костер из заблаговременно набранного в мешки хвороста.

Пекли картошку.

Потом Николоз читал стихи… Мальчишки же и сама Эльвира, которая была еще душой молода, мечтательно глядели в потрескивающие угли, улыбались чему-то.

Понравилось их бригаде в этих местах. И хоть работы было много – нужно было отштукатурить, отшпаклевать, покрасить все стены и потолки, выложить пол кафелем, переделать проводку и водопровод – день проходил весело. Расходиться не хотелось. И однажды они так и не разошлись, так и заночевали прямо у костра, подстелив побольше сухой травы. А проснувшись, еще и организовали субботник – набрали в освободившиеся от хвороста мешки пластиковый хлам и сожгли его. А консервные банки выкинули потом в мусорные баки. И скоро уже ребятам так все это понравилось, что они стали каждый день носиться по пустырю с мешками и вскоре тот стал чистым, ровным.

Только гирлянды из разноцветных целлофанов они снимать не стали – пускай висят себе на колючках как елочные игрушки и весело треплются на ветру, пускай в их краю будет как бы вечный Новый Год.

Они даже придумали такую игру – назначили себя хранителями Нового Года.

Живут вот на городской окраине дети - ходят в трусах, гоняют в футбол, режутся в шашки, сидят, мечтательно поводя глазами, на балке. Все думают, что они просто мальчишки. А они – хранителя Нового Года. Без них тот не придет.

Вели взрослые бригадиры и свои любимые философичные разговоры. Чаще всего говорили о религии, истории, искусстве. Возвращались постоянно мысленно к событиям на Украине. Прошли уже те первые дни, когда жарко спорили об их причинах, а потом, спохватившись, начинали думать, как остановить кровопролитие и что могут сделать лично они. Давно уже пришли к горькому выводу о своем бессилии. И к необходимости положиться на высший Промысел. И решили каждый рабочий день завершать общей молитвой за мир между Россией и Украиной. Причем, молились и за тех, и за других. К ним обычно присоединялись и люди, у которых они находились. А Эрика, вернувшись к себе, еще и участвовала онлайн в аналогичной молитве по соглашению в Соцсетях.

Кроме того, они решили на часть своего заработка покупать в букинистическом магазине книги и дарить их беженцам из Украины. Прикупив вдобавок детских игрушек. И взяли за правило начинать каждый субботний день с посещения одной из гостиниц, целиком отданной украинцам.

Там они тут же оказывались в середине круга набежавшей ребятни, к которой потом подтягивались и взрослые.

Раздавая подарки, они всякий раз присоединяли к ним карманный Новый Завет с Псалтырью в синем кожаном переплете. Николоз доставал их бесплатно у каких-то миссионеров и распространял где только мог, не забывая и жильцов, в домах которых они работали.

Многие дети наперебой кричали, что у них уже есть такая книжица. Некоторые даже показывали ее, вынув из кармана. А иные и прибегали, держа ее высоко над головой и размахивая, как флажком. На что бригадир отвечал: «Если у тебя уже есть такая книга, отдай ее тому, у кого ее еще нет. Найди такого человека – удиви его. Поиграй в такую антивоенную игру! В следующую субботу расскажешь мне, если захочешь, что тебе удалось».

Чувствовалась, что игра всем нравилась.

Николоз не уставал объяснять, что войны происходят оттого, что люди не читают этой маленькой книжицы. А если и читают, то не вникают в нее, что гораздо хуже. Потому что, не вникнув – часто не понимают. А значит – и искажают. И, что самое плохое, – становятся потом жертвами идеологической пропаганды. Начинают массово верить, будто война может быть превентивно-оборонительной. И даже молятся за победу в такой войне. Наивно веря, что защищают и защищаются. Не веря на самом деле в Бога. Любовь и доверие к которому познаются только по тому, любим ли мы, исполняем ли Его заповеди. Видим ли в них Красоту, в которой нуждаемся пуще хлеба. А Божьи заповеди Иисус Христос пересказал в виде Заповедей блаженства. Это – кодекс всякого честного человека. Без поступков в его русле не может быть счастья и радости просто потому, что так устроена жизнь. Что записано в одном из пунктов этого кодексе? «Блаженны миротворцы». Миротворцы не вносят раздоры для того, чтобы их регулировать. Не

разжигают пожар для того, чтобы тушить. Не осыпают милостями и не приближают для того, чтобы держать под контролем.

Чем больше коллектив, тем он действует сплоченней. Это хорошо, когда коллектив объединяет Добро. А если люди объединились для того, чтобы сеять раздоры, поджигать, а потом мирить и тушить – причем, объединились в сверхдержавы и противостоящие друг другу военные блоки – что может быть в этом хорошего для населения Земли?

А в этом – подковерная суть мирового порядка, скрытая подоплека политики.

Нельзя называть одних хитрых и подлых людей шпионами, а других, столь же коварных и вредных – разведчиками. Одних – нападающими. А других – обороняющимися. Только потому, что, дескать, те, другие - свои.

Нет своих и чужих – вся Земля Господня.

Первый из людей, протянувший когда-то руку к клочку на общей Матушке-Земле и воскликнувший: «мое!» - уже нарушил кодекс всеобщего Счастья. И положил начало междоусобицам и войнам.

Поэтому одни и те же народы постоянно находятся то в одной роли, то в другой – то нападают, то - обороняются. А по сути – все связаны одной рабской цепью вражды.

Историки скажут, что это – историческая неизбежность. Скажут, что прогресс не обходится без жертв. Что сам Господь Бог создал народы и определил каждому из них границы. Но из Слова Божьего следует, что это было сделано из милосердия к уже падшему, уже разделившемуся человечеству. Для того, чтобы этот Вавилон не смог сплотиться в глобальный коллектив под знаменем Зла, думая, что творит Добро и вовсе не истребил бы себя в своей самонадеянности.

Всякому народу Бог определил свои границы, дабы он искал в них Его самого и Его настоящее Добро, искал подлинное Счастье, а не боролся за Счастье с соседями.

Николоз и Эрика и там читали стихи.

Была в гостинице и гитара, и Николоз пел христианские песнопения. Потом гитара шла по кругу. Георгий затягивал грузинские народные песни, особенно хорошо получалась у него возвышенная, щедро-разливная, бодрая песня «Тушури». Кто-нибудь из поселенцев гостиницы затягивал украинские песни. Звучали старые бардовские песни и лирические песни из старого советского кино.

11

Но однажды кто-то из украинцев хмуро заметил:
- Я так и не увидел вашего отношении к оккупации нашей земли. Такое ощущение, что вы демагог, пытаетесь обелить роль России, уравнять нападающих и обороняющихся. Пожалуйста, отделяйте мух от котлет. Говорю вам это как украинец русской национальности. Как русский европеец. Только европейский путь с опорой на мирный оборонительный блок НАТО может сковать на время один из образов многоликого апокалиптического дракона, этого нового Гога и Магога - Московскую Орду. Причина

этой войны – родовая российская азиатчина. Московия никак не может выдавить ее из себя по капле.

Николоз собрался было ответить, но его опередил Георгий. Он закричал, внезапно выскочив в центр круга из-за спин собравшихся людей и встав с Николозом плечом к плечу:
- Эх, дорогой! Какой ты европеец?! Разве европейцы отрекаются от родного языка? Почему ты запретил своему русскому европейскому языку вольно ходить по Украине?!
- Во-первых, я лично ничего не запрещал. А во-вторых…
- Нет, это ты запретил! – упрямо топнул ногой Георгий, вперив в русского европейца гневно сузившиеся глаза. – Государство, это кто по -твоему, разве не ты?! Вспомни какие раньше мы пели песни: «Я, ты, он, она – вместе дружная страна!». Да, той страны больше нет, но лучшее от нее можно же было оставить. Или она не была вам матерью?! Безродные мы все тут, сироты, шалтай-болтай. В мать плюем! И потом, какой к черту мирный военный блок?! Ты что – в армии не служил?! Где ты видел мирную армию? Раз повесил на стену ружье, значит, оно когда-нибудь выстрелит. Может быть даже – само… Допустим, сегодня блоком НАТО правят мирные генералы. А вдруг завтра – военный переворот?! А ты помогаешь опоясать братскую тебе страну чужими военными базами. Пойми, Путину не нужна твоя территория. Ему нужно чтобы с твоей территории не затягивали вокруг его горла золотую цепь. Это все-таки – кот ученый. Надоело ему ходить на золотой цепи. Вот он и взорвал международную законность, раз та мягко стелет, да жестко спать. Что можно противопоставить однобокой рациональности? Только иррациональность! Но это, конечно, не выход.

Еще какой-то мужчина гневно произнес:
- А дракона и нужно держать в цепях. Это политика сдерживания. Правильно делает НАТО! Ты, брат, уже, наверное, не помнишь, что Украина добровольно взяла на себя статут безъядерной державы. Все свое ядерное оружие она отдала России. И, как оказалось, напрасно. Украина стала подумывать отказаться от безъядерного статуса только после того как Орда вторглась в Крым и Донбасс. Будь прокляты россияне, раз они молчат и не останавливают свое сумасшедшее руководство! Все видят – и молчат! Будь они прокляты!
- Да Московии всегда была варварским государством! – сказала одна женщина. – Это мы – Киевская Русь! Хоть поляки с литовцами и теснили нас, но дух у нас с ними был общий – европейский. А Московия действительно вековала свои века с Ордой. И - где теперь Орда?.. Туда и ей дорога!.. Будь прокляты наши враги! Они позавидовали нашему европейскому развитию. Решили сбить нас с пути!

Георгий, вдруг стушевавшись, приложил руку к груди и принялся взволнованно увещевать всех с выступившими на глаза слезами:

- Родные, не проклинайте никого! Вспомните, что вы христиане. Проклятые мысли циркулируют по кругу, потому что все происходит из одного корня. Вспомните, что Россия, приняв на себя удар татаро-монгольского нашествия, дала другим европейским народам время на развитие. А спустя века – героически приняла на себя удар Наполеона, а потом – Гитлера. И на сей раз не только заслонила, но и освободила Европу. А сама – да, отстала. Причем, она и сейчас является для Европы щитом, сдерживая притязания мусульманского Востока. И ее же теперь за это упрекают, нещадно подстегивая к переменам, которые не могут быть мгновенными. Внешне на скорую руку поменяться можно, и уже менялись не раз, да серьезно ли это. Если уж вы идете в Европу, вспомните что и она образовалась из варварских народностей. Нрав ее стал понемногу смиряться

только с приходом христианства. Хотя варварство все равно давало о себе знать в период мрачного средневековья. Извратило оно Христа, столько крови пролило. Несло, якобы, другим народам, свет. Ах, елки-палки, миссионеры-варвары!.. И сейчас – то же самое. Только хитрей.

Эрика вспомнила как Георгий, выкладывая пол плиткой, мог вдруг, вскипев, закричать на эту самую плитку, если та легла криво: «Да ты что?! Нет, только не это!.. Ах, ты белая тварь! А ну давай ложись!». Переложив плитку заново, Георгий долго еще потом бурчал на нее. А потом, поднявшись с корточек, вдруг подойти к Эрике, и взяв ее руку, вдруг поцеловать ее. Кротко попросить, глядя в глаза своим ласковым, чуть смущенным, всегда немного удивленным, лучистым взглядом: «Водички бы мне… Принесешь?». Георгий называл себя мастером-путешественником, он многие годы с удовольствием кочевал с целой повозкой инструментов из квартиры в квартиру, делая ремонты с поразительным мастерством и ответственностью. Брал он за такую работу недорого, но зато по-хозяйски занимал каждую ремонтируемую квартиру на весьма неопределенный по растяжимости срок и с толком, с расстановкой делал свое дело до тех пор, пока все не становилось ладным. А после, выкликнув ликующе: «Я памятник себе воздвиг!..» - удалялся в трехдневный запой. Были у него и жена с взрослой дочкой. Те иногда звонили, и Георгий выходил переговорить в подъезд. Иногда – не брал трубку. Домой он возвращался за полночь, уходил рано утром. И с семьей никого из них не познакомил. От расспросов о ней уходил.

И нет бы Эрике сейчас дипломатично поддержать товарища словом или хотя бы промолчать. Но в их компании было не принято – руководствоваться в спорах принципом «свой или чужой». И Эрика сказала то, что думала:

- И все равно Россия не должна была вторгаться в Украину. Просто потому, что она великая. А большие – они великодушные, не трогают маленьких. Жалко великана… Упал он.

Тут Николоз и произнес свое точное, разительное по ясности определение:
- Но для того, чтобы стать большим, надо сначала снова стать… маленьким.

Стразу стало тихо. Даже дети перестали резвиться.

И вдруг кто-то зааплодировал.

Потом, через паузу, кто-то еще.

И вот уже со всех сторон понеслись, создавая пространство для еще большего вдохновения, настоящие аплодисменты. Они были противоположны слезам, которыми эти люди были переполнены до краев внутренне.

- Да-да, - повторил Николоз. – Нужно сначала отбросить всю эту внешнюю шелуху – мысли о том, чей род древнее, кто более варвар, кто иудей или эллин, русский или еврей, грузин или осетин, славянофил или западник, социалист ли, капиталист ли – и просто снова стать собой. Тем маленьким мальчиком. Или девочкой… Тем человеком, который сейчас плачет внутри тебя. Его зовут Иисус. Или Андрей. Или Эрика. Или Георгий. Эльвира, Стефан, Гриша, Лука, Алексей. И даже Путин Владимир Владимирович.

Люди поняли, что и слезы – они тоже бывают разные.

Есть печаль мирская, и есть – печаль по Богу.

Даже слезы о потерянной и поруганной Родине, может быть даже плач по упавшей Родине – как они не прекрасны – это всего лишь слезы о людях. Хотя и нет на Земле ничего более возвышенного, чем любовь к отечеству.

Но есть слезы – святые.

Взяв гитару, Николоз спел песню Сергея Калугина. Она называлась, как узнала потом Эрика, захотевшая тоже выучить ее наизусть – «Над пропастью во ржи»:

Звезды и годы,
Лица и тени,
Снов хороводы,
Хитросплетенья…

С каждой минутой
Бегства из рая
Я забываю,
Мы забываем,

Что наш Великий Господь —
Это маленький мальчик.
Совершенный Господь —
Просто маленький мальчик.
Всемогущий Господь —
Это маленький мальчик.
Беззащитный Господь…

Пьяные споры,
Волчьи метанья,
Блудные взоры,
Страх воздаянья…

А в поле над пропастью,
В метре от края —
Маленький мальчик…
С ним не играют.

И он наш Великий Господь —
Этот маленький мальчик.
Совершенный Господь —
Этот плачущий мальчик.
Всемогущий Господь —
Потерявшийся мальчик.
Беззащитный Господь…

И которую ночь, разметавшись в бреду,
Я хриплю и плыву в алкогольном поту,
И бегу — бегу через поле…
Он один в этой тьме, на пустом берегу,
Я успею, мой маленький, я помогу,

Я иду, я здесь,
Я уже скоро!

И воссиял великий свет
И отделился свет от тьмы.
Явились сонмища планет.
И солнца жар,
И блеск луны.
И звери шли за родом род
И населяли круг земли
От ледяных его высот
До преисподней глубины.
И этот мир и эти сны
И всей Вселенной дивный шар,
Нам лёг в ладонь, как робкий дар.
И что же мы?

12

Хороший был день. Солнце, когда они вышли из гостиницы, казалось, тоже протянуло им незримые руки, и робко дотронулось до их рук, плеч, коснулось чьей-то макушки, а потом скромно скрылось за облаком. Словно боясь сжечь что-то тонкое, важное.

Точно так же попрощались с ними сегодня обычно шумные украинцы. Притихнув, разошлись каждый в свою комнату. Многим захотелось побыть наедине с собой.

Обычно по субботам и они расходились кто куда. Но сегодня в их компанию напросились братья Карояны и они решили показать им Мцхету. Тем более, что августовская жара буквально выметала тбилисцев за город.
Когда уже шли к остановке, чтобы добраться до автовокзала, их догнал высокий широкоплечий мужчина в тщательно отглаженных брюках и белой сорочке с черным галстуком, в черных лакированных туфлях. Голова его была неподвижна, но взгляд маленьких цепких глаз то и дело внедрялся мелкими гвоздиками в лица и предметы, причем, даже в лица прохожих. Впрочем, держался этот человек приветливо, стараясь скрыть свою настороженность.
За спиной мужчины несся вприпрыжку, глядя куда-то мимо и растопырив руки самолетиком, белобрысый светлоокий мальчишка лет десяти.

- Николоз, вы сейчас куда? Я бы хотел с вами поговорить.– сказал мужчина, уверенно встав между Эрикой и Николозом, - Возьмите и нас с собой. Меня зовут Анатолий. А это… мой сын Руслан.
Последние три слова он произнес сурово. Потому что, оглянувшись, увидел как его заигравшийся летчик, споткнувшись, полетел в пыль. Тот сразу вскочил и чуть ли не вытянулся в струнку, напряженно глядя отцу в лицо. Однако как только отец отвернулся, он скорчил рожу и принялся скакать у того за спиной.

- Как вам удается заставлять детей слушать библейские уроки? Ведь это был настоящий библейский урок, я правильно понял?..
- А мы не заставляем, - спокойно сказал Николоз. Не ответив на вопрос про урок.

Позже, уже в дороге на Мцхету, Руслан так расшалился на последнем сидении маршрутки, которое взял до того приступом, юркнув в маршрутку раньше всех, что обычно вежливые, покладистые братья Стефан и Гриша, по креслам которых Руслан водил какую-то машинку, немало не обращая на них внимания, сделали ему внушение. После чего Руслан спрятал машинку в карман и с такой силой откинулся на спинку своего кресла, что ударился о нее головой. После чего, нахмурившись, обиженно потер затылок. А потом всю дорогу хмуро смотрел в окно.

Но как только они приехали в Мцхету, он выскочил пулей и принялся скакать кругами, не обращая на этот раз внимания даже на отца. И опять свалился. Да так, что разбил в кровь колено. Тут же, искоса взглянув на отца, сорвал лист лопуха, и неловко зажал им ранку.

- Очень хорошо! – холодно сказал Анатолий и отвернулся.

Руслан, прихрамывая, пристроился за Стефаном и Гришей, которые шли пока что рядом. Самый младший же из Кароянов – низкорослый Лука, похожий на ослика с большими, нежно улыбающимися глазами, какими их изображают иногда в муьтиках, кажется, нарочно приотстал, чтобы пристроится у Руслана за спиной. Вскоре они с Русланом, обменявшись какими-то репликами, принялись показывать друг другу искусство, каким обычно обладают парнокопытные, когда скачут, взбрыкивая, по полю.

Анатолий, делая вид, что больше не замечает сына, приступил к расспросам. Не обращая внимания на щедрую мцхетскую природу, он пытался на ходу заглянуть Николозу в лицо. Но это ему не удавалось. И поэтому он немного сердился.

Он первым делом спросил, из какой они церкви.

- Из церкви Иисуса Христа, - ответил Николоз, слегка усмехаясь.

- Слыхал я про такую не то церковь, не то секту.
- Да нет, вы не поняли меня. Мы не принадлежим ни к какой церковной организации. Всех нас крестили когда-то в детстве в православной церкви. Иногда мы бываем на Литургии. Я даже время от времени причащаюсь. Но вряд ли можно назвать нас воцерковленными верующими. Мы и с протестантами дружим. Можем и к баптистам прийти на службу, и к адвентистам, и к квакерам. Эрика вон еще любит Армию Спасения.
- А я думал… Теперь понятно, откуда берется у вас эта свобода. У вас нет Ковчега. И вы гребете туда, куда несут вас волны, на своем утлом суденышке.

Николоз ничего на это не сказал. Только едва приметно вздохнул. Понимал, видимо, что слишком у них разные языки – не объясниться.

Интересно, что сам Анатолий тоже не сказал из какой он церкви. Только кратко сообщил

с деланной скромностью, что он по профессии – пастор.

Мало-помалу пастор расслабился и, поняв, что имеет дело с людьми, с его точки зрения, наивными, принялся понемногу поучать их. По ходу этого дела он как бы откровенно приоткрывал завесу собственного сердца. Но только как бы. Это было у него приемом, заимствованным из арсенала практикующих психологов.

Хотели они начать с осмотра знаменитого храма Светицховели. Хотели настроиться на посещение раки с мощами прославившегося на весь мир святого блаженного старца Габриэла Угребадзе в монастыре Самтавро. Но при таком раскладе пришлось начать с пикника. Углубившись в лес, они нашли широкую травянистую поляну и сели на ее краю под кронами могучих деревьев. Разложили прямо на траве нехитрый обед – хачапури да лобиани. Поставили бутылки «Боржоми».
Дети, не притронувшись к еде, побежали все вместе обследовать окрестности. Георгий с Алексеем тоже куда-то исчезли. А Николоз, Анатолий и Эрика прилегли на развернутые туристские коврики и продолжили беседу в окружении удивительных, невероятных по размерам трав, среди порхающих бабочек, проносящихся с гулом жуков, среди синего неба и густых белых облаков в нитях солнца, под которыми парил орел. Все это настраивало на безмолвие. Но Анатолию все еще хотелось говорить. И ничего не оставалось, как дать ему выговориться. И – попробовать что-то разъяснить.

Много чего объяснял в тот день Николоз их неожиданному попутчику.

Но особенно Эрике запомнился разговор про то, может ли человек грешить после того, как покаялся и принял Св. Духа. Поскольку в Писании говорилось, что всякий, кто от Бога – не грешит. А если грешит, то, стало быть, Духа Святого в нем нет.

Анатолий сказал:

- Я от природы имею склонность к гневу. Но еще в школьные годы я раскаялся и стал свой гнев, как и некоторые другие свои страсти, подавлять. Стал упорно бороться с ними. И весьма преуспел. Но вот что случилось с гневом. Он раскололся на две неравные части. Одна часть – примерно процентов восемьдесят – трансформировалась в праведный гнев. Трансформировалась - в рвение по Богу. В горение светлого духа. Но, увы, склонность ко греху все равно остается и иногда мой праведный гнев выхлестывает за норму. И тогда я могу вспылить, могу накричать на кого-то. Это уже злость, тут Бога нет. Но такого вот – неправедного гнева - во мне только процентов двадцать. И вот какую штуку я заметил. Так как мы, люди, склонны к крайностям, склонны к максимализму, то я одно время из-за своей вспыльчивости не хотел принимать в себе вовсе никакого гнева. Даже праведный гнев я подавлял. Я превратился было в человека, который все и всех оправдывает. Превратился – в закрывающего глаза на реальное зло в мире. Превратился в этого адвоката. Тогда как Господь Иисус Христос со злом не мирился, он даже переворачивал столы торговцев и выгонял их из храма с бичом… И вы знаете что из этого вышло? Эмоция гнева никуда не ушла, а просто затаилась в подсознании. Причем, она стала налегать оттуда на сердце и мозг так сильно, что у меня стало подскакивать давление. Я стал жить под угрозой инфаркта или инсульта. Но самое плохое другое – я стал перегорать, затухать. У меня почти не осталось рвения, я вел свои служения в церкви как автомат… Ну, а потом я понял, что зря я выплеснул вместе с водами и ребенка. Зря ради тех двадцати процентов – погасил в себе весь огонь… И тогда я перестал его в себе зажимать. И он опять разгорелся с прежней силой. Слава Богу – теперь я понимаю, что человек, пока он в теле, не может избавиться от остатка своих грехов окончательно. И не корю себя за периодическую вспыльчивость. Просто прошу Бога милостиво простить мне

их на Страшном Суде, а там – окончательно изгладить. Но, конечно же, я стараюсь свести свои крайности до минимума.

Эрике показалось, что в этом есть своя логика. В ней тоже было рвение по Богу. Была критичность к миру. Ее она проявляла в разговорах как разумное, спокойное обличение. Хотя в душе при этом была печаль. Но какая-то светлая печаль. Что бы со всем этим стало, реши она прогнать свое рвение? Наверное, именно так, запутавшись, люди предают свои идеалы и начинают маяться от скуки и пустоты.

Но Николоз подошел к делу совершенно иначе. Он сказал:

- Простите меня, если мне придется вас разочаровать. Но видимо, вы пока что не приняли Св. Духа. И это для вас – хорошая новость. Значит, вы, исправив свои мысли, можете принять его теперь. Хоть прямо сейчас… И Св. Дух – преобразит вашу природу. Вернет ее вам такой, какой она на самом деле и была. Пока не склонилась ко греху. Как преображает он природу всех искренне к нему обратившихся, искренне раскаявшихся. Ну не может из одного источника течь и сладкая вода, и горькая. Не может гнев быть одновременно и праведным, и нет. Если гнев, хотя бы на двадцать процентов, иногда становится неправедным, то, значит, и весь он не праведен. Но не надо ничего подавлять! Это действительно не приносит ничего кроме вреда. И многие новоначальные христиане могут на этом этапе даже пошатнуть свое здоровье. Вместо этого нужно очень сильно захотеть перестать мешать Богу своими усилиями. Следует всего лишь расслабиться и перестать пытаться все понять рационально, одним умом. И дать Богу возможность действовать внутри нас. Бог сам преобразует своим Духом наш характер. Понимаете, когда Св. Дух вас преобразит, вам больше не захочется кого-то критиковать, на кого-то наезжать. Вы на все будете смотреть глазами Любви. Замечать, конечно, зло. Печалиться о нем. И даже, если нужно, обличать. Но вы будете делать это с Любовью. Помните – Любовь изгоняет множество грехов – и прежде всего из вас. Вся Энергия Бога состоит из Любви. Но свободная Воля, данная нам Богом, с помощью которой мы, созданные им существа, становимся живыми и самостоятельными, может все равно по привычке тянуться к греху. Тем более, что плоть и Дух противоположны. Однако плотская природа у преображенного Духом человека уходит на второй план, занимает свое подчиненное положение. И она будет молчать, будучи лишенной силы к греху. Но если вы добровольно уклонитесь к ней, опять позволив себе старое, то Дух моментально отойдет. Потому что не может чистый светлый Дух жить в чем-то грязном. Он даже обижается, когда мы пытаемся удержать Его. И вот вернуть его потом уже сложно. Придется, проникнувшись одиночеством, опять осознать заново, какого друга мы потеряли. Конечно, он опять вернемся, если мы искренне раскаемся и постараемся больше не повторять прежнего греха. Но зачем же Его так обижать, так не уважать.

- Николоз, неужели мы становимся, обратившись к Богу, настолько безгрешными, как ты говоришь?! – воскликнула Эрика. – Зачем тогда существует покаянное исповедание грехов, к которому принято прибегать вновь и вновь?

- Ты думаешь, что это праведно перед Богом – бесконечно грешить и каяться, каяться и грешить?

- Но что же делать-то? Что?! Раз склонность к греху остается?

- Остается не склонность, а - инерция. Установка на новую жизнь уже сформирована. А прежняя – перестала быть актуальной и понемногу затухает. На это действительно нужно время. Но не вся жизнь! Мы не можем остаться младенцами на всю оставшуюся жить. Не

можем постоянно то и дело грешить. После того как Св. Дух изменил нас, выбор за нами – грешить или нет. Да, поначалу мы можем по инерции падать. Но тут же - будем вставать. Несколько раз упадем, встанем, но потом уж – пойдем. И там уж падать не будем. А если опять добровольно выберем грех, то Дух отойдет от нас. Все труднее будет Его вернуть. Слова про то, что Св. Дух, поскольку он Личность, тоже может обижаться – это слишком человеческие слова. К ним авторы Писания прибегали по нашей и своей немощи. На самом деле, Св. Дух не то чтобы обижается, а просто не может… Да, как это ни странно, но Он не может ничего делать без нашей помощи. Без нашей свободной воли, нашего выбора. Иначе мы были бы марионетками, а марионетки – это механизмы, а не живые существа. Если мы применяем дарованную Им Жизнь и Свободу во вред себе и другим, то – что он может поделать? Он сделал уже все что мог, и даже больше – Сына Своего единородного послал к нам, дикарям, на верную гибель, чтобы тот своим примером показал нам, как может человек преобразить свое бытие. Этим примером он и лишил власти своего противника. Который думал, что сможет бесконечно манипулировать нами, загоняя в круг ложных представлений о Боге и его святом характере, которому мы подобны.

- Но ты же сам говорил о двоемирии. О том, что люди и даже страны имеют божий мир – внутри себя. Но не помнят об этом. И в этой жизни часто ведут себя по-другому. А мы можем видеть лишь их потенциал – видеть их такими, какими задумал их Бог.

- Неужели Бог задумал их такими только для того, чтобы любоваться их потенциалом? Дорогая Эрика, нет никакого двоемирия в привычном смысле слова! Ничто не раздваивается на плохое и хорошее! Повторюсь, Источник один, и он не разделяется в самом себе. Не может из него течь одновременно и сладкая, и горькая вода. Божья Сила одна. А примем ли мы ее - такой как она есть, и станем ли жить с ней в согласии или начнем плыть против ее Течения, внося сумятицу, зависит от нашего выбора. Плохой выбор – это только потенциальная возможность. Она ведет в тупик. А выбор хороший – открывает мир безграничных возможностей, безграничной полноты жизни. К сожалению, очень многие выбирают путь в никуда. И плывут, не понимая того, в Тень истинной Жизни. Но и этот образ Тени – лишь человеческое понятие. В истинной Жизни нет Тени.

- Получается, что когда люди не живут с Богом, они умирают? Становятся как бы тенями?

- Да, дорогая Эрика. Они умирают. Но свободная воля все еще остается. И дремлющий внутри потенциал Жизни в Духе, которой они жаждут, тоже остается. Вот мы, если мы христиане, и должны помогать всем пробудиться. А потом расти. Все больше возрастать в Духе. Освещаться Им… Но только если мы сами – проснулись и растем.

- Поняла я теперь что такое тот - второй - мир. Который так прекрасен, так красив. Он на самом деле - в нас. Когда Мы смотрим на мир глазами Духа, то видим его потенциальную возможность возродиться. И начинаем от всей души содействовать этому. Мы видим повсюду зерна Духа. А где-то даже ростки. А где-то - и прекрасные деревья, полные плодов.

- Ты только помни, что Бог возлюбил нас любовью вечной. Он нас любит так, как человеческий язык выразить не может. Доверяй ему, пускай в свою жизнь. Это не суровый отец-инквизитор, а просто Друг.

Тепло взглянув на почему-то сцепившего зубы Анатолия, у которого желваки заходили на скулах, Эрика простодушно сказала ему:

- Знаете, я где-то читала, что гнев представляет собой нерастраченную энергию для изменения, направленную на себя: свой образ мыслей, характер или зависящих от нас обстоятельств. Есть хорошая новость – наступило время перемен!

Но Анатолий сухо бросил, не удостоив ее взглядом:

- Да, надо пристальней вглядеться в свои грехи. Разобраться с ними по полной.

- Да не можете вы, дорогой брат, ни с чем разобраться, пока вас не коснется Св. Дух! – воскликнул Николоз. – Покаяние – это тоже плод Духа. Как и другие Его плоды: «любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона». И соотносимые с ними дела.

Анатолий упрямо возразил:

- Ну как же, закон и дан для того, чтобы смотреть в него как в зеркало и сверять, так сказать, с ним свой фейс. Пятна – удалять.
- Внешние-то пятна можно удалить. Но если не живет в тебе Дух Божий, то внутри все останется по-прежнему. Десятислов – это действительно зеркало. Оно дано для того, чтобы мы увидели, насколько мы далеки от совершенства. И убедились бы на собственном опыте, что не можем ничего делать формально, не изменившись сначала внутри.
- Но мы и не можем быть идеальными!
- Можем! И не только идеальными, но даже – святыми! «Будьте святы, как и я свят!». Это не так уж и сложно. Просто надо смириться со своей ограниченностью и дать Богу действовать в твоей жизни. И он преобразит твой характер. Положит этому начало, чтобы идти потом с тобой рука об руку все выше и выше. И вглубь идти, и вширь. Чтобы ты встал вместе с Ним лицом к лицу перед подлинным Бытием. Чтобы ты - был. И еще, брат, запомни, пожалуйста, - возрождение в Св. Духе не одномоментный процесс. Апостол Павел говорил, что он рождается в Духе каждый день. Каждый день, каждую минуту он выбирал Дух Жизни, а не дух смерти. Прими, брат, Духа Жизни и отсекай каждый день не нужные мысли. Выбирай благие. Действуй в соответствии с благом. Не задерживайся в пути. Молись. Потому что молитва и устанавливает связь с Богом. Для этого надо расчистить небо души от набегающих облаков – всех-всех посторонних мыслей, быть может, даже благих. Это называется вниманием. Да ты, наверное, и сам знаешь… Мысли – облака и тучи. Они мешают связи. Молитва расчищает их. А установленная связь с Богом позволяет Ему взять тебя под крыло. На крыльях молитвы – ты, наконец, начинаешь парить над судьбой. А что такое судьба? Накопленные дурные привычки. Круговращение в них. Слепота. Спячка. Так не живет, а тлеет – большинство.

- Погоди, Николоз… - задумчиво протянула Эрика. – Если большинство – спит, то кто же создает искусство? Как не возрожденные спящие люди воспринимают и создают прекрасное? Ведь слушая музыку, читая стихи, глядя на картины художников, а главное, глядя на некоторых людей, всматриваясь в иконы, мы тоже парим. Но больше всего меня удивляет восприятие природы. В ней столько хищничества, там тоже есть умирание, но мы все равно любуемся ею, видим прекрасное. Что это за иллюзия?
- Ну, во-первых, искусство искусству рознь. Есть плоское ремесленничество, подменяющая красоту красивостью. Есть даже дьявольская подделка под искусство, находящая удовольствие в смаковании темных страстей. Сегодняшнее телевидение поставляет такую продукцию в избытке. Но в настоящем искусстве – всегда можно расслышать голос Св. Духа, хотя автор, быть может, и искажает, упрощает этот голос, сообразуясь с духом своего времени, его понятиями. И потом – среди творцов искусства

немало возрожденных людей. Просто не все из них воцерковлены. Вот мы и полагаем, будто они не религиозны в нашем понимании. Другое дело, что многие часто оступаются. Озарившись Святым Духом во время сосредоточенного вдохновения и создав, быть может, даже шедевр, они не понимают, что озаряться Духом и следовать добру надо каждый день, каждую минуту. Что надо проникнуть Духом всю свою жизнь. И – вновь впадают в спячку. То есть живут так же ничтожно, как и все. Поэтому я лично, восхищаясь произведениями литературы и искусства, не делаю кумиров из творцов. Но есть такие творцы, слово и дело у которых – едины. Это святые творцы. Люди, взрастившие в себе древо жизни из семени Духа и давшие плоды. Им подражать можно.

- А природа? Как мы можем видеть в ней прекрасное, если и там царит смерть?
- Природа!.. Бедная, нами же попираемая. Падающая вместе с нами… Она тоже полна внутренней Красоты. В ней Бог поддерживает эту Красоту так же, как в нас. В виде своего незримого присутствия. Как зерно Духа. Которое так хочет раскрыться и вырасти, что все творение тоже тоскует вместе с нами по этой жизни Ввысь. Поэтому подлинное созерцание природы вызывает не столько умиротворение, сколько порыв возвыситься над ее ограниченностью. Хотя на ее лоне и можно иногда отдохнуть, отрешиться от бешеного ритма.

13

Повеяло легким ветерком. Разговор угас. Николоз лег на спину и прикрыл глаза. А Эрика, поднявшись, хотела было прогуляться к месту, где встречались, «обнявшись, будто две сестры, река Арагва и Кура», но поймала себя на ощущении, что не хочется и этого. Для всего есть – свое время. Скрестив руки на груди, она стала вслушиваться в обступившее их Молчание. И постепенно догадалась, что Молчание – это на самом деле присутствие, в котором нет ничего, кроме чистой Любви. Это такое пространство. Все звуки и слова рождаются из него. И если они неточны, тяжелы, плоски, злы, то сцепляются по закону родства в комья грязи, превращаются в камни. И, будучи инородными пространству Любви, оказываются за его гранью, где-то снаружи. Вытолкнутые в эту наружную пустоту, они начинают ожесточенно биться друг с другом. Бьются они и о саму Любовь, ощущая ее как стену. Наверное, это там зарождаются землетрясения и наводнения. Зарождаются войны – катастрофы массовых ссор.
Какими же чуткими должны быть поэты, писатели, композиторы, художники, когда они извлекают слова, звуки и краски из пространства Жизни. Когда придают ему форму. Как в той песне – от чистого истока в прекрасное далеко – прокладывают они путь. И не должны угодить в воронку смерти.
Особенно близко к этому истоку, наверное, подходят те, кто работают со словом. Ведь Молчание и предвечное Слово неразделимы.
От чистого евангельского Истока и смолкает все наружное. Все обращается к Нему. И - все возвращается из желающего вернуться.

Способность Эрики замечать плевелы, зацикливаться на них, ее попытки преждевременно отделять их от зерен, не раз приводили ее к внутренним кризисам. В мыслях и чувствах возникала путаница, границы их то разделялись, то – смешивались.
Одно время она пыталась найти критерий для отделения зерен от плевел в философии. Обращалась она и к истории религий. Все это с одной стороны продвигало и возвышало ее, но и немало запутывало.
Наконец она нашла такой критерий в Новом Завете. Но плевелы, которыми был обильно, на ее взгляд, сдобрен Ветхий Завет и многочисленные их интерпретации разными христианскими конфессиями, мешали и тут.
Удивительный мыслитель Николоз избавил ее от этого противоречия в уме, сказав что не

только Ветхий Завет, но и вся культура человечества является лишь детоводителем ко Христу. Настоящий критерий – эталон и камертон – только Он сам.
И действительно, только в Его словах, делах и поступках совсем не было плевел.

Удивительно, но здесь, в древней Мцхете, глядя на свежую траву, Эрика забывала про отдельные увядающие травинки. Слыша шум величественных деревьев и, вглядываясь в их кроны, она не обращала внимания на то, что отдельные листики уже опали. Мцхетская природа была настолько здоровой, светозарной, божественно-молчаливой и одновременно неумолчной, лето ее было настолько продолжительным и благоприятным, что Эрика впервые всем сердцем прочувствовала, что смерти на самом деле – нет. То, что ей виделось как увядание, на самом деле – только замирание, концентрация сил перед тем как сбросить оболочку. Все живое время от времени меняет образ жизни, а вместе с ним и форму, а после на новом витке развития возрождается вновь.
Как хорошо, когда все меняется!
Ничто не стоит на месте.

И даже наводнения - они частенько случались в Мцхете весной, когда бурлящие сестры Арагва и Кура начинали при встрече бурно ссориться – даже эти эпизоды несовместимости Молчания и грязи, которую неумеренно выкидывало наружу – казались всего лишь болезнями роста и не могли всерьез нарушить фимиама Любви, в котором все на свете двигалось и в то же время находилось в равновесии. Где все было равновелико, улыбчиво и лучезарно.

Узкие старинные улочки, двух- и одноэтажные каменные дома – каждый на свой лад и со своей особинкой – роскошные ухоженные сады и парки, неспешный быт – все это как бы струилось и веяло в ладонях величавых гор.
Горы были как часовые. Вдали на вершине одной из них был виден безыскусный с виду храм Джвари. Дорога туда была непростой, если не пользоваться современным транспортом. А транспорт, приспособленный под нужды турбизнеса, был дороговат. Поэтому Джвари все еще оставался ближе к небу, чем к простым смертным.

Внизу же, среди большинства, выше всех был изысканный собор Светицховели. Вокруг него, щелкая фотоаппаратами, постоянно крутились туристы.

Шагнув немного в леса, раскинул свои владения женский монастырь Самтавро. Это здесь хранились мощи самого известного современного грузинского святого – блаженного старца Габриэла Угребадзе. Поскольку он жил и скончался именно тут, являясь для сестер негласным наставником. После Светицховели туристы перемещались сюда. Паломники же почитали это место святым и их поток тоже никогда не прекращался.

Со стороны Самтавро на поляну вдруг выбежал Руслан. Лицо его было изумленным. Подскочив к лежавшему Анатолию, он что есть мочи закричал:

- Папа, папа, я держал в ладони сердце отца Габриэла! Ты не поверишь, но оно билось!

Анатолий рывком сел, а потом, вскочив на ноги, ощетинился, словно зверь и грубо толкнул сына в грудь:

- Кто тебе разрешил ходить к раке с мощами?! Я же просил тебя никуда не отлучаться без взрослых!

- Но со мной был дядя Георгий. И Алексей. И - ребята.

Руслан беспомощно оглянулся на всю эту где-то нашедшую друг друга и воссоединившуюся компанию, которая, перебрасываясь шутками, подтягивалась к поляне. Никто еще не понимал в чем дело. Георгий даже, поравнявшись с Русланом, взъерошил тому волосы. Между тем как у того выступили на глазах слезы.

Анатолий упрямо продолжил:

- Разве ты не знаешь, что Слово Божье запрещает делать из людей кумиров? Тем более из мертвых людей?

- Да, но… Когда я прочитал старцу Габриэлу молитву и положил руку на его раку, то в моей ладони вдруг шевельнулся воздух. А потом стал биться в ней сильными, равномерными толчками. Это было сердце, папа! Я даже и сейчас его слышу.

- Это твое собственное сердце, дурень. Ты все опять перепутал. Впечатлительный ты у меня мальчик.

- Нет-нет, папа! Нет!.. Это было сердце батюшки Габриэла!

По лицу Руслана текли слезы. Все обступили его и принялись утешать. Николоз увел Анатолия в сторону и что-то шепотом втолковывал ему. Но тот уперто возражал:
«Да поймите вы, культ святых в православии – это самый настоящий спиритизм. Все эти лжечудеса не более как сатанинские козни».

Эрика, не сдержавшись, произнесла с убийственным сарказомом:

- Господи, какой же вы скучный!

- Эрика!.. – мягко одернул ее Николоз.

Анатолий же, сощурившись, небрежно выдавил в сторону – на Эрику он по-прежнему старался не смотреть:

- Ну, если вы называете скучным Слово Божье, то мне остается только молчать. Пускай с вами разговаривают мертвые. Бывшие при жизни завсегдатаями психиатрических больниц. Блажь которых прикрывали выспренним словечком «юродство».

- Неправда, старец Габриэл не был сумасшедшим! - возразила Эрика. – Думаю, что он-то как раз умел молчать как никто другой. А тому, кто вкусил подлинное Молчание, ничего не остается, как юродствовать. Потому что все слова, и даже музыка, и даже словесная молитва, даже земная любовь, даже, наверное, эти величественные горы и храмы – только какофония, только хаос, который бьется в пустоте за порогом подлинного Мира. Все ждет своего часа – мига преображения.

- Да кто вы такая?! – вскричал Анатолий и прямо-таки вцепился в Эрику взглядом, горящим совершенно по-волчьи. Он прямо-таки задыхался от ненависти и надменности. – Откуда у вас этот опыт?!. Эти ваши фантазии несносны!

- Есть у меня опыт! – упрямо возразила Эрика. – Я получила его, когда стояла вместе с Николозом на вершине Мтацминды. Я считаю, что встретилась тогда с Богом как бы

лицом к лицу.

В это время Руслан принялся скакать, опять превратившись в парнокопытное. Лука тот час запрыгнул на него, как бы желая прокатиться. Но оба они не справились с управлением и рухнули в траву. Руслан, как водится, разбил колено. Вскочив, он отпрыгнул в сторону и виновато уставился на отца.

- Размазня! – немедленно огрел его словом Анатолий. – Видимо, никогда тебе не стать настоящим …

Тут Анатолий запнулся, взглянул искоса на Эрику и отвернулся.

- …мужиком, - спокойно докончил за него Николоз. – Пожалуйста, не стесняйтесь говорить то, что думаете. Так мы поймем друг друга лучше.

- А кто такой настоящий мужик? – подозрительно спросила Эрика.

- Это противоположность настоящего христианина, - вежливо пояснил Николоз.

А Георгий ввернул:

- Тогда настоящая баба, видимо, противоположность Богородицы.

- А по мне, так настоящий мужик – это и есть баба, - сказала Эрика.

Но Анатолий, вместо того чтобы вконец рассердиться, вдруг успокоился.

- И все-таки вы фантазеры, - выдохнул он облегченно. Потому что нашел для их компании ярлык, и она стала для него безопасной. Злость его схлынула, и компания как-то потеряла для него интерес. Он лишь равнодушно обронил: - Лучше бы вы ходили в церковь.

- Да ходила я в нее, - проговорила Эрика с горечью, уже устало. И вполне миролюбиво, – но потом мне наскучили бесконечные разговоры о Боге и о грехах. Я даже почувствовала отвращение к этим двум темам. Было такое чувство, будто у воцерковленных верующих все чаяния концентрируются на фигуре какого-то виртуального Бога, которому они поклоняются в силу привычки. А человек – всего лишь винтик в этой системе поклонения. Он там никому совершенно не интересен.

- А сие есть нарушение не только заповеди любви к ближнему, но и заповеди любви к Богу. Поскольку в Евангелии говорится, что если человек не любит человека, которого он видит, то как он может любить Бога, которого никогда не видел? - заметил Николоз. – И что же тогда остается от той Силы в нас и вне нас, которую верующие называют Св. Духом? Хотя то же Евангелие говорит нам и прямо противоположное: что Бога мы все-таки видели – в Христе. Но эта евангельская истина двуедина. Кроме того, каждая из христианских церквей обросла какой-то своей мифологией, в которую предлагается поверить, когда в нее вступаешь. Большинство готово поверить всему или, не веря ничему, сделать вид, что поверило. И как быть таким как мы? Для нас в этой системе места не предусмотрели.

- А я, когда у меня были проблемы, ушел из общества Анонимных Алкоголиков – а это сообщество, построенное на церковных принципах, хотя и прямо не декларирует этого – из-за постоянного напоминания о грехе. Очень вежливого, деликатного, но все же – напоминания, - подал голос Георгий, не отрываясь от священнодействия с бутербродами. Так как хачапури и некая другая еда, которая время от времени появлялась из его рюкзака, постепенно улетучились. – Нас все время призывали каяться в своей зависимости. Призывали помнить о ней каждую минуту. Ну, мы и помнили. И срывались с той или иной регулярностью. Я вот могу понять, что не спасешься, пока не покаешься. Пока алкоголик не признает, что он алкоголик и что бессилен справиться со своей зависимостью, пока не смирится таким образом, не обратиться к Силе, которая выше него, та не сможет действовать в его жизни.
Но как понять то, что большинство из нас кается, чтобы снова грешить?!. Недаром народная мудрость подметила, что - не согрешив не покаешься, а, не покаявшись, не спасешься. Цинично, но – факт. Вот как выбраться из замкнутого круга?

- Очень просто! – с жаром произнес Николоз. – Надо просто верно понять характер Бога. А в христианских церквях все время пытаются подражать не Христу, а гиперболам и аллегориям, к которым тот прибегал. Сев раз на осла, снова и снова пытаются въехать на нем в Иерусалим. Но смирения и простоты чего-то не прибавляется. А иные зачем-то буквально моют друг другу ноги перед святым Причастием. Хотя в отличие от евангельских времен, на них нет грязи, потому что никто не ходит босым. Человечество растет. Его понятия, например, о строении атома углубляются. А понятия о характере Бога и о своем характере как Его образе и подобии – нет. Словно церковь законсервировала эти понятия. Все это было бы смешно, если бы не приводило к смешению Света и тьмы. Особенно меня удивляет, когда говорят: «Не осуждай!». А между тем постоянно осуждают самих себя, а потом, чтобы не было обидно – и всех других. И это при том, что Иисус Христос вел человека через покаяние к росту в Св.Духе. При духовном же росте у созревшей и обретшей внутренний мир личности неосуждение трансформируется в умение понимать, сочувствовать, сострадать. Когда же приходит понимание, в том числе – глубокое понимание себя, осуждению попросту не остается места. Остается трезвость ума, всецелое доверие Богу, прощение, милосердие и – движение вперед. Что может быть проще? У нас же, подражая еще и святым, своеобразно не понимая их, призывают друг друга к сверхъестественным подвигам. Как будто спасение, которое уже даровано, нужно еще заслужить. Например, желают научиться помочь вору перевалить через забор украденный у них мешок с фасолью, как делал то один из святых. И, если вдруг случиться такой казус, – обретают вместо святого сострадания преступной душе лишь ложное смирение. Подавляя и удаляя в подсознание естественное негодование, которое еще не прошло путь преобразования в понимание, поскольку путь этот без помощи Св. Духа не пройти. А как внешне, утрированно понимают почти везде великодушие Христа! Понимают смирение – как уважение к властям, причем, даже скверным. Вместо уважения к власти как к Богом задуманной системе, способствующей справедливому Порядку. А уважение к родителям, к семье трактуют как послушание альфа-самцу и обслуживающей его самке. «А ты кто такой?!. – сказали бы они и Христу. Но не видят Его за фигурой отца-властелина на троне. Ведь вчерашние рабы еще долго нуждаются именно в такой фигуре.

Тут Эрика, немного спохватившись, сказала:

- Ребята, мы говорим о Лаодокийской церкви последних времен чуть ли не как о вавилонской блуднице. Причем, пользуясь ярлыком осуждения. Может, не будем передергивать?

- А разве это не так?.. Когда это так, то это уже не осуждение, а – обличение. Дай Бог только, чтобы оно исходило из чистого сердца и трезвого ума.

- Но кто же тогда апокалиптическая Дева в белых одеждах, которую преследует дракон? Та, что противоположна блуднице?

- А это и есть наше церковь. Братство пламенных, умеющих думать своей головой граждан небесного Отечества! Друзей Бога из всех земных церквей, да и просто – из мира. Ведь говорил же Иисус в Евангелии от Иоанна:
«Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе. Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине». А в этих словах из «Послания к евреям» как нельзя лучше отражена суть новозаветной церкви: «Вот завет, который завещаю дому Израилеву после тех дней, говорит Господь: вложу законы Мои в мысли их, и напишу их на сердцах их; и буду их Богом, а они будут Моим народом. И не будет учить каждый ближнего своего и каждый брата своего, говоря: познай Господа; потому что все, от малого до большого, будут знать Меня, потому что Я буду милостив к неправдам их, и грехов их и беззаконий их не воспомяну более».

Все замолчали, так это было неожиданно. И в тоже время – близко, понятно тем, кто умел понимать.
Потом, смущенно кашлянув, сказал свое слово Алексей:

- Ну вот что… Мы это… Да дело надо делать, а не о грехах своих думать. Или даже много думать о грехах церкви. Апостол Павел, тоже помнившись о своих грехах - помнивший, но не думавший о них, потому что оставил их позади – как-то сказал: «Забывая дальнее, простираюсь вперед».

Слегка покраснев и вслед за тем напружинившись, Алексей вскинул взгляд в сторону Николоза, видимо, ожидая от того поддержки.

- Да, Алеша! – с жаром поддержал его Николоз. – Я всегда полагал, что Апостол Павел, рассказывал слушателям о собственных злодеяниях того периода, когда он был еще Савлом, не для того, чтобы еще раз напомнить о человеческой греховности. А чтобы показать своим примером как далеко он ушел от себя прежнего. И еще заметь – Бог в большинстве случаев действует руками людей. Теперь, когда Он уже не в плоти, это мы становимся Его плотью. Это мы, доколе мы в плоти, имеем привилегию нести его Слово и делать Его Дела. Даже если это очень трудно. Просто ради Него. А петь при этом можно хоть «Интернационал», раз эта музыка способна вдохновлять. Только бы, в отличие от революционеров плоти, не пролить во время революции духа ничьей крови - ради Христа этого нам нельзя!

- Верно-верно. А мы все каемся да грешим, грешим да каемся. Мозг свой программируем на негатив. И боремся потом сдуру с мозгом. А нет бы взять и угостить друзей сулугуни и чурчхелами! А ну налетай!

Тут Георгий извлек из рюкзака еще один пакет с разными вкусностями. И послал при этом Эрике воздушный поцелуй.

Этого не надо было произносить дважды. Все, кроме Анатолия, расселись по кругу вокруг завтрака на траве.
Анатолий же, сказав, что он не голоден, куда-то удалился.

- Ну хватит терзать неокрепшего в вере человека, - серьезно сказал Николоз. – Давайте уже угомонимся.

Однако слова своего ему невольно сдержать не пришлось. Когда после того, как они окончательно умяли всю еду, Анатолий вернулся, Алексей попросил:
- Николоз, а помнишь ты как-то рассказывал мне про свою встречу с Ильей Чавчавадзе? Может, расскажешь теперь всем?
- Погодите, а разве Илья Чавчавадзе?..
- Не торопись, сейчас ты все поймешь.
- Ну, ребята… Вы меня озадачили. Не такая уж это была и встреча.
- А все-таки!.. Николоз, расскажи! Это же настоящее свидетельство.
- Ну… Если это кому-нибудь нужно, то – ладно.

14

И вот что Николоз рассказал:

«Однажды мне захотелось перечитать стихи и прозу знаменитого грузинского поэта и прозаика Ильи Чавчавадзе. Я помнил, что он жил и творил во второй половине 19 - начале 20 веков. Говорю это для тех, кто, может, этого не знает. Потому что за пределами Грузии он известен мало.
Конечно, я был наслышан о нем. Кто его у нас, в Грузии, не знает... И даже что-то читал в школьные годы. Но не более того.
А тут вот - вдруг захотелось взять и перечитать основные произведения именно этого автора. Причем, основательно.
Потому что меня всегда интересовало, кто из писателей был предельно честен и действительно мыслил о Боге, действительно руководствовался Его Духом. Или хотя бы честно искал Его. Даже, быть может быть, ошибочно, через ересь атеизма. На тот момент я почему-то особенно задавался этим вопросом.

И вот я вспомнил, что есть такой автор как Илья Чавчавадзе. Смутно мне помнилось, что, кажется, грузинская православная церковь в последние годы даже канонизировала его в качестве святого праведного Ильи. (За богоугодные дела и писания).

Я отправился в центр Тбилиси и стал искать книги Чавчавадзе у букинистов, которые раскинули свои стеллажи у станции метро "Площадь Свободы". Как раз рядом с Первой школой, у здания которой на постаменте стоит каменный Илья вместе с другим своим замечательным современником - поэтом Акакием Церетели. А напротив, через дорогу, прячется за современными зданиями недалеко от Республиканской библиотеки - небольшой храм Св. Троицы, где Илья обвенчался с верной супругой Ольгой Гурамишвили.

Там были разные издания... Но я присмотрел себе то самое, где в одном томе были объединены и поэзия, и проза. Книга называлась "Сочинения" и вмещала в себя все или почти все художественное творчество данного автора.
В отличие от обширной публицистики, не изданной на русском языке, художественное творчество Ильи Чавчавадзе лаконично. Некогда ему было заниматься чистым творчеством - общественных дел хватало на целое министерство, а он был один. Но зато каждая написанная строка емкая, а каждое произведение - подлинный шедевр.

Но я почему-то в тот день так и не купил этот сборник.

Почему-то я уехал домой. Руководствуясь теми соображениями, что, быть может, удастся найти более современное издание. (В том, что я присмотрела, листы пожелтели от времени, читать их было сложно).

Но на следующий день - 1 августа - я решил все-таки купить это издание. И вновь отправился на Площадь Свободы.

Купив на этот раз тот же сборник, который присмотрел, я вернулся домой, прочитал несколько страниц и полез в интернет посмотреть какие-то более современные сведения об Илье Чавчавадзе.

Каково же было мое удивление, когда я узнал, что это был день накануне празднования православной церковью Грузии дня святого Ильи пророка, а заодно и дня памяти святого праведного Ильи (Чавчавадзе).

То есть я купил книгу, принялся ее читать, узнал из нее в чем-то удивительные для меня вещи и буквально напиталась возвышенными мыслями и чувствами - непосредственно перед днем Св. Ильи Чавчавадзе.
Юнг называл такие совпадения, природу которых он изучал, но так и не понял – термином «синхрония». И они у меня иногда случались. Поэтому удивление быстро прошло.

Я узнал, что этого писателя считают "отцом отечества". Его кипучая деятельность на протяжении полувека грандиозна. Илья Чавчавадзе был не только писатель, но и общественный и государственный деятель. Он не только создал "Общество распространения грамотности среди грузин", но и реформировал грузинский язык.

Илья Чавчавадзе был также основателем и на протяжении многих лет руководителем первого грузинского банка, созданного им для предотвращения разорения местного дворянства и для культурных проектов. По-видимому, став, таким образом, не только святым поэтом, но и святым банкиром.

Святой праведный Илья (как называют его христиане) поставил перед каждым человеком

задачу - стать личностью с глубоким духовно-нравственным измерением. Причем, немало преуспел в ее практическом воплощении. И прежде всего - на собственном примере.

Он вел народ именно христианским путем. И декларировал это прямо.

Причем, он в итоге, уже будучи пожилым, но по-прежнему активным общественным деятелем, был убит - то ли по заказу царской охранки, то ли - по заказу набирающих силу большевиков. Последние опасались, что передовые идеи этого гражданина могут оказаться влиятельней идей временщиков.

Короче, я понял - какими могут быть святые писатели. Святые бизнесмены. Святые работники с засученными рукавами. Святые князья.
Оказалось, что их не обязательно искать где-то за океаном.
Причем, я увидел творчество выдающегося сына грузинского народа совершенно под другим углом. Совсем не под тем, под каким его иногда видят узкие националисты.
Эти строки прямо-таки пламенели у меня в груди несколько дней - кстати, они были написаны молодым поэтом, когда он был студентом Санкт-Петербургского университета - 1 августа 1858 года:

Мы живем — и, тем самым, владеем божественным даром;
Но порой свою жизнь мы впустую расходуем, даром.
Нам, рожденным из праха, обреченным в грядущем на тленье,
Не пора ли понять невозвратность любого мгновенья?
О, глупцы! Мы Спасителя слово о жизни забыли:
Драгоценность она — не пылинка средь облака пыли!
Неужели живем мы, Христова завета не зная,
Что для жизни грядущей дана человеку — земная?
И не он ли велел нам, — хоть век всех живущих мгновенен,—
«Как небесный отец, будь и ты, человек, совершенен!

А еще меня сильно затронули такие строки:

Пустую жизнь без вдохновения
Небесным даром не зови:
Она — земное порождение
И достояние земли.
Но если искрою нетленною
Твой подвиг западет в сердца,
Ты светом озаришь вселенную
И не изведаешь конца.
Хвала любви! Хвала бесстрашию!
Служителю добра — хвала!
Он пьет бессмертье полной чашею
В награду за свои дела.

Теперь я считаю, что на Илью Чавчавадзе вывел меня Св. Дух.
Для меня Св. Дух - это живая реальность.
...И можно бы было на этом закончить.
Но у истории есть продолжение.

Следующим утром, в день памяти пророка Ильи, а также святого праведного Ильи Чавчавадзе я отправился на Тбилисское море.
Решив окунуться в чистые воды и символически смыть в этот день с себя все суетное.
(Хоть чистыми при нашей экологии воды этого водохранилища можно было назвать лишь символически).
Эта идея - омыться чистыми водами - была так сильна, что я не особо обращал внимание на сгущающиеся тучи и поблескивающие в них молнии.
Я не обратил внимания и на то, что на обычно многолюдном пляже в тот день почти не было народу.
Более того - никто и не купался, кроме каких-то двух-трех пловцов - их головы мерно качались вдали, подобно мячам. Причем, мячи находились за буйками.

А ближе к берегу стоял по грудь в воде православный священник с черной курчавой бородой. Он был в рясе и с крестом. Глаза его были зажмурены. Видимо, он молился.
Стоя во всем облечении прямо в воде.
Меня это удивило. Но не очень. Идея поскорее окунуться в воду была сильна.
И я таки, проворно раздевшись, окунулся.
Затем немного походил по ней, по воде, взад-вперед. И вышел на берег.

И тут я почувствовал недомогание.
Я почувствовал, будто все мои руки, ноги, грудь, спина, все туловище - покрылись мертвой водой. И эта смертная вода пронизывает меня до костей.
Напала грусть.
И еще сильнее заблистали молнии.
Стало греметь.

Одевшись, я поскорей отправился домой. Удивляясь своим так и не оправдавшимся ожиданиям. Ведь я вроде как собирался омыться живой водой. А вместо этого - получается, пропитался как губка - мертвой.

Позже, когда я уже подходил к дому, молнии засверкали сильней и грянул грозовой дождь. Он тоже впитался в ту губку, которая уже пропиталась до того чем-то заплесневелым, и эти благотворные капли, вероятно, начали там какую-то целительную работу.
Поэтому, наверное, я не простудился всерьез. Меня только немного знобило с неделю.
При этом мне было грустно. Потому что я по-прежнему чувствовал в своем теле и душе

какую-то смертность.
Но я читал и читал книгу И. Чавчавадзе, невзирая на недомогание. И божественные воды его вдохновения ту печаль осушали.

Наконец, меня осенило - надо узнать про то, что нужно и чего нельзя делать в день Пророка Ильи.
Благо, что есть под рукой интернет, к которому можно всегда обратиться с вопросом. Из него я узнала, что в день пророка Ильи категорически запрещается купаться. Особенно в водоемах.

Процитирую отрывок из некой статьи про это:

"Что нельзя делать на Ильин день?
Купаться. Это, пожалуй, самый главный и наиболее известный запрет, связанный с днем святого Ильи. На Руси верили, что в Ильин день оживляется всякая нечисть, в том числе подводная. Поэтому ходить в Ильин день на реку или озеро считалось дурной приметой. Запрет на купание, кстати, распространялся и на все дни после этого праздника. В северных регионах он был связан с тем, что в это время менялась погода, вода остывала и при купании можно было заболеть. В южных регионах после 2-го августа вода в водоемах зацветала."

Нарушители этого запрета могли стать и нередко становились - утопленниками.

Правда, если человек попадал под дождь - это действовало на него целительно.
Причем, на весь год.
Так что - слава святому пророку Илье и святому праведному Илье (Чавчавадзе)! - меня, несведущего, без дождя не оставили.

Но зато и урок я получил хороший.
Настоящий, практический.
Ведь без него я, привыкший над приметами посмеиваться, проверять все умом - в запрет бы, конечно же, не поверил.

Чуть позже я узнал, что 1 августа накануне дня пророка Ильи в нашем водохранилище утонул мужчина. Видимо, это его отмаливал в тот день священник, войдя в глубину.

Знаете, в стихах «Ответ на ответ» праведный Илья отлично показал, что люди молятся – двум разным богам, а полагают – будто одному.
Отчего порой у тех, кто является сынами истинного Бога, опускаются руки, потому что они - в явном меньшинстве:

Мы о народе
Твердим постоянно,
Вы ж удивляетесь нам невпопад.
Разве вы слепы?
Ведь океаны
Тоже из капель простых состоят.
Что ж вы дивитесь,
Раз мы желаем
Всех обездоленных соединить?
Вам, пустозвонам,
Злобным лентяям,
Только бы яму для общества рыть!
Да, мы устали,
Путь потеряли,
Вы же болтаетесь навеселе.
Мы несчастливы,
Вы же спесивы, -
Как нам ужиться на этой земле?

Вы клеветать
Продолжаете дальше,
Всюду безбожьем корите вы нас.
В бога неправды,
В господа фальши
Мы, безусловно, не верим сейчас.
В бога-разбойника
И лицемера,
В бога, живущего нашим горбом,
Вам, тунеядцам,
Свойственна вера,
Мы вам охотно ее отдаем.
Но в утешителя
Обремененных
И обличителя праздных людей,
В господа страждущих
И угнетенных
Не утеряли мы веры своей, -
Братство и равенство
Нам возвестившего,
Бога распятого, бога в крови,
Слабых призревшего,
Сильных язвившего,

Вами гонимого бога любви;
Всех двуязычных,
К фальши привычных
Ниспровергающего без труда,
Всех фарисеев
И саддукеев
Изобличившего раз навсегда!
Он уподобил
Смердящему гробу
Всех, кто, как вы, лицемерил в веках…
Дети обмана,
Насытив утробу,
В бога вы верите лишь на словах».

15

Вечный спор гор и долин. Странный спор людей, не вникших в диалектику Христа. Или хотя бы просто в диалектику повседневной жизни.
Так спорили на Руси –интеллигенция и власть, славянофилы и западники, либералы и консерваторы, жители города и деревни… В советское время спорили даже физики и лирики. А лирики спорили – еще и между собой.
Отголоски таких споров доходили и до Грузии, подхватывались тут и рождали своеобразные идеи.
Вели такой спор и поэты-соперники: «горный орел» Важа Пшавела из высокогорного Чаргали, спускавшийся в Тифлис только когда нужно было отнести в хурджине рукопись в редакцию, и проживавший в столице Акакий Церетели. Стреляли друг в друга стихотворениями. Акакий брал изяществом, Важа – меткостью.
И только Илья, обнимавший думами и горы, и долины, сочувствовал им обоим. Но не подавал виду.
Как ему было объяснить им, полным внутреннего достоинства, сильным и щедрым, что надо бы им немного уйти в себя, как уходит в себя после шторма море. Чтоб и другой мог пройти по узкой тропе к поэтическому олимпу. А проходя мимо, быть может, слегка задержаться в эфире личного пространства своего поэтического визави. И вдруг увидеть того – другими глазами.
Как было объяснить, что горы и долины все-таки сходятся. На новой высоте. Там, где совсем нет гордости. И поэтому все становится – очень простым. Интеллигент не презирает, а развивает народ. А подлинные аристократы – становятся лучшими, чтобы вести свою нацию к Свету. Из лучших же – уже можно избирать правителей. Правитель не досаждает гражданскому обществу и не делает ставку на тех, кто молчит или льстит. Города у него зелены как села, а села - похожи на города. И тут, и там промышленность вынесена за черту. Туда легко добраться на скоростном транспорте. Армия там – состоит только из защитников отечества. Потому что захватнические войны – запрещены законом. А этот международный закон защищают коллективные миротворческие силы всех без исключения государств мира.
Итак, горы и долины сходятся в душе человека, когда он обретает собственную высоту. И только эта, быть может, у кого-то совсем невидимая постороннему глазу высотка может поднять над жизненными трудностями.

Такая мысленная картинка выстроилась в воображении Эрики, когда она в очередной раз

обходила секторы Дома Юстиции.

Выйдя из здания, она присела на одну из лавочек в парке, через который можно было пройти к проспекту Агмашенебели, и добросовестно занесла в тетрадь сделанные сегодня шаги. Поставила тройной знак вопроса над проблемами. И невольно улыбнулась.
Да разве же это проблемы?!
Подумаешь, человек не может юридически подтвердить свою личность в документах на квартиру. В то время как целая страна может стать никем в отношении своей территории. А часть ее де-юре уже обрела такой статус после серии молниеносных референдумов в зоне проведения СВО, хотя де-факто - еще не покорена. В любой момент в нее могут войти вежливые люди в погонах и попросить освободить чужую землю.
Вспомнилось, как тридцать лет назад жители Советского Союза в одночасье лишились государства. Хотя вроде бы большинство высказалось до того на референдуме за его сохранение. Причем, государство было расформировано не иноземным войском, а собственным правительством.
Умный был советский народ, но – не мыслящий. Охотно верил всему. Ведь власти, для того, чтобы держаться на плаву, все время приправляли свои действиями идеологией, но не позволяли вдуматься в нее всерьез. И любая – даже потенциальная – попытка мыслить критически пресекалась на корню. Вот и пришла страна мерным шагом к концу. Фактически, самоликвидировавшись.

Была уже осень. Холод понемногу просачивался внутрь отрезвляющей микстурой. И хотелось держаться за исчезающее тепло.
Эрика вспомнила, как она объясняла во время летней поездки в Мцхету, как понять, кто виноват, а кто прав, если обе стороны врут и ябедничают друг на друга.
Этот вопрос задал Стефан, когда они, постояв у места слияния Арагвы и Куры, присели на лавки за дощатым столом.

- А ты помнишь, как вы потеряли дом? – осторожно спросила Эрика.

- Я тогда еще не родился. Но мама рассказывала. Родители у нее – все они жили в Тбилиси – умерли рано. И ее взяла к себе бабушка, у которой был в Мцхете свой дом. Он был вон в той стороне, рядом с местом на берегу Куры, где любил сидеть отец Габриэл. Теперь туда тоже шляются… Простите, я хотел сказать – ходят туристы. И как-то отец Габриэл, проходя по своему обычному маршруту мимо маминого дома, пригляделся к девочке и, не останавливаясь, пробормотал через плечо: «Трудная у тебя будет жизнь. Очень трудная. Но ты все преодолеешь». Сказал – и пошел себе дальше. Он знал, что эта девочка, как и многие другие мцхетские дети принимает его за сумасшедшего и боится. Когда-то детвора в каком-то другом месте даже жестоко избила его, поломав ребра. И все из-за слухов о сумасшествии из-за его странного поведения. Слух же распустила еще советская власть, потому что однажды отец Габриэл сжег накануне демонстрации в честь октябрьской революции огромный портрет Ленина. Он сказал, когда его бросили в застенки КГБ, а потом в психиатрическую клинику, что поклоняться надо Иисусу Христу, а не Ленину. И, кстати, он сам так сильно поклонялся Иисусу Христу, что собирал по подвалам старые иконы и развешивал их на стенах храма, который он построил собственными руками в своем дворе в Тбилиси. И власти как ни старались, так и не смогли его разрушить. Кажется, один раз все-таки разрушили, но отец Габриэл построил его опять. И второй раз совершить такое святотатство совести не хватило даже у советских властей.
Ну, в общем, старец Габриэл, бросил маме через плечо свое пророчество и побрел себе восвояси дальше.
А дальше через несколько лет бабушка умерла, да и старец Габриэл тоже.
Съехались мамины дяди и тети – дети бабашки – и решили бабушкин дом продать. А

деньги они разделили между собой поровну.
Вот только маме ничего не осталось. Но жить к себе ее никто не позвал.
Ей в ту пору было уже восемнадцать лет. Все решили, что она уже взрослая и сможет ухаживать за собой сама.
И вот маме прищлось уехать в Тбилиси и какое-то время жить с бездомными на улице. Потом ее на время приютила у себя подруга по работе – обе они работали дворничихами. И там она встретила нашего папу, который к тому времени продал и пустил на ветер собственное жилье. А после они вдвоем самовольно вселились в брошенные строителями времянки и у них родились мы. Ну, а остальное вы знаете.
После этой истории мама заболела периодической болезнью. Она так и называется – периодическая болезнь. Потому что вот живет человек, и все у него хорошо. Только он грустный. Потом, наверное, что-то вспомнит – и у него как схватит дикой болью живот. Так, что он сидит, скрючившись, и только обнимает свой живот, словно проглотил целый земной шар. И плачет, и гладит его. А температура при этом – под сорок.

Эрика пояснила:
- Хочу еще заметить, что болезнь нашей подруги Эльвиры – она обусловлена генетически – еще называют армянской или средиземноморской болезнью. Поскольку замечено, что чаще всего она встречается у представителей народов, предки которых испытывали гонения, и, может быть, даже столкнулись с геноцидом. Среди армян, евреев, арабов.

- У мамы эта болезнь протекает совсем тяжело, но при этом ей не дают инвалидность. Говорят, не положено, потому что симптомы атипичные и не входят в какую-то там классификацию, - продолжил, вздохнув, Стефан.

- Деньги хотят, - хмуро сказал Георгий

- Каждый раз, когда скорая увозит маму в больницу и ей там делают капельницы, приступ проходит, но через какое-то время выясняется, что в теле начинает гнить какой-нибудь орган. Например, часть кишки или почка. И все это надо срочно удалять… Мама перенесла уже девять операций.

- Девять операций?!. – медленно приподнявшись, Руслан вдруг вскочил на стол и, перебежав к сидевшему напротив Стефану, сел рядом. Взялся обеими ладонями за щеки, уперся в стол локтями.

– Вот что, наверное, бывает, когда у человека отнимают что-то родное, - протянул он задумчиво.

Потом, встрепенувшись, шепотом спросил:
- А папа где был?
- Пил, – ответил Стефан тоже шепотом.

- А иногда швырял в Стефана вещами, камнями и один раз даже молотком, чтобы тот шел на улицу просить у прохожих деньги ему на выпивку. Это было, когда мама бывала в больнице и в доме заканчивалась еда. Тогда Стефан собирал бутылки, чтобы нас с Лукой прокормить, - дополнил рассказ Гриша.

- Но папе мы тоже хлеб покупали, - заметил Лука. – А то как бы он выжил, пока мама не у дел.

А Гриша продолжил:
- Когда мама долго лежала потом дома после каждой операции, это Стефан ухаживал и за мамой и за нами, еще тогда маленькими. Готовил кушать и даже кормил Луку с ложечки. И маму в первое время тоже кормил с ложечки. Стирал нам, убирал. И даже делал маме косметику, потому что она хотела быть красивой. Когда такое случилось в первый раз, Стефану было пять лет.

Эрика же грустно сказала:
- Как же вам все-таки повезло с мамой! И друг с другом тоже – ох как повезло! Только с папой не повезло. Но и у него есть шанс, потому что у него есть вы, и вас теперь – большинство. И знаете, тем странам, про которые кто-то решил, что их больше нет – тоже обязательно повезет. Их народы когда-нибудь снова обретут под ногами почву. Они могут сделать это уже сейчас, если почувствуют себя не в каком-то страшном безвоздушном пространстве, а как бы стоящими на воздухе. Они могут почувствовать наше небесное Отечество.

Потом она спросила у детей, кто, по их мнению, виноват, что страны-внуки продали дом своей огромной бабушки-страны, в которой некогда жили все вместе, и, купив себе на вырученные деньги хутора и прожив тридцать лет врозь, опять делят дом?

Кто-то ответил, что – старший брат. Кто-то – что второй.
А кто-то – что настоящие братья не делятся на «первый-второй».
Кто-то – что это один пошел против всех, и потому не прав он.
А кто-то из взрослых подсказал, что неправы были их родители, так плохо их всех воспитавшие.
А еще кто-то – что друзья родителей.
Кто-то же посчитал, что во всем виноваты их собственные друзья - дети врагов их родителей. Недаром в свое время родители запрещали им с ними дружить.

Наконец, Стефан устало сказал:
- Да все они виноваты, раз не сумели остаться друзьями.
И поправился:
- Мы виноваты – все.

- Вот и я так думаю! – воскликнула Эрика. – Хоть эту кашу и заварил старший брат, все по-своему принимали участие в ее приготовлении. Даже, наверное, мы.

- Эрика, но разве не ты этим утром называла старшего брата великим? - напомнил Николоз. – Жалела его за что-то.

- Я имела в виду не власти, а народ. Многое зависит не только от правителя, но и от места государства в жизни тех или иных наций. В России государство постоянно подминает под себя народ, вместо того, чтобы стать незаметным и просто служить ему. Более того, государство здесь постоянно утверждает, будто оно и есть народ. Поэтому все, кто с ним не согласны, являются, по мнению правящей элиты - не правильными русскими. «Ты что – Родину не любишь?!» - время от времени спрашивают у несогласных согласные. И те, у кого нет твердости или совесть не так чутка, предпочитают стать несогласными уже только с этим утверждением. А между тем у каждого народа есть душа. И она увядает от такого с собой обращения.

- Милая Эрика, все мы знаем, что Россия – это Ассоль! – Георгий, улыбнувшись, одарил ее очередным воздушным поцелуем. – А Украины мне всегда виделась Золушкой. Разве

Золушка и Ассоль могут стрелять друг в друга? Разве выстрелил бы Владимир Дубровский в Машу Троекурову, а Ромео – в Джульетту, только за то, что их отцы – сваляли дурака? Все теперь поняли где настоящие враги? Они – в собственных государствах. Это те, кто живут только для себя, а притворяются, будто для какого-то отдельного от людей, вознесшегося над ними государства. И что же нам всем делать?..

- Да взять и протянуть друг другу руки в обход властей! Забыв о былых обидах и не выставляя никаких территориальных претензий. Бросить оружие и побрататься! Выйти на всемирную стачку. Отправить правительства в отставку и создать органы народного самоуправления. Следить, чтобы органы самоуправления только служили народу, а не управляли им сверху. Вот это была бы – настоящая мирная революция!

- Ох, Эрика-Эрика, опять ты забыла про несовершенство человеческой природы. Все это человечество уже проходило, и не раз. До мирового масштаба, правда, не дошло, но вот советская Россия, помечтав на манер Наполеона о мировом революционном пожаре, опомнилась и соорудила ГУЛАГ. На Западе же после чехарды революций и войн стараются, правда, больше на словах, придерживаться принципов установленного в международных отношениях после Второй мировой войны так называемого нового мирового порядка. Это когда США и европейские страны соглашаются отбрасывать ради всеобщего мира даже некоторые собственные интересы. Эта модель предполагала создание надгосударственных учреждений и союзов, а также политику сдерживания потенциальных агрессоров. Сегодня наиболее крупные из них – ООН и Евросоюз. В целях сдерживания советской экспансии – США и западные страны создали блок НАТО. Мораль тут проста: живи и дай жить другим. Там каждый держится за свой кошелек, и все они сообща контролируют друг друга. Но опять-таки, это только верхушка айсберга. На практике все это может быть лишь пылью в глаза доверчивого обывателя. Как можем мы всерьез считать лидеров таких объединений хозяевами, да и просто – разумными людьми, если планета отравлена, ресурсы ее истощены. При этом элиты тонут в океане иллюзорного комфорта. Я говорю о принципе, а не его реализации.

- А разве объединения на основе такого принципа плохи?

- Не плохи. Это лучше, чем – ничего. Но это как брак по расчету. Он – без любви. Такая модель предполагает развитое гражданское общество. Вот последнего нам как раз и не достает. И еще – Россия многонациональная страна. Мало того, что она огромна. Она обросла автономиями. Причем, некоторые автономии оказались в глубине территории. Поэтому жителей России может скреплять вместе только любовь. А она, как мы все тут уже давно поняли, неотделима от любви к Богу. Или – хотя бы экономический интерес. А когда нет ни того, ни другого – такое образование превращается в лебедя, рака да щуку. И в конечном итоге может распасться. Пока не придет авторитарный правитель и не примется опять структурировать порядок сверху. А такой порядок предполагает ограничение свобод. Он чреват в России – их безграничным попранием. Поскольку и страна – бескрайняя. И нет никакого механизма для предотвращения перерождения авторитарного руководства – в диктатуру. Кстати, все это является одной из причин того, почему мы всегда на шаг или больше отстаем от Запада. И почему он опасается заключать с нами союзы. Почему так сух с нами, даже когда мы искренне к нему стремимся. Из-за чего мы, накопив вековые обиды, теперь вскипели таким высокомерием. Запад знает, что сделав шаг вперед, мы делаем потом два шага назад. Или принимаемся бежать в какую-то неизвестную сторону с оголтелостью сумасшедшего. Но это, опять-таки, с западно-рациональной, чисто индивидуалистической точки зрения.

- Неужели привычка приращивать новые земли – вначале для самообороны от кочевников, а потом и просто разливаясь во все стороны подобно широкому морю, которого сухопутной державе так не доставало – обернулась для россиян настоящим проклятьем?.. Россия стала как бы бурлящим океаном суши!.. Неужели нет выхода?!

- Есть. Нужно неукоснительно двигаться к Любви. Это – необходимость. Более того – неизбежность. Выбор у России один – Любовь. Или - смерть. В этом и заключается ее уникальность. Перед таким выбором, вообще-то, поставлены все народы. Но особенность России в том, что ей грозит еще и территориальный распад.

- Да Запад и вел нас к распаду – сначала СССР, затем Российскую федерацию. Совсем не думая о том, что он будет потом делать с мусульманским Востоком и Китаем без связующего звена и щита в виде сильной России, - завел свою излюбленную тему Георгий. – Когда в СССР отказались от «железного занавеса», в него хлынул поток новой информации. Статьи, книги, фильмы с самым разноречивым контекстом. Советская интеллигенция принимала это на ура. Мозг ее сначала вскипел, а потом, подустав, дезориентировался. Когда же он, сникший, все-таки пытался что-то транслировать, его уже никто не слышал и не слушал. В потоке масскультуры, которая захлестнула народ как волна короновируса, бывшие советские люди находили, да и сейчас находят варварскую радость. Это захватило даже часть творческой интеллигенции. Знаете, я никогда не думал, что наши кинорежиссеры и актеры, исполнители песен могут быть такими примитивными. Так могут отставать от созданных ими образов. Уши вянут, когда они начинают на ток-шоу выдавать свои секреты.

На это Николоз ответил так:

- Что ж, придется пойти обратным путем. Сначала включить мозг, отдав приоритет Евангелию. Потом покончить с привычкой к зрелищам и хлебу. Затем – обратиться к высокой мировой культуре. В частности - к русской классической философии и литературе. Впитать оттуда через призму Евангелия только самое лучшее. Захотеть, глядя в это лучшее, как в зеркало, обрести критическое мышление и собственное лицо и стержень. Для этого – предстоит вооружиться отвагой. Стать проще, скромнее. Предстоит разделить в своем воображении народ и государство и поставить последнее на подобающее ему прикладное место. Заняться не только экономикой и обороной, но в первую очередь - культурой, наукой и образованием, воспитанием на принципах гуманной педагогики. Стать разносторонними людьми, уделяющими внимание не только книжным знаниям, но и физической культуре, владеющими ремеслами, умеющими возделывать землю. Следить за экологией и поддерживать здоровый образ жизни. Сделать образование, здравоохранение, жилье и общественный транспорт, коммунальные услуги как можно доступней, чтобы человеку не приходилось тратить жизнь на добычу элементарных средств существования. Оплачивать эти сферы из государственного фонда, куда будет перечисляться обязательная часть прибыли. То есть создать на первых порах строй, основанный на конвергенции капитализма и социализма. А в дальнейшем – и вовсе перейти к христианскому демократическому социализму как наиболее органичному для верующих людей государственному строю, Ведь первые христианские общины были именно социалистическими. Их целью была не прибыль, а – жизнь ради Христа и ради преображенных человеческих отношений. Именно преображенные человеческие отношения, а не сребролюбивая погоня за достатком – и есть цель подлинного социализма. Мы можем опять стать первопроходцами, распространив эту практику в государственных масштабах, можем стать примером для всего земного шара, но уже сугубо позитивным… Можем создавать общественные организации и союзы, где разнообразие точек зрения в пределах избранного нами курса будет только

приветствоваться, а не подавляться. Выражая эти точки зрения, дискутировать до тех пор, пока не будет найден демократический консенсус. Следить за текущей политикой и влиять на власть через прозрачные механизмы контроля. Став таким образом народом с развитым гражданским обществом… А потом предстоит сделать еще один шаг вперед – стать братством. Все остальное – только движение на пути к этому важнейшему шагу. Без этого шага гражданское общество с развитием материального благосостояния деградирует в мещанскую массу и, впав затем в постмодернистскую спячку, неотвратимо глупеет. А там - опять может стать игрушкой в руках властей, причем, еще более манипулятивных. И даже – что уже не за горами – пешкой в игре самообучившегося фокусам падшего разума Искусственного Интеллекта. Ну, а армия должна по-прежнему оставаться ради защиты собственной духовной задачи – одной из самых сильных в мире. Но больше – никаких превентивных ударов. Никаких попыток вернуть себе прежние территории. Давайте уйдем глубоко в Себя. И там поищем новые горизонты и ориентиры… Вот только не надо ничего форсировать, не надо пытаться создать братство прежде гражданского общества. Такое навязанное псевдобратство - есть рабство.

- А разве это не утопия? – спросила Эрика. – Разве братство может быть массовым? Откровение Иоанна Богослова говорит нам о другом – что люди от поколения к поколению будут становиться все хуже, а их союзы – все разрушительней. Столкновения систем будут только расти.

- Вопрос о массовости – действительно спорный. Но элита, которая задает тон большинству, является солью – должна быть такой. Раньше роль элиты в России традиционно играла интеллигенция. Но не все русские интеллигенты стремились стать братьями во Христе… Да, столкновение систем будет усиливаться. Но и островки братства будут крепчать. И в Откровении говорится еще и о Тысячелетнем царстве праведников.

- А когда оно будет? Вдруг оно уже было и прошло, особо никем не замеченное?

- Не знаю. Но давай верить, что наш неправильный Ковчег плывет аки по воздуху в верном направлении.

Чуть позже, что-то припомнив, Николоз обрадовано сказал:

-Знаете, друзья, а ведь Россия в свое время могла основать Всероссийское братство. Стать первой в мире христианской страной-общиной. Причем, бескровно. Избежав как столыпинских реформ, так и революционных потрясений. На основе добровольного объединения граждан всех сословий как в деревне, так и в городе – в христианские трудовые коммуны под деятельным руководством православной церкви. Такой проект продвигал в начале двадцатого века, веря в него всеми фибрами души – выдающийся христианский-педагог, основатель и блюститель Крестовоздвиженского трудового братства, черниговской помещик-дворянин Николай Николаевич Неплюев. К тому же он был еще и мыслителем и подробно изложил в книгах свои взгляды и опыт. Неплюев предлагал русскому обществу объединяться вокруг местных православных приходов - в христианские трудовые коммуны с общественной собственностью, где распределение доходов велось бы не по труду, а по потребностям – как это бывает у родственников. Государство же, по его мысли, должно смиренно отойти на второй план – заняв, впрочем, место почетнейшее: служить высшему, то есть самоорганизовавшемуся во всероссийское Братство христианскому обществу. Служить на основе государственной собственности на

самые важные для их совместного функционирования сферы. Но как быть с теми, кто еще не дорос до столь высокой любви к ближним, которую только и требует от нас Христос?.. А вот как – для таковых в государстве, по мысли Неплюева, должен быть предусмотрен частный сектор. Если какие-то люди желают быть не братьями, а наемниками, работающими за плату – они могут заниматься бизнесом, по-прежнему оставаясь частными собственниками. Но это, конечно, как бы «мир» с его мирскими соблазнами. И человек в нем может потеряться, стать «внешним».

Эту дискуссию подытожил Георгий, сделав сам собой напрашивающийся вывод:

- Мои золотые, страна без гражданского общества – это страна без головы. Гражданское общество без любви – нежизнеспособно. Особенно в наших условиях. Братство же без гражданского общества – это рабство. А Любовь и Свобода – от Бога. Чему и учит нас, дурней, история. Вот только не нужно создавать тоталитарную империю. Пусть каждый научиться, наконец, управлять собой сам. Все-таки уже не дети!.. Ну нельзя воссоздать опять тот самый Советский Союз. Потому что прекрасным, пока был маленьким, он мог оставаться только в отдельных сердцах. А на самом деле Советский Союз был великим. А иногда и ужасным. А все великое обречено на то, чтобы заново учиться смирению. Давайте начнем с того, что станем просто добрыми, оставаясь там, где сейчас стоим. Весь этот мировой раздрай не должен превращать нас в зверей. И еще – пусть никто не обманывает сам себя, когда твердит, будто любит своих братьев, но при этом не уважает их границы. Хочешь иметь брата – относись к нему по-братски во всех сферах жизни. Ну а Неплюев – был просто настоящим пророком. А таким в отечествах, как известно, нет чести.

Немного помолчав, он, усмехнувшись, добавил:

- Что же касается самых больших – США, России, Китая – то я с детства все не мог взять в толк, что они делят?! Ну и пускай у одних – капитализм, а у других – социализм. Что из того?.. Нет бы им сдружиться подобно Атосу, Портосу и Арамису и вместе с Дартаньяном-Христом по-дружески подставить богатырские плечи всему развивающемуся миру. Опекать Африку, исцелять от демонов терроризма Ближний Восток, природу беречь. Но они стараются пасти сих малых на подножном корме, чтобы те их не переросли... А еще меня удивляет безбашенный постмодернизм. Когда никто не интересуется объективной картиной мира, уж и война и мир теряют привычные очертания и кажутся игрушками, которые можно переставлять то так, то этак. Вот и играемся, наблюдая за происходящим как за зрелищем в своем телефоне.

Встали и отправились все вместе в Светицховели, постояли на вечерней службе.

Потом, когда уже ловили маршрутку обратно, Руслан, пристроившись к Эрике, тихо спросил:
- Тетя Эрика, а как слушаться маму, если мама не слушается Бога?
-Да уж, Руслан, вопрос ты задал тот еще. Вот бы христиане почаще задавали его своим пастырям. Тем, что бездумно учат всегда слушаться старших. А как быть, если мама еще духовно не выросла? Если Бог ожидает - одного, а мать – настоятельно требует другого? Получается прямо какое-то двойное послание от воспитателей. У послушного дитяти голова идет кругом. Да так, что порой доходит до шизофрении. Но знаешь, Руслан, я думаю, что если родители еще маленькие, придется взять их под свою опеку. Молиться за

них, говорить теплые слова. Если надо – спорить. Но не грубо. И все-таки поступать так, как велит Бог. А Он велит детям напрямую – через сердце.

Эрика нашла в тетради сложенный листок бумаги, по-видимому, вырванный из блокнота Николоза. Руслан отдал ей его, когда они прощались в Тбилиси на вокзале.
И опять, как и тогда – лаской залило сердце. Выступила на губах улыбка.
Крупными печатными буквами на листке было написано: «Тетя Эрика, я вас люблю. Приходите в гости».
До этого, подсев к ней в маршрутке, мальчик всю дорогу рассказывал про своего охотничьего щенка Ричи. Папа подарил его ему на день рождения. Вернее, наверное, все-таки подарил Бог. Потому что Руслан по совету папы целый год молился о том, чтобы у него появился четвероногий друг. У папы, может, и не нашлось бы денег на такой королевский подарок, но помог случай. Они ездили вместе с церковью, где папа служил, тоже куда-то за город и там-то и нашли скулящего потерявшегося щеночка.
Когда Эрика искренне сказала на прощание, что будет по нему скучать, Руслан, призадумавшись, вдруг озабоченно выпалил:
- Тетя Эрика, а Ричи скучал, пока меня не было дома?
- Я его еще не спросила, - бодро ответила Эрика.
- Господи, какой ты еще ребенок, - сказал Анатолий дрогнувшим голосом. Он обронил после того, как впал в тягостное молчание, одну только эту фразу. Но лицо его по-прежнему оставалось замкнутым.
Он взял сына за руку, и они скрылись в толпе.

Как там теперь Руслан?..

16

Эрика, у которой сегодня по причине канители с бумагами, был выходной, купила к чаю булок и отправилась домой.

Тетя Лили не ждала ее так рано.
Когда Эрика неслышно вошла, та, стоя в дальнем углу комнаты рядом со своей кроватью в одной ночной рубашке, читала молитвослов. Слезы лились по всему ее лицу и даже по груди, капали на столик со стопкой книг.
Однако заметив Эрику, тетя Лили быстро спрятала молитвослов за стопку и отерла слезы. Шумно высморкавшись, накинув халат, она торопливо проговорила:

- Заходи, заходи, деточка. А я, знаешь ли, только что встала. Уж столько лет прошло после смерти Вадика, а я все живу затворницей. Мой режим прост – ночи напролет я читаю, утром провожаю своих жильцов, потом до четырех часов – сплю, затем – кручусь на кухне. А вечером – все вспоминаю Вадика и плачу, плачу. Иногда же глаза на мокром месте уже с утра… Какой он все-таки был противный – оставил меня одну. Сегодня я на него даже рассердилась.

Эрика машинально перевела взгляд на большой черно-белый портрет на левой стене – он был расположен почти напротив кровати тети Лили. И невольно опять встретилась с задумчивым, каким-то нездешним и в то же время теплым, глубоким взглядом молодого человека с очень тонкими, благородными чертами лица. От него исходили чистота и мягкость. И какая-то щемящая деликатность. Грусть лежала вокруг глаз и губ еще тонким, чистым как пух налетом. Грусть была еще светлой, как первый снег.
На этом портрете Вадим был младше того возраста, в каком ушел. И еще неуверенно вглядывался в себя. А вдаль смотрел – через этот же взгляд в себя – уверенно.

Эрика знала уже про него все из того, что известно было тете Лили.

Вадим был словно лебединой песней всего рода тети Лили, ее заключительным аккордом. Одинокая мать, пронесшая через всю жизнь потаенную мечту о так и не сложившемся личном счастье, несмотря на обилие претендентов, вложила в воспитание сына все свои умения, все самое лучшее, что могли дать Советский Союз и культура дореволюционной России. Она даже собирала вместе с ним самолеты, когда он возвращался из авиамодельного кружка. И участвовала в переписке клуба интернациональной дружбы, ге он состоял.
Она старалась не заострять его внимание на плохом. Населяла с самого рождения его воображение своими мечтами, наделяла чертами великодушных книжных героев, и даже чуть было не назвала его Тимуром в честь гайдаровского героя-пионера.
Видимо, невольно передалась сыну и ее потаенная мечта.

А люди были проще и хитрей. Особенно девушки.
Девушки влюблялись в высокого, изысканно одетого красавца с тонким юмором и деликатными манерами с первого взгляда. Он был доверчив, отзывчив, легко откликался на ласку.
Но потом они так же быстро отходили. Иные – успев всласть поэксплуатировать его или сделать жертвой интриг.

И в итоге, когда очередная такая пассия поставила вопрос ребром: «Или ты завтра находишь работу, или я ухожу!», - а дело было в начале второго тысячелетия, в Грузии тогда работать было негде, тем более человеку, не имеющему связей, - Вадим позвонил матери из своей квартиры на окраине города.
Он попросил ее приехать к нему завтра с утра. Якобы затем, чтобы прибраться. Попросил открыть дверь своим ключом, так как он, быть может, отлучится.
И когда ничего не подозревающая мать приехала, отдав за маршрутку последние пятьдесят копеек, и открыла своим ключом, то увидела на полу пятна крови и спортивный пистолет системы Макарова.
Следы крови привели ее в ванну, где и лежал мертвый сын.
Выстрелив в голову, Вадим, видимо, опомнился, и, добравшись до ванной, попытался остановить кровь при помощи полотенца. Да так и рухнул.

С тех пор тетя Лили, и без того не верившая, как и многие выросшие в СССР люди - в Бога, совсем отвернулась от Него. Может быть, она и признала бы, согласно новым веяниям, Его существование, но вопросы к Богу у нее появились существенные. Ну как он мог, если Он добр и всеведущ, если действительно всемогущ, допустить такое?! Как мог Он отнять сына?!

Однако христиане из самых разных конфессий, которые ходили по дворам ради проповеди среди одиноких и малоимущих, - даже те из них, в церквях которых не принято было молиться об умерших, -убежденно говорили о силе материнской молитвы. И тетя Лили все-таки решила по православному обычаю молиться за упокой сына. И вот – исправно молилась. Но старалась делать это тайком. Поскольку, видимо, ей было совестно заниматься тем, во что по-настоящему не веришь.

Воспитанная тетей-дворянкой и школой лишений первых послевоенных лет, она полюбила книги с того дня, как научилась читать. Причем, научилась почти самостоятельно - ей только показали буквы на кубиках. И привила к книгам любовь и маленькому Вадиму. Она даже устроилась работать на книжный склад, а потом – стала

работать продавцом-консультантом в «Военной книге». Да так продавцом, а точнее сказать – ловцом книг – и осталась. Хотя и закончила заочно Московский полиграфический институт, поступив туда просто потому, что получала удовольствие уже от самого вида книг. Одно время она изучала историю КПСС в местном институте марксизма-ленинизма, получила диплом пропагандиста. Могла бы вступить в партию и пойти на повышение по партийной линии, но как-то не захотела. Тем более, что надо было уже воспитывать сына, а не советский народ.

Книг в библиотеке тети Лили было столько, что и сейчас, несмотря на то, что она их понемногу продавала, книги стояли на полках вдоль всех стен, лежали штабелями на мебели и – в рабочем беспорядке - на полу. А перед кроватью тетей Лили всегда стоял столик со стопкой книг, которые она проглатывала за ночь, не пользуясь при этом очками. Натренировав чтением зоркость глаз, а ум – размышлением над прочитанным, воображение – умением представлять в ярких образах, а эмоции – отзываться и сопереживать, - эта, казалось, совсем не старая женщина, совершенно отбросила со своего пути такую штуку как Альцмейгер.

Итак, тетя Лили была в своем роде советским пассионарием. Но в узкой сфере.
В ее библиотеке было буквально все, что мог бы проглотить за жизнь средний интеллигент. Она и любила свое самое главное после сына богатство, и гордилась им.

Сейчас она даже в сердцах обронила:

- Эх, Вадик-Вадик... Чего он лишил себя. Ну как он мог оставить эти книги?.. Ведь он был такой книголюб!

Промолчав, Эрика сняла с одной стопки начатую накануне «Илиаду» и, опустившись в кресло, тоже принялась погружаться в чтение.

Гомера она любила. Особенно его «Одиссею». Да и «Илиада», как она поняла с первых же страниц, было произведением необычным. Словно его написал грек, бывший при этом инопланетянином. Он смотрел на свою родину и тех, кто ей противостоял – изнутри, словно стоял плечом к плечу с каждым героем из обоих лагерей прямо сейчас. И в то же время он смотрел - с какой-то надмирной, инопланетной высоты. Куда не проникали даже боги.
И в этом не было высокомерия или скептицизма.
Смотрел он на всех как на детей, то искренне забавляясь их играми, то – втайне вытирая слезы. С любовью смотрел и теплым юмором. И все думал, думал, как же с ними, со всеми, быть…
«Илиада» - как это увиделось вдруг Эрике – представляла собой попытку неизвестного гения, которому приписали имя «Гомер», понять как остановить эту жестокую, по-своему красивую из-за противоборства сильных характеров, бойню детей. Причем, в ту пору возраста, когда красивым кажется то, что ярче блестит.
Дети так увлеклись, разделившись, подобно казакам и разбойникам, на две команды!..
А подначивали их подростки – боги Олимпа.
Те тоже разделились ради смеха на две команды.
И они старались все это потехи ради - затянуть.
Одни из богов делали ставку на Гектора. Другие – на Ахилла.
И только один Зевс знал, что конечная цель этой бойни – просто уменьшение численности двуногих. Так как сама Гея - Земля упросила владыку мира потеснить размножившегося человека, чтобы тот не истощил бы вконец ее ресурсы.
Догадка Гомера – вероятно, действительно слепого физически, но невероятно зоркого

умом и сердцем человека – была гениальна.
Его парящий над облаками – и даже выше, над самим Олимпом – ум проник не только во внутреннюю незрелость людей, но и прозрел в образах беснующихся богов-подростков сегодняшнее содружество правительств с их теневой деятельностью и закулисными переговорами, с их олигархическими интересами. Проник в их циничную, иезуитскую логику, в их – забавы.
Гомер даже сумел расслышать ропот страдающей Земли из далекого будущего. Впервые обратил внимание на то, чем теперь занимается экология.
Он так горячо любил свой народ, свою Элладу, что был от него, народа, на его тогдашнем уровне развития, неотличим. Но не остановился на этой отметке и стал, когда обрел собственное лицо, еще и всечеловеком. Сердце его объяло милостью не только своих, но и чужих. И, как ни странно, греки не зачислили его за это в иностранные агенты.
Но и это еще не все.
Гомер прозрел – впрочем, об этом знали и другие эллины – что и Зевс не всесилен.
Потому что миром правит Система, а не боги-олигархи.
Греки называли ее Роком.
А то, что Рок предписывал – Судьбой.
И это была – трагическая судьба.
Она свидетельствовала о том, что все – одинаково тленно. И надо ловить мгновение, чтобы жить. Жить кратко, но красиво.
Но что будет потом?.. И для чего все-таки жить?
Этого смертным людям мнящие себя бессмертными боги-олигархи, наслаждающиеся властью, богатством и развлечениями, куда входило и развлечение убийством, объяснить не могли.
Но поднятые над Судьбой гением Гомера, греки продолжили думать в гомеровском направлении. И создали греческую философии. В недрах ее, хоть и в чем-то отталкиваясь от Гомера, вызрел стилистически разошедшийся с ним Платон, впервые увидевший разницу между Системой как плодом ума и демонов и – божественным Логосом. И хоть он потом и подзабыл все это и попытался в своих поздних трактатах изобразить идеальное государство все-таки как плод ума, полагая, что это плод Логоса – то есть все-таки как систему – нашелся позднее человек, написавший в своем Евангелии, что вначале было Слово. И это Слово – Бог.
И не Система отныне оказалась центром и осью всего, а – Человек. Но только настоящий, с большой буквы.
А таким может быть только Богочеловек.

Вот как много сделал для планеты Гомер – этот созерцательный и вместе с тем деятельный, мужественный планетарный гений.

Эрика даже ощутила легкий ветерок от перевернутой страницы. И, прикрыв глаза, вообразила величественно проплывший над головой планер по имени Гомер.

Открыв же глаза, она увидела на экране только что включенного тетей Лили телевизора кадры из кинофильма «Семнадцать мгновений весны».

Телевизор появился у тети Лили недавно. Его подарил человек, представившийся сотрудником мэрии. Пришедший якобы затем, чтобы посмотреть, как живет пенсионерка, не нуждается ли в чем. И счел, что пенсионерка нуждается в новой информации. Принес наутро старенький, еще советский, телевизор. Что-то там подкрутил и экран вспыхнул. А тетя Лили дала ему денег на установку кабельного телевидения и попросила пригласить монтажников.
Когда же человек опять зашел вместе с монтажниками, тетя Лили, хорошенько

вглядевшись в него, узнала в нем соседа Акакия. Тот жил у дороги, по которой она хаживала в магазин и еще, будучи школьником, частенько выбегал со двора, завидев ее с сумками, помогал донести до порога. Однажды она даже угостила его арбузом. А потом послала на Пасху кулич. Потом же он уехал куда-то учиться. И вот, вернувшись, расширился в плечах, обзавелся усами.
Пришлось Акакию признаться, что он – действительно Акакий, а не сотрудник мэрии. И, как говаривала потом с гордостью и легким упреком тетя Лили, только благодаря Акакию, она, наконец, узнала, что в мире идет спецоперация.

С тех пор новости с телеканалов всего мира потеснили даже книги. Она слушала их на максимальном звуке.

Впервые увидев все это, тетя Лили взволнованно прокомментировала это так:

- Что происходит, а?.. Что происходит!.. Какие подлые эти украинцы! Оттяпали такую территорию. А Запад-то, Запад-то хорош!.. Говоришь, что это украинская территория?.. Деточка, ты мало читаешь. Посмотри в старой советской энциклопедии, кто завоевал Крым и Азов. Кто построил города Харьков, Донецк, Луганск, Днепропетровск, Херсон, Запорожье, Николаев и не только их одни. Русские. Это русские города!.. О Севастополе я уже молчу. И что же их – отдать?!. Говоришь, надо отдать, раз согласились отпустить и подписали договор?.. А кто подписал? Мой сын - подписал, я – подписала? Где эта бумаженция?.. Начнется всеобщий передел земли, говоришь, если так пойдет дальше? Так передел уже идет – от нас откололи Украину! А что касается Путина, то он мог бы прекрасно доживать свою старость где-нибудь за границей. А он о России радеет. Боже мой, сколько на него выливают помоев!.. Показали - стоит на службе в каком-то храме, прикрыл глаза. А выглядит при этом – ну прямо как уставшая старушка. Такой принял на себя груз. Спрашиваешь, зачем он ввел войска на Украину?.. А почему Украина сама не предложила вернуть России ее города?.. Куда, говоришь, девать население?.. Да большинство из них русские и потомки русских! А не хотят быть с русскими, пускай уезжают в Америку.

Итак, тетя Лили не слушала годами пропагандистов с центральных российских каналов. Она даже не знала об их существовании. Все свои выводы она сделала совершенно самостоятельно. Эрика даже почти не спорила с ней, зная, как уперты люди с такими взглядами.

Сейчас тетя Лили задумчиво промолвила:
- Все-таки, наверное, я зря ропщу на Бога. Сколько хороших людей он ко мне приводил. Словно высматривая их в толпе как драгоценные крупинки. Приводил людей, которые повсюду помогали мне с сумками, направлял сердобольных монахинь и мирян. Привел Павла, Людмилу, Николоза, тебя. Привел Акакия… Но я все равно ропщу. И даже не на Бога, а сама не пойму на кого. Как часто бывает – смотришь на родные лица и видишь ангелов. А они – совсем не ангелы. И родители не ангелы. И дети. И даже – Родина. И уж тем более – государство. Но все равно – любишь все это, маешься за все сердцем. Ты как-то верно подметила – идеальное и реальное постоянно путаются, смешиваются в голове. А там эту путаницу подхватывают политтехнологи. Стараются нас убедить, что все, что наше – это самое-самое. Да мы и сами рады в это поверить. Но вот только мы смотрим на этих политтехнологов, киваем и плачем, плачем… Ведь ум обмануть можно, а сердце – нет. Иногда я думаю, что государство – это и есть ум. Но холодный, отвлеченный. Он создан на то, чтобы обманываться и обманывать. Он совсем не думает о счастье. Руководствуется, в лучшем случае, народной пользой. А что он в ней, пользе, понимает?

Тетя Лили знала, про что говорит, когда упомянула о родственниках - не ангелах.

До войны все они жили в большом доме тети, и было их - семь душ. Тетя Мария всем помогала, а их, троих детей, содержала на зарплату медсестры санэпидемслужбы. Взяток она не брала, и жилось им очень трудно.
Боясь конфискации, тетя добровольно отдала дом государству, и все они считались проживающими в государственном жилье. Это жилье в войну периодически уплотняли, подселяя в него эвакуированных. И дом превратился в коммуналку.
Однако после войны их осталось всего двое – тетя да она. Да и комната у них на двоих осталось – только одна.
Бабушка умерла незадолго до войны.
Потом, в 1942 году в 46 лет внезапно скончалась от сердечного приступа тетя Нина.
А ровно через год ушел из жизни дядя Миша.
Тетя Нина в первую мировую тоже окончила курсы медсестер. Она отправилась на фронт помогать раненым. И под Александрополем попала в турецкий плен.
Там она и познакомилась с раненым русским офицером и выходила его. Молодые люди полюбили друг друга, и им удалось бежать.
Офицера звали Михаил Павлович Аксюк. Он был из феодосийских дворян. Предки его вместе с Потемкиным завоевывали Крым, за что им было пожаловано имение, да так, в Крыму, и остались. Мать же его была фрейлиной у императрицы Марии Федоровны, матери Николая Второго.
Дядя Миша был скромный и очень тихий человек. Очень интеллигентный. И очень молчаливый. Устроился работать в инвалидскую артель и полагал, что таки-спрятался. Но в тот день, когда убили Кирова, за ним пришли и препроводили его в Метехскую тюрьму. Однако, продержав два дня, отпустили. Уж слишком тот был внешне безобиден. В 43 году он рыл вместе с другими мужчинами окопы, жестоко простудился и вскоре скончался.
А братья тети Лили ушли на фронт.
Оба выжили, но младший остался жить где-то в России и вскоре умер.
Старший же привел после войны жену.
Тетя, которую тетя Лили называла тетей Мусей, а он называл мамой, хотя та не и была ему матерью по крови, приняла ее как родную.
Но невестка вдруг стала требовать, чтобы тетя отдала тетю Лили, которая на тот момент была ученицей начальной школы, обратно родителям. Так как считала, что в семье и без того много расходов. Когда же тетя Мария отказалась это сделать, невестка поставила перед мужем вопрос ребром: «Выбирай – или я, или твои матушка и сестра».
И брат выбрал – жену.
Тогда тетя Мария приняла решение разменять две оставшиеся комнаты, и они с сыном разъехались.
Тетя Мария поселилась с названной дочерью в том итальянском дворе, где проживали настоящие родители тети Лили, а настоящий сын ее отца предпочел перебраться в другой конец Тбилиси.
И больше никогда названную мать – живой – так и не увидел. Не захотел. Только на похороны явился. А потом – исчез опять.
Снова он появился только тогда, когда пришла пора хоронить отца. После чего – пропал окончательно.

Сама тетя Мария скончалась в 1967 году в возрасте 72 лет.

И вот тогда-то тетя Лили остро ощутила – ей необходим ребенок.

Но прошло еще четыре года, прежде чем у тети Лили родился мальчик. Родился от одного умного, но скверно поступившего с ней ученого-кибернетика.

17

Из телевизора донеслась, чуть слышно дотронувшись до какой-то дверцы внутри, мелодия, которая, как недавно узнала Эрика, когда искала ее в соцсетях, называлась - «Дороги».
И появился на экране Штирлиц, едущий за рулем в «Форде» по улицам Берлина.
Эрика очень любила этот фильм. Для нее это был больше, чем фильм о войне.
Штирлиц, в отличие от разномастных шпионов всех стран, был настоящим разведчиком.
Он был человечен. И руководствовался только человечными целями. Если и хитрил, то – точно ради добра. А если убивал, то – нелюдей.
Он хотел истребить коричневую чуму ради всего человечества.
Поэтому и война в фильме была изображена красиво. Что порой вызывало иронию у фронтовиков. И над чем, вздыхая, подтрунивал писатель Виктор Астафьев, явно повидавший в окопах - не такое. Писатель считал, что войны вообще-то быть не должно никогда. Все, взявшие в руки оружие, уже прокляты. И рано или поздно будут убиты.
Но кто тогда – защитит ближнего?..

Когда смотришь «Семнадцать мгновений весны», явственно понимаешь, что фашист – это полная противоположность Штирлица.
Это тот, кто, находясь на фронте или в тылу врага, действует как иезуит. Кто не гнушается никакой грязью и проливает невинную кровь. Кто забавляется игрой с судьбами людей ради какой-нибудь впечатавшейся в ум мессианской идейки. Кто сузил весь мир – до «своих». И – больше ему никого не надо.
Такой человек только носит маску сильной личности, а на деле – мародер и садист.
Вот почему война, которую вел Штирлиц, была настолько же красива, насколько был безобразен фашизм.
Миллионы советских людей, следя за каждым движением Штирлица, тоже вели вместе с ним войну.
И эта была – воистину священная война.

Тут Эрика окончательно поняла то, о чем догадывалась и раньше, но не могла рационально сформулировать.
Лучшие советские фильмы и книги, песни и все вообще советское творчество, включая бардовскую песню, всегда заключали в себе, несли людям этот второй – антифашистский – план. Даже еще до появления исторического фашизма.
Это люди-антифашисты строили Магнитку и Днепрогэс, поднялись в космос и, в конечном итоге, – победили фашизм.
И это их бросали в застенки ГУЛАГа, потому что фашизм брал реванш и нападал изнутри.
Это фашисты пытались использовать тягу человека к прекрасному, пытались использовать искусство - в целях пропаганды. Строили народ в ряды, превращая в массы, которыми можно бы было управлять при помощи идей в обертке внешней нравственности. Эти массы они время от времени прореживали, как траву, удаляя все, что выше.
Но то, что было в народе здорового, все равно перемалывало фашизм.
И перемолет его и теперь.

Тетя Лили, жадно вглядываясь в экран, тоже все больше отрешалась от каких-то мелких забот. Лицо ее посветлело. Глаза стали совсем большими и в них пуще прежнего замерцали синие огоньки.

В какой-то момент она, поддавшись всем корпусом вперед, попыталась подняться из кресла рывком, но ей этого не удалось, и она глухо поведала, не отрывая от экрана взгляда, который стал глубоким, вдумчивым:

- А мой Вадик так и не признался мне, что голодал перед своей гибелью. Все полгода, пока после смерти моего мужа безуспешно искал работу. Тот не был Вадику отцом, но, фактически, содержал нас двоих. Потому что нигде Вадик в тех условиях не мог долго продержаться, да и платили ему мизерно. Когда мы пришли к мужу жить в этот вот дом – а судьбы свои мы соединили с мужем не по любви, а ради того, чтобы выжить в разрухе девяностых – Вадик был уже взрослым. И вот, после смерти нашего благодетеля, я питалась оставшимися в погребе запасами. А Вадик продолжал жить в нашей с ним квартире в Варкетили, которую я получила до замужества. И, знаешь, не признавался, что живет без куска хлеба. Приходя ко мне, он старался убежать до того, как я накрою на стол. Бросал на бегу: «Не надо, мама, я обедаю у родителей Вики». Но когда я уже после его смерти спросила у родителей этой его противной Вики, из-за которой все и случилось, почему они не пронаблюдали за его настроением, когда он приходил обедать, те с удивлением ответили: «Обедал?.. Нет, он у нас не бывал». И тут меня как громом поразило. Я поняла все… А ведь Вадик не был лентяем. После школы он сразу устроился работать в музей вооруженных сил. И стал готовиться к поступлению на исторический факультет. Поскольку мечтал о профессии военного историка. Причем такого, который работает в музеях. С тех пор, как он впервые попал еще пятиклассником в наш военный музей, такая работа стала его манией. Когда мы приезжали с ним в Москву, то сразу шли в Центральный музей вооруженных сил. Я оставалась в зале Победы, перемещалась там со скамейки на скамейку. А он отправлялся в четырехчасовое странствие по казавшимся мне бесконечными коридорам. Сама я предпочитала Пушкинский музей. И на следующий день тоже входила в этот музей как в храм, тоже очарованно бродила по залам. И тоже вместе с Вадиком. Ведь он, к тому же, был у меня художником-самоучкой. Он рисовал маслом и акварелью на профессиональных холстах. Ему даже иногда удавалось продать эти работы… В общем, пока была советская власть, жил себе Вадик, работал и не тужил. Сотрудники души в нем не чаяли. Он составлял темы для вечеров и экскурсий, подбирал экспонаты и даже, если было надо, брался за малярную кисть. А числился он у них в штате – всего лишь киномехаником. Для того, чтобы устроится в музей, он специально закончил курсы киномехаников… А еще Валик помогал научным сотрудникам музея собирать материалы для диссертации. И они посоветовали ему начать писать диссертацию самому, обещали содействие в ее защите. И Вадик выбрал тему «Боевой путь 11 Краснознаменной Армии». Это та армия, которая под руководством Сталина и Орджоникидзе вошла в 1921 году в Тифлис и установила тут, изгнав меньшевистское правительство, власть большевиков. Тогда эта армия была окружена героическим ореолом. Потом же она стала символом советской оккупации. И, естественно, никому не нужная диссертация так и осталась недописанной… Наконец, музей закрылся. Как и стрелковый клуб ДОСААФ, куда Вадик ходил с детства, стреляя из винтовки и пистолета. Он был кандидатом в мастера спорта по пулевой стрельбе. И ему даже дозволялось держать дома пистолет, из которого он потом и застрелился. Директор клуба давно зазывал Вадика на тренерскую работу. Но в тот день, когда Вадик, наконец, явился в надежде на новую работу, то застал этого директора выносящим последние коробки с оружием. Тот только руками развел – клуб ДОСААФ закрыли.
Потом Вадик продавал на улице книги. Иногда – подрабатывал разносчиков обедов для пожилых. Но потом хозяева книжной фирмы уехали в Израиль, а благотворительная организация закрылась… А самым обидным было то, что накануне распада СССР Вадик заочно поступил по направлению из своего музея во ВГИК – на факультет режиссуры документального кино. Он загорелся к тому времени идеей снимать документальные фильмы о войне… Но у нас не стало денег ездить в Москву. И ВГИК он бросил.

Немного помолчав, тетя Лили сказала:

- Бедный мальчик… Как ни старался он идти в ногу со временем, а все-таки оно обвело его вокруг пальца. Вадим, как и я, как и мои дед, как тетя с дядей, тоже был – за революцию. И тоже все потеряли. История движется как метла – то в одну сторону, то – в другую. И сметает все в кучу. Нас – сметает. Как это?.. Почему?..

И сразу же вслед за этим вдруг потерянно спросила:

- И еще я не пойму, чей теперь Херсон? Наш или не наш?.. У меня живет там сестра, она уехала туда по распределению сразу после окончания радиотехникума, да так на Украине и осталась. Звоню ей, а телефон молчит. Ночью Херсон показывали по всем местным и европейским каналам. Все куда-то бежали, развешивали украинские флаги. Старухи, переваливаясь, тащили куда-то тюки.

В этот момент у Эрики словно молния сверкнула перед глазами. Слушая тетю Лили, она продолжала размышлять над тем, как разминировать поле советского периода истории от старых мин, заложенных в него фашизмом. Особенно тем фашизмом, что бил под дых – изнутри.

А вот как!

Сорвавшись искрой с места, она опустилась перед креслом с тетей Лили, положила ей руки на ладони, глядя той прямо в глаза. Твердо сказала, хотя сама при этом едва справлялась с волнением:

- Херсон – наш. Потому что границ у Любви нет, и она не знает, где остановится. Все что создано Господом – несомненно, наше. А все наше – Господне. Так неужели же мы будем воевать с Богом?!

Тетя Лили, казалось, смотрела на нее непонимающе. Но при этом беспомощно обронила:

- А стихи Багрицкого про смерть пионерки?.. Разве можно верить поэтам после того, как они нас так обманули?!

Эта грузная женщина готова была разрыдаться как ребенок.

Этика поняла ее.
Она тоже знала стихи про Валю-Валентину, которая, умирая в больничной палате от скарлатины, так и не согласилась надеть крестильный крестик, как не просила ее об этом убитая горем мать.
На первый взгляд, в стихотворении, если смотреть на него глазами современного читателя, поэтизировалось богоборчество. А заодно – спущенный сверху лозунг о силе духа советской пионерии, его торжестве над суевериями прошлого.
Но эта идейно-правильная, модная на тот момент модель мышления, возникшая из-за сумятицы в мозгах – при всей своей ограниченности – была на тот момент органична для тогдашнего этапа взросления общества.
Общество, обновляясь, очень хотело выстоять, как можно скорее вырасти, созреть. И, спеша, во многом переигрывало.
Этот идейный план – план на потребу – был таким же преходящим, как были

преходящими, например, некоторые представления древних греков об устройстве мироздания.
И все-таки древнегреческая культура, особенно ее философия – вошла в общечеловеческую культуру не как маргинальное течение, а как один из кирпичиков в здании самопознания.
Неудержимое в полете своей мысли человечество всегда стремилось построить именно такое здание. Едва отстроив земные жилища, оно поднимало голову к небу и начинало – искать свой Исток.
Вот и советские люди по-своему смотрели на небо, хотя и думали, что смотрят на человека и просто строят новый быт. Самого же совершенного Человека они видели в образе своего идейного вождя – Ленина. И приписывали ему все лучшие свойства Бога. Обманутые – они обманывались не раз, и невольно обманывали сами. При этом многие из них наивно и трогательно верили в свои идеалы.

В стихотворении «Смерть пионерки» - если вчитаться в него глубже - душа девочки Вали вырывается синей птицей на простор не просто из клетки мещанского быта, но и из любых преходящих клише. Делая то, что хотел бы сделать сам поэт, который умирал к тому времени от чахотки и очень хотел успеть начать жить по-настоящему.
Он хотел успеть увидеть тот новый мир, на который они все надеялись. Хотел приблизить небо – к самим глазам, понять, кто мы и откуда.
Поэтому его строки разметались по поднебесному миру как чайки, они сверкали – как молнии очищающей грозы, после которой бывает Радуга.
Строки к небу - взывали!..
Да это стихотворение и есть самая пламенная, самая настоящая молитва, в которой ум, сердце и воля едины - как никогда!
Кто упрекнет пионерку Валю за то, что она, отвергая крестик, принимала в сердце незримо взирающего на нее сквозь прозрачную синеву неба - Христа?!. Образ которого она видела – конечно же, по чистоте сердца преувеличивая их достоинства – в своих старших боевых товарищах?
Ведь кто как не Он сделал ее маленькое сердце таким большим!
Кто как не Он переплавил его как очищенное золото! Очистив его во имя подлинной жизни не только от пороков, но и от суеверий прошлого. Он сжег в нем свой дремучий, ветхий образ дотла. Сошел с вековечного креста как с оружия пыток и казней. И, незримо ведя девочку из этой узости на простор – бережно ведя ее душу вверх одним Дыханием – рассказывал ей на ее языке о своей революции:

Нас водила молодость
В сабельный поход,
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед.

Боевые лошади
Уносили нас,
На широкой площади
Убивали нас.

Но в крови горячечной
Подымались мы,
Но глаза незрячие
Открывали мы.

Возникай содружество

Ворона с бойцом —
Укрепляйся, мужество,
Сталью и свинцом.

Чтоб земля суровая
Кровью истекла,
Чтобы юность новая
Из костей взошла.

Чтобы в этом крохотном
Теле — навсегда
Пела наша молодость,
Как весной вода.

Сейчас можно спорить о том, кто и за что на самом деле погибал на кронштадском льду, и зачем все это было нужно. Но для Вали это были не факты истории, а факты духа, которые она переживала глубоко интимно.

Эрике преставилось, что, возможно, это сам Христос восстанавливал попранную заповедь о любви к человеку, исчезнув на время из умов как Бог. Чтобы затем снова воскреснуть в них.
Скрывшись из умов, чтобы люди перестали приписывать Ему что-то свое, Бог остался в их совести и будоражил сердца. Звал их в полет.
Но это, разумеется, юродство.

Эрика ответила бывшей советской пионерке так:

- А вы им, поэтам, все равно верьте. Даже если они не поверили сами себе. Оставайтесь, как и были – собой!.. А поэтов - если кто-то из них окажется слишком низким – осудит собственное слово.

Эрика подумала, что, наверное, для того, чтобы очистить душу любого народа от примешивающегося к нему яда фашизма, нужно верить в народную мечту.
Верить в лучшее будущее, построенное по заповедям блаженства. В то, что небо – начинается с земли.
У русского народа эту общечеловеческую мечту не в букве, а в духе – но только на самой глубине – по-своему выразили советская литература и искусство. Выразили даже вопреки идейной зашоренности и преступлениям партии.
Стоит только высвободить в своем воображении такое искусство от идеологической шелухи, от всего временного и случайного – и целый период внутренней жизни русского человека будет заново интегрирован в отечественную, а, если повезет, и в мировую культуру.
Можно будет черпать из него – все самое лучшее. А оно - несомненно - имелось.

- Верьте в крылатую мечту, даже если это сегодня кажется смешным! - сказала Эрика горячо, вглядываясь в такие синие, ставшие сейчас спокойными глаза тети Лили, полные чистых слез. Наверное, такими синими и чистыми в лучшие времена были воды Байкала.
– Верьте, но знайте; ее в таком виде, в каком она представляется вашему уму, на Земле – нет. И все равно – раздавайте всем без разбора ее плоды: добрые дела и красивые поступки.

Вспомнилась «Песня о далекой Родине» из того же фильма о Штирлице. Ее тихие, прозрачные, пронизывающие насквозь строки: «Где-то далеко, в памяти моей сейчас как в детстве тепло. Идут грибные дожди. Но память укрыта такими большими снегами!..».

Свой среди чужих. Чужой среди своих.
Так иногда бывает, когда человек слишком красив.

- Ничего, тетя Лили, Бог не оставит своих!.. Наш Бог – тоже Мечтатель. Кто мы – как не плод его Мечты?.. Он тоже был своего рода утопистом, тоже надеялся, что ангелы и люди захотят оставаться светлыми всегда. И Он выведет нас из этого загона. Потому что одновременно Он был – реалистом. И предусмотрел для возврата в Свет дорогу, которой прошел Христос.

И еще Эрика подумала, что в мировом искусстве и литературе все направления по своей сути всегда тяготели либо к романтизму, либо – к реализму.
Но романтизм с его поэтизацией гор и реализм, ставивший себе целью обустройство долин (отчасти – по подобию гор) – были лишь парой противоположностей. И шли в одной связке.
Первый – пытался прозреть идеальный мир. Второй – поднять до него грубую действительность.
И оба были по-своему сильны и бессильны.
Но все равно взбирались шаг за шагом на Гору Фавор.
Где, быть может, когда-нибудь и обретут прежнее Единство.

На каком-то этапе они объединились в соцреализм.
Правда, забыв об Источнике Света. И долго блуждали – подобно ослепшему по дороге в Дамаск Савлу – как бы с завязанными глазами.
И это была – не хилая попытка.
Почему бы не взглянуть на нее с улыбкой?..

18

Совпадение или нет, но после того как прогремел взрыв на Крымском мосту и мир вплотную подошел к точке ядерного самоуничтожения, в их судьбах тоже произошел перелом.
Всеобщая спячка умов приобрела такие очертания, что в ней, как в беззвездной ночи, не сложно было попирать не только международные, но и неписаные людские законы.

Началось все с того, что из их бригады ушел Алексей.
Собрав вещи, он внезапно съехал от Николоза. Сказав тому по телефону в довольно резких тонах:
- Вот что, брат, спасибо тебе за все, но я пойду дальше один. Пожалуйста, не ищи меня. Может мы когда и продолжим общение, но сейчас у меня начинается другая жизнь. Пойми меня правильно: мне нужна настоящая церковь, а у нас ее нет. Богу нужна церковь, Николоз. И я ее нашел. Только ты не приходи туда, ладно?..
- Ладно, - только и смог сказать ошарашенный Николоз. – Делай как лучше тебе. Но ты все-таки не пропадай. Звони если что. А жить-то ты где теперь будешь? Наверное, вернешься к отцу?
- Не знаю. Я пока поживу у Анатолия.

Выяснилось, что Алексей пересекся на каком-то молодежном христианском собрании с

Анатолием и тот пригласил его в свою церковь. В той церкви пастор Анатолий воистину блистал. Ораторский дар и гипнотические способности, подкрепленные какими-то техниками, позволяли ему превращать воскресные богослужения в яркие театральные представления. На них приходило немало зрителей. Была здесь и молодежь.
Все это вскружило Алексею голову. И Анатолий вдруг стал его кумиром.
Тем более, что тот почему-то был явно заинтересован именно в таком раскладе.

Однако тайное торжество Анатолия над Николозом и его командой продлилось недолго. Алексей вдруг так же внезапно ушел от него. И позвонил Николозу:

- Вот что, брат, - сказал он внешне спокойно, немного заикаясь по своему обычаю, - ты меня это… извини. Можно я опять буду жить у тебя? Так получилось, что я пока не нашел свою церковь. Та оказалась какой-то постановочной. А пастор Анатолий вообще мудак. Он бьет сына. И даже пинает и бьет ремнем его собаку, когда хочет еще похлеще досадить Руслану. Щенок вырос и, сдается мне, Анатолию стало накладно его кормить. Он дал объявление, что ищет хорошие руки для «питомца от Бога». Руслан даже по-своему этому рад. Он так полюбил песика, что жаждет избавить его от безумств папаши, хотя, конечно, и очень привязался к нему. От Анатолия и жена ушла из-за его рукоприкладства. Точнее, сбежала, не оставив адреса. Вот только как могла она оставить с ним сына!.. Но, наверное, все знает только Бог.
- Совсем поглотило этого пастыря его внутреннее государство, - с горечью сказал Николоз. – Он уже дошел до фашизма. А ты… Ну да, конечно, возвращайся.

Все между ними стало – как прежде.
Только Алексей немного изменился.
Он стал чаще бродить где-то один и чаще спорить, причем, по поводу и без.
А еще он принялся усиленно накачивать мускулы на каких-то уличных тренажерах. Сел на особую диету. И так доводил себя этими прокачками, что один раз даже грохнулся в обморок.
Все старались не посмеиваться над ним и не делать замечаний. Понимали, что у парня, у которого был строгий отец, переходной возраст немного запоздал.

Эрика же часто вспоминала Руслана и молилась за него. Она очень хотела проведать его, но не знала, как сделать это в обход Анатолия.
Когда же она поделилась своими мыслями с Николозом, тот решительно сказал, что пойдет в органы опеки.
Но Эрика отговорила его от этой затеи, ведь Руслана могли отправить в приют.
Решили пока что молиться за разрешение этой ситуации все вместе.

Прошло еще какое-то время и однажды братья Карояны вкатили в их с тетей Лили комнату инвалидную коляску с очень изможденной бабушкой, которая неуверенно подняла на них выцветшие, уже не отличимые от пыли, потерявшие жизненную силу глаза, в которых немного теплилось лишь удивление.
Братья Карояны были непривычно возбуждены и принялись, перебивая друг друга, что-то рассказывать.
Из этого сбивчивого рассказа они поняли только то, что бабушка в инвалидной коляске буквально схватила Стефана за руку, когда тот вместе с братьями вышел из метро на проспект Агмашенебели. Поцеловав ему руку, бабушка прошелестела одними губами, что уже умирает от какой-то неизлечимой болезни. Что осталось ей жить лишь неделю-другую. И что узнав про это, ее паршивцы-племянники, которые каждый день прикатывали ее в коляске к выходу из метро, чтобы она выпрашивала для них деньги, решили сегодня не забирать ее домой. Они предложили ей ночевать прямо на улице,

чтобы ее подобрали и отправили в хоспис какие-нибудь специальные службы. Но она не хочет умирать в хосписе. И просит доброго мальчика отвезти ее на эти неделю-другую к себе домой, где, быть может, ее приютит на время его добрая мама.
Недолго думая, братья схватились за коляску.

Тетя Лили, прослезившись, приютила бабушку. Тотчас кинулась к холодильнику, принялась выкладывать на стол все, что там было. Но бабушка, тоже беззвучно заплакав, поначалу так ничего не поела.
Позвонили Николозу и тот, приехав, тоже принялся утешать бабушку. Даже грел ей руки в своих ладонях. Тонкие пальцы его немного дрожали, да и весь он тоже дрожал, а точнее – звенел как хрусталь какой-то внутренней дрожью. А когда поднялся, то лицо его прямо-таки блистало. И в то же время было озарено какой-то решительной, нетерпеливой мыслью.
Ничего не сказав, он куда-то ушел.

И поначалу все восприняли это как должное.

Прошло часа три.
Бабушка уснула, убаюканная длинным перечнем ошибок в документах Эрики, который даже однажды приснился той в виде летящего над Элладой клина журавлей.
Эрика иногда рассказывала новым людям эту так до сих пор не завершившуюся вместо анекдота.
Особенно всех забавлял пункт про «Олки».
Эрика родилась в советском Узбекистане, в состав которого входила Каракалпакская автономная республика. Однако теперь сотрудники Дома юстиции, выдавая ей новое Свидетельство о рождении с исправленным именем отца, вписали в графу «Место рождения» не «Республика Каракалпакстан», как теперь ее именовали на современный лад, а – «Каракалпакис олки». Что в переводе на русский означает просто «Каракалпакская область». А Эрика по своему обыкновению не сразу заметила ошибку. А заметив, потребовала исправить «область» - на «республику». На что вдруг последовал ответ, что слово «республика» в приложении к территориальному образованию на территории суверенной страны,является для Грузии некорректным. Слишком дорогую цену она заплатила за наличие двух советских автономий на своей территории. И поэтому слово «республика» в отношении бывшей советской автономии предпочтительно не упоминать. Пусть уж лучше так и остается – «Олки».
«- Олки – так олки, - терпеливо согласилась Эрика, - Но как же это воспримут за границей? Допустим, те же добропорядочные граждане каракалпаки? Ведь получается, что мы отказываемся признавать автономное устройство суверенного Узбекистана!.. Хорошо, я обращусь через интернет за разъяснениями в консульство этого государства.

Однако обратилась Эрика напрямую в МИД Грузии и Республика Карлпакостан вскоре обрела в ее документах свой законный статус.

Николоз все не возвращался.
Дозвониться до него тоже не представлялось возможным – он выключил телефон.

И вдруг раздался звонок. На телефоне Эрики проступил неизвестный номер.

Наконец-то!

Эрика не сомневалась, что услышит голос Николоза.
Но это были врачи.

Они обнаружили ее номер в телефоне пациента и решили проинформировать кого-то из его близких, что тот находится в очень плохом состоянии. Сейчас он без сознания, проводятся реаниманционные мероприятия… Человека с тяжелой черепно-мозговой травмой подобрал на улице патруль.

… Трудно передать словами, что они тогда пережили. И рассказать, как дежурили то вместе, то порознь у входа в больницу. В первый день они даже упросили сторожа оставить их ночевать на лавочке. И они просидели на ней, тесно прижавшись друг к другу, до самого утра. Не чувствуя моросящего дождя, пряча за ним мокрые лица.

Утром же приехали двое полицейских и всех их допросили.
Полицейские пытались выяснить, кто мог напасть на Николоза сзади, когда тот шел через малолюдный переулок недалеко от метро, и ударить того по затылку каким-то тяжелым предметом.

Вначале главными подозреваемыми были племянники бабушки, которая оказалась отнюдь не такой больной, а просто – очень одинокой. Племянники действительно не ладили с ней. И тянули у нее деньги. Той частенько приходилось приставать к незнакомцам, чтобы те, приютив ее на время, дали бы ей некое отдохновение, одарили теплом, каким принято одаривать лишь напоследок. Николоз, как выяснило следствие, действительно шел в тот вечер к дому горе-племянников, решив, видимо, поговорить с ними по-мужски. Адрес он узнал у торговцев цветами, которые тоже стоят у метро.
Но племянники уверяли, что в глаза не видели такого человека.

Еще была версия, что Николоз встретил Анатолия. А тот – тот еще черт.
Про Анатолия полиции рассказал Алексей.
Но у того оказалось железное алиби. Его жена вернулась, причем, в сопровождении органов опеки, и забрала Руслана. Причем, тот, похоже, был этому даже рад. Сдав Руслана в «хорошие руки» вместе с все еще искавшим такие руки песиком, пастырь-гастролер благополучно отбыл в Грецию. Вероятно, вознамерившись проинспектировать Афон.

Эрика же рассказала полиции про адвоката.
Она была уверена, что во всем виновата она и злосчастная судьба ее документов. Ведь еще когда она сидела в животе матери, - а мать и отец, еще не имевшие своего жилья, снимали тогда в Тбилиси комнату, причем, тоже на проспекте Агмашенебели, - ее мать предупредили, что у будущего ребенка могут возникнуть проблемы с оформлением медицинской карты. Так как у нее не было местной прописки. И мать приняла решение вернуться в Узбекистан и рожать там. Она была прописана на тот момент в комнате в общежитии, где проживала ее старшая сестра.
Вот Эрике и пришлось, пролетев несколько часов на самолете, родиться в этом самом «Олки». И там, на краю советской земли, видимо, и запустилась какая-то дьявольская круговерть, какая-то причинно-следственная цепочка, из-за которой теперь пострадал Николоз.
Теперь Эрика подозревала, что на Николоза напали черные риэлтеры. Видимо, среди членов их банды имелся сообщник из Дома юстиции. Этот человек намеренно вел дело к юридически-грамотному отъему ее квартиры. А Николоз им в этом – помешал.
Ведь это Николоз посоветовал ей пожаловаться на адвоката, которого она наняла для доказательства в суде некоторых юридических фактов. А тот, видимо, тоже был из этих.
Потому что когда сотрудники суда вернули поданное им заявление с формулировкой, что нет ни оснований, ни необходимости подтверждать данные факты в судебном порядке, он скрыл факт возврата заявления и долго морочил Эрике голову сказкой про то, что, дескать, из-за ковидных ограничений рассмотрение дела откладывается. Это длилось до

тех пор, пока Эрика не обратилась в суд сама. Тут-то и выяснилось, что адвокат скрыл также факт возврата судом госпошлины и, воспользовавшись доверенностью, снял ее сам. Разумеется, присвоив.
Вот тогда-то они с Николозом и отправились в Ассоциацию адвокатов Грузии и Эрика написала жалобу.
Николоз считал, что адвокат использовал мошенническую схему. Видимо, он нарочно подал заявление в неправильной форме, чтобы перехватить сумму возвращенной пошлины. А там адвокат надеялся, что клиент устанет ждать, но не станет разбираться, а плюнет на него, такого плохого, и подаст новое заявление сам.
Но Эрика теперь посмотрела на все это другими глазами. Она подозревала, что у адвоката имелась куда более серьезная схема. Тем более что она подала в присутствии Николоза жалобу также начальнику Дома юстиции. Она просила разобраться с причинами волокиты со своими документами. С тем, почему ее, быть может, напрасно направили в суд.

Следователи, конечно, подробно запротоколировали и эти показания. Но, скользнув взглядами по осунувшемуся лицу Эрики, посоветовали ей немного умерить фантазию. А лучше – выспаться. Даже предложили кофе и сигареты. И немного удивились, узнав, что та не употребляет ни того, ни другого.

Тем временем в кабинет решительно вбежала Эльвира. А вслед за ней – сыновья, почтительно остановившиеся чуть поодаль.
Едва присев, она разрыдалась и принялась скороговоркой объяснять, что во всем виновата она. Зачем она впутала Николоза в трения между поселенцами их трущоб и бизнесменом, который желал купить там землю и построить на месте их лачуг гипермаркет?!. Николоз привел в трущобы журналистов и те, дав в эфир репортаж, озвучили фамилию того бизнесмена на всю Грузию. Не может быть сомнений, что это его люди пытались отомстить Николозу. Убить его подло, исподтишка.
Эльвира долго не могла успокоиться, несмотря на то, что мальчики, как могли, утешали ее.

Следователи, повздыхав, запротоколировали и это.

Наконец, в комнату со следователями шагнул Георгий.

Присев, он попросил сигарету и зажигалку. Хотя давно бросил курить. Затянувшись, он удобно устроился на стуле, откинувшись на его спинку, и спокойно произнес:

- Да знаю я, знаю, кому на самом деле помешал Николоз. Эти сантехники, кафельщики, маляры, электрики та еще мразь. Они же привыкли обводить клиентов вокруг пальца. А тут – наша бригада. Такая неправильная. И как долго, вы думаете, они бы это терпели?.. Вот только зачем же они полезли к Николозу! Когда самый бывалый тут – я. Это я – главный мастер на все руки. В том числе – по рукопашному бою. Ну почему они в тот вечер не встретили вместо Николоза - меня! Ох, не поздоровилось бы этим черным мастерам!

Следовали, глубоко выдохнув и переглянувшись, поспешно занесли это в протокол.

Николоз очнулся на четвертые сутки. Про это сообщила, выглянув из окна его палаты на втором этаже, медсестра.

Как же они бежали наперегонки в здание больницы!.. И как, налетев на шеренгу тетенек в белых халатах, были отброшены назад!

Но Георгий вскарабкался к заветному окошку по водосточной трубе и, просунув в форточку пакет с фруктами, где лежало письмо про то, как все они любят Николоза и скучают по нему, небрежно кинул его на пол как какую-то авоську с картошкой.
И тут же проворно спрыгнул.
Он развел руки, постаравшись обнять их всех, и весело обронил:
- Отбой, мои золотые. А теперь – по домам.

И они пошли по домам.
Ликуя и в то же время немного тревожась. Ведь до сих пор оставалось неизвестным, скольким еще людям на белом свете успел помешать Николоз.

Версию Георгия никто в их компании всерьез не воспринял. Все так привыкли к его балагурству, что приняли ее за шутку.
А вот следователи почему-то посчитали ее основной. И вскоре действительно задержали двух пропоиц-сантехников. Те, по их словам, давно невзлюбили Николоза за его гнилое донкихотство. И, увидев его в тот вечер одного, огрели отрезком трубы. Он даже не успел обернуться.
Так это было или не так, но на сантехников завели дело. Хотя их бригаде и осталось непонятным, как у тех оказался в руках кусок ржавой трубы, если они не готовились к преступлению заранее. К тому же, почти все давно заменили железные трубы – на пластиковые.

19

А спустя еще несколько дней, когда Николоза уже выписали, случилось и вовсе удивительное.
Всем обитателям варкетильских трущоб узаконили их права на самозанятые бараки.
Это случилось после того, как журналисты – они были приятелями Николоза его студенческой поры – пустили по телевидению еще один сюжет про семью Эльвиры и ее противостояние с районным бизнесом. Упомянули в сюжете и о происшествии с Николозом.
А буквально на следующий день Эрику вызвали в Дом юстиции и очень мягко, очень вежливо сообщили, что их семейная квартира, наконец, оформлена. Их мать скоро получит документ о приватизации. Ей останется только расписаться. Просто так. Без всяких условий.
Уже выйдя из больницы, Николоз написал о ее мытарствах письмо на личный электронный адрес мэра. А тот пришел в городское хозяйство из футбола. Когда-то он был капитаном Тбилисского «Динамо». И, видимо, если не он сам, то кто-то из его нынешней команды проявил спортивный характер.

Бригада решила отметить это событие. И как-то пригласила Эрику вечерком в новообретенные апартаменты Эльвиры.
Эрика застала мальчиков за складыванием узлов, коробов и сумок. Глаза их таинственно, хитровато поблескивали.
- Что здесь происходит?
- Переезд!

Оказалось, что показанный по ТВ сюжет так задел за живое нескольких состоятельных прихожан одного храма, что они кинули клич и собрали всем миром сумму, которой хватило на покупку двухкомнатной квартиры. И тут же оформили эту квартиру на Эльвиру и ее мальчиков.
Бывает, значит, и такое!..
Свой же прежний барак – вот этот вот, ставший благодаря их рукам таким уютным и ладным – Эльвира с детьми, и даже их отец решили передать в безвозмездное пользование Эрике.
Ведь хотя ее семейную квартиру и узаконили, в ней проживал пьющий мужчина. А пьющий мужчина, даже если он родной брат – по отношению к женщине все равно, что мытарь или язычник. И если он не исправляется, негоже женщине проживать под одной крышей со звереющим мужиком. В конце концов, это просто опасно. Ведь у нее нет защитников-мушкетеров.
- Девочка моя, живи тут сколько душе угодно. Да хоть всю жизнь. А мы будем неподалеку. Наша новостройка – да вон она, через дорогу! – тепло сказала Эльвира.
Руки ее лежали на плечах двух ее мальчиков как погоны. Рука же третьего – обвивала ей шею.

У Эрики земля поплыла под ногами. В ушах зазвенело. Глаза застил туман.
Где она находится?.. Наверное, она превратилась в легкокрылый самолет и тот, провалившись в воздушную яму, вошел в зону турбулентности. А выбравшись из нее, вплыл в очень большое, очень барашковое, ласковое, теплое облако. И это облако весело подбрасывало его на каких-то невидимых горках-качелях.
Потом туман стал рассеиваться, и она увидела прямо перед собой Николоза, который в эту минуту был не похож сам на себя. В глазах его стоял страх, а взгляд был робким, тревожным. В одной из опущенных рук он зачем-то держал за стебель розу.
Николоз был таким стеснительным, напряженным, взгляд его был настолько молящим, что Эрика поняла только одно – он тоже попал в турбулентность.

- Так ты выйдешь?..
- Куда?..
- За меня… замуж?.. Будешь жить у меня?.. Милая Эрика… Вот!..

И Николоз, неловко подняв руку, глядя немного в сторону, протянул ей розу.

Эрика вдруг обрела почву под ногами.
Словно из нее как из самолета выдвинулись какие-то колесики и промчали ее на сумасшедшей скорости по посадочной полосе. Они плавно перевели ее полет в «спящий» режим.
Милая Земля. Родной аэродром. Асфальт и трава. Домики вдали. И люди. Которые всегда с тобой.
Как же мало нужно для того, чтобы планета оставалась прекрасной и благоухала в лучах утреннего солнца!
Достаточно одной розы!..

Если бы Маленькому Принцу было достаточно всего лишь одной Розы, ему бы не приходилось, встав утром, брать в руки метлу.

20

Суббота Господня.

В какой-то момент они пришли к пониманию необходимости собираться на общую молитву каждый седьмой день.
Для того же, чтобы это не мешало кому-нибудь посещать воскресную литургию или молитвенное собрание в какой-нибудь из церквей, выбрали день субботний. День, который сам Творец сделал памятником своему Творению, освятив его на все времена.

Собирались они чаще всего на природе либо в своих – таких теперь многочисленных и ладных – домах и квартирах.

Сегодня они собрались у тети Лили.
Поставили в середину комнаты журнальный столик, положили на него Библию, а сами расселись на стульях вокруг. Дети же захотели сесть, скрестив ноги, на коврик.
Тут же стояло кресло, в котором подремывала бабушка Ивета. Тетя Лили решительно отказывалась выдать ее племянникам, хотя те периодически грозились вызвать патруль. Угрожали они и судом, но в законодательстве пока что отсутствовала статья о наказании за присвоение чужих родственников в целях оказания им надлежащего ухода.

Форму молитвенного собрания они позаимствовали у христиан-квакеров. Поскольку это была самая простая из известных им форм.

Пожав перед началом друг другу руки, они просто садились и погружались – в Молчание. Так проходил час. Или больше. А иногда – меньше. Все зависело от Св. Духа, который они призывали.
В продолжении этого времени кто-то действительно старался погрузиться в внутреннюю глубину, из которой и действовал на сердце Св. Дух. Старался даже дышать тише, чтобы на поверхности не возникало даже ряби повседневных мыслей. А кто-то, наоборот, делился с Творцем через Св. Дух своими сокровенными мыслями и открывал сегодняшние заботы, совсем не ставя себе целью заботиться о Глубине. И, нередко, попадал в нее непроизвольно.
Кто-то молился своими словами. Кто-то – словами святых из молитвослова. А кто-то – словами Псалтыри.
Некоторые делали все это попеременно – так, как это хотелось их душе.
Иногда же кто-то начинал молиться вслух. И если кто-то хотел этого человека поддержать, то тоже присоединял свой голос. Или поддерживал того мысленно.
А иногда кто-то, поднявшись, произносил спонтанную проповедь.

Сегодня Эрика опять предоставила свои мысли и чувства – глазам одного только Бога. Стараясь хоть так немного отрешиться от них. Хотя как тут отрешишься. Все сердце извелось за то, что произошло с Русланом. Его мать сдала пса Ричи - в один приют, а его самого – в другой. И опять скрылась. Анатолий же тоже не появлялся. И они с Николозом, подумав и помолившись, получив, как им почувствовалось, в сердца благодатное тепло – решили начать борьбу за усыновление Руслана. В ЗАГСЕ уже лежали их заявления. Скоро они станут парой, и можно будет с Божьей помощью – приступать к штурму очередного бастиона бюрократии.

Все для нее в отношениях с Богом сегодня было просто.
Она смотрела на Бога, а Бог – смотрел на нее.
Она прочитала о таких взаимоотношениях с Богом – совершенно без слов и ритуалов – у какого-то старца. И сразу была покорна их безыскусственностью.

Порой кто-то из них приходил с заранее подготовленной проповедью.
Это было тогда, когда Св. Дух так сильно касался сердца, что побуждал этого человека найти какую-то информацию в Библии, других книгах или в интернете. Или просто – в самом себе. И отобрать для ее передачи другим членам собрания – самые точные и красивые слова.

Сегодня с такой проповедью пришел Николоз.
В какой-то момент он медленно встал со стула, взял в руки гитару и отрывисто произнес:

- Стихотворение Алексея Степановича Хомякова «К России». Написано почти 200 лет назад – в 1839 году. Я решил спеть его на мотив песни Владимира Высоцкого «Я не люблю».

И Николоз пружинисто спел:

"Гордись! - тебе льстецы сказали: -
Земля с увенчанным челом,
Земля несокрушимой стали,
Полмира взявшая мечом!
Пределов нет твоим владеньям,
И, прихотей твоих раба,
Внимает гордым повеленьям
Тебе покорная судьба.
Красны степей твоих уборы,
И горы в небо уперлись,
И как моря твои озера..."
Не верь, не слушай, не гордись!
Пусть рек твоих глубоки волны,
Как волны синие морей,
И недра гор алмазов полны,
И хлебом пышен тук степей,
Пусть пред твоим державным блеском
Народы робко клонят взор,
И семь морей немолчным плеском
Тебе поют хвалебный хор;
Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись -
Всей этой силой, этой славой,
Всем этим прахом не гордись!
Грозней тебя был Рим великой,
Царь семихолмного хребта,
Железных сил и воли дикой
Осуществленная мечта;
И нестерпим был огнь булата
В руках алтайских дикарей;
И вся зарылась в груды злата
Царица западных морей.
И что же Рим? и где монголы?
И, скрыв в груди предсмертный стон,
Кует бессильные крамолы,
Дрожа над бездной, Альбион!
Бесплоден всякой дух гордыни,

Неверно злато, сталь хрупка,
Но крепок ясный мир святыни,
Сильна молящихся рука!

И вот за то, что ты смиренна,
Что в чувстве детской простоты,
В молчаньи сердца сокровенна,
Глагол Творца прияла ты,-
Тебе он дал свое призванье,
Тебе он светлый дал удел:
Хранить для мира достоянье
Высоких жертв и чистых дел;
Хранить племен святое братство,
Любви живительной сосуд,
И веры пламенной богатство,
И правду, и бескровный суд.
Твое всё то, чем дух святится,
В чем сердцу слышен глас небес,
В чем жизнь грядущих дней таится,
Начало славы и чудес!..
О, вспомни свой удел высокой!
Былое в сердце воскреси
И в нем сокрытого глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему - и, все народы
Обняв любовию своей,
Скажи им таинство свободы,
Сиянье веры им пролей!
И станешь в славе ты чудесной
Превыше всех земных сынов,
Как этот синий свод небесный -
Прозрачный вышнего покров!

Это было настоящее послание из глубины веков. Настоящая программа по возрождению России. Как, впрочем, и любой другой страны. Точно такое же послание можно было адресовать любому народу. Все они одинаковы в глазах Творца, все – от мала до велика – обняты Его творческой мыслью. Все они – богоизбранные.
Этой программе было почти двести лет.
Но на ней из-за шор на глазах россиян до сих пор лежала завеса.

Теперь же эта завеса была разорвана и огненные строки, написанные почти 200 лет назад, буквально потрясли их сердца. Все они – от мала до велика – вобрали их всем сердцем.

Казалось бы, после таких слов им больше ничего не оставалось, как молчать, закрыв лицо руками.
Но они, напротив, вскочили со своих мест и принялись возбужденно обсуждать услышанное.
Всем хотелось поскорее поделиться стихотворением с другими.
А еще лучше – со всеми.
Хотя бы через фейсбук.

Эрика сказала, что есть алгоритм поведения, следуя которому Россия действительно может встать с колен, перестав заниматься идолопоклонничеством. С его помощью и можно воплотить чаяния поэта-пророка. Он прописан в трилогии Владислава Крапивина «Паруса «Эспады», начало которой положил роман «Мальчик со шпагой». У созданного его героями устава для членов детского отряда-флотилии «Эспада» был прототип – реальный отряд «Каравелла», организованный самим писателем.
Она вдохновенно продекламировала выдержки из устава «Каравеллы»: «Я вступлю в бой с любой несправедливостью, подлостью и жестокостью, где бы их не встретил. Я не стану ждать, когда на защиту правды встанет кто-то раньше меня… Я никогда не обижу того, кто меньше или слабее. Всегда буду помощником и защитником младшим товарищам… Я буду помнить, что если в каком-то трудном деле, в борьбе один на один с опасностью или бедой я потерплю поражение, "Каравелла" придёт на помощь. Если победа не по силам "Каравелле", помогут её друзья».

Эрика добавила, что, если соединить опыт «Каравеллы» с опытом Крестовоздвиженского трудового Братства под руководством Н. Н. Неплюева, да еще и присовокупить лучшие достижения советского коллективизма, решительно отбросив его лукавые и насильственные стороны – страна буквально взмоет к Небесам.

Дальше Эрика продолжила говорить, нимало не задумываясь. Так с ней бывало только тогда, когда она абсолютно верила в правоту своих слов.

Она сказала, что та Любовь, которая и есть Бог – это не только агапэ, лежащее в основе всякого подлинного чувства, но и - пространство. Это – общее поле. В нем могут непротиворечиво сосуществовать любые образы жизни, если они добры. И только покинув поле Любви, вечная Жизнь, то есть само Бытие распадается на полярности.
Так появились биологические жизнь и смерть, свет и тьма, добро и зло, братство людей и система. А в живой природе – агнцы и волки. В обществе – появились антагонистические классы. Развязались войны, вспыхнули революции.
Полярности же исчезают только на высоте Христа.
Там, где Голгофский Крест.
Потому что Христос не позволил себе быть порабощенным ни одной из этих полярностей. Он вместил их в себя, преобразил и в конечном итоге – «снял» по присущему мирозданию закону диалектики.
Он открыл человечеству путь к Единству, а не насильственному единообразию или ложному многообразию, основанному на искусственных потребностях, навязанных бездуховной культурой.
Только Христос был единственным подлинным революционером.
Его революция была бескровной, поскольку платить за нее Он заповедал - только кровью своей.
Эта революция породила Братство и противостоял ей только дьявол с его системой.
Но и эта бинарность – лишь временна. Она просуществует до времени, когда тьма окончательно рассеется от спустившегося с небес Света.
Так что не надо больше бороться с собственным «я». Не надо подавлять индивидуальность. Достаточно просто отказаться от эгоизма.

Эрика опять невольно встретилась взглядом с тем молодым человеком на портрете, который смотрел куда-то вдаль и одновременно – откуда-то изнутри – ей прямо в глаза. Если убрать черную рамку, то лицо станет проще. В глазах – оживет и позовет за собой незнакомая звезда. Вспыхнет надежда. Заискрится доверие.
Этот молодой человек, по-видимому, всегда жил в мечте. Точнее, пробовал жить в ней как в беспрерывном полете.

Но он не знал, что полет складывается из летящих у виска пулями мгновений. И что большая их часть проносится не столько в небе, сколько в простом воздухе на земле. На земле полет переходит - в «спящий» режим. И заметит его не каждый.

Словно сделав своим девизом строчку из популярной песни «Я – свободен!», он мог бы напевать эту строчку вместе с тысячами другим мечтателей этого рода, полагая, что он свободен: «Я – свободен! Будто птица в небесах!..».
Но он – не был при этом свободен.

Он искал журавлей – в синицах. Пытался взять их в ладони.
А дотронувшись, всякий раз бессильно разжимал ладонь и опускал руки.
Так и не поняв, что действительно свободный человек может только следить за журавлиным клином – взглядом.
А на Земле – быть всего лишь учителем.
Только так можно дожить до понедельника.

Июнь 2022 – март 2023 г

Мягкий мир

Повесть

Автобус полз по трясущейся змее, которая, окольцевав лесистую гору, любезно обернулась в автотрассу. Еще во время посадки дети нетерпеливо прильнули к окнам, будто надеясь, что принявшая их на хвост змея гордо приподнимет не голову, а именно хвост и как бы невзначай перенесет прямо на вершину горы, где располагался поселок с пионерлагерем. Но ничего такого не случилось. Водитель решительно посигналил, матери, звонко отцеловавшись, сошли, и автобус, зарычав, пополз. Он долго полз по примелькавшемуся, знакомому вдоль и поперек проспекту, который волочил через весь город крылья из всевозможных лавок, киосков, магазинов. В пыльных этих крыльях мерещилась моль родительских голосов, которые наставляют о том, что можно и чего нельзя.

Но вот проспект отстал от колес и исчез. Теперь рядом с автобусом шел пустырь и хмуро заглядывал в окна, как суровый, но назойливый мужчина. Гомон, а местами и рев детворы, скрадываемый рычанием автобуса, как-то сник, и всем захотелось тех светлых, радостных бабочек в голосах родителей, которые обтрепались от долгой жизни рядом и стали какой-то молью. Но бабочек как-то не стало.

Потом мужик запропал, и прекрасные сосны заструились навстречу.

Мария почти не отрывала взгляда от окна. Ей казалось, что автобус - это огромный рыжий пес, долг которого - беречь и опекать маленьких людей в их твердеющем пути. За свою двенадцатилетнюю жизнь Мария впервые путешествовала без родителей и, может быть, поэтому выглядела не по-детски серьезной. Впрочем, она догадывалась, что родитель - обобщенный и неопределенный, какой-то пустой и серенький - завелся внутри, и его там, внутри, немного мутило, как мутило в автобусе большинство ее спутников. Мария не плакала, не смеялась, не гомонила, не переговаривалась с соседями по сидению. Когда же на поворотах некоторые девочки, побледнев, спешно подносили к губам полиэтиленовые пакеты, Мария закрывала глаза и представляла себя ежиком, который катится клубком по росистой траве и собирает по кочкам крупные, как яблоки, капли.

Влажный, весь в яблоках-каплях ежик был смешон, и от мысленной улыбки тошнота откатывала.

Когда Мария открывала глаза, она видела напротив и чуть наискосок такую же серьезную девочку, которая ехала спиной к ходу автобуса и никак не сообщалась со своими хихикающими соседками в цветастых шелковых платьицах. Девочка была не в платье, а в короткой синей юбке и белой в горошек блузке с отложным воротничком. Светлые, прямые ее волосы были аккуратно собраны в хвост. Сине-голубые глаза под бесцветными бровями часто и подолгу задерживались взглядом на Марии. И уж совсем неотрывно "глядел" на Марию нос, словно специально на нее нацеленный - длинный, курносый, мало вяжущийся с другими, довольно правильными, чертами девочки.

Мальчики и девочки были рассажены отдельно - по трое на двуместных сидениях, и Мария пожалела бы, что оказалась в компании девочек, если бы ей не приходилось чувствовать себя с некоторых пор неуютно и среди мальчиков, потому что те перестали принимать ее за свою.

Две пионервожатые, следившие за порядком с задних сидений, поднялись и объявили обеденное время. Большинство девочек тут же достали бутерброды и, развернув на коленях одинаковые салфетки, принялись угощаться и угощать. Мальчики же, кроме одного или двух, сделали вид, что не расслышали объявления, и пионервожатым приходилось обходить их и оглашать возле каждого сидения на троих особое приглашение. В одном месте даже пришлось на время реквизировать шахматную доску, которая занимала на коленях место драгоценной салфетки.

Пользуясь тем, что вожатые заняты мальчиками, Мария не стала вынимать своего завтрака и кратко отказалась от груши, которую предложила одна из соседок. Мария не могла понять, как можно так скучно разворачивать салфетки, когда за окном словно съезжают с горы сосны - корабельные, с проседью облаков в кронах. Кроме того, Мария понимала, что после завтрака ей не удастся довести своего ежика до водяных яблок, а подзывать воспитательницу для того, чтобы передать ей наполненный до краев пакет, ей как-то не хотелось.

Не отрываясь от сосен-лыжников за окном, Мария машинально отметила краем глаза, что курносая девочка, которая продолжала поглядывать на нее то прямо, то украдкой, тоже не достала своего завтрака, но от дружной, видимо, давно сплоченной компании девочек, расположившихся в двух повернутых друг к другу сидениях недалеко от кабины водителя, отделилась низенькая рыжая девчушка в очках и, - вот те раз! - тоже предложила курносой грушу и, когда та отказалась, строго передернула плечами и отошла с видом: "Я сделала все, что могла". Вернувшись к своим, девчушка, видимо, сказала какую-то колкость, за которой последовала пара смешков.

Смешки сорвали бдительные пионервожатые. Одна из них подобралась к курносой и, деликатно склонившись над ней, сделала какое-то внушение, после чего девочке пришлось все-таки извлечь свой бутерброд и нехотя приняться за него.

"Вот, варвары", - подумала Мария. Так говорил на уроках учитель истории, добродушно поглядывая на них из-под огромных очков в роговой оправе, и Марии казалось, что класс - это такой экспонат, который учитель разглядывает из своей стеклянной колбы. Хотя правильнее было бы счесть за экспонат учителя.

Наконец автобус выбрался из лесу и, заметно сбавив рычание, понесся по сияющему на солнце асфальту с аккуратными дачными домиками по обочине, повернул раз, повернул другой и, миновавши километровый участок дороги посреди цветущей поляны, остановился у большого четырехэтажного здания с прекрасным двором за сетчатой оградой. Дверцы открылись, все ринулись гурьбой к выходу, и пионервожатым стоило немалых усилий, чтобы отобрать излишек эмоций и построить всех в колонну.

Мария не заметила, как отказалась в колонне с мальчишкой, который едва доставал ей по плечо, как тот деревянно просунул ей ладонь в руку и как все они, все еще гомоня, двинулись в здание - как и все дети, она порой забывала, где ее голова. Но колонна, так же

как и класс во время урока, автоматически ставила голову на место. Осознавая это, воспитатели пользовались разного рода построениями, как опытные маги. В передних рядах запели, и вскоре все задорно подхватили мотив, который, пронзив Марию от макушки до пяток, сделал из нее гордого и бесстрашного человека:

Что легенды нам о Боге,
Если бы не мы с тобой?
Наши боги - те дороги,
Что ведут в последний бой.

Барабан старается.Трубач играет бой.
Быть первыми время нас учит.
Ты гори, гори, мой костер -
Мой товарищ, мой друг, мой попутчик.

Так, поющей колонной, они промаршировали на третий этаж, и все опять смешалось и забылось.

Когда Мария снова нашла свою голову, то обнаружила себя сидящей на аккуратно застеленной угловой койке в просторной палате на шестерых. Украдкой приглядываясь к пятерым спутницам, которые хлопотали над сумками, извлекая и раскладывая со смешками по тумбочкам разные вещи и вещички, Мария попыталась угадать свое место в этой давнишней компании. Это были те самые подруги, от имени которых приходил к курносой девочке посол с грушей. По некоторым репликам Мария определила, что компания прибыли из Залайска - маленького городка, расположенного в пятидесяти километрах от их Краеугольска. И с грустью догадалась, что место ей в этой дружной компании вот какое - оно никакое! Это так почему-то повелось в ее жизни: Мария могла нащупать какую-то роль только в свежем, еще формирующемся коллективе, где каждый голос еще сдержан и подается на равных, где не надо ничего раздвигать при помощи того человечка внутри, функция которого - работать локтями. У Марии, конечно, был такой человечек, и она вполне могла выпустить его на свободу, но причина, мешавшая ей определиться порой даже в свежей компании девочек, коренилась, по-видимому, не только в застенчивости.

Между тем время шло, и Мария чувствовала, что вот сейчас, немедленно надо как-то обозначить себя. Если молчание ее не прервется в первые минуты, то оно, возможно, не прервется никогда.

Вдруг смутно она почувствовала, что дело, отчасти, в одежде. Раскрыв молнию на все еще стоящей на коленях сумке, она раскопала среди кучи ненужных кофт, юбок и колготок любимые кофейные шорты и синюю безрукавку. Сорвав с себя небрежным движением платье, - она одевалась в платья только по торжественным случаям, поддавшись уговорам матери, - Мария с удовольствием просунула ноги в шорты и, почувствовав удвоившуюся близ паха ткань, внезапно расслабилась. Взглянув потеплевшими глазами на пятерых смешливых девочек, она подумала, что могла бы, впрочем, и полюбить их. Ей захотелось перекувырнуться в воздухе, ухватившись за спинки стоящих рядом кроватей, хотелось подхватить мячик с пола и, взобравшись на шифоньер, метнуть его в ту низенькую девчушку в очках. Она, должно быть, подхватит мяч и вернет его Марии с очаровательной улыбкой. Мария станет поочередно кидать мяч в девочек, а те - с визгом и смехом - отбиваться.

Но ничего такого не произошло. Мария просто сделала два шага вперед и сдержанно, сурово спросила своим громким, низковатым голосом:

-- Девочки, вы, наверное, из одного класса?

Все замолкли, как по команде. И самая высокая и серьезная - с фиолетовым бантом в серовато-русых волосах, ответила, стараясь не смотреть Марии в глаза:

-- Мы не из класса. Мы из двора. А классы тут разные - кто из четвертого, кто из пятого. А сестра вот - из второго, - она кивнула на рыжую девчушку в очках, которая разглядывала Марию прямо и откровенно, в то время как другие делали это украдкой.

-- Тебя как зовут?

-- Меня - Мария. А вы из Залайска?

-- Лена.

-- Даша.

-- Да, мы - залайские. А ты - краеугольская?

-- Да, я из Краеугольска.

"Ну, все. Хватит на первый раз", - сказал внутри Марии некто - тот самый, кто вечно приглядывал за ней в незнакомых местах, одергивая и тормозя порывы. И Мария, повинуясь ему, внутренне сникла. Но внешне все выглядело эффектно. Она вернулась с независимо-озабоченным видом к вещам на койке, повязала пионерский галстук и вышла на террасу. Широкоплечая и скуластая, с короткой стрижкой под пажа, с громким голосом и серьезным взглядом под чуть нахмуренными густыми бровями, Мария невольно внушала уважение как сверстникам, так и педагогам. Она поняла - место ей обеспечено. Вечное ее место постороннего, который изредка подает голос, когда к нему обращаются с вопросом. И - так же изредка - спрашивает, а, услышав ответ - исчезает...

Но, оказавшись на террасе, по которой носилась разновозрастная детвора, большей частью еще незнакомая друг с другом, где каждый был сам по себе, Мария снова преобразилась и побежала вслед за какими-то первоклассниками, желая понять, где у террасы края.

На бегу она поравнялась с Мавродием - мальчишкой из их двора, который, видимо, прибыл со вчерашней группой. Она обрадовано толкнула его, бегущего, в спину, и тот, встрепенувшись, повернул вечно удивленное веснушчатое лицо:

-- Ма-а-рия!

Мавродий был младше на год и едва доставал Марии до плеча

Между ними существовала давняя традиция - Мария была человеком, которому Мавродий сдавал выкраденные у ребят рогатки. Мавродий ненавидел охотников и рыбаков. Сиживая иногда на дереве с молчаливой Марией и охотно болтая, Мавродий делился планами о том, как выучиться выкрадывать удочки у рыбаков, а, может быть, и ружья у охотников. Он даже выкопал яму в овраге, куда будет складывать эти ненавистные, сломанные им надвое предметы.

Вообще-то Мавродий был трусом, мальчишки вечно били его, но он до того не мог видеть, как кто-то режет дождевого червя или обрывает крылья бабочке, что кидался с ревом на мучителя, даже если это был рослый и сильный пацан. Но от усердия Мавродия червю или бабочке доставалось еще больше, и тем паче доставалось Мавродию. Поэтому он отводил душу кражами рогаток. Стянув это ненавистное приспособление, Мавродий как бы невзначай подходил к играющей во дворе Марии и передавал ей трофей из кармана - за пазуху.

Мавродий всегда шепеляво произносил одни и те же слова:

-- Сломать и выбросить.

И Мария, едва заметно усмехаясь, с достоинством кивала. Никто из воробьиных охотников ни разу не догадался о наличии у вора сообщницы.

Вот и сейчас Мавродий высунул из кармана край рогатки и, суетливо озираясь, спросил без обиняков:

-- Сломаешь? Выбросишь?

Мария привычно кивнула.

Разогнавшись, она далеко оторвалась от Мавродия. Прохладный, пропитанный хвоей воздух бил в лицо, стеклянные двери палаты мелькали, как дорожные столбы и из них выскакивали ребята и тоже куда-то мчались.

В террасе обозначился поворот и, оказавшись на боку здания, Мария увидела вдали высокую гору с желтым галстуком искусственной лыжни. На самой вершине стояли лыжники и один за другим устремлялись вниз, красиво огибали повороты и, взмыв с трамплина, плавно приземлялись на пластиковый снег.

Минут пять Мария заворожено смотрела на летящих камнями лыжников. Одновременно она высмотрела наметанным глазом лаз в сетчатой ограде лагеря и сделала отметку в памяти - отсюда можно убежать к лыжне, можно попробовать прокатиться по ней на доске.

Потом Мария вновь сорвалась с места и, оббежав здание по кругу, спустилась во двор.

Там она сделала с рогаткой Мавродия то же, что делала с рогатками всегда: бережно обтерев об майку, зарядила камешком и прицелилась. Здесь, у заднего выхода, располагалась липовая аллея, и затаившиеся от близости детского гвалта птицы походили на плоды. Целясь в них, Мария всегда так и понимала: если камешек попадет в цель, плод, вскрикнув, сорвется. Победно подхватив его, она примется "работать" над еще теплым, в пуху, комочком - любоваться окраской перьев, водить по скрюченным коготкам пальцем, и, разомкнув клюв, пристально всматриваться в горизонт таинственного рта. Так делали все мальчишки, кроме чудака Мавродия, а после, выпотрошив добычу ножиком или осколком стекла, жарили в костре на углях и торжественно уплетали с небывалым аппетитом.

Сама Мария не участвовала в пиршествах, но охотно отдавала своих воробьев и ворон в общий котел.

Натянутая резина сорвалась с рогатины. Камешек упал на плоский булыжник, где грелась огромная зеленая ящерица, и та, вскинув голову, насторожилась. Подкравшись, Мария попыталась накрыть ее ладонью, но ящерица ускользнула под булыжник. Отвалив камень, Мария обнаружила норку и принялась разгребать ее, помогая себе концом рогатки. Когда норка была разворочена до середины, Мария бесстрашно просунула в нее руку по локоть и вытащила вцепившуюся в палец ящерицу.

Перехватив ящерицу у горла, она заставила ее разжать челюсти и, обтерев кровь с пальца, принялась рассматривать ее нарядную шкурку.

Наглядевшись вдоволь, Мария оставила себе трофей - хвост и отпустила ящерицу, после чего зарыла рогатку в развороченную норку и завалила место булыжником.

На лестнице, где она вскоре снова оказалась, шли как в муравьином потоке, девочки. Она кинула в их скопление все еще извивающийся хвост. Раздался визг, который так удивлял Марию своей бесполезностью. Она не понимала, откуда берется в природе такое излишество - девичий визг.

Пробравшись в палату, она, как ни в чем не бывало, подошла к своей койке и принялась, ни на кого не глядя, перебирать вещи.

2

Потекла лагерная жизнь. По утрам отдаленно и протяжно вторгался в сон горн. Звучание его напоминало солнечную рябь на свежей лужице. Сон оседал на дно, а рябь поднималась к небесам, и Мария, пробудившись в приподнятом настроении, сразу вставала.

После пробудки все спускались во двор, выстраивались в шеренги по отрядам и занимались физзарядкой. Это было не самым интересным, и некоторые норовили урвать у сна еще полчаса и спускались уже к пионерской линейке. Поэтому горнист ходил по палатам и посылал в уши лежебок короткие, хриплые, упругие сигналы.

В то время как все еще делали вид, что звук горна - это так... шум дальний и посторонний, конкретно ни к кому не обращенный, Мария успевала умыться и почистить

зубы вкусным порошком с привкусом апельсина - она специально уговорила мать купить ей круглую коробочку с порошком, это было интересней, чем тюбик с пастой. После физкультуры умывальную комнату брала штурмом разновозрастная толпа с зубными щетками. Но, ворвавшись в комнату, некоторые особи в юбках тут же с визгом выскакивали, обнаружив на полу прыгающих лягушек, которых запускала Мария еще с вечера.

Проведя раз-другой расческой по волнистым, до плеч, волосам, в которых никогда не водилось бантов и заколок, Мария охотно шла на физзарядку. Ей нравилось, когда люди в спортивных костюмах выстраивались в одинаковые ряды и словно переставали делиться на мальчиков и девочек, сильных и слабых. Ей смутно казалось: здесь, на спортивной площадке, все становятся равны и нет больше крикливых платьев и кривляющихся голосов. И не то, чтобы она не любила в людях разность - наоборот, люди в разной одежде раздражали ее своей одинаковостью. Здесь же тишина и торжественность, сдержанность в движениях представлялись ей формой для души. Имея такую форму внутри, можно было надеть любое платье - и это не будет крикливым, не будет пустым.

Но особенно любила Мария пионерскую линейку. Выбравшись, словно из куколок, из спортивных костюмов, шумно умывшись и весело начистившись, вся лагерная детвора вместе с воспитателями собиралась во дворе и густо гудела. Марии нравилось быть в толпе, ходить в ней, смотреть и слушать. Где-то играли в "резинки", где-то в "классики". Затесавшись к старшеклассникам, она порой напарывалась взглядом на парочки, которые, не глядя друг на друга, зачем-то соединяли пальцы рук. Все это длилось какое-то мгновение, и пальцы пугливо отстранялись или отскакивали друг от друга, как от удара молнии. Мария не любила женихов и невест. Она представляла женихов обманщиками, которые дарят невестам фату и белое платье, заманивают их в красивую машину, везут в ЗАГС, где берут с них какую-то странную клятву, а после, заручившись клятвой, заставляют всю жизнь готовить и стирать.

Но вот горнист оповещал о начале линейки, и Мария протискивалась к своим.

Странные отношения были у нее со своими - она не завела друзей в отряде, но лица, к которым она незаметно, исподлобья присматривалась, стали для нее такими особенными, что Мария только и думала о том, какое это счастье - видеть именно эти лица. Глядя на них, она словно чувствовала поток теплого ветра в лицо. И когда все стояли по стойке смирно, и председатель их отряда - высокая, стройная девочка Катя - торжественно вышагивала к вьющемуся на флагштоке знамени, чтобы отдать ему честь и звонко отрапортовать: "Товарищ старший пионервожатый, отряд "Буревестник" готов к труду и отдыху! Девиз отряда: "Бороться - искать, найти - не сдаваться!", Мария словно превращалась в ясный, трепещущий голос на жарком ветру. И голос гремел в унисон с тремя десятками братских голосов: "Буревестник!.. Бороться - искать!.."

И совсем иначе было в мертвый час, когда стены палаты отделяли от отряда несколько лиц, и приходилось проживать среди них мучительную роль посторонней.

Мария так и не сблизилась с девочками из Залайска и даже не научилась различать всех пятерых по именам. Как нарочно, залайская компания концентрировала в себе все то, что Мария особенно не любила в девочках.

Они не любили физкультуры и еще больше не любили пионерской линейки. То, что отряд назывался "Буревестником", имело для них какое-то смешное значение. Занимаясь в мертвый час маникюром, они охотно обсуждали туалеты своих мам, но едва разговор соскальзывал на что-то пионерское, как пыл в их голосах угасал, и в них появлялись смешливые нотки. Девочки эти при любом удобном случае старались снять и заныкать в карман красный галстук и держали под подушками сережки, ношение которых было запрещено. Они все время играли, но не в мяч или шашки, а в какой-то беспрерывный "Дом-дом"

Роли в этой игре всегда распределялись одинаково. Всеми верховодила высокая и серьезная Лена - с неизменным фиолетовым бантом в мышиного цвета волосах. Она-то и играла роль мамы. При ней была дочь Даша - совсем не похожая на нее рыжеволосая девочка в очках - любопытная и назойливая, которая вечно одинаково улыбалась полуоткрытым ртом. На самом деле Лена и Даша были двоюродные сестры, и младшая состояла у старшей на побегушках. Три другие девочки не то чтобы прямо подчинялись Лене, но во всем прислушивались к ней и, вяло болтая в русле заданной той темы, казались Марии старушками с вязальными спицами. Представляя свою роль среди них, она видела себя такой же старушкой, а потому... не видела вовсе и, хмуро стиснув зубы, упорно отмалчивалась, лежа за книгой на своей угловой койке.

В мертвый час никому не спалось. Воспитатели не принуждали их ко сну, но следили за тишиной и за тем, чтобы никто не ходил без нужды в коридор. Еще полагалось быть в пижамах, вблизи от разобранных постелей, и эта близость постели нет-нет, да и заманивала нырнуть в свою хрустящую, белоснежную свежесть и забыться если не сном, то мечтательной дремой.

Отложив "Военную тайну" Гайдара, Мария прикрывала глаза и незаметно оказывалась внутри своего сжавшегося сердца. Там, внутри, моросил дождь, и видна была блестящая, черная от сырости лавочка. Над лавочкой склонялась трепещущая на ветру ива - некоторые ее листья удлинялись из-за висящих на концах каплей. Серые, пахнущие валокордином капли срывались и исчезали в черноте цвелой древесины. Мария чувствовала, что это неизвестное место - самое для нее родное на этой Земле. И непонятно почему наворачивались слезы. Она понимала, что непогода изгнала со щемящей душу лавочки под раскидистой ивой кого-то, кого-то... Ах, вот кого! Ее мать!

Отвернувшись к испещренной надписями стенке, Мария стискивала зубами кончик пододеяльника, чтобы не разрыдаться. Дрема в мертвый час навевала ей образы пустого мира - мира без матери. Всякий раз разные, образы эти смутно намекали на то, что мать мучается без нее и, измучавшись, тихо уходит туда, где у привычного мира появляется новая грань - какое-то серое небо, потом черное небо и в него летит капсула с запечатанной в ней Марией, словно Мария космонавт... и она знает, что никогда больше не вернется на Землю.

Передернувшись, как от удара током, Мария хваталась за книгу, но короткая жизнь маленького Альки с его военной тайной обрывалась в конце одинокой могилой, проходя мимо которой отдавали честь пионеры. Проплывали корабли, пролетали самолеты. И все отдавали честь. А Альки уже не было. Его место на Земле было пусто...

И, отбросив читанную-перечитанную книгу, Мария укрывалась с головой одеялом, и в душной темноте постели слезы беззвучно катились по ее лицу, как капли дождя по стеклу. Мария так и чувствовала: она - стекло. А белое белье постели - не то пеленки, не то струи жуткого запредельного света, белого, с фосфорическим оттенком. Вся постель - это капсула.

Как нарочно, за стенкой, в соседней палате, затягивали хором жалостливую песню. Странно, что никто из дежуривших в коридорах воспитателей не обрывал эту надсадную детскую тоскливость. Видимо, взрослые негласно решили: тихому часу - тихая песня. И песня словно пробивалась робким пламенем из тлеющей головешки, а кругом головешки кипел дождь, колошматя головешку по голове. Но голосок просачивался сквозь воду и, дальний, водянистый, звал на помощь тех, кто на суше. И вдруг со всех концов к нему прибивались такие же водянистые голоса и, по-щенячьи сбившись, начинали мерцать болотными огоньками. От огоньков становилось светлей и все погружалось в откипевший, моросящий дождь.

Таких песен в репертуаре соседней палаты было три. Первая повествовала о жизни несчастного-разнесчастного вора, который отбывает срок на Колыме и то и дело кланяется в письмах горемычным детушкам, обещая по возвращении обласкать их сторицей. Вторая песня называлась "Пропала собака" - героем ее был безутешный малыш,

преданно ищущий пропавшего друга. А третья была о маме. И в ней повествовалось о том, как пришел однажды сын домой, а мамы больше нет. Мама лежит со свечкой в сложенных на груди руках, а по лицу ее разлита восковая бледность.

Вслед за этой, обычно, последней по счету песней, со стороны террасы их палате прокрадывалась гостья - приоткрыв стеклянную дверь, она широко размахивалась и вылетевший из ее ладони громадный помидор распластывался вдребезги жар-птицей на чьей-нибудь тумбочке. Взметнувшись, девочки возмущенно кидались в дверной проем, но нахалка уже запиралась в соседней палате. Девочки во главе с Леной колотили кулаками в запертую стеклянную дверь, строили рожи и обзывались. Из-за двери неслись смешки и ответные оскорбления.

Мария не участвовала в потасовках, может быть, потому, что помидор никогда не долетал до ее угловой койки. Но обычно она бралась за тряпку и, пока девочки ломали копья, стирала жар-птицу с тумбочки. Мария не понимала, как могла возникнуть такая мальчишеская вражда между девочками на том лишь основании, что одни девочки были из Залайска, а другие - за стеной - из Макеевки, что у одних отряд назывался "Буревестником, а у других - "Соколом".

Вернувшись в палату с безуспешного штурма, девочки из Залайска долго выругивались и принимались за детальную разработку плана мести. Пункты были один похлеще другого: пробраться к макеевским, когда те уйдут в столовую, и надушить мочой подушки. Или обернуть в тряпку дохлую крысу, приладить сверху записку "Небольшой сюрприз" и сунуть под одеяло первой вредине Надьке. Или вот что: выследить эту Надьку во дворе, когда нету своих, окружить и попинать хорошенько ногами. Надо только пронюхать, какие у Надьки планы на вечер, чтобы рассчитать, где ее караулить.

Кровожадный совет обычно прерывался легким шумом со стороны террасы, смешками, звуками короткой возни и резким, подчеркнутым хлопкам двери. После чего в палату нехотя проскальзывала белокурая курносая девочка - та самая, которая запомнилась Марии еще в автобусе своим внешне спокойным, изучающим взглядом. Сделав несколько шагов, она в нерешительности замирала и, необыкновенно высокая, молча погружала куда-то вбок свои спокойные, прозрачные сине-голубые глаза, хотя вид у нее был взъерошенный, а на щеках проступала краска.

- Светка! - строго вскрикивала Даша и, оглянувшись на сидящую со сжатыми губами Лену, подступала к вошедшей девочке, как Моська к Слону. - Они опять тебя мучили, да? У-У! Уроды! Но ты смотри у нас - ты терпи! Ты же наш разведчик! А может... Кто тебя знает. Может, ты уже их разведчик... А ну признавайся - ты теперь чья?

И протянув руки, словно к лампочке над головой, Даша хватала Свету за грудки и принималась со свирепым видом выкручивать кулачки.

Немного попятившись, Света продолжала молчать и даже не пыталась защищаться. Только пятна на ее щеках проступали все резче. Чтобы не видеть ее неловкости, Мария сердито бралась за книжку. Как-то само собой получилось, что из всей неприглядной залайской компании более всего неприятна была ей эта мощная по фигуре, но такая беспомощная, безответная девочка. И хотя Мария догадывалась, что Света оказалась заложницей в зловещей макеевской палате не только потому, что была отрезанным ломтем у своих, но и потому, что это она, Мария, расторопно заняла у залайцев предначертанную той шестую койку, догадка не прибавляла ей снисходительности. Будь Мария на месте Светы, она бы одним только взглядом раскидала по местам всех этих зарвавшихся девчонок. Поэтому безответность высокой, физически сильной девочки вызывала у нее чувство отторжения. Кроме того, была в этой Свете какая-то раздражающая, болезненная утонченность. Нос вздернут, как у Буратино, кожа лица и рук молочно-бела и сквозь нее просвечивают венки, необычайно-белые волосы, по-рыбьи прозрачные глаза... Сталкиваясь взглядом с этой прозрачностью, Мария всегда отводила глаза и проходила мимо, словно и не было вовсе Светы, словно Света была прозрачной.

Пока низкорослая Даша, вцепившись в Свету, висела у той на груди, Лена восседала верхом на спинке кровати и что-то хмуро обдумывала. Четверо остальных как ни в чем не бывало оживленно обсуждали происшествие.

- Они - сволочи, - тихо произносила Лена, и все вдруг замолкали, а Даша, перестав закручивать свои непонятные лампочки, отступала на шаг от своей жертвы, но продолжала при этом строго смотреть ей в лицо, как бы рекомендуя получше прислушаться к тому, что будет сейчас сказано. - Расскажи нам, пожалуйста, что они о нас говорят. Они что-то просили передать? Что?

Руки у Лены были скрещены на груди и глядела она со своего сидалища, словно школьный директор на провинившегося ученика - сверху и искоса. Голос ее был ровен и подчеркнуто-ласков, как у человека, который чувствует свою власть.

Наступала пауза. Очень долгая. Так как Света никак не могла вытолкнуть из себя тех слов, которые насильственно впихнули ей в копилку памяти с приказом "Передать!", не могла их собрать и, видимо, не понимала - зачем.

Она бесцветно роняла:

-- Ну... всякое говорили. Что вы гады, говорили. Вот.

-- Что еще?

-- Что суки.

-- А еще? Ну-ну, тельсь!

-- Говорили про Лену плохое. Просили передать, чтобы ты, Лена, уехала. А иначе... грозились, что завернут твою голову в это... не помню, во что, и перешлют маме. Да, вспомнила: в бандероль упакуют.

-- Фигушки им! Это мы их в бандероль уложим! Что еще? Ну, быстро, быстро!

Что было дальше, Мария обычно не видела. Какая-то сила вынуждала ее выйти в коридор под предлогом малой нужды. А так как по иной нужде в мертвый час в коридоре обретаться не полагалось, то шла она, как и было положено, в сортир, совмещенный с умывальной комнатой. И там уж, честя про себя свою невезучесть - ведь надо же было оказаться в такой муторно-скучной компании! - а еще больше честя не от мира сего, неприятную, попросту говоря, противную девочку Свету, Мария выхватывала из ведра прикрытых половой тряпкой лягушек, отловленных не далее как утром и, широко размахнувшись, выкидывала в окно. Однажды лягушка улетела, оставив случайно зажатую между ее пальцами лапку. Мария, не церемонясь, бросила лапку вслед, как кидают шапку выставленному за дверь непрошеному гостю. Некоторые квакши грузно шлепались об асфальт. Ничего, сойдет и так!

Вернувшись назад, она уже не заставала Светы. Наговорив ей в оттопыренные, вечно краснеющие уши список ответных ругательств и снабдив инструкцией по применению, залайцы уже схватили Свету под руки, подвели ее к выходу на террасу и со смешками толкнули. Иди, мол, к своим макеевцам! Мария однажды видела, как это делается.

Еще Мария видела, как укрепляет авторитет Лена. Была у той привычка просовывать поутру руку под одеяло сестры Даши и со строгостью в лице проверять, суха ли простынь. И однажды простынь оказалась не суха. Лена сдернула одеяло, присмотрелась, принюхалась. После чего схватила детский утюжок и двинулась к Даше, которая, истерически рыдая, забилась в угол. Даша не выносила вида острых предметов и утюгов так же, как большинство девочек не выносят лягушек и ящериц. Но Лена все равно долго, неотрывно водила по ней утюгом - нежно, нежно, будто ласкаясь. Пока остальные, что вмешивались дотоле нестройно, не сказали вдруг хором: "Хватит!"

3

Прошла уже почти половина лагерного срока, когда случилось непримечательное поначалу событие - отряд "Сокол" расформировали из-за того, что лагерь разом покинула

группа одноклассников, составлявших костяк отряда. Оставшихся соколят раскидали по двум младшим отрядам - "Стражнику" и "Буревестнику". Пользуясь неразберихой и освободившимися койками, буревестники и стражники стали меняться палатами, перебираться под шумок на новые места - поближе к новым товарищам. Переселенческая лихорадка охватила и закадычную залайскую компанию. Ворвавшись перед ужином в палату, девочки принялись азартно и в то же время жеманно стягивать наволочки и пододеяльники, укладывать в сумки многочисленное барахлишко. Рисуясь, они грозили кулачками в стену, отделяющую их от макеевцев, а после, закатывая глаза, распускали кулаки веером и принимались брезгливо обмахиваться.

Сложившись, залайцы дружно повели плечами, показали стене фигу и с возгласами "Уходим! Уходим!" вышли, и, кажется, насовсем.

Мария, которую не удостоили на прощание даже кивком, играла в это время в шашки. Заняв среди сверстников третье место в турнире на первенство лагеря, она прослыла неплохим игроком, и поэтому в гости к ней иногда захаживали шашисты. Среди них ей особенно полюбились две девочки.

Первую звали Лика. Она была ростом ниже Марии, но значительно подвижней ее, а, главное, ловчее, выверенней в движениях. Была она вся стремительная и не сидела за шашечной доской, которую они распахивали на середине кровати, а непрерывно, слаженно двигалась - то садилась со скрещенными ногами и, подперев кулаками подбородок, искоса приглядывалась к сложившейся позиции большими серыми глазами в обрамлении черных до плеч волос, то стояла в белоснежных носках прямо на кровати со сдернутым покрывалом, скрестив на груди руки и барабаня по локтям пальцами с пронзительно-красным маникюром, то, отступив на шаг, красиво откидывалась, прислонившись к спинке кровати или, соскочив на пол, кувыркалась между двумя другими спинками, а то и просто расхаживала по палате. Все это делалось без показухи. Марии было видно, что человек нешуточно занят игрой.

Но больше всего любила Мария Лику за песню, которую та серьезно и звонко исполняла на всех концертах, а то и просто - на случайных сборищах или даже одному человеку, даже если этот человек был всего лишь партнером по шашкам.

Песня была про БАМ. Легко и задорно лилась захватывающая дух мелодия:

Веселей, ребята!
Выпало нам
Строить путь - дорогу,
А короче - БАМ.

Мария так и видела двух стальных змеек, вьющихся в голубой тайге впереди грохочущего локомотива. Поезд, который вела Мария, словно преследовал ползучих гадов, оставляя за собой ровные, накатанные рельсы. Всюду, где проходил их состав, вырастали хвостом дороги. Но впереди - вились змейки. И Мария, приподняв козырек фуражки железнодорожника, точными, выверенными движениями все накручивала и накручивала скорость.

Вторую девочку звали Зоей. Обычно она стучала, прежде чем войти, а войдя, стеснительно и в то же время радушно улыбаясь, бросив неопределенное всем: "Здрастье!" проходила к Марии, присаживалась на край кровати и говорила: "Ну что, сыграем?" И они играли партию-другую. Мария вся сладостно изнемогала в чем-то мягком, кошачьем и движения ее руки, передвигающей шашки, сбившись с привычной угловатой резкости, становились плавными, закругленными.

Зоя почти не поднимала глаз от доски, а, поднявши, взглядывала на Марию с улыбкой, в которой намешалась целая песня. Мария просто-напросто переставала быть от этой песни, она вся становилась грустным, мучительно-трогательным слоном.

Где баобабы вышли на склон
Жил на поляне розовый слон.

Слон жил на поляне и отличался от других слонов тем, что был розовым, а не серым. Но вот хитрый охотник взял его в плен, поместил в зоопарк и все увидели, что слон все-таки серый. Все стали потешаться над сереньким слоником.

Слон улыбнулся, слон им простил,
Но почему-то слон загрустил.

Слоник, мой слоник, ты не грусти,
В жизни бывают серые дни.
Снова подарит солнце рассвет -
Выкрасит кожу в розовый цвет.

В тот радостный миг, когда залайцы навсегда покинули палату, Мария как раз доигрывала с Зоей последнюю - вторую - партию. Мария выиграла партию, и Зоя, безмятежно улыбнувшись, сказала обычное: "До свиданья" и удалилась так вежливо и плавно, словно вела за собой на веревочке тихого, услужливого слоника.

Мария стремительно вскочила и принялась расхаживать по палате. На радостях она даже перекувыркнулась между спинками каждой свободной отныне кровати. Ей и в голову не пришло схватить, поддавшись чехарде, сумку и броситься на поиск другой палаты. У нее уже появилась другая палата - вот эта вот, одна-единственная, на нее одну. Мария даже подпрыгнула от этой мысли.

Но тут случилось нечто непредвиденное, нечто совсем ужасное. В дверь со стороны коридора робко постучали и, когда Мария, присев на всякий случай на собственную кровать, крикнула своим громким, преувеличено-решительным голосом: "Войдите!", думая, что это вернулась Зоя, дверь медленно и скрипуче приоткрылась и в нее после секундной заминки протиснулась Света.

Света была в салатовом платье. Оно ядовито облепило нелепую долговязую фигуру с безвольно опущенными руками. И в то же время платье словно боролось, прильнув листом к телу, с неведомой, зреющей в недрах силой. Словно молило оно о чем-то, строя преграду.

Марии тоже захотелось стать преградой, присоединившись к платью. Она поднялась со своего места и, встав напротив гостьи, решительно и выжидательно, впервые в жизни посмотрела той в глаза.

Глаза у Светы были похожи на прозрачные голубые камешки, которые ворочались попыхивая, в красноватой тьме.

-- Знаешь, я давно за тобой наблюдаю - ты на меня похожа. Давай дружить? – промолвила она тихо, но решительно.

Мария просто опешила от такой прямоты. Она представляла себе дружбу как игру в поддавки. Если перевернуть шашечные кругляшки вверх тормашками и тихонько продвигать их навстречу партнеру, а тот как бы невзначай будет продвигать свои, и победителем окажется тот, кто первым сдаст без боя свои кругляшки - то это и будет игра в поддавки. Точнее, не будет в ней никакого победителя, а просто доиграют двое партию и как бы невзначай улыбнутся. А чтоб вот так вот, без игры... Нет, так Мария не умела. Она и не думала уметь дружить с девочками, так как все они делились на две неравные категории: одни вызывали презрение или снисходительную улыбку, а другие - восхищение, которое можно было лишь таить - издали.

Но эта Света не просто нарушила правила игры в поддавки, решив пройти сразу в дамки, но и сморозила несусветную глупость. Глупость эта громыхала в ушах Марии как гром, а щеки стремительно заливала краска.

-- Как это? Ну нет... Нет, я не похожа. Не похожа я на тебя, - только и смогла она вытолкнуть одеревеневшим языком.

-- Нет, ты похожа, - неожиданно живо возразила Света, не своя с нее внешне спокойных и в то же время просительных каких-то глаз.

И отчего бы ей не промолчать? Мария все бы ей простила за одну только паузу. Но Света, дергано приподняв левую руку и прижав ее затем к животу, точно заслоняя его от удара, громко и решительно выдохнула:

-- Похожа! Ты тоже ходишь всюду одна, и у тебя нет подруг. А еще ты тоже всегда грустная. Вот.

Света задыхалась, словно за ней гнались. Капельки пота скатывались из-под ее белых волос как огненные, солнечные капли. Она нервно провела по лбу правой рукой и, словно стряхнув частицу жара, сказала уже не тем твердым голосом, а несравненно более робким, но полным неслыханной дерзости человека, который добился своего:

-- Можно, я перенесу свой чемодан? Давай жить вместе. И никого нам больше не надо, ведь, правда?

-- Перенеси, - только и смогла вымолвить Мария. Повернувшись, она открыла двери на террасу.

И Света принесла чемодан. И выжидательно замерла с гнущим ее к полу чемоданом посреди палаты.

-- Располагайся, - сказала Мария, - А я пока схожу по одному делу.

Все это было как во сне.

Мария выскользнула на террасу и побежала.

Дальние горы были как зубы с налипшей на них пеной облаков. Пена была в красном, предвещающем ветер, зареве. Краснота, зацепившись за край глаза, словно бежала струйкой у виска. Из струйки выныривали нарядные полевые цветы на поляне за лагерной оградой. "Не похожа, и все тут", - снова подумала Мария. И она была отчасти права. Ведь у нее был на липовой аллее тайник с рогаткой, был приятель Мавродий, подруги по шашкам - Лика и Зоя, был целый отряд "Буревестник", да что там говорить - взмывало на торжественной линейке пионерское знамя и - Мария чувствовала с замирающим сердцем, что весь этот замерший лагерь - ее... А у Светы не было всего этого. Света жила как моль, заблудившаяся между двумя ладонями - макеевской и залайской. Стоило ей сесть на одну, как другая норовила ее прихлопнуть.

На бегу Мария врезалась в спины двух мальчуганов, которые трясли за шиворот Мавродия. Спины расступились оттого, что она растолкала их обеими руками.

Мучители оставили в покое Мавродия, но теперь Марводий не отставал от Марии. Он бежал следом и надрывно выкрикивал:

- Эй, послушай!.. Эй! Ты куда?

- На кудыкину гору.

- Я - с тобой!

- Отстань, а?

Ей совсем было не с руки привести на хвосте Мавродия в одно тайное место. Но и бороться с ним не хватало сил.

-А... да ладно. Беги ты куда хочешь, - сказала она с деланной небрежностью, чтобы Мавродий не почувствовал атмосферы таинственности и не завоображался.

Так, друг за дружкой, они добежали до хозяйственной постройки в конце липовой аллеи, завернули за ее фасад и поднялись по скрипучей деревянной лестнице на чердак.

По тому, что лестница была приставлена к стене, а не лежала заваленная досками, Мария уже знала, что ребята наверху.

Осанистый, ширококостный цыганенок Алик, отставив свой костыль - он был хром и, может быть, от этого необыкновенно серьезен - сидел в полумраке под низким потолком и напряженно держался рукой за въевшуюся в бревно липу. Он пристально,

оценивающе посмотрел в глаза Марии, не обращая никакого внимания на осевшего на пол взъерошенного Мавродия.

-- Опять это ты, женщина? - сказал Алик важным, низким голосом. - Я же говорил, Армен, не надо было допускать сюда женщину. Видишь, у нее уже вырос хвост.

-- Это мой приятель Мавродий, - сдержанно возразила Мария, - он никому ничего не скажет.

Мария выразительно глянула на Мавродия, который, не замечая возникшей неловкости, изо всех сил вытягивал шею, чтобы разглядеть копошащийся в углу комок. Встав на четвереньки, он как кошка, заворожено двинулся навстречу этому колеблющемуся комочку тьмы и вдруг замер, разглядев контуры щенка.

Щенок был черный, вислоухий и, весь дрожа от холода, неловко сидел на подстилке, тупо глядя на лежащий перед ним на белой тряпочке продолговатый предмет. Тут же возлежал, подперев щеку ладонью, тоненький черноволосый мальчуган Армен и, подталкивая тарелочку, уговаривал питомца приступить к трапезе. Он хитровато взглянул на Мавродия, но, так и не нащупав его вечно блуждающего, жарко-любопытного взгляда, перевел взор на Марию и дружелюбно подмигнул ей.

Мария знала, что на тарелочке возлежит ничто иное, как новоиспеченная ароматная какашка Армена. Ибо был Армен, в отличие от серьезного друга, занятого выпиливанием из бруска безделушек, любителем пошутить. Он как-то заметил, что щенок не прочь угоститься собственными экскрементами и, недолго думая, предложил свои. С тех пор это вошло у них в привычку: сначала - экскременты, потом - оторванная от собственного обеда котлета. Но пойди объясни это Мавродию! Тот аж перешел с четверенек в человеческую позу и, весь напружинившись, уставился куда-то вбок.

Мария взобралась на качели, которые ребята смастерили из доски и веревки и, раскачавшись, звонко спросила у Алика:

-- А что там Ленин? Готов?

-- Готов, - степенно сказал Алик.

Взяв костыль, он ткнул им, словно шпагой, в большой фанерный лист у стены. Лист упал, обнажив выгравированный среди черной стены профиль Ленина. Ленин словно летел, качаясь свежим беловатым пятном.

Соскочив на ходу с качелей, Мария приблизила лицо к изображению на стене. Ленин был точно такой же, как на пионерском знамени, и она, словно желая удостовериться в его подлинности, провела по дереву рукой.

-- Теперь нашу комнату можно назвать пионерской, - сказала она Алику, который, подобравшись, с деланным равнодушием рассматривал что-то у себя на костыле. - Пионерская номер два, но только посторонним вход воспрещен.

-- Да уж, пожалуйста, воспретите себе, - буркнул Алик, по-прежнему не обращая никакого внимания на Мавродия.

-- Нам пора! - громко сказала Мария. Набрав в грудь воздуха, она подобралась к выходу и, ни на секунды не мешкая, спрыгнула наземь.

Полуобернувшись, она увидела боковым зрением в чердачном проеме Мавродия. С серьезным, замкнутым лицом тот спустился до половины лестницы и неловко спрыгнул куда-то вбок.

И тут же она потеряла его из виду.

Горнист протяжно, грустно созывал народ к ужину. Горнист к вечеру смахивал на потускневшего розового слона, который, как может, печалится об уходящем дне.

Приглушенно гомонящая детвора, толкаясь меж звуками горна, вливалась многоцветным потоком в столовую.

Столовая была огромная, как спортзал, вся поделенная на отсеки. Найдя свой столик в отсеке "Буревестника", Мари я живо оглядела ломтики черного хлеба с ромбиками блестящего масла, которые любила доедать на ходу и, не мешкая, принялась за шницель.

Вместе с ней шницель уминали Женя, Слава и Петя. Они были не очень словоохотливые. Но на сей раз Женя сказала:

-- А у нас сегодня выселилось полпалаты.

-- И у нас, - сказал, не поднимая головы, Петя.

-- А ты видел, куда они ушли?

-- Нет.

-- А давайте, после ужина пройдем по всем этажам и поищем своих. Идет?

-- Ага, - сказала Мария. - Поищем.

И они действительно ходили вчетвером по этажам до самого отбоя и, просовывая головы в каждую палату, посылали всем своим воздушные поцелуи. Не заглянули они только в палату Марии, так как Мария сказала самым беспечным голосом, что там теперь никто не живет. Кажется, она и сама верила в эту возможность.

Наконец хрипловатый, местами надрывный звук вечернего горна деликатно затух, а, может быть, даже удалился восвояси из здания и осел в изнеможении наземь где-нибудь за воротами. Это означало, что в коридорах больше не стоило околачиваться иначе, чем по дороге в нужник. А иначе не избежишь беседы с воспитателями.

Мария пнула дверь в родную палату и быстро, деловито вошла. Она бы все на свете отдала за то, чтобы непрошеная гостья оказалась такой же понятливой, как горнист. Кончилось его время, и он удалился за порог. И в первые секунды, покуда глаза привыкали к темноте, она так и думала - посидела ее гостья в одиночестве, пораскинула мозгами и догадалась: надо делать ноги. Вот и свет не включен.

Мария взглянула машинально в дальний угол, где из темноты вырисовывалась высокая просторная кровать, и уже сделала было шаг, как от кровати отделилась тень и тихо замерла темнеющей горкой.

Включив электричество, Мария невозмутимо прошла к соседней кровати и, взобравшись на железную спинку, хмуро, устало взглянула гостье в лицо. Она и виду не подала, что огорчена тем, как свободно расположилась та на ее кровати. Кроватей теперь не перечесть. Выбирай любую!

-- Ну, как ты тут? Все в порядке? - спросила Мария сухо.

-- Да. Вот только... Знаешь, мне было одиноко без тебя, и я решила немного посидеть на твоей постели. Я сейчас перейду на другую.

-- Можешь не торопиться, - сказала Мария как бы невзначай. - Я все равно сейчас буду читать.

Странное у нее было чувство. Стоящая чуть ли не навытяжку девочка с ненаходящими место руками - а она продолжала стоять, несмотря на обещание куда-то там перейти и необычайно-спокойно смотреть ей в лицо нездешним, до странности глубоким взглядом - показалась ей далекой и непонятной восковой фигурой. Марии даже стало жутковато. Наверное, такая же жуть охватывает посетителей воскового музея, когда они видят статуи, которые ничем не отличаются от живых людей. И в то же время отличаются, еще как отличаются.

Поежившись, Мария сошла с железной спинки и принялась разбирать свою постель. Тут только восковая фигура оставила свой нахальный пост у чужой кровати и, механически повернувшись, двинулась к своей - которая отстояла, впрочем, не так далече.

Когда они уже лежали обе в пижамах, - Мария - уткнувшись в "Приключения Незнайки", а восковая фигура - на боку, на кровати через проход, положив под голову ладонь и вызывающе-трогательно пялясь в живой профиль, Света вдруг тихо сказала:

-- Слушай, а давай мы сдвинем кровати.

-- Нельзя. Здесь это не разрешается, - возразила Мария.

-- Я знаю, что нельзя. Но, по-моему, все равно можно. У нас в палате сдвигали. А если кто из взрослых заругается, ставили все по местам, а потом ночью опять... Вот, придумала. Давай сдвигать на ночь, а утром вставать пораньше и ставить, как было.

-- Что-то мне не хочется париться по утрам.

-- Зато ночью не так скучно.

-- Знаешь что, давай, перенесем это мероприятие на день-другой. Мне кажется, что у меня начинается ангина, - я не хочу тебя заразить. На вот, почитай пока книгу - это совсем не скучно.

И Мария, протянув на вытянутой руке "Незнайку на Луне", раз - другой кашлянула в надежде на то, что утром и впрямь обнаружится ангина. Поспешно спрятав руку под одеяло, она приготовилась отвернуться к стенке, но прежде отметила краем глаза, что Света, подперев ладонью щеку, медленно, рассеянно листает книгу.

-- Когда закончишь, можешь погасить свет, - сказала Мария, лежа лицом к стене. - Смотри, в общем, сама.

Она была удовлетворена тем, как ловко ей удалось закруглить беседу.

Но из-за спины неожиданно донеслось:

-- Знаешь, я, пожалуй, тоже попробую уснуть. Извини, но мне совсем не нравятся такие книги.

-- Та-а-ак. А какие тебе нравятся книги? - вырвалось удивленно у Марии.

-- Диккенс нравится. Ремарк... Но особенно - "Евгений Онегин"

-- Но ведь это же совсем взрослое!

-- А у нас дома в шкафу не было детского. Родители, уходя на работу, оставляли меня с дедушкой. Он, бывало, достанет Драйзера с полки, полистает-полистает и передает мне. Так мы с ним классиков и перелопатили.

-- Подожди, а этот... Евгений Онегин тебе чем приглянулся?

-- Ну, это долгая история. Понимаешь, там есть такая героиня - Ольга - ей все время весело. Я смотрю на нее, и мне тоже иногда хочется смеяться. А ее сестра Татьяна - ужасная зануда. Совсем, как я. А я не всегда люблю похожих на себя. Ты у меня исключение. Иногда просто не выношу. А из предисловия можно подумать, что надо любить Татьяну. По-моему же, Татьяну лучше совсем никогда не любить. Вот.

-- Нда... - только и смогла сказать Мария.

Она очень не хотела говорить со Светой, но почему-то лежала уже не спиной к ней, а развернувшись всем корпусом и приподнявшись для верности на локте. Она строго всматривалась в глаза соседки, надеясь обнаружить где-нибудь на их донышке искорку шутливости, чтобы хмуро прижать ее, как окурок, ко дну пепельницы, но не нашла ничего, кроме ставшего уже привычным сочетания робости со смелостью. Взгляд девочки был по-прежнему ровен, доброжелателен и до странности далек. Мария бы, пожалуй, растерялась перед этой далью, если бы подступы к ней не смягчала грустная, смущенная улыбка.

Свет был потушен, и Мария, шумно выдохнув, повалилась на спину. Она была вся в поту, и полная луна серебрила ей волосы. "Должно быть, и вправду ангина - большая, белая", - успела подумать она, ускользая за грань яви.

4

Но ангины не случилось. Просто она долго шла во сне по белоснежным облакам, и повсюду из белой пены выплывали вершины синих гор с ровно-сияющими снегами. Она просто шла по прохладному небу, и дыхание с каждым шагом становилось все ровней. Потом она проснулась, как от мягкого толчка. И почти сразу же за пробуждением раздались первые, еще прозрачные, звуки горна. С ней это случалось и раньше - просыпаться на секунду-другую раньше, чем хотел горнист. Быстро поднявшись, она попыталась понять, отчего у нее такое приподнятое, умиленное настроение и вспомнила, что сегодня в лагере - день обмена опытом, в честь чего их даже освободили от физзарядки. Это означало, что в гости к ним понаедут ребята из других лагерей, чтобы наглядно изучить, что у них есть хорошего, ну и, конечно, выказать себя. По этому

случаю было велено принарядиться, то есть одеть не какие-то там юбки-платья, а школьную пионерскую форму. Мария любила пионерскую форму, несмотря даже на то, что приходилось менять шорты на юбку. Главное, что юбка была подпоясана кожаным ремнем с сияющим на бляхе пламенем костра. Но особенно ей нравилась белая накрахмаленная сорочка с погончиками. Если бы ко всему добавить пилотку, то Мария чувствовала бы себя летчицей, на которую собиралась выучиться после школы. Но пилотка в лагере полагалась только старшему пионервожатому, барабанщикам и знаменосцу.

Мария выскочила в коридор, чтобы успеть, как всегда, сделать все свои умывальные дела до всеобщей катавасии. И добродушно отметила про себя, что белая ее тень уже тут как тут. Завязывая на ходу волосы в хвост, Света вышагивала за ней, как цапля, сонная, глядящая куда-то под ноги. Так и казалось: вот притопает она в умывальную комнату и выловит себе на завтрак парочку-другую лягушек из прикрытого тряпкой ведерка.

Наскоро справившись с туалетом, Мария из вежливости задержалась около Светы, пока та тщательно водила щеткой внутри беззвучного по такому случаю рта. Вообще же, Света была, как видно, большой чистюлей - ногти на ее длинных пальцах, которые водили щеткой, как смычком, были аккуратно подстрижены под корень, так, что некуда было пробраться и пылинке, а пижама выглядела так, будто была надета на манекен, который соприкасается разве что с воздухом.

-- Сегодня все одеваются в форму, - предупредила Мария, когда они вернулись в палату.

- Ага, - согласилась Света и как-то так ловко, расторопно вылезла из своей стерильной пижамы, так незаметно обернулась в высокую, стройную пионерку с белыми гольфами под стать сорочке, что, глядя на нее с двадцати шагов, можно бы было, пожалуй, и ее признать за человека. Свете даже пришлось подождать, пока Мария возится с вечно съезжающей на бок пряжкой и сползающей на бедра юбкой.

Теперь можно было идти на линейку.

В коридоре Мария, осадив на ходу мальчишку, который намеревался дернуть Свету за волосы, попыталась отстать на шаг-другой - она не любила ходить плечом к плечу или, не приведи Господь, под руку, предпочитая пропускать спутников вперед. Но, видимо, Света была из того же теста и предпочла пропустить вперед Марию.

Вся надежда Марии была на белое море с красными чайками. Белое море из людей в белых сорочках - вся прибывающая мало-помалу пионерия - уже бурило, катая по двору шумные волны.

Мария, сумев-таки зайти за спину Светы, незаметно нырнула в один из боковых потоков, и ее понесло, как на льдине, словно не своими, не собственными ногами.

"Надо бы не забыть зайти в библиотеку и набрать для нее детских книжек, - подумала Мария, прежде чем окончательно забыть о своей неожиданной подруге. - Пусть привыкает к нормальному чтению, заодно и времени на разговоры останется меньше".

Позже, когда все уже построились, она еще раз вспомнила про Свету, видно, затем, чтобы оценить на почтительность расстояние между ней и собой, но не нашла знакомых очертаний ни в "Стражнике", ни в родном "Буревестнике", куда раскидали осиротевших соколят. "Наверное, Света вернулась в палату и сидит там в своих особенных думах, - решила Мария. - Пионерская линейка, как видно, тоже не шибко взрослое занятие. Ей бы сразу в комсомол!". Но странное дело: только Мария подумала про эти особенные Светины думы, как над белым морем с красными чайками, изнутри этого моря, вдали, у линии горизонта словно выросли снежные горы и от них повеяло такой радостью и таким покоем, что Мария, перестав сутулиться, чуть было не приложила к глазам руку козырьком. В глазах ее было светло и празднично. Так празднично, что она даже не сразу поняла, откуда взялся на площади рядом со старшим пионервожатым Армен. Вроде бы на этом месте положено стоять знаменосцу. Неужели в лагере, наконец, узнали про то, как

они с Аликом выстроили на чердаке потайную пионерскую комнату - собственными руками, при помощи пилы и лобзика? И теперь произвели одного из умельцев в знаменосцы?

Но поза у Армена, может быть, от излишней скромности, была отнюдь не горделивая. Высокий, тощий, он походил на крюк и лишь изредка поднимал словно налитые земляной жижей глаза, чтобы прикинуть по лицам ребят: не сон ли все это происходящее?

Мария прислушалась, и ее словно утянуло в глубину сонного болота. Тонкий, похожий в своей зеленой майке на водоросль, старший пионервожатый отрывисто говорил, заложив руки за спину и раскачиваясь взад-вперед всем корпусом:

-... кормил экскрементами. Хорошо, что в эти минуты с нами еще нет гостей. Это позор всего лагеря. Пионер должен быть осужден за недостойное поведение. Потому что из-за того, что упомянутый пионер кормил экскрементами... В общем, щенок остался жив, но его выхаживают наши юннаты. Нет, вы только подумайте, размазать по тарелочке свои экскременты, чтобы...

Последние слова старшего пионервожатого утонули в хохоте. Армен, не поднимая головы, стрельнул взглядом по рядам хохочущих мальчишек и едва заметно улыбнулся. Смеялись даже некоторые девочки, хотя большинство девчонок взирало на Армена как на отпетого негодяя.

Старший пионервожатый, перестав раскачиваться, сделал очень серьезное лицо, поднял протестующе руку ладонью к белоснежным рядам и несколько раз подвигал ею, словно прося прекратить аплодисменты.

Но лагерь шумел слишком откровенно, и Армен, пользуясь случаем, успел несколько раз подмигнуть приятелям, а кое-кому и показать из-за спины кулак.

Потом откуда-то выскочила очкастая приземистая директриса, которую в лагере побаивались, и пустилась чуть ли не взапуски вдоль притихших рядов, остервенело ругаясь и местами рукоприкладствуя. Пробежавшись в считанные секунды из конца в конец, она подскочила к разом осунувшемуся Армену, и, вывалив на него остатки брани, совсем уж жалкие, осипшие и какие-то механические, дала здоровенный подзатыльник и велела стать в строй.

Скромно улыбаясь, Армен влился в ряды стражников и тут же наподдал кое-кому коленом под зад. Все почему-то опять посмеялись, и линейка перешла к своей торжественной фазе - отчету председателей отряда и подъему знамени.

Мария не смеялась и не ужасалась. Она просто вся одеревенела, представляя себе то, что могли подумать о ней приятели по злополучным играм на чердаке.

Едва дождавшись команды "Разойдись!", она протолкнулась к одиноко стоящему и глядящему по сторонам Армену и выпалила:

-- Послушай, это не я!.. Ты думаешь!.. Вы думаете!.. Это не я! Не я!

-- Ясное дело, не ты, - вяло ответил Армен, приветливо глядя на нее грустными, черными глазами. - Это твой приятель настучал. Сразу после вашего ухода нас и накрыли. Все наши вещички сложили на покрывало, связало в узел, как зачумленное, и унесли. Но поделки - это черт с ним. Алика жалко. Знаешь ведь, он гордый. Сложил в тот же вечер чемодан и дернул в ночь из лагеря. Но менты его сцапали на вокзале, вернули. Сейчас ждут его родителей, чтобы передать из рук в руки. Исключили Алика. Выгнали.

И, махнув неопределенно рукой, Армен отвернулся и побрел прочь.

Вдруг он остановился и, оглянувшись с полуоборота, пристально посмотрел на Марию горящим глазом. И, улыбнувшись, подмигнул:

-- А ты не горюй. Поняла? Я сам во всем виноват. Сам эту кашу заварил. Не надо было кормить собачку этими экс...трементами.

...Мавродия она нашла в палате. Она так себе и представляла: палата, запертая дверь, в которую она изо всех сил бьет ногами и никому из ребят не удается ее утихомирить. Наконец дверь приоткрывается, и от нее обречено отскакивает бледный Мавродий. Он

кидается в другой конец комнаты, выскакивает на террасу, но Мария настигает его и валит на пол...

Дверь распахнулась без труда, и за нею Мария увидела побледневшего Мавродия. Он стоял в глубине комнаты, закутанный то ли в знамя, то ли в какую-то красную материю и совсем не собирался бежать. Только шея его вытянулась пуще обычного, и кадык так и резал глаза, а сами глаза смотрели как невидящие, куда-то сквозь Марию, то так, словно прошивали ее автоматной очередью.

-- Пришла, да? Пришла? Ну, бей! Бей! Заложил я их, выдал! И еще заложу! Каждую сволочь продам за зверя! Не жаль мне людей, и все тут. Люди - на то они и люди, они между собой разберутся. А ты попробуй, поменяйся местами со зверем.

Красная материя на Мавродии была как пламя, и Мария заворожено смотрела, как рождаются из него руки-ноги - скрещенные на груди руки и худющие, все в ссадинах и шрамах, растопыренные, выгнутые колесом ноги. Да это же вовсе не кусок материи. Бог ты мой, это обычное девичье платье.

-- Ну, чего смотришь? Дамской одежды не видела? Я теперь в платье ходить буду, раз вы такие бестолочи. Говоришь вам, говоришь... Эх! Ну, украл я это платье. И еще украду. Платье - не жизнь. А вы... Эх!..

Попятившись, Мария нащупала спиной дверь и вывалилась в многоголосый коридор. Сердце ее словно льдинкой мерцало, так оно было обескровлено. Мавродий сбрендил - это было ясно, как день.

Не было только ясности с собственной головой. Голова существовала словно по отдельности, сама по себе. Марии даже пришлось зажать уши ладонями, чтобы почувствовать: голова в руках. Но странная эта голова силилась выскользнуть из рук и взмыть воздушным шариком под потолок. И главное - все это началось еще до Мавродия. Еще там, на линейке, Мария поняла, что голова ее осуждает Армена и что вина его ошеломительная, а, значит, самая что ни есть настоящая, что говорить о ней в тех протокольно-легкомысленных тонах, которые позволил себе старший пионервожатый -- это все равно, что размазать по тарелочке что-то до слез неприличное - правда, неумышленно. Но никто в лагере не понял этого. Если уж говорить - так говорить! А так - лишь самые отъявленные дуры осудили Армена всерьез, сами не зная почему.

Мавродий сбрендил. И в то же время Мавродий не сбрендил. Все не так в этом чертовом лагере, все словно понарошку, все не всерьез.

За завтраком Мария смутно почувствовала, что в столовой не хватает то ли стульев, то ли тарелок, то ли каких-то людей. Но так и не разобралась со своим ощущением, так как обычно тихие ее соседи по столу нетерпеливо ерзали и болтали о необычном существе из пионерлагеря "Спутник", которое привезли к ним сегодня для обмена опытом и поместили в первую палату. Существо будто бы умело останавливать сердце, закапываться на полчаса в землю и глотать горящие факелы. Это были очень интересные сведения и, сгрудив в кучу тарелки с недоеденной едой, все четверо пустились наперегонки в первую палату.

В первой палате уже толпилась масса народу и среди всех Олег Валерьянович с супругой Нелли Николаевной. Нелли Николаевна руководила "Стражником" и, будучи красивой, приветливой и элегантно одетой дамой, вечно ходила в окружении восторженных девчонок. Олег же Валерьянович был шефом "Буревестника" - подтянутый, широкоплечий брюнет, он занимался, в основном, мальчиками - обучал их в свободные часы основам самбо. Мало-помалу поклонницы Нелли Николаевны сплотили настолько дружную команду, что поселились все вместе, в палате номер один, там, где жила сама Нелли Николаевна. Туда же помногу раз на дню хаживал Олег Валерьянович со своими самбистами. Так образовалась неразлучная компания, среди которой завелись даже свои "женихи" и "невесты".

Марии давно хотелось наведаться в первую палату, чтобы посмотреть, как тренируются ребята, как деловито перебрасываются они спортивными терминами с

Олегом Валерьяновичем, который нравился ей уже тем, что не совал свой нос в ребячьи дела, как держатся после тренировки за ручки "невест"... Но этот последний пункт - держание "женихов" и "невест" за ручки и их лишенные смысла ужимки - был так тяжел, что начисто обламывал остальные.

И вот теперь все были заняты существом, которое очаровательно стояло на голове, а Олег Валерьянович, присев с секундомером на пол, тихо и озабоченно задавал какие-то вопросы. По-видимому, существо специализировалось как раз на заглатывании вопросов. Отстояв свое время, оно встало на ноги, и все увидели, что это обыкновенная краснощекая девочка, которой тут же преподнесли мороженое.

Начался галдеж, и Олег Валерьянович был вынужден подходить к некоторым из ребят по отдельности и задавать свои огненные вопросы, услышав которые кое-кто вздрагивал и начинал усиленно отмахиваться.

Подошел Олег Валерьянович и к Марии.

-- Это ты у нас призовое место по шашкам? Мы тебя отправим на турнир к соседям.

-- Ой, не надо! - чуть было не вырвалось у Марии, но Олег Валерьянович уже удалился, чтобы раздаривать свои обещания кому ни попадя.

Однако здесь было любопытно, приезжая девочка много рассказывала про цирк, где она выступала вместе с отцом-акробатом, показывала смешные трюки, а однажды, пристально вглядевшись в Марию, сделала вид, что в руках у нее материализовалась палочка. С этой невидимой палочки она с беспечным видом счистила воображаемым ножичком кору и, небрежно отбросив оба предмета, весело подмигнула ей. И получилось так, что Мария просидела в первой палате до самого вечера - благо, что и мертвый час пролетел среди дня как живой.

И только за ужином она вдруг поняла, что в столовой не хватает Светы. Светы не было ни за завтраком, ни за обедом - ее не было нигде, ни разу за долгий день. Теперь Мария четко отследила это в памяти.

5

Почему-то еще в коридоре она оробела.

Коридор был сквозной и, попав на него с лестницы, можно было, пробежавшись или даже местами проехавшись на ногах по скользкому паркету, попасть к еще одному выходу на террасу, которая опоясывала весь этаж и имела проход к лестнице, ведущей все к тому же коридору. Обычно Мария за день не раз проделывала этот путь, заскакивая минут на пять за чем-нибудь в палату. И странно ей было, что за весь сегодняшний день ни разу не выдалось таких минут. Хотя, чего уж странного, за последнее время с ней случились такие вещи, что ожидать приходилось чего угодно. Собственно, она ни сколько не удивилась, увидев издали Олега Валерьяновича, который, стоя в дверях родной ее палаты, давал какие-то указания кому-то внутри. Только ладони ее разом вспотели, и она подумала, что, вот, если теперь Олег Валерьянович протянет ей руку и поздоровается, ему будет неприятно ощутить в своих борцовских ладонях ее мокнущую руку, хотя и непонятно было, отчего бы это Олегу Валерьяновичу, с которым они провели день в первой палате, вздумалось бы здороваться с ней за руку.

Замедленно подойдя к двери, она увидела издали женщину в белом халате, и загораживающий проход Олег Валерьянович вдруг стал таким маленьким и легким, что она мгновенно отодвинула его плечом от прохода и вбежала внутрь.

Слава Богу, Света была в палате. Удивительно, но она так и подумала: "Слава Богу!", хотя с чего бы ей было заботиться о местонахождении Светы? Вовсе она не собиралась заботиться о Свете, а просто... Сердце ее гулко стучало, дыхание сбивалось.

Кроме женщины в белом платье, которая держала поднос с пустой тарелкой и хлебницей, здесь находились Нелли Николаевна, Лена с Дашей - бывшие ее соседи-залайцы и какие-то незнакомые девочки. Все они стояли полукругом над сидящей у

тумбочки Светой и лица у всех были строгие и в то же время ошарашенные. Особенно удивленное лицо было у Нелли Николаевны. Всплеснув огорченно руками, она спросила, как видно, уже не в первый раз в этом роде:

-- Как же так, деточка, выходит, ты ничего не кушала со вчерашнего обеда?

-- Я... не так уж и хотела, - тихо ответила Света, держась дрожащими пальцами за недопитый стакан.

Увидев Марию, она покраснела и, ни на кого не глядя, растерянно улыбнулась. Тепло, рассеянно улыбаясь и в то же время, не переставая хмуриться, она судорожно взяла в обе руки стакан с еще дымящимся чаем и неловко, механически отхлебнула: - Спасибо, я уже не голодна.

-- Но, деточка, если ты узнала после того, как расформировали ваш "Сокол", что тебя забыли включить в список другого отряда, ты должна была сказать об этом! Ты что же, собиралась до конца потока не посещать столовую?

-- Я... не знала, из какого я отряда. Я пока... не торопилась.

-- Уму непостижимо! Елизавета Васильевна, запишите эту девочку ко мне. И не забудьте проследить, как она у нас с утра позавтракает. Будешь теперь, моя дорогая, значиться в нашем "Стражнике". Ну, что - не будешь больше бастовать?! Кстати, как твоя фамилия?

-- Милославская.

-- Как? Княгиня Милославская? Вот какая у нас чудненькая фамилия. Теперь-то мы ее запомним. У тебя родители чем занимаются?

-- Моя мама - уборщица.

Незнакомые девочки прыснули, а залайцы, закатив глаза, строго, многозначительно переглянулись. И даже Мария почувствовала, как кривятся ее губы в ухмылку.

Нелли Николаевна торопливо проговорила:

-- Ну что вы, мои милые, все профессии почетны.

У нее был все еще очень взволнованный вид. Она то растерянно разводила руками, то скрещивала их на груди, и, качая аккуратной головой с модной прической в виде башни, взирала на смиренно сидевшую Свету расширенными, часто мигающими глазами.

Наконец Нелли Николаевна зачем-то отобрала поднос у диетической нянечки Елизаветы Васильевны и, поставив его на поднятую кверху ладонь, слегка огляделась.

-- Деточка, а ты что - живешь здесь одна? - спросила она как в тумане.

-- Нет, со мной подруга, - ответила Света через долгую паузу.

Мельком взглянув на Марию, она снова покраснела и решительно отодвинула стакан.

-- Как - только одна подруга? Елизавета Васильевна, это просто дурдом. Придется тебя переселить.

-- Не надо переселять! - сказала вдруг Мария.

Разорвав полукруг, она шагнула к тумбочке и, опершись на нее спиной, глухо вытолкнула одеревеневшим языком:

-- Пожалуйста, не надо. Мы тут... сами... управимся.

Теперь она стояла почти на одной линии со стулом Светы, лицом ко всем этим разноликим, безмолвно взирающим людям и чувствовала, как щеки заливает краска стыда - но не перед ними, совсем не перед ними...

-- Мы тут одни... Так будет лучше. Нелли Николаевна, вы, пожалуйста, не беспокойтесь, все будет хорошо. Но вам лучше... больше не беспокоиться.

Ей казалось - это всего лишь лепет. Залайские девочки взирали на нее недоуменно, незнакомые - угрюмо-безразлично. Только нянечка Елизавета Васильевна, придерживая за край поднос на ладони воспитательницы, тихонько, одобрительно кивнула с сердобольной улыбкой.

-- Ну, как же так? Ну что же это? - проговорила Нелли Николаевна, пятясь из полукруга к двери. - Елизавета Васильевна, и можно их оставить? Ну, ладно, деточка,

пусть будет по-твоему до завтрашнего утра, а там посмотрим. Ну, все, все, дети, а теперь марш отсюда. А ты, Милославская, обязательно допей чай и съешь на ночь ломтик хлеба с маслом.

- Нелли Николаевна, а можно Милославскую определить не в "Стражник", а к нам, в "Буревестник" к Олегу Валерьяновичу? - сказала Мария просительно, не имея больше сил сдерживаться. И в то же время голос ее звучал необычайно твердо и деловито. - Нас надо в один отряд.

-- Ну, надо - так надо! Елизавета Васильевна, перепиши мне девочку в Буревестник".

-- Спокойной ночи, Нелли Николаевна...

-- Да-да, спокойной ночи. Но я могу еще вас и проверить.

Все молча двинулись к выходу, из которого давно уже исчез Олег Валерьянович, и Даша, выходившая последней, недоуменно оглянувшись, подчеркнуто-осторожно прикрыла дверь.

Света, сцепив руки на коленях, сидела с опущенной головой. Губы ее были сжаты, на щеках проступала краснота. Красный галстук сбился набок и обнажил расстегнутый у горла стрельчатый воротник, - воротник, так похожий на летящую чайку.

Наконец она улыбнулась какой-то своей мысли и, медленно подняв голову, мягко, нежно сказала, глядя снизу вверх на сумрачно прижавшуюся к тумбочке Марию:

-- Нет ли у тебя сахара? Дай мне, пожалуйста, пару кусочков. Я хочу положить их в чай.

-- Как - разве ты... пила чай без сахара? - встрепенулась Мария.

Она была готова отскочить от своего места, как ошпаренная. Волна, которая шла сейчас от Светы, могла накрыть ее с головой. И было в ней, в волне, что-то, что могло и убить. А могло и...

-- Как, ты разве...

- Они забыли положить сахару, - просто ответила Света, улыбаясь своей странной, отчего-то лучистой теперь улыбкой.

Кинувшись к своей тумбочке, Мария разыскала невесть для чего сунутую родителями в вещи коробку с сахаром и, распечатав ее, сама положила в стакан Светы три кусочка. Она хотела размешать их, но не посмела, и огорченно протянула:

-- А... Черт, чай же совсем холодный. Я пойду, принесу кипяток.

-- Не надо, - сказала Света почти испуганно, - сахар и сам растает, когда полежит.

-- Да, - сказала Мария. - А не растает, так я добуду конфет у соседей.

Опустившись на корточки, Мария быстро взглянула в лицо Светы, и, чуть поддавшись вперед, замерла, подхваченная ее сияющим, но снова унесшимся вдаль взглядом. Там, вдали, в заоблачной выси, сияла синяя вершина горы, и ровный свет ее снегов стелился под ноги, как тропа. Гора была необыкновенно красива, стройна и высока и можно было положить жизнь на то, чтобы добраться до ее холодного, блистающего пика. Но Мария отчего-то все поняла наоборот. Ей смутно почувствовалось, что если и есть такая необходимость - идти в гору, то затем только, чтобы выманить сверху Свету. Да, сейчас Марии нужны были крылья, ведь только на них и возможно преодолеть дорогу в целую жизнь.

И привиделось Марии, что она - огромная, неизвестная птица. И ослепительно-яркое солнце, позолотив ее перья, лежало, словно спустившись с небес, на торжественной, притихшей глади моря. И где-то там, за горизонтом, тоже отражаясь в воде, сияли горы. Птица держала путь на солнце, а это означало, что надо было быть ближе к воде. Плавно приземлившись на ласковую, чуть волнующуюся, золотисто-сияющую гладь, она почувствовала, как все ее тело словно спеленали солнечные пеленки. "Заменить Свету в море и уже после, напитавшись соленой влагой и теплом, идти вместе с ней до конца - обратно к вершине", - это решение произвел не ум Марии, а все ее нутро, все тело, которое, как губка, впитывало каждое движение Светы.

Не отрываясь, Света смотрела ей в глаза своим упорным, не знающим преград взглядом.

Машинально протянув руку к сахару, Мария слепо нащупала кусок и, поднеся ко рту, громко хрустнула.

-- Ты умеешь играть в поддавки? - спросила она, вся поддавшись вперед. - Ну, это те же шашки, только выигрывает тот, кто сдаст первым все свои фигуры.

- Да, я видела такую игру, - дружелюбно ответила Света и, взяв стакан, принялась выуживать ложкой полурастаявший сахар. При этом она по-прежнему не отводила от Марии затаенно-счастливого взгляда.

Мария достала шашечную доску, раскрыла ее на середине кровати и, взобравшись на покрывало с ногами, лихорадочно расставила фигуры.

-- Ну же, иди скорей! - взмолилась она.

Марии не терпелось сдать Свете шаг за шагом все свои шашки. И когда Света, не выпуская стакана, подошла чуть ли не на цыпочках и, поразмыслив немного над тем, куда приткнуться, слабо махнула рукой и тоже взобралась с ногами на кровать, Мария с наслаждением сделала первый ход.

В несколько ходов она получила значительный перевес, так как Света не торопилась поддаваться. Мария же, отдавая шашку за шашкой, азартно выкрикивала:

-- А это тебе - липа с дуплом. А это - наш чердак - там раньше было всего интересней, но его разорили варвары. Обязательно сходим туда, посмотрим, что еще от него осталось. А это - палата номер один. Но там - ничего особенного.

- Подожди... Подожди... - говорила Света, растерянно улыбаясь порывистой улыбкой, которая тщетно силилась распрямить складочку между бровями - вечную ее, клещом вцепившуюся в лоб складочку.

Но Мария не слышала ее и все сдавала шашки.

Неожиданно в комнату вбежали двое. Девочка гналась за мальчиком, пытаясь схватить его сзади за сорочку. Увертываясь и хохоча, он вскочил прямо в обуви на стоящие в ряд бесхозные кровати, и погоня пошла уже по кроватям. Наконец девочка сумела дать подножку и, когда мальчишка рухнул животом на подушку, оседлала его сзади и принялась ошалело стучать кулаками по спине.

Не помня себя, Мария вскочила и, кинувшись на них, столкнула обоих на пол, и там все трое долго возились, борясь и хохоча на пыльном коврике.

Мария пребывала в каком-то беспамятстве. И, может быть поэтому, вся упоенная, воскликнула:

-- А давайте, бороться по-настоящему. Ну-ка, налетай сразу все!

Она знала, что нет среди одногодок такого противника, который одолел бы ее в борьбе.

Не мешкая, случайные гости повисли на ней с боков. Смех прекратился, и некоторое время все трое тужились, пытаясь отыскать точку для перевеса. И все-таки, Мария, раскачав туловище, сумела вывернуться, а, вывернувшись, оказалась в два прыжка перед все еще сидящей возле шашечной доски Светы.

-- Поборемся? - спросила Мария бесшабашно, взглянув мельком на поколебленные ее прыжком шашки.

Теперь она нависала над Светой, которая, медленно подняв голову с печальными, будто не видящими глазами, поставила стакан на пол и тоже встала.

Мария увидела ее широкую грудь в белоснежной сорочке и длинную, белую, как горячий морской песок, шею. Размашисто разметал на груди крылья воротник, так похожий на приникшую чайку. Краснел галстук со сбившимися набок концами. И все это до боли в сердце хотелось поколебать и растрясти.

Прильнув к груди Светы и утонув подбородком в ее плече, Мария сомкнула кольцом руки вокруг ее талии.

-- Вали ее, ну! - непонятно кому закричали ее прежние соперники.

Мария, тужась, напирала на Свету и так, и этак, но та, слегка покачиваясь, как от ветра, неизменно выпрямлялась, как только Мария ослабляла хватку.

Шашки посыпались на пол, соскочила, накрыв стакан, доска, и даже сполз наполовину матрас, обнажив железную решетку.

Все более погружаясь во что-то живое, обволакивающее, Мария не хотела поддаваться тому, что могло нахлынуть как слезы. Она не понимала: с чего это вдруг оно могло нахлынуть, но на всякий случай старалась *это* сдержать.

-- Хватит... Хватит... - смутно коснулся ее слуха ласковый, словно утешающий голос Светы. Он шел как издалека и, несмотря на ласку, немного укорял:

-- Ну же... Маша!.. Ну, пожалуйста.

-- "Маша?" - Ее еще никто так не называл, даже родители.

И тут сладкая, пронзительно-нежная волна накрыла их с головой. Теперь в мире была одна только эта волна - все остальное отдалилось и утихло.

Почему-то перейдя на шепот, вышли ребята. Они же, присев вплотную, плечом к плечу, заговорили легко и свободно, то и дело удивленно взглядывая друг на друга. Впрочем, говорила, в основном, Света. Марии оставалось только слушать и диву дивиться.

-- А ты ничего дерешься, - сказала Света, - а то, что ты не сумела меня повалить, так это потому, что я тоже очень сильная. Бороться меня научил папа - это единственная наша с ним игра. У меня папа - под два метра, он капитан артиллерии. Только ему все время некогда, и я так и не научилась быть нормальным ребенком. Ты, наверное, не поверишь, но я до сих пор не могу понять, зачем эти дети вокруг... смеются. Мне никогда не бывает смешно, мне всегда грустно. Я не знаю, зачем нужно играть и шуметь.

-- Ну, наверное, затем, чтобы собрать побольше шуму в шкатулку и передать ее когда-нибудь внучке, - попробовала пошутить Мария.

На самом деле она понимала теперь беду Светы до самого донышка души. Она смотрела в теплеющие глаза Светы и видела, что они уже не прозрачные, как у рыбы, а синие. Вся синь их вышла наружу, и надо было не дать ей обратиться вспять - обратно, к прекрасной, но холодной еще выси.

И все-таки в Свете оставался какой-то нездешний огонь, который ничего общего не имел с холодом выси.

Света сказала, плотно сжав губы и сверкнув в глазах этим неведомым огнем:

-- А ты знаешь, если бы Нелли Николаевна случайно не застала меня в палате во время обеда, я могла бы и умереть. Я бы умерла с голоду, но ни за что не пошла бы в столовую. Я такая - если мне что втемяшится в голову, то умру, но сделаю. Но такое бывает очень редко.

-- Тебе бы не дали умереть. У нас в стране - один за всех и все - за одного.

-- А вот и неправда. Не знаю, как в стране, а в природе бывает все самое грустное. Я когда гуляю, люблю смотреть на природу - и так, от нечего делать, и потому, что правда люблю. Я один раз видела, как собаке с щенятами принесли костей, и вот щенки набросились на пищу. Трое оказались проворней и схватили лучшие косточки. А один - самый мелкий и хроменький - никак не мог приткнуться к миске, - трое других загораживали ее, поглощая добычу. Тут же была и довольная мать - она заботливо наблюдала за троицей. И вдруг, когда четвертый щенок наконец подобрался к миске и уже было потянул к себе косточку, мать, неожиданно зарычав, оттолкнула его лапой. Слабак отскочил, а те трое, вместе с матерью, ощетинившись, принялись тявкать и лаять, понуждая его убраться еще дальше. Так он и простоял, виновато виляя хвостом, в сторонке. А потом... потом, когда пир закончился, ему милостиво разрешили полизать пустую миску.

-- Быть такого не может! - вырвалось у Марии.

При всем своем равнодушии к природе она полагала, что все в ней - соразмерно и благостно, а если кто и нарушает всеобщее благолепие, то это она и не помнящие себя от удали и любопытства мальчишки. Но ведь на них есть Мавродий.

-- Может, - упрямо возразила Света. - А знаешь, эту сценку видел еще наш дворник - живет у нас такой дядечка, про которого говорят детям, чтобы они с ним не водились, потому что он баптист. И еще говорят, что он в свое время плеснул себе в глаза серной кислоты, чтобы не служить и что это он *у нас* только метлой машет, а *у них* - чуть ли не главное лицо в приходе. Так вот, дядечка, хоть и полузрячий, а тоже рассмотрел, что делается у миски. А потом и говорит: "Вот они его оттолкнули, а он через эту обиду вымахает богатырем".

-- Ни к чему тогда богатырь! - сказала Мария сквозь сжатые зубы.

Она чувствовала: еще слово, и из души ее выйдет стержень, а сама она превратится в бескровную медузу. Но, к счастью, к горлу подкатывал ком, и рука в воображении тянулась за камнем, чтобы размозжить им череп озверевшей, не помнящей родства сучки.

Света, видимо, почувствовала перемену в Марии и еще сильнее прижалась к ней плечом.

-- А богатырей, если честно, не было и вовсе, - сказала она тихо и торжественно. Выждав паузу, она продолжила, пытливо заглядывая Марии в расширенные, повлажневшие глаза. - Понимаешь, былины сочинял народ, который кое-что позабыл. Так вот, позабытое можно отыскать в летописях. В них ясно сказано, что между борьбой с половцами и печенегами витязи одной княжеской дружины шли войной на витязей другой княжеской дружины, и не куда-либо, а на те же русские земли. А бывало, что витязи просто разбойничали в своих пределах, ведь им не платили жалования. Какие же они после этого богатыри?

-- Ты и летописи читаешь?

Света опустила голову и, немного помолчав, сказала, тяжело вздохнув:

-- Нет, только отрывки. Есть такая историческая серия в глянцевых обложках - мне ее дед Матвей скидывал с верхних полок.

6

Этот чудесный-чудесный мотоциклист... Почти невидимый на своем стальном коне, весь растворенный в полутьме и очаровательном рокоте... Он кружится на круглом пятачке арены, - Мария же, вместе с другими зрителями, затаив дыхание, смотрит сверху, как в яму. У ямы отвесные стены и по краям ее толпятся готовые ахнуть зрители. "А-а-а-х!" - слышится Марии. Она опять упустила момент, когда мотоцикл, должно быть, резко накренившись, проворно взмыл на стену. Немыслимо-пьянящий, бесподобный воздух накаляется как от печи и в нем все ближе мелькает неоновый значок на черной куртке мотоциклиста. "Ну, мама, пойдем в цирк еще, пойдем прямо завтра!" - кричит она, не помня себя от восторга, когда артисту удается улизнуть от неиствующей публики и, вывалившись возбужденной толпой на улицу, публика гудит и будоражит случайных прохожих... Потом, может быть, для того, чтобы отвадить Марию от цирка, мать рассказывает ужасную, с ее точки зрения, историю. Оказывается, мотоциклист больше не выступает в цирке, потому что он упал с каната. Да-да, гордому, неистовому мотоциклисту было мало его стен, и он вознамерился проехать по канату. Но, просчитавшись, упал. И вот - повредил позвоночник.

Мария слушает, и эта история вовсе не кажется ей ужасной. Это прекрасная история. Нет для нее ничего выше подвига мотоциклиста. И нет ей радости с его исчезновением. Пригорюнившись, сидит она целыми днями в комнате, схватившись за ручки железной кровати и представляет, что ручки - рули... И как-то в один из тех дней отец, приоткрыв дверь, впускает в комнату настоящего орла, а после вступает в нее сам и загадочно улыбается. Отец и орел - это помнится как одно. Это тянется солнечной дорожкой и

слепит глаза. Раскинув крылья, орел летает под потолком, и нет предела ее немому восторгу.

Но вот появляется мать и велит орла удалить, потому что дом - не курятник, в доме - ковры. И орел удален.

Выбежав во двор, Мария находит еще дымящиеся головешки костра. А слабС - взойти на этот ковер - ковер из углей и пепла?

Как была, в кедах, Мария прыгает в середину костра, а после, сцепив зубы, гордо ходит с волдырями на пятках. Она - тоже мотоциклист, ведь она сумела причинить себе вред.

А потом случается поистине ужасная история. Однажды, вырезав из цветной бумаги погоны и разрисовав их звездочками, Мария наклеивает их себе на сорочку и, вырядившись в эту самодельную гимнастерку с нарисованными нашивками орденов, пририсовав себе усы и бороду, долго бродит по дому, улыбаясь, как в сказке... Скоро придет с работы отец, и она отдаст ему честь, он же, счастливо рассмеявшись, посадит ее себе на плечи. И вот вошел отец и, увидев ее наряд, тотчас нахмурился и зло, грубо велел привести себя в приличный вид. Мария повиновалась, но с тех пор отец перестал быть орлом. Мало того - он перестал быть отцом. С его возвращением Мария удалялась в другую комнату и играла одна, больше не допуская этого грубого человека до своих игр. Она так и решила с тех пор: мужчины в своем большинстве - грубые твари. И когда мать с отцом ссорились, всегда вставала на сторону матери. Ей было невдомек, что ссоры всегда затевала мать. Мужчина не смеет грубить женщине, не смеет грубить ребенку. Его предназначение - защищать... Ох, как чувствовала это Мария всем тем, что было в ней мужественного, - тем, что так некстати было поругано отцом!

"Да или нет?! Да или нет?! Да или нет?!" - свирепо кричит какой-то квадратный мужчина с метлой, загородив ей дорогу из подъезда. Мария, приостановившись, удивленно моргает. А мужчина с метлой - тот самый дворник-баптист из рассказа Светы - потрясая перед ее лицом громадной фигой, басисто повторяет нараспев: "Господь, отпуская человека в наш мир из своего аэроплана, спрашивает, прежде чем пнуть коленом под зад: "Да или нет, мой друг? Принимаешь ли ты мир таким, каков он есть или будешь весь век морщиться? Так да или нет?" "Нет!" - отчаянно и в то же время твердо кричит Мария, вцепившись баптисту в метлу, Она отталкивает его, удивленного...

Все. Сон кончился. Кроме баптиста, в нем все было правдой.

Приподнявшись на подушке, Мария торопливо выпустила руку безмятежно спящей на спине Светы. Потом, присмотревшись к ее отрешенной позе, не выдержала и снова положила ладонь на сгиб ее локтя - уже легонько, не сжимая пальцев. И тотчас вслед за этим затрубил горнист.

Света сразу открыла глаза, повернула к ней голову с разбросанными на подушке волосами цвета солнца и взглянула на нее теплым, немного испытывающим взглядом.

-- Надо раздвинуть кровати, - сказала Мария, не отнимая руки.

-- Надо, - кротко согласилась Света, неприметно смутившись.

И они поскорее встали и расставили по местам кровати.

Горнист продавливал прерывистые звуки, которые, оторвавшись, поднимались вверх, как радужные мыльные пузыри. Другие, отскочив, грузно стукались об пол, как металлические шарики. Гомон, смех детворы, перемешавшись с этими шарами двух видов, тоже казались круглыми, шныряющими, вездесущими. И хотелось в этот поток.

Но поток двигался на физзарядку, а позже - на линейку. А этого сейчас хотелось меньше всего.

-- Ты знаешь, - сказала Мария, заворожено разглядывая Свету в ее новом голубом платье. И было на что глядеть: ниспадающие на плечи волосы, которые Света не стала убирать в хвост, казались солнечным водопадом. - Ты, наверное, знаешь, что мне не удалось выспаться этой ночью. И все из-за твоих богатырей. Ты не поверишь, но если я

прямо сегодня, вот сейчас вот, не пойму, где живут богатыри, то, может быть, никогда больше не сомкну глаз. Я кушать не буду. Я мыться не смогу. Вот.

-- Так давай не пойдем на линейку и обдумаем это, - серьезно сказала Света.

-- А ведь это идея! - радостно подхватила Мария. - Вашу руку, княгиня!

Света, слегка потупившись, протянула ладонь и Мария, бережно взяв ее за пальцы, потянула за собой.

Вскоре они уже взбирались по земляным ступенькам в крутой тропе на вершину горы с трамплином в искусственной лыжне. Мария не раз разглядывала, стоя на террасе, как съезжают с вершины стремительные, похожие на птиц лыжники, как срываются они в полет с горбика из пластмассового снега. Не раз присматривалась она к лазу в ограде, откуда вилась, постепенно набирая крутизну, тропа к заветной горе.

Теперь с ней была спутница, которую она галантно пропустила вперед. И эта спутница вовсе не карабкалась по взгорью, а шла, слегка раздвинув руки, словно по канату. Временами она теряла равновесие и делала туловищем изящные, плавные движения, словно балансируя на льду. Ветер теребил ее распущенные волосы, как белое пламя свечи.

Иногда спутница наклонялась и бережно подбирала на ладонь улиток. Она рассматривала их с задумчивой, трогательно-мечтательной улыбкой, а потом опускала в сторону от тропы. Следя за ее взглядом, как бы растворяясь в нем, Мария тоже готова была размечтаться во все стороны от любви ко всему живому. Ей казалось: это она на ладони у Светы. А все они вместе - в узловатых, дрожащих от бережности руках у кого-то еще.

Ближе к вершине Мария, поравнявшись со Светой, приобняла ее за талию. В руках у Марии была похожая на саблю палка, тропу же с обеих сторон сопровождал колючий кустарник.

Она лихо предложила:

-- А давай, представим, что это не кусты, а половцы или, там, печенеги. Давай, их всех перерубим.

И, грозно взмахнув палкой, она перелопала разом несколько веток, ударив по ближнему кустику.

Но Света, болезненно нахмурившись, недоуменно отвела взгляд вбок и Мария, стушевавшись, вымолвила:

-- Ладно, будем считать, что половцы тоже люди. Пускай себе кочевничают.

Она увидела, как, дрогнув, расслабилось и просияло лицо Светы. И от этого в сердце ее что-то тонко кольнуло и его обдало сладкой волной.

Вершина приняла их. Встав на нее, Света внезапно ссутулилась и с опаской посмотрела на почти отвесную пластмассовую лыжню с горбиком трамплина внизу, за которым, казалось, нет продолжения. Казалось, за трамплином - бездна, и непонятно, как существует приютившийся вдали, словно на краю смертельной воронки, крошечный, со спичечный коробок, лагерь.

Мария привалилась к плечу Светы и всей кожей почувствовала, как та размякла и приосанилась. Более всего Марию волновало то, что гора, как говорили воспитатели, представляла собой потухший вулкан. А это значило, что огненная лава внутри была практически вечная и все время пребывала в движении, весь же видимый мир был при ней не более чем налетом плесени на бутерброде. И существовал на Земле по геологическим меркам не долее секунды. Еще секунда - другая и - изоргнутое из недр пламя сметет все вокруг.

Чувствуя внутри дрожь и непонятное, буйное опьянение - они возникли отчасти от сознания сопричастности к неукротимой силе под ногами, - Мария выговорила срывающимся голосом:

-- Ты знаешь, а я, кажется, все поняла про богатырей. Эти люди внизу - они еще ничего не понимают. Они думают, что богатыри были в былинах и жили в Древней Руси,

а про все плохое в них они и помнить не хотят. А я вот думаю, что самые первые богатыри - это мы с тобой. Потому что мы сумели увидеть у тех древних богатырей их плохое. И теперь все их хорошее с нами. Вот только эти люди, которые ничего не понимают, все равно ничего не поймут. И мы им пока ничего про себя не скажем.

-- Подожди, я все-таки не поняла: так были они или нет, те древние богатыри? - спросила Света, внимательно выслушав ее.

-- Были, - твердо сказала Мария. И добавила с улыбкой: - И в то же время не были.

Света не стала возражать, но на сосредоточенном ее лице опять обозначился пугающе-далекий, отрешенный от мира взгляд.

-- Понимаешь, эту задачку может разрешить только смех, - внезапно нашлась Мария. - Ты не поверишь, но смех - это бог.

- Да?.. - неуверенно спросила Света, снова вернувшись к действительности. Знаком ее возвращения была для Марии ее застенчивая, немного виноватая, по-детски теплая улыбка.

-- Ну, конечно же!

Сгребая Свету в охапку, она принялась щекотать ее, подталкивать легкими движениями к спуску. И вскоре они, хохоча, вновь оказались на тропе.

К завтраку они подоспели вовремя.

Мария уже сидела за столом, когда за спиной бесшумно появилась Нелли Николаевна и гроза лагеря - директриса. Наклонившись к ее плечу, Нелли Николаевна спросила скорбным голосом, почему их не было на линейке.

-- Мы ходили в лес за хворостом, - сказала, не моргнув глазом, Мария. - Нелли Николаевна, а правда, что сегодня будет костер?

-- Вы не имели права отлучаться, - сухо сказала Нелли Николаевна. - Людмила Александровна чуть было не послала на ваши поиски отряд.

Мария так и чувствовала затылком ледяной взгляд Людмилы Александровны. Выждав паузу, педагоги прошествовали к столику в десяти метрах, где завтракала Света.

Света сидела боком к Марии, и по тому, как серьезно и обстоятельно та ответила на вопрос Нелли Николаевны, Мария догадалась, что ответ Светы правдив до мельчайших деталей. За спиной Светы тоже зловеще постояла директриса со своим неподражаемым, красноречивым молчанием.

Взмахнув рукой, Мария прищелкнула в воздухе пальцами. Уловив краем глаза ее жест, Света повернула к ней раскрасневшееся, виноватое лицо.

Копируя девочку-циркачку, Мария сделала вид, что в руке у нее материализовалась палочка. Изящно взяв со стола воображаемый ножик, она с небрежным видом очистила палочку от коры и, дунув на нее, с пренебрежением отбросила. Потом, раздвинув и подняв обе руки, словно оттолкнула от себя катящийся шар.

"Все - пустяки!" - гласил ее жест.

И Света, поняв, приподняла бровь и стрельнула в нее лукавым взглядом.

Потом они опять бежали, взявшись за руки. Бежали, напарываясь на другие руки, и невольно разрывая их некрепкое, стыдливое соприкосновение.

-- Думаю, нам с тобой придется разыскать одного доброго молодца! - крикнула Мария на бегу. - И я сильно подозреваю, что он сейчас в собственном тереме.

Мягкая, податливая ладонь Светы едва уловимо дрогнула в ее руке, и это было больше, чем ощутить всей кожей рукоять меча. Мария была готова на невиданную борьбу - любую, с любым неприятелем.

Привычным ударом ноги она распахнула дверь в знакомую палату и увидела сидящего с ногами на кровати Мавродия, который слепо и угрюмо смотрел в какую-то точку перед собой.

-- А где ваше платье, князь? - спросила Мария, подойдя вплотную

- Да иди ты... - сказал Мавродий безо всякого выражения, тяготясь одежками мира, которые никогда не мог сбросить при помощи воображаемой волшебной палочки.

-- Именем великого князя Рюрика мы вынуждены задержать вас и сопроводить к вашему брату и благодетелю.

-- Какому еще брату?

-- Увидишь.

Схватив Мавродия за руки, они повели его, вяло-любопытствующего, во двор и там, разыскав Армена, поставили перед ним как неожиданную, до странности неприличную находку.

Армен, который колол до того орехи на асфальте, даже присвистнул. Полоснув лицо Мавродия гневно-презрительным взглядом, он повернулся спиной и с такой силой саданул камнем по ореху, что тот, отскочив, кажется, покинул их измерение.

-- Ты ничего не понял, - сказала Мария вкрадчивым голосом. - Ты думаешь, ты - герой?

-- Не герой, а... - медленно начал Армен.

-- Этот человек не умеет смеяться.

-- Неправда, я умею смеяться, - обидчиво возразил Мавродий.

-- Ты думаешь, ты - герой? - быстро спросила его Мария.

Толкнув Мавродия прямо на поднявшегося, выпрямившегося Армена, Мария крепко сжала ладонь Светы и они, отвернувшись, побежали.

Они не знали, что совершается за их спинами. Но Мария почему-то верила, что семя ее упало на верную почву.

-- Вот мы и положили конец раздору племен, - сказала она, усмехаясь.

7

Весь день они носились у ворот, в которых почти непрерывно появлялись старшеклассники с валежником и сухостоем. Наваливаясь на старших, младшие буквально выхватывали у них этот ценнейший груз и волочили до громадной кучи посреди двора.

К вечеру костер запылал и, встав в круг, младшие пошли в пляс и запели.

Кто - куда, а мы лишь прямо -
Через мрак на свет костра.
Прощай, мама, прощай, папа,
Прощай, младшая сестра.

Пламя разгорается на весь земной простор.
Быть первыми время нас учит.
Ты гори, гори, мой костер -
Мой товарищ, мой друг, мой попутчик.

Мария и Света, крепко взявшись за руки, тоже неслись в кругу, и угольки, постреливая, оставляли следы на багряной от зарева одежде. Потом круг разомкнулся, и только они не выпустили рук, и потому их почти прижали к огню, потому что круг снова сомкнулся - уже из новых людей - и вновь качнулся вбок каруселью.

Поодаль, на концертной площадке, спели, вызвав бурю аплодисментов, Лика и Зоя. Потом на сцену выскочил Армен. Только он мог пропеть в танце зажигательное кавказское: "Аравай - вай! Вай-вай-вай-вай!" Карусель из сцепивших руки людей неслась все быстрей. Задрав голову, Мария увидела, как мечутся, срываясь в небо из костра, искры. Искры не хотели отлетать от костра, не хотели умирать и гаснуть, но сила огня с ожесточенной веселостью порождала их, чтобы вскоре отторгнуть. Еще вверху летали хлопья пепла и, спускаясь плавными парашютиками, оседали у них на волосах.

Света тоже смотрела вверх, и лицо ее под влиянием каких-то своих ассоциаций становилось все грустней и задумчивей. Потом они с Марией взглянули друг на друга и, не сговариваясь, направились в здание.

В этот час в помещении не были ни души. Они вошли в свою палату, и Света, выбрав одну из пустующих кроватей, растянулась на ней в полный рост.

-- Знаешь, лучше бы это кончилось поскорей - вся эта наша лагерная жизнь. А то бывает так хорошо, что потом без этого не сможешь. Так хорошо, как сейчас... - сказала она пресекшимся голосом, глядя в потолок.

Как порыв неуклонного ветра Мария покачнулась и, медленно разувшись, села на нее верхом. Она обхватила ладонями длинную, тонкокожую шею Светы и, шутя, слегка сжала пальцы. Но тут же руки ее размякли, и вся она так и поникла, потекла всем нутром от сумасшедше нежного тепла.

-Мы с тобой одной крови. Разве может это когда-нибудь пройти? - тихо сказала она, чувствуя, как набегают откуда-то снизу волны трепетного, соленого моря, как подступают они к глазам странным блеском, готовые нахлынуть каплями, что поползут по щекам. Вернувшись из своего далека, Света бережно коснулась ее щек взглядом повлажневших глаз.

Они даже не услышали, как в комнату прокрался посторонний.

-- Вы тут что... А ну, быстро встать!

Мария, вздрогнув, инстинктивно поднялась во весь рост и, не сходя с кровати, недоуменно посмотрела на немолодую воспитательницу, которая, сжав кулаки и выставив вперед подбородок, даже не понимала, как отвратительно ее перекошенное злобой лицо.

-- Ну, подождите!.. Я все расскажу директору. Немедленно убирайтесь вниз. Ну! Быстро! Чтобы я вас здесь больше не видела.

Это было все равно, как если бы кто-нибудь, увидев в комнате орла, велел его выгнать из-за того, что комнаты созданы для ковров, а не для орлов.

Растерянно улыбаясь и в то же время наливаясь гневом, Мария не выпускала руки Светы, которую та подала ей, как только эта нелепая тетка завела свою речь. Готовая на отпор, Мария пружинисто спрыгнула на пол, но в это мгновение другая рука Светы легла ей на плечо.

-- Что она хотела? - спросила она удивленно, когда они пробежали до лестницы и, спустившись этажом ниже, нырнули в полумрак коридора.

-- Ну, понимаешь, она подумала, что мы занимались ЭТИМ.

-- Чем?

-- Иногда девушки занимаются друг с другом тем же, что и мужчины с женщинами.

-- Как это?.. Но ведь... у нас было не это, - потерянно произнесла Мария.

Света промолчала.

Двигаясь на ощупь в густом, словно волокнистом полумраке, они толкнули какую-то дверь и переступили порог палаты старшеклассников.

Здесь, в чужой обстановке, среди неизвестных вещей их опять обступила неловкость - минутная неловкость, которую Мария преодолела молниеносным решением.

-- Слушай, а ведь мы можем натырить здесь зубной пасты. А ночью сходим в поход на твоих залайцев.

Это было любимым лагерным озорством - тырить друг у друга, словно яблоки в саду, тюбики с зубной пастой, а после, пробравшись ночью к соседям, выдавливать втихаря содержимое спящим на волосы.

Перевернув пару матрасов, Мария действительно нашла под ними заветные тюбики и, удовлетворенно повертев их в руках, с важным видом рассовала по карманам.

Света, кажется, даже не обратила внимания на эту ее затею. Заметив на тумбочке книгу, она ровным, бесстрастным голосом прочитала вслух название.

-- Лев Толстой "Хозяин и работник".

Затем, протянув к книге обе руки, взяла ее с бережностью прилежной ученицы и, неторопливо раскрыв наугад, принялась читать: "Выгребши снег, Василий Андреич поспешно распоясался, расправил шубу и, толкнув Никиту, лег на него, покрывая его не только своей шубой, но и всем своим теплым, разгоряченным телом. Закрепив руками полы шубы между лубком саней и Никитой и коленками ног, прихватив ее подол, Василий Андреич лежал так ничком, упершись головой в лубок передка, и теперь уже не слышал ни движения лошади, ни свиста бури, а только прислушивался к дыханию Никиты. Никита сначала долго лежал неподвижно, потом громко вздохнул и пошевелился.

- А вот то-то, а ты говоришь - помираешь. Лежи, грейся, мы вот как... - начал было Василий Андреич.

Но дальше он, к великому удивлению, не мог говорить, потому что слезы ему выступили на глаза, и нижняя челюсть быстро задрожала".

Осекшись, Света замолчала и, подняв голову от книги, невольно уперлась взглядом в лицо Марии. И как всегда, словно ударившись о человека, что-то хрупкое и пронзительно-синее в ее взоре слегка отпрянуло вглубь, откатило. Но и там, в глубине, не удержалось, а тут же вернулось назад и, будто застигнутое врасплох, не нашло ничего лучше, как просиять кротчайшей улыбкой.

Им больше не надо было держаться за руки, чтобы чувствовать друг друга. Время - эта последовательность мысленного шума и звуков вокруг - текло лишь для них. Вновь оказавшись незаметно для себя в гуще резвящейся у исполинского костра детворы, они, как невидящие, прошли сквозь гущу и, устремившись в дальний, пустынный угол площадки, оседлали качели.

Моросил дождь. Длинная доска на перекладине промокла, и на ней отражался свет полной неоновой луны. Доска слабо, тоскливо поскрипывала, замирая в момент соприкосновения с землей. Соприкасаясь с ней, с землей, Мария смутно видела, как на другом конце доски высится горой Света, как, полуприкрыв глаза и слегка откинувшись назад, плавно отдается она потоку. Казалось в эти секунды - еще немного, и Света сольется с лунным потоком, станет полупрозрачным, мерно качающимся призраком.

Сильно толкнув землю, Мария принялась раскачивать качели все резче и выше, ей хотелось не отпускать Свету в это лунное далеко. Мелькало вдали пламя костра – теплым заревом ложилось оно на щеки.

И вдруг, словно искра исполинского костра заронилась в сердце - так отчего-то оно встрепенулось и сильными, мерными толчками застучало в висках, во всем теле. Затем будто сам орел, выпростав крылья из ее вздымающейся груди, взлетел, темнея, к одинокой горе, на которой пребывала в грезах Света. И тотчас эта гора зазеленела и покрылась цветами, а Света, поддавшись вперед, пристально посмотрела в лицо Марии широко раскрытыми, удивленными глазами.

Так они качались, попеременно касаясь земли и - попеременно - неба. И гордый орел парил между двумя вершинами.

Потом Мария незаметно поймала себя на ощущении, что земли больше нет под ногами, что шелест дождя прокрался под спину, став ей единственной опорой, и она, запрокинув голову, лежит на этом мерном, все нарастающем шелесте. Другие звуки отдалились, и все кругом заволокло зеленовато-светящейся, водянистой полумглой. В этой полумгле явственно послышался плач младенца, который приближался к ней откуда-то сверху. Потом она увидела и самого младенца - он был полурастворен в водной пыли и пытался выпростаться из легких, похожих на складки тумана, пеленок. Спустя еще мгновение Мария вдруг ощутила, что этот младенец - она и увидела склоненную над собой мать. Мать была молодой и еще поэтичной, словно сошедшей с одной прежней фотографии и нежно, кротко улыбаясь, говорила какие-то ласковые слова. Мария же, будучи новорожденной, блаженно перебирала ручками и издавала в унисон благостные, только ей ведомые звуки. Теперь все происходило на пляже, и неумолчный шум моря -

взволнованный, но безмятежно-ласковый - облегал ее тело, как раковина. Никогда еще она не чувствовала такой пронзительной связи с матерью. Матерью и всем миром вокруг - блаженной, мудрой, отсекающей хмарь, муть и хлябь.

...Качели остановили свой бег. Мария сидела на земле, радостно, беззвучно плача под нитями сильного, косого дождя. Света же, держа ее за руку, гладила ее по щеке и говорила-говорила какие-то слова, тревожно всматриваясь в нее всю.

А утром, словно вызванная давешним чудесным видением, приехала мама.

-- Мама! - кинулась было к ней Мария, но, сделав несколько шагов, стушевалась от неловкости.

Она никогда не знала, что значит - броситься матери на шею, обнять ее - это было не принято между ними.

Придирчиво оглядев палату, где они со Светой просто сидели без слов, жмурясь от сочащегося со стороны террасы в стеклянную дверь сильного молодого солнца, мать ворчливо сказала:

-- Ужасно спертый воздух. Вы что - никогда не проветриваете? Здесь вообще кто-нибудь за вами смотрит?

И только потом сообщила, что умер дедушка - отец отца, и надо ехать на похороны. Она приехала, чтобы забрать ее.

Мария никогда не видела дедушку, но, сглотнув слюну, поняла и приняла необходимость отъезда.

Ей еще было слишком хорошо, да и день выдался на редкость ясным, чтобы она могла измерить чувствами предстоящую разлуку.

Пока мать складывала ее вещи - мать непременно хотела сложить все сама, честя воспитателей за невыглаженное белье, словно и впрямь когда-нибудь гладила его дома, - они со Светой, избегая смотреть друг на друга, обменялись адресами.

"Залайск", - написала Света большими разорванными буквами на пионерском галстуке Марии. "Краеугольск", - косо вывела Мария на галстуке Светы. Это была традиция - записывать адреса прямо на пионерских галстуках, чтобы они никогда не забылись.

Присутствие матери сковывало их. Но Света все равно сбивчиво сказала:

-- Ты, пожалуйста, пиши. А то я не решусь... первая.

-- Конечно, - торопливо согласилась Мария. - Я вообще скоро приеду к тебе в Залайск, это же совсем рядом. И ты ко мне станешь ездить.

Вещи были сложены.

Мать попыталась надеть на Марию кофту, но та, отстранив ее руки, надела кофту сама.

Им было пора. Мать очень спешила.

-- Возьми свои тапочки, - сказала Света, достав из-под кровати стоптанные красные тапочки Марии.

Но мать сказала:

-- Нам такого добра не нужно. Пусть лучше останутся здесь, может, кому еще и пригодятся.

Как деревянная, Мария глядела куда-то мимо Светы. Она знала - ей надо быть деревянной. Она не должна увидеть лица Светы. Она не должна увидеть лица Светы! Она не должна!.. И вдруг она увидела, что лицо Светы стало багровым.

Отвернувшись, она резко вышла и, обогнав мать, прошла далеко вперед.

Через два часа водитель их автобуса, остановившись у придорожной забегаловки, объявил перерыв. Пассажиры высыпали на лужайку перед почти отвесной каменистой горой, откуда сбегал хрустальными струями звенящий, сам с собой бормочущий ручей. Жались в сторонке овцы, позвякивала колокольчиком коза. И прыгали в ярко-зеленой, по-горному свежей траве, кузнечики. Мария заметила у одного из них ярко-оранжевый

горбик. Горбик состоял из скучившихся букашек, которые, впившись в спину кузнечика, пожирали живьем его плоть. Поймав кузнечика, Мария принялась высвобождать его от паразитов дрожащей в руке палочкой. Она знала: так поступила бы Света.

Выпустив кузнечика, Мария бросила затуманенный взгляд на шаг вперед, потом - на другой. И увидела, что всюду прыгают по полю такие же горбатые кузнечики. Издали их можно было принять за оригинальный вид фауны, носящий на спине оранжевые цветочки. Чем крупнее цветочек, тем тяжелее, ближе к земле прыжки кузнечика. Что ж! Опустившись в траву, Мария принялась ловить кузнечиков и освобождать их от их ноши. Она еще успеет, еще сможет... Пусть это будет один освобожденный кузнечик. Десять кузнечиков. Сто кузнечиков.

Водитель нетерпеливо сигналил и мать, высунувшись из окна, что-то сердито кричала ей.

Вскоре после возвращения из лагеря началась школа. Новые встречи и новые отношения завертели Марией - она все-таки была еще ребенком и не чувствовала бега времени. Мария так и не собралась написать Свете, а чуть позже исчез пионерский галстук с адресом - должно быть, мать выбросила его вместе с другими старыми вещами.

И только много лет спустя, когда в стране была перестройка и не стало готовых, раз и навсегда вколоченных с детства ответов, а мысли выбивались мутным потоком и заносили куда-то в сторону, она опять вспомнила про Свету. Но единственным материальным свидетелем существования Светы был сосед Мавродий, который, превратившись в приветливого юношу, уже открыто ходил в платьях, скупая их в уцененных товарах.

Мария поехала в Залайск и отыскала адрес Светы через адресное бюро, но оказалось, что Милославские вместе с семьями других военнослужащих давно покинули и дом, и город.

Часто-часто, подняв трубку телефона, Мария ловила себя на мысли, что она ожидает чуда. А вдруг и в самом деле в трубке однажды раздастся:

- Здравствуй, Маша. Решила тебе позвонить. Вот.

Уходящие Тихо

Повесть

Есть такое племя – уходящие тихо…
Люди из племени Уходящие Тихо…
Из бесед с тбилисским поэтом
Александром Коноваловым

“Все от нечистого”, – сказал батюшка.

Прав он, конечно. Я и сама знаю, что прав.

Голос у батюшки пахнет ладаном, и сидеть бы нам с ним за столом в церковном палисаднике, где после службы потчуют нищих, и пусть бы отчитывал он меня своим светящимся голосом… Да как бы не так: гордыня меня накрыла. Как стеклянным колпаком накрыла, ей-Богу, и стою я, не смея поднять головы, и только согласно киваю. Батюшка за колпаком стал бесплотный, непахнущий, смутный. От дыхания моего батюшка тает, расплывается. Я живот втянула, съежилась, думаю, надо беречь батюшку от себя, не виноват же он, что меня бесы мучают. Так и отстояла, чуть дыша, пока увещевали.

А в прошлое воскресенье было кое-что похуже.

Славим мы, значит, Богородицу на литургии, все матушки – как девицы, такие легкие стали, несуровые, – я всегда радуюсь на литургии за лица, если они меняются. И чувствую, удалась ли служба, по спинам. Если кто кланяется, а от спины что-то такое струится – то ли пар, то ли кроткое дыхание, значит, полегчало ему, бедному. Ангел его, значит, при нем. А Христос с нами.

Только я отметила, как водится: "Здесь Христос!", как р-раз – боль кромешная и звук лязгающий – словно по спине цепью огрели. Оборачиваюсь, а на пороге храма – чертенок. Худющий, угловатый, глаза, как магниты, – так и тянут душу, из горла тянут… Забулькало в горле, вот-вот закричу. Я-то сразу поняла, что он по мою душу, что чертеняку этого, кроме меня, никто не видит, батюшка ведь служил лицом к алтарю. А тут все опустились на колени, и стою я, получается, одна, спиной к алтарю – в лице ни кровиночки, и вся душа моя, как стражница, на входе. Только бы не прошел, думаю, за порог. Скривил он рожу, размахнулся цепным бичом на полкупола, вот-вот сломит. Сломит ведь, как тростиночку! Но вдруг в ухо зашипели: "Ксена! Веди себя как следует!" Материн голос, от него любой чертеняка сбежит. Этот тоже, не будь дурак, как поигрывал с бичом на входе, так и перестал быть, словно отродясь и не был.

Мать, как всегда, принялась за нотации, ее ни служба не смущает, ни то, что в лице моем ни кровиночки. Шипит себе, тычась в ухо: "Ты где была? Я тебя по всему храму ищу. Если знаешь, что постоянно теряешься, значит стой рядом". Это она девушке в тридцать лет говорит. Ну ничего, не такое терпели. Как верующая, она хорошая женщина, исполнительная, вот чертеняку прогнала. Правда, расскажи ей такое, будет как муха, ну как муха, жужжать про мою одержимость: "Только и можно тебя найти, как по следам бедокурств. Не девчонка, а собачье сердце". Ух, и испытывает меня Господь, тридцать лет испытывает. И всегда, как и в первый годочек от роду, наворачиваются на глаза слезы, да никак перед ее лицом не навернутся.

Бочком протиснулась я туда, где погуще да поплотней, и стою пень пнем. Как вдруг откуда ни возьмись – Катя, и как гаркнет в ухо – в другое, не материно: "Выйди вон, а то сдохнешь!"

Те, кто услышали, посмотрели на меня со строгим любопытством – второй раз за литургию сбила я людей с их благостных мыслей: то стояла посреди храма как каланча, спиной к алтарю, когда другие преклонили колена, а теперь вот Катю растревожила.

Катя – блаженная. Она поселилась при храме, еще когда мать только начинала быть христианкой. Помню, как мать рассказывала отцу с воодушевленной жалостью – она всегда воодушевляется перед папой: "Ты знаешь, Боря, у нас в церкви объявилась та-а-кая чудная женщина! Статная, как королева, без определенного возраста, надо сказать, и ничего не помнит, кто она и откуда. Ее забыли паломники из Ленинграда, а мы, в свою очередь, потеряли адрес тех паломников. Настоятель выделил ей пристройку в церковном дворе, но Катюша посчитала это роскошью и выстроила в уголочке домик из картона. И ничего, прижилась. Ее грешники боятся, потому что она видит человека насквозь и говорит всякую всячину про него не стесняясь". Отец тогда юморнул: "Так уж и насквозь? Готов поспорить: она передо мной подмастерье".

Правду Катя резала прямо в лицо – напыщенно и яростно, но прихожане обиды не затаивали. Разные ходили про нее байки. Но я могу рассказывать только то, что сама видела. А видела я, что на Кате платье хоть и старенькое, но чистое, из немнущейся материи, а среди скудных ее пожиток имеются нитки с иголкой. Что живет она на милостыню, но не берет больше пяти копеек с души.

Я всегда подхожу к Кате поздороваться, подаю ей, и мы немного говорим – чудно так, все как будто ни о чем. Однажды, склонив набок аккуратную головку и лучисто сощурившись, Катя сказала: "Пойдем со мной жить, а?" Но это, когда у нее есть настроение. А чтоб так вот появиться на службе и – в ухо… Это впервые такое. И она, значит, заметила, что дело пахнет нечистью.

Некоторые прихожане, отворотившись от икон, беззастенчиво разглядывали нас с Катей. Я опять бочком, бочком – и во двор. И уже там отдышалась, дожидаясь, когда кончится служба и мать обойдет всех знакомых, всех нищих, переговорит насчет меня с батюшкой.

По дороге домой мы снова говорили про то, о чем ей не молчится уже четыре месяца.

– Ксения, батюшка не спрашивал, почему ты столько времени не причащаешься? Не говорил, что не вкушающий Святые тайны у Господа – как отрезанный ломоть?

– Ты же сама знаешь, что спрашивал.

– И что же ты ему ответила?

– Что не могу помириться с отцом, а находящиеся в ссоре с ближними к Евхаристии не допускаются.

– А он что сказал?

– А он сказал… что сказал…

– А ты…

– Отстань от меня, а?!

Будто я нарочно лишила себя благодати! Да я, если все сделано как надо, после причастия на крыльях летаю.

Замолчали, наконец. Дома оно отыграется, молчание. Что только не вспомнится, с детского садика начиная. Отец, сидя в кресле за кроссвордом, бросит в воздух безразличным тоном: “Оставь, Веруня! Ты имеешь дело с пофигисткой”. А Вера Николаевна еще пуще разойдется. Пока мы с отцом в ссоре, она чувствует себя беззащитной. Не будь ссоры, отец подошел бы вплотную и спросил с деланным спокойствием, почти нежно: “Ты почему матери нагрубила?” Вера Николаевна тут же подольет масла в огонь: “Скоро она меня избивать станет!”

“Да кто же кого, мама? Откуда ты все берешь?”

“Ты нагрубила матери”, – твердо скажет отец и – бац! – будь я школьницей, прямой удар в челюсть.

В последние годы не так прямо. Разговорчик сначала на сутки-двое, когда он говорит себе, говорит, говорит, а после вопросы задает. Проверяет, как я усвоила свою неправоту. А так как в ответах я путаюсь, то в конце все равно будет – бац!

Мы с ним всю жизнь так беседуем, причем я – косноязычная, а он – нет, и порой я так запутываюсь во всех этих ответах-вопросах, что искренне чувствую себя потом дерьмом собачьим.

Между прочим, когда “бац” – это он только начинает так драться, только приступает… Крутой он очень. Хотел раньше быть следователем, но после института застрял на тридцать лет в юридической консультации, а теперь, когда в городе нет работы, подрабатывает электриком: отматывает, если кто не умеет, назад счетчики, электрифицирует бензоколонки. Левое телевидение может установить, телефон отремонтировать. Крутится, словом. Даже кроликов в подвале развел. Мать, просиживая юбку в своей конторе, тоже теперь лопнувшей, жила с ним как у Христа за пазухой. Как мужик он, в общем-то, ничего, мой папа, трудяга. И мать любит. Всегда с ней уси-пуси, нежный. А уж она-то как цветет и пахнет, она-то! Грех, конечно, такое говорить. Родители, все-таки. Как родителей я их люблю. Как людей – не очень… Друзья вот их уважают. Правда, друзей у них раз-два и обчелся. Да и известно, что дальние любят нас потому, что не знают про наше плохое. Это надо же такое: взять и выбить два зуба только за то, что из серванта испарился фирменный коньяк. Хорошо еще, что зубы были боковые.

Я сказала матери: не буду больше терпеть, если он еще сунется. Я теперь нож в кармане ношу. И пусть я стану великой грешницей. А если убьет меня он – еще лучше: загремит в ад. Все равно туда ему, атеисту, дорога. Еще я могу в милицию пожаловаться. Есть у меня знакомый капитан, говорит, приходи с заявлением, если что. Только противно все это посторонним рассказывать.

Соринка что ли в глаз попала, слезятся глаза и слезятся, а впереди знакомые парни завиднелись, стыдно, надо приободриться. Почему-то накануне Великого поста в голову лезут грешные мысли. А уж в пост я и сама себя боюсь. Объяснял ведь батюшка: будут нападения. Нечисто это – перебирать свое обидное прошлое, предаваясь горестным мыслям. На смирение настраивал, дуру беспросветную.

– Всем привет! – кинулась я голосом навстречу тем парням и руку над головой воздела. Что-то такое ткнулось в ладонь, словно зверюшка какая, притаившаяся в воздухе, так бы и прижала к груди. Улыбка на лице объявилась нежданно-негаданно. Сделала я вперед шаг-другой, и грузная моя Вера Николаевна осталась прихрамывать позади. Это я нарочно устроила между нами паузу, чтобы успеть сказать кому ни попадя что-нибудь дельное или простое.

Долговязому Волику, который возился под капотом “запорожца”, я сказала:

– Ну что, рационализатор, прокатишь к Новому году на “мерседесе”?

А у брата его, Павлуши, спросила, понизив голос:

– Спрашивал про меня кто-нибудь?

– Льяна заходила. Говорила, у тебя должок.

А Волик ответил:

– Не было печали, купила баба порося. Позавчера загорелся мотор, но я спас эту развалюху. Думал с утра съездить за товаром на Красный мост, да только стронулся, смотрю, тормоза отказали.

– Передай Льяне, что заскочу на неделе. Воль, хочешь – я тебе колесо от троллейбуса подарю? Пригодится на что-нибудь, а? У вас сигареты есть? Я не потому спрашиваю, что у меня нету, я угостить хотела. Жаль, мать близко. Не смогу пачку из заначки достать. Ну, до свиданья, мальчики!

Дружно, степенно кивают Вере Николаевне. Она улыбается по-соседски радушно, наивно. У меня же крутится в голове потрепанная мыслишка: “Услышала про сигареты или нет? Только бы не устроила шмон в сумке, не вынудила бы орать на нее в праздник”.

Вроде бы ничего. Тихо пока. Идем друг за дружкой. Я думаю про то, как опрятно вымазан Волик машинным маслом. Наверное, трубочисты тоже по-своему красивы. И шахтеры. Между прочим, чертеняка этот тоже противным не был, я уж в этом толк знаю, мне грязь любая отвратительна. Например, когда Вера Николаевна наливается краской, вспоминаются молочные поросята на базарных прилавках. Противно становится. И отчего такая ассоциация – понять не могу…

Не то я что-то говорю. Цепляясь друг за дружку, мысли словно завлекают меня на полянку в замшелом лесу и там, оторвавшись, бросают. Я дышу ароматом цветов и трав той полянки сколько могу, а после начинаю замерзать и пугаться.

– Такими большими шагами не ходят, – вплетается в меня как плющ скорбный материн голос. Плющ этот и извлекает потихоньку душу с той полянки на волю, будь она неладна. – И руками не размахивают, ведь ты не мальчик.

– Но вы-то с отцом ожидали мальчика, – все-таки огрызаюсь я. Знаю ведь эту манеру наводить критику после того, как со мной любезно переговорило лицо мужского пола, даже если оно – пацаненок сопливый.

– Привычка ходить в брюках лишила тебя женственности. Папа купил на день рождения в супермаркете модную юбку, а ты ее даже в церковь ни разу не надела. Нашла перед кем норов показывать. Да отец с тобой за руку полстраны объездил, пирожные с мороженым в рот клал.

– Все, что он мне в рот клал, через час с кровью из носа вытаскивал.

Замолчала. Обиделась за обоих. Они всегда, чуть что, обижаются за двоих… Не буду дальше думать. Хватит уже на сегодня.

Пыхтела она что-то себе под нос, пока я не привела ее домой, не помогла расшнуровать ботинки и не измерила давление.

Как ни странно, отцу она в тот вечер не пожаловалась. При мне, во всяком случае. А о чем они меж собой на кухне шепчутся, не мое дело, хотя прекрасно знаю, что обо мне. Об кого здесь еще языки чесать? Жизнь такая – разлезшаяся да по углам забившаяся. У матери остались из тех, кого отец за историю супружества не отшил, две подруги. Одной – семьдесят; она на склоне лет Ницше для себя открыла, а дети уехали и не пишут. Другая помоложе будет, но из дому выходит только до булочной и в церковь. О чем с ней побеседуешь, чего спросишь? “Что вы сегодня кушали, Дарья Петровна?” Отец за пределами дома вообще стал молчуном. Живет матерью и телевизором. Знал бы он, как тяжело мне с ним… не говорить. Ведь живые же люди в квартире. Ну что ему стоит извиниться за тот удар, сказать, что погорячился, мол. Или просто по имени меня окликнуть. Так нет. Я подслушала, как он ввернул на днях матери на кухне: “Смотри, стена между мной и Ксеной все толще. Я не смогу потом ничего с собой поделать. Это ты виновата: распустила ее. Она, чувствуя твою сни-сходительность, не нуждается в моей принципиальности”.

Я так вымоталась от всех этих разговоров, что как прилегла в седьмом часу в родительской спальне, так и не встала до утра. Помню только, – смутно так, что даже не знаю, взаправду ли, – как в сумерках вошел отец, встал в проходе за кроватями, – я спала на его месте, и долго так, чутко прислушивался, как Вера Николаевна тоненько во сне постанывает. А потом говорит вполголоса, явно в мой адрес: “Чем валяться вечером без дела, встала бы и сварила макарон, пока мать отдыхает”. Какие все нежные, все нуждаются в заботе!.. Сам, думаю, сообразишь что-нибудь на ужин. Вот сорочку я бы с него стянула и – в стирку. Не замечает она, что ли, какой он замызганный ходит? Может, они постарели уже? Однажды отец, когда у нас еще бывали перемирия, сказал про мать: “Пусть радуется побольше. Ей молодости осталось с воробьиный клюв”. А чему радоваться-то? Я просто надивиться не могу, как они от какой-нибудь глупой статьи в газете оживляются. Хватило бы мне, интересно, сил в шестьдесят лет откликаться на разный мусор? Ведь жизнь умнеет слишком быстро.

Думы так заполонили мою черепушку, что изгнали сны, хотя я продолжала дремать. И в дреме я помолилась за них обоих и до утра прислушивалась, или думала, что прислушиваюсь, к дыханию мамы:

– Живите, Господи, живите! И не надо так серьезно на меня дуться. Помните, как мы втроем смотрели сериал, и вы сказали про главную героиню: “Как посмотришь, какие заботливые дети выросли у других родителей, плакать хочется от обиды”. А я меж вами сидела.

– …Выйди вон, а то сдохнешь! Выйди вон, а то сдохнешь! Выйди вон, а то сдохнешь!.. – Хороший у Кати голос.

2

А потом в мою жизнь вошли те люди. Как раз в Великий пост. Мать теперь говорит, что вот, прибыли по твою душу бесы, оклемаешься – исповедуйся и прими Святые тайны. Я же видела, что жизнь сходит с ума, и понемногу умнела.

Вернулась из России Таня, подруга моя, покинувшая нас семь лет назад из-за того, что начались плохие времена, а на руках у нее – годовалый сынишка. Как она старалась, бедная, как перебивалась. Ставила на воробьев мышеловки и, если Бог посылал добычу, делила пополам между сыном и псом. В ту пору у них с мужем Витькой жил Альтар – человек, а не зверь, и когда он издох от чумки незадолго до их отъезда, Танюша сказала, что это к лучшему: случись такое через год-другой, то она бы не вынесла и тоже умерла. Что не помешало ей сразу взять щенка. Можно было ведь не торопиться, неизвестно еще, как устроятся на новом месте, но ей, во-первых, нужна была овчарка, – в целинном поселке, куда они собрались, понятное дело, породистые собаки в дефиците, а во-вторых, Танюша рассуждала так: если я не захочу утром встать, – а это желание постоянно набирает обороты, – ребенка накормит отец или, на худой конец, – соседи. Настоящий же пес не ест из чужих рук. Значит, мне надо будет поднатужиться и прожить день.

Но очень уж печальной Таня не была. Она была деловой и отчаянной.

Пришла она ко мне в потертом джинсовом костюме и с рюкзачком на плече, такая же, как и в день отъезда. Кожа только примкнула ближе к телу, отчего лицо вытянулось. Светлые волнистые волосы разлеглись по плечам. А глаза стали еще ярче. Синие-пресиние, огромные, всегда перед вами стоящие в беседе как два василька. Но не всегда за ними кто-то угадывается: то пропадет этот кто-то неизвестно по каким делам, оставив вместо себя автоответчик, то задумчиво пройдет тенью, то спрячется за углом. Но если уж выйдет на середину и шагнет навстречу, то это само синее небушко, солнышком припорошенное. Знаю, что говорю, потому что это в нас общее, только я меньше прячусь и по делам не бегаю.

Уединились мы на кухне, после того как отсидели с родителями, и Татьяна мне говорит, вплотную так – небушко полощется у самого моего носа:

– Ну как личная жизнь?

– Никак, – отвечаю. – Не видишь, что ли, этих, что за дверью, возможно, подслушивают? С ними не жизнь, а сплошное жертвоприношение.

– Кто чем жертвует?

– Я. Собой.

– А зачем?

– Деться некуда.

– Но у тебя же есть вторая квартира.

– А деньги брать где? Нету работы.

– И долго ты собираешься жертвовать?

– Ну хорошо, жила я один раз на второй квартире, жила. Целых четыре месяца. Квартира-то коммунальная. Соседи за мной досмотр вели по всем пунктам и докладывали. А потом пришел отец и сказал: “Хватит, пойдешь обратно”.

– И ты пошла? Господи, ты что – чемодан?

– Соскучилась я по ним.

– Господи ты Боже мой, я и от любви вселенской не пошла бы по указке! Ну какая может любовь остаться при таком обращении?

– То, из чего я состою… Понимаешь, я не могу их сильно обидеть.

– Им тебя можно?

– Они – могут, а я – нет. Я ни есть, ни пить, ни спать не могу, когда становлюсь с ними черствая… Кроме того, я продолжала там кое-чем заниматься, и они со своей точки зрения были правы.

– Семь лет не было меня в Тбилиси, а Ксена наша как будто и не жила, все об одном лепечет, и даже внешне не изменилась.

– Ну, каждому – свое.

Откинули мы ту тему, и Танюша рассказала всякого разного про мужа своего Витьку и про жизнь их целинную. Из рассказа выходило, что судьба у Татьяны тоже застыла – это кинопленка двигалась. Судьба же наливалась кровью, тужилась, как тот добрый молодец, что ушел по грудь в землю. Но заслушалась я, засмотрелась на то, как в ровном, что твоя ладонь, поле стоит пень пнем поселок, где мужики – алкаши, а детей буксующие шоферы-дальнобойщики угощают камешками – обычными серыми камешками, какие дефицит в целинных землях, завелось чудо-юдо: Танины петухи. Подойдет кто к калитке, а навстречу бегут со всех ног сто сорок отроков, сто сорок стражников с распахнутыми клювами и – “Кукареку! Кукареку!” неокрепшими еще голосами. На пенечке во дворе – мутное красное солнце: здесь Витька режет, выскочив из постели в четыре утра, по десять горлопанов за раз. От избытка белков раздулись окрестные кошки. Кто бы мог подумать, что из инкубаторской сотни-другой яиц выйдут тебе не квохчущие несушки, а сплошные тебе “кукареку”. Радости-то было детворе, когда в установившейся однажды тишине робко заржал конь – громкий и видный, поскольку существовал на привязи во дворе, без крыши над головой, а когда ударили до срока

холода, перебрался прямо в хозяйскую лачугу, где только и помещались, что две кровати, подстилка для собаки да миска для кошки. Чем животина питается, где справляет нужду – гадали все от мала до велика, но успокоились вскорости – коня того купил сосед, имевший вакансию в коровнике. А в непутевом дворе завелся мотоцикл. Витька носился как угорелый среди пацанов и бабушек на велосипедах. Но теперь запропала хозяйка, а после и хозяин. Это, значит, Танюша, отослав сына в Тбилиси к свекрови, подалась в очередной раз куда глаза глядят. А Витька ее разыскал и преследует на мотоцикле. Где она остановится, там и он, как побитый кобель, всегда тихий, понурый, за пазухой – бутылка. Устроится поблизости как щенок какой и глядит на твою жизнь затравленно-мечтательными, осоловелыми глазами. На то, как перерабатываешь ты посудомойкой, как батрачишь на богатых огородах, как исхитряешься ускользнуть от потных рук, как информацию добываешь о том, куда двигаться дальше. И питается при этом тем, что Танюша подбросит.

Так и путешествовали они по югу России как не родные и не дальние, и взял-таки он ее измором: вернулись, будто неразлучные, на свою целину. И снова, и снова дивили целинников странными починами, что обрывались из рук вон плохо: то перепелок заведут, а те передохнут, то шампиньоны, которых солить – не насолишь, продать – не продашь… Эх, хорошо!.. Выходило из этого кинофильма, что Танюша моя в очередной раз сбежала от Витьки – вот чем объяснялся ее приезд. “Здесь хоть можно затеряться среди знакомых, – эту ее фразу я запомнила в точности. – Спрут мой уже рыщет. Ты не говори ему, если объявится, что я приходила. Пусть отвыкает”.

Отец – вечный труженик – уже уперся в соседний корпус ремонтировать кабель. И вот после такого разговора, когда кровь во мне отчего-то заиграла и в глазах стояли, как звезды, молодые петушиные гребни, а ладони горели, словно ободрались о мотыгу, словно это их омывали струи грязной воды с казенных тарелок, когда воздух из форточки донес газы мотора… некстати залаяла Джесика – громадная наша сучка-ротвейлер, и я, как обычно, пнула ее под зад. И мать, как всегда, сказала поехавшим вверх голосом: “Ксена, не трожь собаку!” Тут я поняла, что слово за слово и наворотится… Но не удержалась. Ведь она добавила: “Тоже как бездомная какая, прямо нету удержу”. “Тоже – как кто?” – спросила я, задрожав всеми клеточками, каждая из которых готова была прыгнуть прочь от других. “Ну, ты, может, и ни при чем, – обронила она, неловко улыбнувшись, словно врасплох я ее застала, и Джесике куриной косточкой издали махнула (мы-то с ней постимся, но отец – тот еще мясоед) – выторговывала свою туфлю, которую Джесика утащила под стол. Ненавижу, когда она сентиментальничает так с Джесикой. И Джесику ненавижу. Где это видано, чтобы собака ни в грош не ставила хозяйку: рвала бы зубами ее вещи и кидалась, взметнувшись, чуть ли не к самому горлу. У матери все руки искусаны, а она: “Не кричи на собаку!” Круглый день в доме собачий лай, мои крики: “Джесика, место!”, материны: “Ксена, не трожь собаку, она старенькая!”

Джесика раньше и вправду не такая была, спокойная, услужливая и ласковая, отцу шмотки подавала. Я ее восемь лет назад на этих вот руках принесла щеночком, при помощи Танюши, кстати, она ведь всех собачников знала наперечет. Мои Джесику поначалу недолюбливали, грозились выкинуть, так как без спросу мы с ней объявились, а потом превратилась наша девочка в папину собаку. Он и теперь на нее молится.

Вера Николаевна подобралась к Джесике, взялась за каблук, торчащий из пасти, двумя пальцами держится, как за стебель розы. И выдает среди разных литературных слов, к псине обращенных: “Только безродная может слоняться по всем городам и весям. Когда Танька Виктора отхватила, я сразу подумала: погубит парня. И главное – ни капли стеснительности, когда рассказывает про свои ночевки на голой земле”. – “Как?! – говорю. – Умудрилась все-таки подслушать?” – “Ох, наивная ты, Ксюша, недоговоренное у людей на лбу написано, а ты все незрячая. Джесика, фу!” – “Мам, отойди, она сейчас кинется… Что вы цепляетесь к человеку, какое тебе дело до чужих ночлегов? Если ты добрая христианка, спи себе спокойно. Отойди, говорю. Фу, Джесика!” – “Я не цепляюсь,

а разговариваю. Мне уже в своем доме и поговорить нельзя? Танька – непутевая, но хитрющая. Себе на уме девка. Думаю, не зря она приехала – Виктора заманивает, у него ведь родители здесь, не выгонят". – "Фу ты!.. Джесика!.. Палец о палец Витька не ударил. Ему бы только за компьютером штаны просиживать. А она, бедная, знаешь, чем питалась?" – "Бедная-то бедная, а ребенка подкинула свекрови на шею". – "Все, Джесика, вот тебе!" – "Ксена, не бей собаку, ты что, совсем ополоумела! Совсем взбесилась ты, Ксена!" – "В глотку, говорю, вцепится!" – "Не кричи на меня!" – "Какие еще гадости в мыслишках у тебя про мою подругу, давай, выкладывай!" – "Как ты выражаешься, что за слово такое – ▒гадости'?" – "Обычное слово, простое. Засунь его себе в задницу!" – "А такого слова вообще нету!" – "Жопа есть, а слова нету?" – "Да ты просто дебильный ребенок. А ну, уйди от собаки! Танька сама сказала, нахалка такая: вышла у себя на целине за порог, и мысль за извилину: а не дернуть ли на родину в Тбилиси через горный перевал… А еще…" – "Заткнись, поняла? Заткнись, заткнись!"

Тут я словно сама в себя рухнула, ноги стали как камни, а все, что выше пояса, – выпотрошенное, легкое. В этих мерзких, липких потрохах стояла столбом темная пыль, местами сгустившаяся в багровые клубы. За багровыми клубами, закрывшись рукой, от взмаха которой я инстинктивно втянула голову, плакала Вера Николаевна. Руку с туфлей, которую все-таки отняла, она отвела за спину, словно девочка, у которой могут отнять розу. Джесика носилась по комнате, наполняя ее петлями вибрирующего лая. Вещи тоже словно носились по петлям, покинув привычные очертания. Предметы продирались друг к другу как сквозь чащу, другие, напротив, слиплись, третьи стремились изничтожить друг друга… Потом Вера Николаевна ушла в спальню накачивать грушу от аппарата давления… Когда в доме молчание, хуже всего. Предметы встали по местам. Джесика заглохла. Я сидела на диване без мыслей и чувств.

Утром подошла извиняться. Знаю, не виновата она, что я такая. И она не виновата в самой себе, а я – в ней. И это для меня хуже отравы, потому что тогда правде неоткуда взяться.

– Мам, извини. Надо бы нам хоть в пост остерегаться словопрений.

– Ладно. Помоги накрыть на стол. Посмотри-ка, отец оделся?

– Бреется еще. Знаешь, я ему рубашки постирала.

– Что это ты спозаранку – совесть замучила?

– Как тебе картошка – не пережарила я ее?

– Вкусная картошка.

– Рассыпчатая получилась, как ты любишь.

– Ты не видела мои очки?

– На холодильнике, рядом с молитвенником.

– Вот, посмотри… Я уже несколько раз почитала, теперь попробуй ты… Мне кажется, эта молитва как раз на сегодняшний день. И на следующей странице неплохая.

– Хорошо, мам, я сбегаю за хлебом, потом разберемся.

– А что, нет хлеба? Вон ломтики в хлебнице еще остались. Может, хватит на завтрак?

– Мам, ломтики еще позавчерашние – их Джесике пора отдавать. Да что с тобой? Сбегаю, говорю, за хлебом, потом вместе посмотрим книжку, что ты там откопала.

– Не книжку, а молитвослов.

– Где деньги, в шкафу?

– Ксена… быстрей возвращайся. Если очередь, не стой. Обойдемся как-нибудь. Я коржиков напеку.

– Да что я, маленькая? Все, говорю, будет как надо.

И ведь не сомневалась я, глядя немигающими глазами в разом осунувшееся ее лицо, что будет как надо. Даже смешно было насчет ее задних мыслей, к тому же – немного радостно. Потому и до магазина пробиралась бегом, но не как на крыльях, а словно улица была сном, и я в нем увязала. Хлеб как раз сгружали – словно в замедленной

съемке, и кот рыжий перебегал дорогу – словно в тумане. Мелочь падала на прилавок так долго…

– Дайте, пожалуйста… нет, подождите… Стаканчик водки, пожалуйста.

И, опрокинув в себя, словно проснулась.

3

— Ну вот, потом ты будешь говорить, что мы тебя никуда не пускаем.

Хотите, считайте меня прорицательницей, хотите — кликушей, но то, что дома меня встретят такими словами, я слышала так ясно, что хоть лбом о них бейся.

Звуки разные, шорохи беззастенчиво сновали кругом, по-деловому разборчиво. Продавщица попискивала калькулятором, не глядя в мою сторону, словно выдать спозаранку сто граммов прилично одетой девушке в нашем непьющем городе — сущий пустяк. Или голый факт, не достойный принципиального внимания.

Ноги одеревенели и страсть как захотелось сесть на пол, раздвинуть широко колени и упереться в них локтями. Я сказала, пытаясь ухватиться за воздух:

— Девушка… отведите меня домой, пожалуйста. Я в пятом корпусе живу. Борю Кузнецова знаете? Я его дочка.

Продавщица, прищурившись, посмотрела через мое плечо куда-то вдаль — там хлебная машина отъезжала или покупатель какой приближался, — улыбнулась как в туман и спросила безадресно:

— Электрика?

— Ага, он хороший специалист. Его все тут приглашают, если нужно чего починить. Вам “левый” свет не нужен?

— Спасибо, на свет пока не жалуемся.

— Вы не подумайте, что я алкоголичка. Просто я за хлебом вышла и тяпнула вот ненароком… А у меня язва, и потому я дурею с первой рюмки. Жизнь такая, понимаете… Вас как зовут? Меня — Ксена.

— Жанна.

— Ты домой меня отведешь, Жанна?

— А телефона у тебя нет?

— Ты считаешь, лучше позвонить? Может, и лучше… Много там у тебя еще стаканов? Дай еще один, отец придет, заплатит.

— А может не надо?

Я ведь прорицательница, я про эти ее слова наперед знала, но все равно слегка о них ушиблась и некоторое время молчала. Но тут на беду или на счастье появилась Маша — покупательница, которую Жанна выловила через мое плечо своими ровными магнитами. Словно электричество во мне зажглось, да посыпались искорки из глаз. «Машка! — кричу. — Ты откуда в такую рань?» Идет себе, понимаете, летящей походкой, ненакрашенная девчонка в бежевом платье, серьезная, ясная, работящая, подбородок приподнят, взгляд внимательный, сумочка, слегка из моды вышедшая, через плечо, надо отдать ей мою зеленую, ей под костюм подойдет, в котором она намедни причащалась, ух ты, Машка, это же девчонка из нашего прихода, настоящая христианка, целый день колесит пехом по городу, чтобы не тратиться на транспорт из грошей за учеников, в которых всаживает на дому разные школьные предметы, у нее мама больная, умница она наша, кормилица!

Искры сменились на слезы. Сквозь них улыбаться было не стыдно. Я могла бы, не мигая, глядеть в грустнеющие Машины глаза как в костер на берегу реки, отмечая смену отгоревших настроений. Да только покупатели, зашедшие с улицы, слишком назойливо трогали нас своими липкими взглядами, и Маша решительно сказала:

— Ну-ну, все. Уходим. Жанна, пачку печенья мне дай. Спасибо, моя хорошая.

— А-а, вы уже знакомы, — протянула я, печалясь и радуясь вместо всех. — Ведь ты не здешняя, когда это вы успели, а?

— Я сюда в гости прихожу.

— К кому это?

— К тебе, глупая. Я сейчас к вам иду, ты что, не знала?.. Мы с Верой Николаевой договорились встретиться и сходить к одной матушке.

— А, договорились, значит…

— Дома Вера Николаевна? Ох, Ксена, опять ты за старое. Ты же год держалась! Ну, что случилось?

— Случилось… понимаешь… вот это… ну как тебе сказать… Вот *все* это…

Мы стояли под ветхой липой. Высвободившись из-под Машиной руки, я, силясь задуматься, описала жестом полукруг в ватном воздухе.

Небо было низкое. Сквозь голые ветки знакомых с детства тополей оно наползало с рассвета громадной тучей, которую я приметила еще из окошка дома. Туча разлетелась на куски по всему небосводу. Тая, куски словно испускали запах гари. Это потому, что кругом стоял дым от бумажного мусора, который жители корпусов жгли в кучках у подъездов.

— Ну-у… — я беспомощно перевела взгляд на Машу.

Иногда я чувствую себя собакой, которая не может ничего толком объяснить. Машины глаза светились неподдельным сочувствием. Теплое, ровное ее дыхание освежило меня.

— Мы идем домой.

— Подожди. Прогуляемся немного. Ты ведь не торопишься? Пойдем в скверик за дорогой. Да и Вера Николаевна еще не позавтракала. Или ты хочешь к завтраку?

— Только если ненадолго.

— Просто сдвинемся с места, чтобы не торчать посреди общества. Погуляй со мной, Маша!

С продавщицей киоска у шоссе я была знакома не шапочно и выпросила на ходу бутылку пива, пообещав, что отец не сегодня — завтра заплатит. Ну, разумеется, он у меня за все заплатит.

Мы нашли подъезд поукромней, потому как в скверике пребывали мужчины, и там я, отпив немного из горла, прониклась к Маше жалостью — до того удрученный у нее был вид.

— Эй, — говорю, прищелкнув пальцами. — Не тормозись. Придем мы к Вере Николаевне, деться нам некуда, а на час раньше, час позже — не велика разница.

— Ты шутишь надо мной. Я ей обещала, а теперь получается, что я — твоя сообщница, потому что у меня не хватило…

— Ну, скажу я, так уж и быть, скажу, почему я выпила. Только тебе. И чтоб Вере Николаевне или кому в церкви — ни слова. Да ты и не скажешь, я знаю. Понимаешь, я ребеночка хочу.

И как только такое пришло на ум? Кое-какие мысли, конечно, иногда крутились, но не так ясно, чтобы я могла их складно изложить. Теперь же меня несло как пташку к небесам, оставалось только хвостиком перебирать на крутых поворотах.

— Мне нужен кто-то, кому бы я могла передать свое понятие о жизни. Мне сейчас тридцать, правильно? Еще можно пока потерпеть. Но если я так и останусь без мужа, то в тридцать три возьму и рожу мальчика — высокого, красивого, прекрасного. Заметь, в тридцать три года — эти цифры для… ты сама подумай. Только ничего не говори. И не бери в голову, будто я стану навязывать ему свое понимание. Как всю жизнь проделывал со мной мой отец. Не-а, я — не повторение. Я просто буду говорить, без нажима. Хочет, пусть слушает. Но если не поймет… Тогда я повешусь.

— Да ты что, Ксена! У тебя еще все впереди. И потом, по-моему, в твоих словах противоречие. А в нынешнее время дети стали такими циничными — лучше их не иметь.

— А ты бы хотела мальчика?

— Я же сказала: лучше их не иметь.

— Я бы его убила. Я бы мстила ему за то, что меня били.

— Господи, да что ты такое говоришь!

— Я вообще — ошибка природы.

— Да что ты наговариваешь на себя?

— Должен был родиться мальчик, но осечка вышла. Ошибка природы. Эх, Машка, кончится все это тем, что я однажды приду в церковь, схвачу отца Николая за рясу и заору: «А ну, отвечать мне на мои вопросы!»

— Да какие такие вопросы?

— Вопросы следующие: что делать? почему когда сделаешь хорошее, получишь плохое и наоборот? почему я крест для своих родителей? почему родители — мой крест? почему я негодная? почему все негодные?.. Вот и отвечайте, кто может.

— У тебя что, претензии к жизни?

— Ко всей жизни в целом и к каждому в отдельности.

— Так ведь мир во зле лежит. Но не судите, да не судимы будете.

— Представь себе, я не сужу.

Наши взгляды встретились и задержались, как ладони. Я всегда вру правду, если разговор намечается серьезный. И мне чем дальше, тем больше становится неловко, между тем как собеседник только-только начинает разогреваться. Маша, набравшись моего взгляда, пришла в тихую задумчивость, оттаяла и засияла простыми понимающими глазами. Мне же понадобилась добавка. Мимо проходил парень, и я шагнула к нему из подъезда.

— Вы не подскажете, где здесь можно кофе выпить?

Хотите, считайте меня аферисткой, хотите — простой душой, а только расчет был обычный: какой же грузин откажет женщине в просьбе? Тем более в Тбилиси. Надо только объяснить ему, что ты — здешняя, все у тебя на месте: мама с папой, соседи, товарищи. Разумеется, я сразу представилась и объяснила, кто мой отец. И пяти минут не прошло, как оказались мы с Машей в салатовых «Жигулях» с Гиви, Гурамом, Мамукой и Софико. Маша сразу посерьезнела, напряглась. Сидим мы, значит, на заднем сидении между Гурамом и Гиви, и я веду разговор за двоих — за себя и за Машку, потому как спутница моя не виновата, что вляпалась в приключение.

— А далеко мы едем?

— В маленький уютный бар.

— Понятно. Хорошо все-таки устроен наш город: иногда можно обратиться за помощью к незнакомцам. Вы не подумайте, что такое случается часто, просто у нас неприятность. Понимаете, жизнь такая.

— Все будет в порядке, ты не переживай. Можно с тобой на «ты»? Мы, наверное, ровесники. Тебе сколько, если не секрет?

— Тридцать. Чего глядишь? Никогда не видел девушку в тридцать лет?

— Я думал, тебе восемнадцать.

Машина попетляла-попетляла, видимо, ребята были не из нашего района, и выехала к бару у метро, в пятистах метрах от моего дома. Это было на руку — родители, кинувшись искать, нипочем не догадаются, что я могу угодить в злачное место у них под носом.

Вошли, наметили столик в приземистой глубине и, рассевшись, продолжили разговор. Только теперь в него вплетались тосты. Машка — бледная, оцепеневшая — сидела напротив, рядом с Гурамом. Софико с Мамукой расположились по бокам. Обе пары помалкивали, и разговор мало-помалу сосредоточился на нашей с Гиви территории.

— Жизнь нелегкая, — сказал Гиви перед тем, как дружески обнять меня за плечи. До того он обволакивал меня теплотой голоса. — Я не буду лезть в душу, но знай: сейчас ты в окружении друзей, а значит, можно расслабиться и вкусить немного радости. Если хочешь, сядем в машину, отправимся в дом моего названного брата и будем жить и веселиться там столько, сколько нам будет нужно. Если только хочешь… Я не настаиваю. Все мы тбилисцы, все умеем поддерживать друг друга в беде…

— Нам домой надо, — сказала вдруг Маша.

Гурам учтиво изготовился задать вопрос, но я быстренько меж ними встряла.

— Сейчас вместе уйдем. Неужели ты бросишь меня, Маша? Ведь ты моя поддержка — я люблю тебя.

— Не подливайте ей больше, пожалуйста!

— Все мы люди, понимаем.

— Маша, я от всего сердца уважаю вас — хороший друг всегда видит настоящего друга, — Гиви, мягко блеснув глазами, заговорил о городских традициях, уверяя в чем-то Машу.

Они меня сбили своими нестройными репликами. Меня становилось все меньше. Окружающие тоже исчезали, превращаясь в сгустки электрического света. Частица меня, оторвавшись от беседы за столиком, блуждала светлячком-невидимкой. Когда же Маша подняла переполох, светлячок некстати проявился и стал похож на забредшего на свет щеночка, который снует, восторженно принюхиваясь, меж танцующих ног. И вдруг этот щеночек замер, потому что кое-кто заметил его. Я же насупилась и уронила в тарелку нос. Гурам, массируя изящными губами пространство возле уха, так, что оно стало похоже на танцплощадку, спросил, не жила ли я раньше в Сабуртало. * Я сказала, что нет. С легкой досадой я уточнила, что прожила всю жизнь в Глдани,** в семье отца своего, электрика. На что Гурам миролюбиво заметил, что спросил он только потому, что сам он сабурталинский, а в Глдани перебрался в прошлом месяце, так как пришлось продать квартиру в центре, чтобы оплатить лечение матери. Потом он заметил вскользь, что Гиви — замечательный товарищ, они знают друг друга с детства, и Гиви всегда был примером отзывчивости. Его слова потонули в шуме: Маша и Гиви стояли друг против друга как два повздоривших картежника. Маша сердито вцепилась в меня взглядом:

— Отойдем на минуточку, нужно поговорить. А вы, Гиви, пожалуйста, не вмешивайтесь.

Мы нашли дамский туалет, так как в остальных местах яблоку было негде упасть, заперлись и на мое удивленное: «О чем базар?» — Маша сказала, как одернула, закипая все сильнее:

— Вы сговорились с ним, да? Ты знаешь, о чем он меня просил? Чтобы я позвонила сейчас твоим родителям и сказала, будто ты у меня дома и останешься там ночевать, потому что у тебя проблемы. Выходит, ты заманила меня сюда, чтобы использовать?

— Да что с тобой, Маша? Неужто ты поверила мужикам? Машка ты моя!… Знаешь что, бежим отсюда.

— Послушай, Ксена, а вдруг…

— Ничего не вдруг — я тебе с самого начала обещала.

Ребята, конечно, заметили, как нас сносит к выходу. Гиви кинулся следом, и я ему честно оставила свой телефон — пусть себе названивает в квартиру Бори Кузнецова. Потом мы с Машей перешли, держась за руки, дорогу и пристроились на автобусной остановке. И Маша, придвинувшись вплотную, выдохнула прямо в лицо своим безалкогольным дыханьем: «Ну что, пошли домой?» А меня некстати покачнуло. И мужик, стоявший рядом, ухмыльнулся. И я, быстро взглянув в его поганую рожу, выругалась. Маша же, не видя тонкостей:

— Хватит всех обманывать — родителей, меня, этих несносных парней. Закруглились? А теперь уходим.

— А что, если нам правда пойти к тебе, а моим позвонить и сказать…

— Нет, я не буду никого обманывать. Не могу и не буду.

«- Не можешь обманывать? — подумала я мрачно, стараясь изо всех сил отодвинуться от своей спутницы, чтобы не задеть ее при возможном падении. — Ну и флаг тебе в руки. Отвернись душой в сторону, а я чего-нибудь придумаю.»

— Маша, а вон и отец…

— Где?

Тормознув маршрутку, я влетела в нее и — мое вам почтение! Расчет оказался верный: Маша не стала поднимать шум.

4

Стремят свои ветви платаны. Висят светляками окна. Влажный ветер наносит на стекла капли. Капли растекаются дорожками. Сквозь дорожки окрестность видится кривой и веселой. Из радиоприемника – голос Земфиры. Я хочу организовать клуб фанов. Все, кто когда-то обидел Земфиру, будут иметь дело со мной. Вот так!

Ветер вырывает из рук пакеты – белые, голубые, черные, изредка сливочно-желтые, выносит на пустырь за корпусами и развешивает на колючках сорняков. Полиэтилен смочен дождями, сдобрен чистой природной пылью, разморен, расплавлен, а кое-где сморщен или стерт до нуля. От этих слабо колышущихся разноцветных точечек, которыми усеян, куда ни кинь взгляд, весь простор за микрорайонами, переходящий ближе к горизонту в резкую горную цепь, словно случайно оброненную, становится не так душно. Спокойно становится и как-то величаво. Хорошо бы побродить там или посидеть на камне. Чтобы вокруг сомкнулось поле.

Водитель переключил приемник, и хлынули такты заключительной части Четвертой симфонии Чайковского – я знаю ее потому, что дома есть пластинка. Стоит во поле березка, а ее крутит и вертит злая вьюга. Ветер заносит ее цементом, закидывает бетонными стенами, а березка стоит. Поднимаются из земли, крепчают в ней соки. Р-раз – треснула кора. Р-раз – хлынули соки. Захлебнулся ветер и понес на низких крыльях сияющие капли. Ссохшийся мир, весь до последней дырки, зависит от березки: распустятся ли почки?

Задрожав, я подобралась к водителю. Маршрутка уже катила по Важа Пшавела – проспекту с фешенебельными магазинами в ногах старинных зданий. Другие пассажиры незаметно сошли, и я, видимо, уже долго мозолила глаза шоферу.

– Остановите здесь, ладно? Вы не обидитесь, если я не заплачу?

Отказать женщине – последнее дело в нашем городе. Поэтому вопрос был чисто символический. Но водитель, остановив, заявил:

– Надо заранее предупреждать. И вообще, вы что думаете, на меня деньги с небес валятся? Почему сели в машину без спросу?

Он словно сросся со своим креслом, перебирает плечами, как муха крыльями. Замороченные немолодые глаза направили мне в лоб хмурый, пустой взгляд. Мне кто-то такой смутно припомнился. Но не в этом дело. Я бы все равно его поддела, будь он хоть трижды незнакомец.

– Простите меня – я выпившая и еще – из дому убежавшая. Но вы не волнуйтесь, я возмещу вам убыток, как только вернусь.

– Не надо. Когда сойдете, проверьте, щелкнул ли замок на дверце.

– А я, между прочим, вас знаю.

– Очень приятно.

– Нет, честно. У вас есть доберман?

– Ну… есть.

– И вы выгуливаете его в скверике у Глданской бензоколонки?

– Да, вечерами, когда не в смене. А вы что?..

– Да-да, у нас ротвейлер по кличке Джесика. Знаете такую? С ней мой папа гуляет – Борис Кузнецов. Встретите, передавайте приветы.

– А-а… Борис… Как же, как же… Да… Надо же… А я вот заработался. Крутишь, елки-палки, с утра до ночи баранку и уже забываешь, что на свете есть девушки.

– Я вас понимаю – жизнь такая.

– Может, я могу чем помочь?

– Не-ет. Мне уже ничего не поможет. У вас стоянка все там же, у верхнего рынка? Я занесу на днях деньги.

– Что ты, дочка, не надо. Соседи мы как никак. А Борис очень даже симпатичный человек. Тебя как звать?

– Ксена.

– А я – Артур, будь все неладно.

Мы сердечно попрощались.

Я подумала, что будь на его месте отец, мы бы тоже с ним неплохо пообщались. Только, разумеется, если бы ему вышибло память или у меня образовалось бы новое тело. Ведь мой папа очень даже компанейский мужик и при этом в лепешку расшибется, чтобы помочь человеку. Когда его пробовали сократить в первый раз, он развернул в одиночку такой фронт борьбы за права трудящихся, что никто его пальцем не посмел тронуть. Ни его, ни молодого выпускника юрфака, так как отец сражался за двоих. Мне представился необитаемый остров, где я живу в теле совсем другой девочки и одновременно туда попадает после кораблекрушения отец. Мы говорим с ним – и ни одного контраргумента.

Может, у Артура тоже есть дочка, но нет энергии задавать ей вопросы. И еще, между прочим, неизвестно, кому из нас хуже: мне или этой вот дочке.

Ноги в модной обуви неторопливо плыли навстречу. Вился ручеек от прорванной канализации, внося в передвижение некоторую сумятицу. Слева появилась огромная стеклянная дверь, за которой далеко в глубине виднелось овальное зеркало в человеческий рост: сюда-то мне и нужно было в первую очередь.

Я толкнула дверь. Непривычная тишина законопатила уши. Сквозь нее голос мальчишки, который канючил, теребя мать за рукав, показался невыносимо нахальным.

– Ну купи белку.

– Тебе же сказали: не продается.

– А ты все равно купи.

– Фу ты… Она просто так здесь, для красоты. Не продается, понимаешь?

– Как так – не продается?..

Это был супермаркет, где на центральном прилавке носилась в колесе настоящая белка.

Подмигнув мальчишке, отчего тот отвернулся и зарылся лицом в материнский живот, я сказала продавщице:

– Я хочу белку погладить.

– Белка этого не хочет.

– Значит, и белка не хочет… Понятно. А губка для обуви у вас есть? Пятьдесят копеек? Дайте ее сюда. А сдачи – не надо.

В зеркале я высмотрела пластырь грязи на левом ботинке и, присев, тщательно надраила свои скороходы, потому как чистая обувь в путешествии важнее соленого огурца. Я от этого принципа не отступаюсь никогда.

Еще я осмотрела свою рыжую куртку, видавшую виды еще со школьной поры, и осталась довольна, что она снова со мной. Правда, красные джинсы, купленные со времен последней работы, не очень-то шли, но зато им было далеко до стирки.

Под конец не удержалась и взглянула в лицо – оно было непривычно надменным.

– Нажралась? – сказала я прямо в глаза. – Ска-а-тина.

По улице шныряли голоса. Я умела выделять их из любого шума. Голоса казались нитями с радужными бусинами, влажными, свежими. Они спутались и стали беспорядочным хором, что вогнало меня в странную дурашливую смешливость. Некоторые бусины наплывали, как мыльные пузыри, очень хотелось потрогать их. Или подолгу смотреть, незаметно ступая следом по тротуару, потом через шоссе, потом в переулок, потом до порога… Потом отчетливо-жутко обнаружится, что в руках у меня, допустим, пакет с хлебом, который ждут к завтраку родители. Вот будет встреча, когда я вернусь! Я ведь с детства засматриваюсь. Взгляните на мои детские фотографии. Другие детсадовцы глядят на елку, а я – на профиль соседнего в кругу мальчишки, на то, как завороженно он глазеет. Другие пионеры улыбаются в объектив, я же – птичке, которую

высмотрела совсем в другой стороне. Поэтому я и стесняюсь показывать людям свои дурацкие семейные альбомы. Другие, а я вот… Тут я пожалела, что отдала за губку целый единственный рубль, а не пятьдесят копеек. На полтинник можно было приобрести сто грамм в нужную минуту. Но так как не вышло, время стало похоже на тренажерную площадку, что заставило меня как следует осмотреться.

Это был известный в городе перекресток. Напротив гиганта-супермаркета располагалось через шоссе метро и цветочный рынок. На этой же стороне на утрамбованной площадке бывшего газона, что на углу супермаркета, возле самого светофора продавал газеты будущий герой моего повествования, но сейчас его там не было, потому как он в этот день отпросился у начальства, чтобы успеть посадить на самолет бывшую тещу. Через перпендикулярную к шоссе дорогу от этой примечательной точки шла линия корпусов, и в седьмом корпусе “А” жил товарищ его Вадим. Сам же герой моего повествования периодически проживал в хибарке своей мамы, что располагалась в частном секторе за станцией метро. Я же ничего такого пока не знала, но места эти показались мне своими в доску, тем более что так оно и было. В третьем по счету корпусе от угла за супермаркетом, как раз напротив Вадима, была когда-то, лет пять-шесть назад, примечательная квартирка, где хозяин, еврей Галкович, справлял с гостями шабаты – в том числе с правоверными христианами. Там я и познакомилась со своим героем и другом его Вадимом, которые оказались товарищами подруги моей Тани. Славное было время. Я тогда еще не утратила чувство юмора и запросто возглавляла застольное веселье. Да так, что когда под конец все упивались влежку, я возвращалась домой на ушах, и отец однажды рассекретил точку, закинул удочку и выудил меня оттуда насовсем. А Галковичу напоследок сказал: “Разве это религиозное времяпрепровождение?” На что кандидат в раввины невозмутимо пояснил: “Я употребляю в согласии с возможностями. А остальные – как хотят…” И я теперь заспешила к этому любителю свободы, держа в уме, что отец не скоро сюда доберется, потому как таких мест у него на примете полблокнота.

Дверь на четвертом этаже была все та же – некрашеная, железная, с мелодичным звонком в виде крокодильчика. Да только открыл другой человек – не старый, но без определенного возраста, с неулыбчивым, серым лицом, до странности самопогруженный. Он просто безмолвно сдвинулся вбок от дверного проема, и я, протиснувшись сквозь захламленный коридор, поперхнулась и сказала: “Тьфу!”

Отвесный сигаретный дым, который, видимо, много дней не соприкасался со свежим воздухом и теперь уже готовился стать твердым телом, обволок меня, как удав или как гигантская воронка. Растворяясь, я протянула назад руку в сторону одного из силуэтов, и мне вложили в ладонь стакан. Я опустошила его, не глядя.

Силуэты прояснились, и один из них – до полного узнавания. “Витька!” – крикнула я, кидаясь к нему с распростертыми.

5

Вторые сутки на Космодроме были особенно примечательны – мент наконец ушел дежурить и появились другие персонажи.

Космодром – это бывшая квартира Галковича, где живет теперь тихий пьяница Гогочка – одинокий холостяк неизвестного роду-племени. Он обретается большей частью на кухне возле лежанки и стола с разной мерзкой посудой, где выращивает с прилежанием плесень, за что и получил от гостей прозвище Алхимик. Гостей всегда пруд пруди, но они периодически меняются, хотя есть и более-менее постоянные. Гости слоняются по просторной зале с высоким потолком, словно по проспекту, порой даже под руку, ступая бесшумно по окурочному настилу. Из предметов имеются в наличии только два кресла в углах, да перевернутый ящик из-под бутылок меж ними, прикрытый серой газетой. Бутылки, понятное дело, на газете, и в них всегда что-нибудь да найдется. Тут же и стаканы, довольно, к счастью, мытые. Кресла, надо сказать, роскошные, хоть и порядком засаленные, из какого-то антикварного гарнитура, который выгодней продавать частями.

В них ловить глюки интересней, чем просто на полу, где гости ночуют на подстилках. “Если уж напал глюк, то надо его спровадить с удобствами”, – говорят гости, представляя себя членами космической экспедиции. Поэтому место и называется Космодромом.

Но нашему составу было далеко до старта. Состав – это я, Танькин Витька и сержант полиции Сережа, поссорившийся с женой и решивший наказать ее своим неприходом. Он был в форме, потому как наутро выходил на дежурство и, не желая замарать форму о какой-нибудь прошлогодний окурок, выбрал себе кресло; я – другое, а Витька примостился третьим, сбоку на подстилке. Сержант все время хотел общения, мешая нам с Витькой разговориться по-братски. Я подкидывала ему разные горячие темы – то про различие в марках “Мерседеса”, то про политику, то про футбол… Верный способ заставить мужика скушать свою же собственную энергию, отвлечь его от женской персоны. В этом я мастер. Я бывала в компаниях, где сидело тридцать пьяных мужиков и никто еще до меня пальцем не дотронулся.

И вот наутро Сережа спровадился. И мы с Витькой разбазарились.

– Ну мы с тобой и встретились! – подивилась я в очередной раз, поместив скукоженную фигурку у стены в центр своего взгляда.

Витька, грустно улыбнувшись, сказал: “Доброе дело!”

– Помнишь, как вы с Танькой мне на день рождения крольчонка подарили? Думаешь, забыла?

– Как же. В девяносто третьем было. Перед отъездом. Осень, сентябрь. Так?

– Осень-осень… Давно Танюшу видел?

Не хотелось задавать неприятных вопросов, но куда ж от них денешься.

Витькина душа уползла вглубь тела, отчего оно поникло, обнажив изменения, происшедшие с той памятной осени. Явственно увиделось, что кожа держится на разболтавшихся связках, что она вялая и хоть и напоминает зрительно подошву, мускулы под ней жидкие. Что на верхней челюсти нет зубов и, прикрывая при разговоре рот трясущимися пальцами, Витька приобрел манеру не глядеть на собеседника. Зрачки были как два человечка, провалившихся в симметричные колодцы.

– Да бросила она меня, с-ка. Прячется где-то по знакомым.

– Она ко мне приходила.

– Знаю.

– Откуда?

– Да есть тут один… Газеты продает. Иногда она приходит к нему на точку. Если встретимся – говорим немного, перекидываемся новостями. Вот начнется у него работа, пойду спрошу, не была ли. Может, посижу маленько там. Ты-то как? Ты смотри, чтобы этот мильтон не вернулся. Хотя, что ты?.. Я сам за ним присмотрю. Вышла-то замуж?

– Не-а.

– А чего?

– Да все какие-то злые, – я внимательно так на него посмотрела, стараясь, чтобы челюсть его с отсутствующими зубами из поля зрения моего выпала, и говорю, выгадав паузу: – А знаешь что, Витя? Ты ведь теперь свободен? Бери меня замуж.

Витька неясно протянул:

– Ну-у…

Но душа его прояснилась. Это видно было.

– Я ведь от чистого сердца.

– Знаю.

– А что, у меня две квартиры.

– Хорошая невеста, с приданым.

– А то как же.

– А помнишь, как ты нам с Таней помогла бежать со свадьбы в горы?

– Я замаскировала в вашей палатке полный котелок мяса, и когда на третьи сутки вы истощили, так сказать, ресурсы, был приятный сюрприз.

– Альтар, между прочим, котелок обнаружил с самого начала. Но не тронул. Вот пес был!

Мы допили последнюю бутылку, и Витька ушел караулить Таню, пообещав раздобыть добавки. Я, между прочим, не гурманка, вин-коньяков не требую, предпочитая обычную водку, но чтоб заводского разлива. А вот Вадим был любителем пива. Ну и братание же было, когда он возник на пороге Космодрома с прижатым к груди трехлитровым баллоном, который так и не выпустил из рук, пока обнимался!

Подмочив души, мы стали медленно кружить по Космодрому, держась за руки. Вадим спросил:

– Ты где столько лет была – в депресняке?

– Да что с тобой? Просто жила другой жизнью.

– У меня каждое утро – другие жизни. Все зависит от девчонки, которая меня разбудит.

– Ну и кто у тебя на сегодня?

– Одна и та же, к сожалению. Уже три года. Я ведь женился. У нас с женой одно общее свойство – мы оба любим меня.

– Понятно. Уезжать не собираетесь?

– Не собираются только дураки и калеки.

– Помнишь, как мы плакали, когда провожали Левика в Израиль? Он мне в тот год открытку прислал.

– Я бы тоже уехал, но, знаешь, там жидов много: и Левик, и Галкович – все там. А еще у меня на шее кирпич: кому в наследство счет в банке, а кому – прабабушка. У нас с супругой почетная обязанность – тащить по жизни склеротичную старушенцию.

– На зарплату которой ты прежде жил.

Я не выдержала и обидела его, потому как не люблю, когда так о бабульках.

У нас в церкви в прошлом году произошла история. Заболела матушка Анна, что жила одиноко в соседней от нас пятиэтажке, ну и мама, естественно, стала за ней присматривать, без всяких задних мыслей, из чисто христианских побуждений. А матушка, чуя кончину, возьми и напиши завещание, чтобы квартирка ее однокомнатная перешла в наши руки. Матушку на сие сподвигнул отец Николай. Но мама моя, как женщина простая и честная, узнав про то, стала от квартиры отказываться. И тогда отец Николай провел ей внушение. Обязал, так сказать, в порядке послушания исполнить матушкину волю. И еще загадочно так прибавил, что не награду ей вручили, а крест, готовься, мол, к испытаниям. Он ведь прозорливый, Николай. Бывает, спрашивают у него дети во Христе: “Скажите, батюшка, как поступить?” Он и скажет: так-то и так-то. А если по своей воле решите, то будет этак. И так-то оно и бывает. Потом благодаришь, если верно случилось: “Спасибо, батюшка, вашими молитвами…” А он только отмахивается и улыбается в бороду: “Да какими моими молитвами? Это на ваши молитвы Господь ответил”. Вот отец Николай и напророчил… Как матушка померла, явились невесть с какой Сибири племянники, седьмая вода на киселе, и стали, значит, маме моей угрожать: отдайте, мол, нашу наследную собственность, а то мы вашего мужа побьем где-нибудь на узкой дорожке, или с девочкой вашей что случится. Да-да, и такое пообещали. Не крест, а крестище. Ох, не в радость нам пришлось послушание, но батюшка велел терпеть. И вот вытерпели. Так и появилась у меня вторая квартира, про которую я Витьке ввернула. И грязная лужа соседских сплетен про то, что мы с мамой стяжательницы.

С Вадимом меня познакомила Таня, когда все они ходили в турклуб: и Вадим, и Левик, и будущий мой герой – вся, в общем, тусовка. В выходные отправлялись всем гамбузом в горы, пели у костров песни, собственного, между прочим, сочинения. Таня – бардовские, Вадик – рок-н-рольные. Витька тогда еще не было на горизонте, и Таня дружила с Вадимом. До той поры, пока не подались они вдвоем на зимний курорт Гудаури, по прибытии куда Вадим прочно осел в ресторане. Таня продержалась четверо суток, а на пятые выдвинута ультиматум: “Разве я хуже водки? Выбирай: она или я”. На

что Вадик честно ответил со свойственной ему изящностью: “Дорогая, ты не хуже водки. Но пиво все-таки лучше”. Таня пошла в Тбилиси пешком по заснеженным горным тропам и всю дорогу проплакала. Вадик же сделал из истории один из своих анекдотов – он любит пускать его за столом, поглаживая бицепсы и приговаривая:

– А знаете, почему я так поступил? Потому что я – диктатор. Диктатор – значит хозяин. Вот. Усвоили? Хо-зя-ин.

Таня потом тоже смеялась вместе со всеми, когда уже была замужем за Виктором.

На сей раз Вадим прогнал на скорую руку по кругу старые анекдоты, но не сказал, что он диктатор. Вместо этого он сразу стал делать немыслимые предложения:

– Ксена, пойдем в горы.

– Можно как-нибудь. Вы все путешествуете, да?

– Да никого не осталось. Значит так: сейчас сбегаю за канистрой, затоваримся топливом, наберем хинкалей и – в дорогу.

– Подожди-подожди, так сразу – и в поход?

– А ты не думай про слово “поход”. Все очень просто: вышли на воздух и медленно двинулись за город. Представь, что идешь в парк выгуливать собаку. Ну, Ксена, не тормози меня.

Долго так он настырно канючил. Ну его, пусть ходит в походы с женой. Я и так от него отбивалась, и этак, и, может, пришлось бы сказать ему что-нибудь неласковое, да возник среди нечистого поля добрый молодец, а при нем – бутылка.

– Зема! – распростер Вадик руки с бывшими бицепсами, прогнулся как после сна, зевнул и, притворно напыжившись, выговорил с сожалением: “А на тебе, как на собаке… Зажило уже”.

И строго так посмотрел молодцу в область шеи, где виднелась километровая царапина, которая увеличилась еще больше, потому что вошедший шагнул ко мне, протянул руку и сказал:

– Здравствуй, Ксена.

– Здравствуй, Миша.

Ладонь у него была мягкая, немного потная и вялая, как и голос, в котором вечно дожди моросили. Голову пригнул он так, словно тяжелили его пряди тускло-золотистых волос, отпущенных по плечи. В выцветших джинсах, потрепанной ветровке, с латанным-перелатанным рюкзачком, казался он чучелом в нашем городе. Но я людей любых люблю. Особенно, когда у них несчастный взгляд. А у героя моего повествования – пусть ему трижды икнется – глаза были, как неотрытые роднички в пустыне. Пробовали они, ох, пробовали пробиться, да все без толку. Пять лет назад на шабате он тоже, войдя, протянул мне свою вялую руку и сказал деревянно: “Здравствуй, Ксена. А я вот с женой развелся – слышала новость?”

В голосе его тоже есть родничок, но словно в резиновом шланге. Тогда это было особенно заметно, и все на том шабате ему сочувствовали, потому как знали про его незнакомую мне жену, что она разбила об его голову фирменный двухкассетник, запретила видеться с сыном и вообще… Крыша, говорили, у нее поехала, и увезли ее лечиться в Питер. Ну и ладно, не мое дело, но, по правде сказать, теперь я понимаю, что у нее была за болезнь. Знаете ли вы, что значит проглотить ежа? Я знаю – надо всего лишь поближе познакомиться с Мишкой Нагвалевым. И что-то такое заведется внутри и исцарапает, выстудит все печенки. И станете вы швыряться магнитофоном да прятать от чумы подальше детей, а вас за это увезут лечиться в Питер. Но это потом. А при первой встрече все было наоборот.

– Это, Ксена, тебе Виктор передал. – И бутыль из рюкзака вынул, да прямо в верные руки Вадика, между нами ввернувшегося. – А это возьми покушать: хачапури там, яйца, хлеб ржаной – он полезней. Я после работы принесу тебе травяного отвара, чтобы быстрей из опохмелки выходить. Ты сколько дней болтаешься? Родным звонила?

Заботливый парень. Где-то потерянно выла сирена. Два платана устроили за окном совещание – пробовали нашуметь в форточку пролетным ветром. Замысловатые грязевые подтеки на стеклах. Может, спросить у Гогочки тряпку? Где он, кстати, все спит?

–А я, Ксена, решил больше не пить. Не хочу в жизни проиграть.

Видно, я перебрала. Трезвая я бы не отколола такого, видит Бог. А тут вдруг вытолкнула, разжав зубы, как камень с дороги:

– Мишенька, пожалуйста, возьми меня замуж – я тебе детей нарожаю! – И – бух на колени. – У меня квартира есть личная. И еще одна, где мама с папой живут. Не уходи никуда, дай ответ сразу, как Бог на душу положит!

Вадик аж присел со смеху, и мы оба с ним стали одинаково близки к полу. Смахнув слезы, он сказал, заглядывая мне в лицо с притворным изумлением:

– Ну, мать, ты и упилась!

Вскочив, я отошла к креслу.

– Ладно, все. Уходите!

– Я тебе краски принесу, – обронил Мишка как ни в чем не бывало. – Таня говорила, ты рисуешь.

– Хватит, я сказала! Проехали.

Остаток дня и ночь мы провели с Витькой. Пили, как звери, за четверых, потому что хреново ему было, Витьке. Танюша его приглянулась Мишкиному товарищу Олегу; кажется, не без взаимности. Она даже пока остановилась в его квартире. Витька тоже познакомился с этим Олегом. Интеллигент, но ничего, работяга. Может, удастся с ним подружиться. Лишь бы только он Таню позволял видеть.

Утром Витя опять ушел на газетную точку, но сразу же вернулся с целой дружной компанией: Миша, Таня со своим Олегом и две незнакомые девушки – Майя и Марина. Все почему-то загадочно улыбались и старались по очереди заговаривать со мной о том о сем, что у них очень даже получалось. И вскоре все мы вышли на перекресток, чтобы поймать транспорт в Варкетили,* так как четверо добрых приятелей – Олег, Таня, Майя и Марина – пригласили меня пожить день-другой с ними, в однокомнатной квартире Олега.

Помню, когда спускались от Гогочки, лестница в подъезде некстати запуталась в ногах, и Майя с Мариной взяли меня под руки, как бережные телохранители. Я сразу стала доброй и клятвенно пообещала им, что обязательно рожу мальчика – красивого, высокого, прекрасного. Но не сейчас, а в тридцать три года. Если кому надо, пусть думает, почему.

Мишка с Витькой проводили нас до автобусной остановки, и когда Михаил ненадолго отвернулся, чтобы купить нам в ближней будке чай-сахар, я, подмигнув отставному Таниному супругу, сказала:

– Ты, Витя, не забывай про мое предложение. Невеста с квартирами на дороге не валяется.

У Мишки же, как позже выяснилось, были ушки на макушке. Видели бы вы его лицо, когда он повернулся с лотком яиц.

На том и расстались.

6

Вкуснее яичницы с помидорами могут быть только соленые огурцы. Вы когда-нибудь ели яичницу с помидорами три дня подряд? Запивая чаем из вываренных пакетиков? А мы с Таней, Мариной, Майей и Олегом делали это еще и на трезвую, в основном, голову.

Квартирка наша припала к самой крыше восьмиэтажного корпуса, мы здесь над всеми, и то и дело курим на балконе, потому как в комнате дымом набиты даже носки.

На этой холмистой окраине ветрено. Антенны на крышах корпусов – как деревья, на ветках которых повисли одиночные полиэтиленовые пакеты, поднятые в воздух с пустырей.

На балконе – Майя. Антенны в ее зрачках – то деревья, то кусты, то свечи, то ползущие по стене плющи. Я делаю с ее взгляда короткие

затяжки, больше она не позволяет: отводит взгляд вбок и запрокидывает вглубь. Но я же наглая баба, я только делаю вид, что не смотрю, а украдкой посматриваю. И откуда только берутся такими хорошими, и не знают ведь, что нельзя так. Вон мужик пялится с восьмиэтажки, чья крыша на уровне наших колен. Возомнил тоже о себе… Ты у меня смотри. Не смей тут свои мыслишки распространять. Тут у нас дым в носках и ветер в чистом поле. Голубые шарики, конечно, в небе не летают. А все ж… Моя жизнь конченая, а Майю – не тронь. Как хлестко Марина с ней дискуссирует иногда. Я бы поостереглась притронуться словом. Мне бы издали капельку взгляда – и в сторону. Опять складочка меж бровей – задумалась. Засмотрелась внутрь. Деревца в зрачках оголились и выстроились в забор. Значит, воздух кипит тварями. Расступись, демоны! Вот

только не пойму, зачем она поставила кассету “Продиджи”. Эти же звуки – монстры. Монотонно вбивают гвозди в листья. Ведь для этих рук…

… мало фотоаппарата. Когда мы познакомились, я как только увидела эти спокойные снаружи глаза, если уж выплывающие взглядом из своего далека, то широко открытые, чистые, и приветливые, и, нет, немного смущенные, слегка виноватые, чуточку с укором, мягкие, порой суровые, полные боли и хрусталя, медленно ворочающегося, словно в быстрой реке, в бликах которой хочется немедля исчезнуть, как только эта высокая фигура с тонкими чертами лица, длинными пальцами музыканта возникла на моем пути в доме Миши, отделившись от стены, к которой прислонилась, скрестив на груди руки, так, что пальцы обхватывали плечи, довольно широкие при тонком сложении, и голос печальный, полный отблесков быстрой реки, лунного света, признаков теней, солнечной ряби и вообще всего-всего полный, произнес: “А разве обычная жизнь не может быть фэнтези?” Брови сдвинуты, вдумчивый взгляд мимо меня, я сразу четко представила кинокамеру в этих руках, вместо “Зенита”, которым щелкнул, одолжив у нее, еще кто-то из гостей, щелкнул, кажется, меня, но мне не до того, я ведь не знала еще, что она учится на кинорежиссера, я просто увидела, что там, где находится этот человек, можно снимать и воздух, потому что он становится не просто живым, а чем-то большим, чем воздух, но это неуловимо, как хрустальный звон тишины, как полнота пустого кувшина, как намеченное прищуренным взглядом место для стихотворения на чистом листе бумаги. И я не хочу покидать это пространство. Ее вопросы весомы и призрачны, как камушки под быстриной, они словно издалека, требуют расшифровки, напряжения слуха особого – музыкального. Каковым я не обладаю. И мы много спорим, потому что я понимаю все слишком топорно. И когда глупость моих расшифровок, всегда, черт меня побери, навязчивых и настырных, превышает терпение того пространства, в которое я прорываюсь просто потому, что там – недостающая мне музыка, Майя уходит, погаснув взглядом, в себя, – и нет больше пространства. Мне пусто и серо. И зреет чувство вины. А перезрев, порой превращается в обиду. А порой – в маленькое открытие, которым я добываю немного воздуха. Чего еще надо? Зомбочка присела посереди комнаты и удивленно щурится. Хочет, должно быть, спросить: “А на каком я свете, не подскажете?” “Продиджи” уверены, что на самом черном. Если Майя их любит, пойду спрошу: “Разве мир так уж плох?”

…Зомбочка моя хорошая! Не буду, не буду тебя трогать. Авось оклемаешься. Как проклятая, с половой тряпкой. Я же чокнутая, у меня мания порядка, в Танькиных собачниках мне делается неуютно. Это ж надо такое сотворить – притащить с улицы умирающего щенка, чтобы он помер в квартире… Мне просто жаль собак, которые питаются картофельными очистками, вон их сколько в углу навалено – бери не хочу: Танька приволакивает в день по ведру из местного детсада. Как Майя с Мариной начали дискуссию на балконе, я бычок загасила и – тряпку в руки. Потому что они потом начинают спрашивать мое мнение, а я-то что? Я иногда дома целыми днями молчу. Дело даже не в том, что не все понятно. Хоть и не все, а о смысле жизни говорят, над загадкой

которого я бьюсь, как Толстой Лев Николаевич, – об этом мне вчера Марина на ночь рассказывала, а – не знаю я, с какого бока подступиться. Даже Марина не знает. Вот пришли они с балкона самопогруженные. Майя села на кровать у стенки, спиной на ковер, перебирает гитарные струны, а Марина слоняется по комнате с бестолковым видом, будто это она с похмелья и не помнит, где заначка. Ага, вспомнила. Встала посередине, пытается поймать Майин взгляд.

– Что осталось от жизни после того, как Сартр развенчал иллюзии? – Тошнота… И это все? Глупый он… Мучиться от жажды и никогда не пригубить стакан водопроводной воды, потому что в микроскоп это – скопище медуз. А как же "я", хотя бы то же самое, что развенчивает, неужели и оно ничего не стоит?

– Когда-то я посмотрела фильм "Прирожденные убийцы" и мне очень хотелось поговорить о том, о чем я всегда знала: человек способен на все, что ему позволят. Тогда хотелось, а теперь – не очень. Нельзя возвращаться к очевидно понятому. Просто надо больше верить себе, чувствовать, а не рассуждать. Раскапывать в себе то, что поднимает над полузверем, который мнит о своем добре и зле. А пока мы – никто.

– Я чувствую себя камнем, когда так думаю.

– Но ведь это чудесно – быть никем. Это значит, что можно в будущем стать кем угодно.

– От твоих слов становится холодно.

– Это потому, что ты – Маленький принц. Все вы маленькие-ма-ленькие принцы.

– Разве плохо сидеть у костра? Это лучше, чем драться.

– И как долго ты собираешься просидеть у костра? А как же быть с землями, где никто еще не был? Ты про них так никогда и не узнаешь. Все дело в страхе. Страхе перед неизвестным. Может быть, в десяти метрах от костра – страна стремительных духов…

– Зачем покидать до срока человеческий мир?

– А зачем ходят в горы? Зачем покидают сушу? Быть может, иные существа – мы сами.

…Что-то забрезжило. Майя, прямая, эффектная – как парус в бушующем океане, на который глядят неотрывно. На фоне поблекших обоев – как парус. Больше не хочется спрашивать. Снова, как в ночь, когда мы говорили о Новалисе и Майя сказала, что не надо о нем, но я все равно пыталась как о представителе романтизма, а он был – он, и что если бы он докончил свой роман "Генрих фон Офтердинген", мир перескочил бы на другую орбиту, и его работу прервали, потому что он был тот еще маг. И больше тут не о чем. Разве что стихами. Но стихи в своем большинстве тенденциозны и сентиментальны… Снова я увидела ночное небо в лунном соке с кучами черных облаков, из которых тянутся красноватые нити куда-то назад. И лицо Гоголя с какой-то фотографии, должно быть возникшее в моей памяти по ассоциации с Гофманом, как тоже романтиком. Лицо было живым, а не иллюстративным, я чувствовала кожей мимические мышцы, видела предвестники звука на губах, этот лихорадочный блеск в глазах… Еще немного, и я вспомню, как мы могли быть так коротко знакомы. У Майи похожие прямые волосы до плеч с пробором в том же месте, нос с горбинкой, но по-девичьи изящный. И музыкальные руки. А главное – зыбкий туман за глазами, а после – какое-то рыжее небо с синеватыми зарницами. Фиолетовые капли стекают в наш мир по невидимым нитям, от них веет смертью… страшной смертью Гоголя. Это похоже на детский мой сон во время болезни: в круглом космическом аппарате, одноместном, с крошечным иллюминатором, я удаляюсь от Земли в пропасть звездного неба и знаю, что еще секунда-другая и никогда, никогда больше не вернуться мне обратно, потому что утратится сила притяжения. И я, заорав, вскакиваю с постели и до утра не отпускаю от себя родных. Эта жуть тянется за мной из детства как шлейф. Тянется как-то через Майю. Лбом встречаюсь я с днем, когда мама открыла с помощью топора заколоченный фанерный ящик – посылку от тети с Урала, – и мы увидели кедровые шишки, а под ними – книги Гоголя, Толстого и Горького. И у меня, пятиклассницы, горели

ладони, когда я трогала корешки. И наворачивались слезы на глаза, а сердце саднило от смутной боли, коей сопровождается все настоящее. Но если я расскажу ей об этом, Майя скажет, что не надо думать о классиках, что мы все равно не знаем, кем они были для своих дней, разве не лучше пытаться понять, кто мы. Но что мне делать, если классики глядят из Майиных глаз. И лицо Гоголя растворяется, а из него вдруг рождается молодой Лев Толстой, кажется, работы Крамского.

...Лед истончился, и стало ясно, что в повисшем пузыре – люди… нет, интересней – другие существа, повернутые ко мне спинами, по которым нестриженные волосы струятся звенящими ручьями. Как это теперь он, воздушный пузырь, без стенок? Окно запотело. Разбросанные по стенам рисунки и вырезки скрестили взгляды. Марина все еще неловко бродила меж их невидимых тропок, подыскивая свои вопросы, чтобы протаранить, пробить, вызвать течь, из которой я бы вытекла вольной рекой. Вот если бы не ложилось на окно дыхание… Где я? Не очень понятно. Что ж, и по эту сторону стекла – жизнь, даже такая – чудо… Она часто заговаривает с нами, а еще чаще молчит как убитая, когда мы не разбираем ее речи… "В этом городе ничего не происходит", – повторяет Марина слова, которыми думала и я, пока не поняла, что когда ничего не происходит, происходит самое важное. Были бы у нас солидное государство, нехудые кошельки или хотя бы счастливые семьи – кто заметил бы красоту изменчивости, а главное, неслучайность и Смысл… Каждый ребенок признается, если суметь расспросить, что баррикады на улицах, за которыми, быть может, последует война, – это хорошо. Большие на некоторое время перестанут притворяться. А у жизни появится шанс нащупать нас, пока ее не вытолкнут за обочину Макдональдсы. Но и последнее – не беда. Живые смогут прийти к ней на пустырь… Мне иногда кажется, что я – глубокая фиолетовая Смерть, в которую может кто-нибудь и взглянет, как в колодец, где отражаются звезды. Я – сквозной тоннель. Я – ветка, про которую думают, что обломали – и ладно. Не знаю… все слова про это – как гирлянды бумажных цветов. Не надо меня украшать. Все гораздо сложней и загадочней.

…А вот и Танюша с Альмой с крыши вернулись. Ты пописала, моя принцесса, или как? Игнорируешь? Не вступаешь в контакт с посторонними? Ну иди, иди на свои очистки – все правильно. Я всегда своим говорила: при Тане собаки соблюдают субординацию. Джесика, пока не сбрендила, тоже была умной девочкой, подавала отцу газеты. Вы только посмотрите на нашу хозяюшку: никогда не вернется с пустыми руками. Даже с крыши прихватила пакет с выброшенной обувью. Сгодится, говорит, на растопку, когда не станет электричества. Подошла, осмотрела по-деловому Зомбочкин вздутый живот. "Будешь ли жить, – говорит, – стерва?" Зомбочка виновато отвела глаза, в которых ворочаются, словно в половодье, силясь выплыть, затопленные цветы. И тут же чайник грохнулся на плиту и сразу вскипел. А может, и не сразу, а просто я, как взглянула на то, как присела Танюша на тахту с бычком "Примы", ладно присобаченному к мундштуку от шариковой ручки, так и разморилась вся, поплыла. Люблю, когда умеют. Хоть что-то. Хоть самое малое. А Танюша, кроме всего прочего, еще может нежно так помолчать, пока Майя с Мариной скрещивают свои горние смыслы, классно так подкидывая им яичницу на тарелки. Течет солнышко из-за крыши ближнего корпуса, а кажется, это антенны золотисто лучатся вдали, собирая в лучи нашу пыль. Комнатные лучи легли на шерсть Альмы, и ей легко так вздремнулось. Хотя и вздрагивает от каждого удара по мячу, который гоняют мальчишки где-то внизу, далеко, сквозь шум ветра, сквозь воробьиный чирк и очень близкое воркование голубя. На окраине тополя, вместе с птицами, порой перерастают корпуса, и в наши окна тоже шумит в ветер один такой верхогляд. Иногда кажется, что не только деревья, но и стены нас видят. И судачат меж собой добродушно про то, как жестикулирует Марина, машинально проглатывая что-то с тарелки, куда подбавляет и подбавляет хозяюшка. А Майя глядит на это и тоже улыбается. Мило, лукаво. Заодно со стенами, тополем, облаками. Почему так хорошо-то, а? Почему так тянет сесть рядом с Майей и поговорить с ней по душам, да все не можется? Страшно

чего-то – этих стен, и дерева, и облаков. И как-то всегда так получается, что, сделав шажок к Майе, я сбиваюсь и сворачиваю к Марине. И мы потом говорим с ней за троих. А Танюшка умывает нас своими песнями – при них становится спокойно и воздушно, и все немного молчат. Я какое-то время не думаю о паутинке, черт бы ее побрал, которую наметила для вечерней уборки, потому как если я не стану тут генеральным уборщиком, чувствую, всем нам кранты.

…Ух, чего я тут наслушалась! Расступись, народ, случайный прохожий, оглянись, чтобы поддержать меня взглядом. А ты, лучший друг, подпитай собственной кровью или отойди в сторону. Ибо трепещет в наших ладонях подбитая душа – теплая и крылатая. И те, кто кидал в нее камни, не ведают, что живы, пока она дает им тепло, касаясь сухих рук сиротливо отбивающимися крылами. Мы же, посторонние, со своей рыбьей кровью и вялыми сердечными мышцами, тянем еще свою лямку только потому, что она – солнышко. Мир, стань третьим лишним, подвинься на время, потому что я сегодня та, кто отделяет смерть от жизни. Я стану названной матерью той, кого мир не приметил. Ведь не знает он, бедный, что случается, когда не замечаешь собственного сердца.

Я ущемлю целый мир, заставлю его забыть о себе самом и помнить всем миром только о ней. И сотворю я небо из сотен возвышенных душ, и солнышко взмоет в него – и тогда все поймут, что вот оно, наше! Что никогда и ни с кем не были они такими теплыми и живыми, и расплачутся они, и станут свободными. А пока я буду выкачивать из них энергию. Странно, но когда я смотрю в глаза Ксены, я откуда-то знаю, что она – моя дочь, хотя я и старше всего на три года. А в Майе мне видится и мать, и отец, и кто-то еще, без кого б я не решилась ущемить мир. И мы с Майей ведем на балконе разговоры о том, как мы удочеряем Ксену. А еще – вспоминаем Мишу Нагвалева.

…Все неслучайно в этой квартире – и эти собаки, словно выбредшие из фантазий Марины, для которой они – символ всего, что есть еще стоящего, и вечный их пастырь Таня, приехавшая словно для того, чтобы… Тут надо понять, для чего, почувствовать логику вихря, который мы все составляем. В другое бы время не стала я слушать бардовскую песню – родные мои рок-н-рольные ритмы выводят за пределы, а эти просто возвышают то, что тлеет по сю сторону. В другое время… В какое? Ведь тот же рок-н-рольщик Нагвалев, которого мы считали тбилисским хиппи, не понимает моих путаных разговоров. Отчего это так? Может, Марина права: я вижу в рок-н-рольном духе, который, увы, уходит все дальше, что-то свое, большое, дальнее. Мне же все верится и думается с печалью, что это не я больше, а Миша – меньше. Что никакой он не настоящий, а что… не случайно на стенке здесь – фото голой мадамы, оставшееся от прежних жильцов. Если принять, что в этой квартире все не просто так, то выйдет, что случайное якобы соединение предметов отражает нас. И если Нагвалев как-то связан со всеми нами, то вдруг его интересы… Что тогда будет с Ксеной? Стоит ли вмешиваться? А тут еще Танины песни – как лучи утреннего солнца, что отводят страшные вопросы своим “мы есть, мы вместе, мы выстоим”. Они – лекарство от дурных мыслей. Я категорически против лекарств, но люблю Танины песни. Вечером вернется со своей случайной работы восторженный еще Олег, тихо просящий: “Дамочки, не надо так много думать. Скажу по секрету: мужчины с такими не очень”. И встанет он за невесть откуда взявшийся здесь пюпитр, где книга стихов Высоцкого всегда нараспашку, откашляется, да выдаст под гитару-то свою, то Владимира Семеновича, то свою, то Владимира Семеновича. А после, вглядываясь в наши лица широко открытыми осоловелыми глазами, клятвенно заверит: “Дамочки, а ведь я никогда больше не разочаруюсь. Все сомнения теперь – отрезанный ломоть”.

…Танюша исполнила последнюю мою просьбу: достала красок. Я так и говорила: “Исполни мне, Татьяна Батьковна, последнюю просьбу в этом приятном доме – найди мне краски акварельные или лучше гуашевые, чтобы класть их с размаху жирными мазками и чтобы там были обязательно красный, желтый и черный. А белый я, так уж и быть, сама

организую на том листе ватмана, что выкопала в тумбочке во время уборки. Я ведь рисую. У меня дома на шифоньере припрятана папка с картинами, что нарисовались после моего последнего увольнения. Там мои мысли непонятные нарисованы. Про которые мать говорит: “Спрячь подальше и никому не показывай”. Потому что – непрофессионально. А моя мама знает, про что говорит, – она у меня в молодости пыталась учиться на художницу, и от той поры на стене остался портрет девушки, читающей на берегу озера, написанный на холсте настоящим маслом. Однажды она мне показывала, как правильно готовить к работе холсты. Я слушала-слушала и поняла, что ничего из меня не получится. Потому что мне хочется не работать, а рассказывать, потому как я, лодырь, алкоголик и уличная, как кричит мой отец у открытых окон во время семейных сцен. Ну, да ладно. Желаю им здоровья, потому как ничего другого им почему-то не нужно…

Я ведь что хочу сказать: я вот сижу – и дыхнуть лишний раз боюсь, пока слушаю Майю с Мариной. А другие – не так. Другие – дышат себе, как будто они – цветы, а не великие грешники. Не хочу, чтобы нас просквозило от всяких там вздохов. А теперь я порисую.

…Слышите? Слышите? В хрустально-чистом воздухе, из которого Татьяна вычистила “Продиджи”, – Майин голос. Он крепнет, он слабеет, он бьется об стены, а иногда – просто немо стоит, и хочется качнуть комнату, чтобы он ожил. Майин голос растапливает снега нашей дремы. И он же – узда на стуже, которая рвется в наш дом откуда-то из Майи. Из Майи в этот мир может прийти все. Мне хочется по-детски смеяться, когда я слушаю про то, что Майя у-ви-де-ла. Хочется радостно, навзрыд смеяться, когда она поворачивает на свой лад рассказанные нами истории. “Помнишь апельсиновые шкурки?” – сказала она вдруг, и нежная влага растворила мне сердце. Меня отнесло на дно высохшего океана и откуда-то издали наплыло: матово-белое, с красными прожилками, в черном ободке, – те самые, что бросила твоя мама в воду с берега водохранилища на китайский Новый год? У китайцев поверье: девушка, бросившая в проточную воду апельсиновую кожуру, обретет в предстоящем году суженого.

– Да, моя мама узнала про это из теленовостей, купила два апельсина и уговорила меня пойти с ней на Тбилисское море. Я согласилась ради шутки, тем более, что живем мы в десяти минутах ходьбы. Апельсины мы съели, а шкурки торжественно спустили на воду. Они покачались-покачались и прибились к берегу. Вода-то стоячая.

– А в это время по берегу прогуливался твой отец, то бишь суженый твоей мамы.

– Который, возвращаясь из командировок, не торопился в дом. Заложив руки за спину, отец мерил шагами береговую линию. Он так и не заметил нас. Мы же немного покачались на качелях, взболтнув воздух тоскливой музыкой скрипа. Если честно, я всегда желала матери другого спутника.

– От всего ли сердца ты желала?

– Нет. Считала это не своим делом. Я не интересуюсь жизнью тех, с кем не сошлась душой. С мамой, а тем более с отцом, мы не сошлись.

– И ты принимала от них только самое необходимое: одежду, пищу…

– Да. Моя привязанность к ним какая-то недушевная. Например, я панически боюсь прочесть стихи, которые вдруг стал писать отец. Меня отвращает все внутреннее в нем. А мать не читает по-грузински.

– Все правильно, Марина. Ведь твоя мать отдала ему все, стала пустой, как кожура съеденного апельсина. На тебя не осталось ни сил, ни тепла. Вот все трое и обездолены. А все потому, что твоя мама принесла жертву.

– Зато я кое-что поняла в этой жизни.

– Никогда не следует жертвовать. Содрав с себя кожу, лишиться целостности…

– Смотря для кого.

– Ни для кого на этой земле. То, что шкурки никуда не уплыли, – это магический знак того, что ты останешься несчастной. Мать надела на тебя кольцо безбрачия.

...Я хочу снять фильм про мать и дочь, про неуплывшие апельсиновые шкурки, про то, как мы ходили с Нагвалевым зимой в горы и набрели на замерзшее озерцо, как кидали на лед камни, а они, скользя, звучно подпрыгивали. И как Миша сказал: "Придем сюда в следующий раз с магнитофоном. Я хочу коллекционировать звуки природы и начну с падающих камней. Потом мы вставим их в твои фильмы". Я улыбнулась и, ни слова не говоря, легла на лед и стала кататься по нему, словно собака, представляя, что у меня длинная белая шерсть. Миша же присел на корточки, подперев рукой щеку, и молча, тягуче смотрел на меня с берега. Потом обронил, будто под ноги: "Майя, надо вернуться засветло". Я тут же встала, отряхнулась, и мы побрели. Мишино лицо было покрыто какой-то мутью. Он вдруг спросил из этой расплывчатой мути: "Майя, тебе не плохо?" Я нехотя ответила: "Все в порядке". Тогда он улыбнулся и сказал, что хотел бы разжечь костер, сварить кашу и накормить меня ею с ложечки. Он взял меня под руку, но я вырвала ее. Я опять осталась для всех плохой.

...Помню полные таинственности наши с Мишей разговоры после четырехлетнего перерыва. Год назад я выбрела на тот перекресток, где он работал на газетной "точке". В сумке лежала рукопись только что оконченного сборника рассказов – легких, светлых, наивных, как глоток безмятежного воздуха, который я то и дело потягивала с несвойственной мне легкомысленностью. Эта добавка к повседневному существованию поддерживала во мне уверенность, что мир полон смысла. Встретившись с Нагвалевым, я словно бы родилась заново, постигая в этой новой жизни неизвестные доселе края – именно к-р-а-я: жесткие, рваные, ведь я по-прежнему не удерживаюсь в середине. Компания наша – человек пять-шесть, непредсказуемо пересекающихся в течение дня на Мишкиной "точке", где мы пьем чай из термоса, делясь личными делами. А поскольку мои личные дела всегда какие-то неопределенно-общественные, то я люблю поговорить о жизни вообще. И Миша тут на редкость удачный собеседник. Не раз смотрели мы через головы снующих прохожих на куполообразную крышу старинного здания через дорогу – покрытую солнечным золотом крышу, словно не учреждение она имела под собой, а церковь. И Миша произносил своим осенним голосом какую-нибудь фразу, похожую на красивый опавший лист. Порой фразы складывались в рассказ. "Иногда мне кажется, что эта крыша – живая, что я когда-то полз по ней, срываясь. Что когда-то эти люди вокруг были другими – настоящими". Песни у Миши были такими же миниатюрными и меланхоличными, как его фразы или его молчание. Часто мы говорили о Майе, и Миша выговаривал то, что я чувствовала. Что она – большая, пронзительная, прозрачно-зеленая, с черным ободком. Что совесть она наша и память о главном. Что имя ей – Разящая Молния. Однажды он рассказал сон про то, как в прошлой жизни он был японским солдатом, мертвым солдатом, лежащим на соломе во дворе деревенского дома. Над телом склонилась рыдающая старая женщина – мать. Он погиб от руки девушки-воина, с которой бился жарко и изнурительно. Та японская девушка была одним из воплощений Майи: он узнал ее.

Казалось бы, с Майей они должны были говорить обо всем. Но нет, не находили друг друга. В ее присутствии Миша, стушевавшись, замолкал. Майя же, вдавившись спиной в стену, окружала себя неподвижным полем. Позже Майя призналась, что Нагвалев был для нее как учитель, потом она поняла, что вообразила это себе. И все-таки я надеюсь, что хоть для Ксены он сможет стать звездой путеводною. Мне вдруг представилось, что все повторяется. Мы становимся лучше, а Миша не просто наш с Майей товарищ, а дубль NN моего отца, Ксена же – улучшенная копия моей мамы. Их планеты когда-нибудь да соединятся.

...Наутро, перед тем как было решено разойтись по домам, приснился мне лабиринт. Я плутала по бесчисленным коридорам, пока не забрела в белоснежную залу, где был пьедестал и на нем – статуя героя моих будущих фильмов. Не светел он был и не темен, а просто – был. Я не успела узнать о нем больше, потому что вдруг – плеск крыльев и холод в затылке. Это прилетела большая черная птица и ну кидаться в спину.

Я сделала в испуге шаг к выходу и оказалась в смежной зале, тоже белоснежной, но пустой, только пол был устлан свалявшейся соломой, откуда был только что унесен новорожденный. “Надо выбираться отсюда”, – подумала я твердо и, превозмогая ужас, обернулась. Черная птица, споткнувшись о мой взгляд, отлетела к теням.

7

Я ползла внутри трубы. Тропинка моя была крутоватой, но вела вверх. Ржавая, скользкая, в каких-то склизких опилках, липнущих к коленям. Но на четвереньках продвигаться можно. Тем более, если видишь свет в конце тоннеля. Этот медово-золотистый свет стлался в трубе воском, и впереди она походила на вывернутую наизнанку свечу. Сначала мне нравилось продвигаться к ее негорячему пламени. Потом вдруг стало не по себе. Может, я устала. Или струхнула. А только окрасился тот свет мутным багровым заревом, как – бах! – три неприличные рожи, зубастые, длинногубые, прорисовались у выхода и давай пялиться внутрь. Взгляды их для меня – как ножи: пригвоздили, поддели и тянут. Три рожи на языках пламени, причмокивая, высасывают меня из трубы. “А-а-а! А-а-а! А-а-а!” – сплошное мое ударилось в стены, они надулись, закачались резиновой кишкой! Пальцы, тщетно цепляющиеся за опилки, разжались, и я сорвалась вниз… Что дальше было – не знаю. Открыв глаза, обнаружила я, что сижу в постели под сбившимся одеялом, сердце же сердито пытается настучать что-то.

Мои подруги не только поднялись со своих подстилок на лежаках, но и от души накурились, а может, и почаевничали.

– Доброе утро, а непрошеным снам – спокойной ночи, – прозвучал голос Майи из ее серебристой улыбки. Улыбка окутана загадочным благодушием. Подпирая стену идеальным позвоночником, Майя глядела на меня как на котенка – умиротворенно щурясь. Меж пальцами лежащих на коленях рук тоненько дымилась забытая сигарета.

Стремительная Марина, слоняясь по комнате, то и дело натыкаясь на что-то невидимое, бросала на меня короткие воодушевленные взгляды, после чего, отойдя к столу, отхлебывала чай из Таниной чашки. Марина затягивалась вместо сигарет чаем – торопливо и рассеянно.

Танюша настраивала гитару, припав к ней, как к боевому оружию перед боем. Вечно голодные собаки продолжали дремать у ее ног. Зомбочке, похоже, снился кошмар. Клубок ее тельца испускал быстрые сполохи дрожи, и это походило на черную воронку.

На стене – нахальные – три мои картины, вывешенные кем-то в ряд: одна главная и две так себе, примазавшиеся к центру. У меня почему-то часто выходит за раз по три, потому как в одну картину все мысли не помещаются.

На главной был изображен горячий желтый свет, прямо кипяток, но мутный, со всякими соринками, обрывками красного пламени, пятнами и изломанными линиями. А среди всей этой кутерьмы – лампочки. Или свечи под стеклом. Пусть кто как хочет, так и понимает. И посылают те лампочки-свечки совсем другой свет. Только не каждый к нему пробьется в таком пекле.

Перехватив мой взгляд на стену, Майя спросила:

– Ксюша, а стекло у свечек для чего – чтобы тот мир их не задул?

– Нет, – веско обронила Марина, словно обо что-то ударившись. – Все наоборот: стекло мешает им донести свой свет до остальных.

– Ну, это ты зря. Ясно видно, что кругом кипит убийство.

Они немного поспорили. Потом Марина спросила:

– А ты, Ксена, что думаешь?

– А ничего. Мое дело – рисовать, а не думать, – скромно ответила я с серьезнейшим лицом, хотя больше склонялась к мнению Майи.

– А на другой картине у тебя черно-белый человек? – изрекла Марина еще одно предположение. На что я живо возразила:

– Два человека: один черный, но с белым сердцем и белыми руками, а другой – белый, но сердце и руки у него, что твоя копоть. Это система жизни вокруг меня. Заметьте, обе фигуры загнаны в красный квадрат. Вы знаете, что красное – кровь?

После этих слов девочки обменялись взглядами: удовлетворенными – друг с другом, и многозначительным – с Татьяной. Татьяна, сидевшая у стола напротив меня, уже привела гитару в рабочее положение и зачем-то мне подмигнула.

– А на третьей моей картине сушатся на веревке два ботинка, – продолжала я несмело, – но обратите внимание: оба с одной ноги…

– А мы про тебя песню сочинили, – неожиданно сказала Марина.

И стало слышно, как далеко внизу лупит по футбольному мячу одинокий мальчишка.

– Вы что, этой ночью не ложились?

– Вот именно, – мглисто улыбнулась Майя, – Марина придумала текст, Таня – музыку.

– А Майя… показывала нам, как это должно петься, – хрипло добавила Марина. – Они же с Таней и поют.

Ведь Марина не пьет, не курит, не поет. Хотя все, услышав ее низкий голос, думают иначе.

– Ну, будешь слушать? – без обиняков спросила Марина, дернувшись всем корпусом, словно осадив коня на скаку, – не зря Майя говорит, будто в прошлой жизни она была офицером.

Ты слышишь ли стук в открытые стены?
Армия ветра ждет сигнала.
По углям-следам до края арены
Пройди, просочись пламенем алым.
Прорви, прожги, развей балаган.
Ветер северный, ветер южный,
Ветер бриз и простой ураган
Подхватят и – в сучья!
Подхватят и – в клочья!
А клочья – на факелы!…
Ветер носит на крыльях искры –
Путникам видятся звезды.
Но сердце огня – снег.
Послушай: сердце огня – снег.
Если ты можешь, сделай все это.
Свет поделился на красный и черный.
Легка на подъем армия ветра,
Но ты просочись сквозь прозрачные формы…
Ведь сердце огня – снег.
Но сердце огня – снег.
Что сердце огня? – Снег.
Ведь… Но… Что…
Ведь… Но… Что?..

“А-а-а-а-а-а-д! А-а-а-а-а-а-д!” – полезло из меня немо, улиткой. Увиделась картинка: я в огромном воздушном шаре. Он – радужный. И, оторвавшись от привязи, медленно взмывает. В шаре – я с моим адом, все это ширится и вдруг, раздавшись далеко за край души, лопается, как мыльный пузырь. А я-то в воздухе! Потом раздается треск сучьев, словно несется сквозь чащу зверь. В спину дохнуло холодом, скрипнул замороженно позвоночник, а плечи поникли, будто выбитые двери.

Мне в жизни никто не дарил розы. И не надо, пожалуйста, много обо мне воображать. Я ведь не гордая, я знаю, что не за что. Мне, между прочим, давно уже пора в путь-дорожку. Ну что вы такие хорошие, елки-палки?! Гоните меня в шею, пока я тут не зажилась, пока еще ключ от меня прячете, чтоб я наружу не вырвалась…

– Я сейчас умываться пойду, – сказала я глухо, закутавшись почему-то в одеяло, – Хочу заглянуть сегодня на улицу Плеханова к одной старой знакомой.

– У нас для тебя сюрприз, – торжественно сказала Марина.

– Еще один?

– Ксюша, если серьезно, ты хотела бы обрести новую семью?

Когда спрашивает Майя, почему-то хочется просить у нее прощения.

– А как же!.. – сказала я горячо. – Я даже думаю, что лучше бы у меня родителей вообще не было. Лучше бы я детдомовская была. Разве это справедливо, когда мать и дите не подходят друг другу? Когда сидишь с отцом за обедом, и то вилка из рук валится, то кефир проливается на скатерть? А ему самому кусок в горло не лезет. Я от них первый раз в пятом классе убежала. С подружкой. Мы забрались к ней на дачу и сидели там всю ночь, рассказывая страшные истории. Хорошая была девчонка – дочка учительницы истории. Ее потом от меня в другую школу перевели.

– Речь не о родителях, а о тебе. Как о потенциальной родительнице, – мягко перебила Майя.

Мне становилось все холодней. Я ведь мерзлячка. Когда находит колотун, берегись, папины вещи, берегись, мамины. Напяливаю на себя что ни попадя, только язык наружу.

– Хотя я с таким путем не согласна в принципе, – тихо проговорила Майя, повернув к Марине точеный профиль. – Любой брак – компромисс. Но если мадам желает…

Я нахмурилась изо всех сил. Ноги словно в снегу утонули. Но тут Татьяна сказала такое, что я чуть не перегрелась:

– Ксена, там Миша Нагвалев пришел, он на тебе жениться хочет. Оставили его в кухне, пока ты неодетая лежишь. Может, ты выйдешь к нему?

Никто не знает, сколько пролежал без стирки пододеяльник, руки то и дело залетают в дыры, не сразу вывернешься. Никак не налезают колготки, а другие вещи, наоборот, прут на телеса все сразу, кучей. Почему никто не предлагает мне сигарету?

Марина приговаривала, пока я разбиралась с ботинками:

– Ты же говорила: хочу мальчика – высокого, прекрасного. А вот и отец объявился.

Стоп. Тань, выйдем на минуту.

И мы с Таней вышли в прихожую. Я увидела в конце коридора Нагвалева. Ему я тоже скомандовала жестом: “Стоп!”, а сама втянула Таню в совмещенный санузел, где мы с ней заперлись.

– Таня, – говорю, – ты и задала мне задачу. Почему ты всем мозги не вправишь?

– Ты же сама ему предложение сделала.

– Хм… А он, получается, принял. Молодцы. Да ты же знаешь, что…

– …деваться тебе некуда. Знаю. Потому и советую – не теряй этого парня, если он тебе не очень противен. Ведь не противен же?

– Да не в этом дело…

– Любовь – она проходит. А иногда – приходит. Ну и сделай шаг куда-нибудь. Просто – сделай шаг. Станете ходить с ним в походы, песни петь у костра. Будете заваливать в гости к художникам. У него много творческих товарищей – помогут тебе с рисованием. Летом съездите в Питер, у Мишки классные друзья среди хиппи. А там, глядишь, и малыш появится. Твои как станут бабушкой-дедушкой, расслабятся и выбор твой признают. У него на Плато Нуцубидзе отдельная трехкомнатная квартира – будете принимать родственников за круглым столом. Ну, и про меня, может, не забудете.

Я слушала и невольно кивала, только дергано, словно меня током било. Я вообще быстро гипнотизируюсь. Может, я пластилиновая?.. Или ватная. Или вообще никакая. Только глаза мои меня предали – налились жгучей влагою, которую я от родителей прячу.

– Я не только про тебя не забуду, – говорю, – я и песню твою век помнить буду. Ты не думай, у меня такое большое спасибо, что и не выговорить так сразу. Танюша, милая, запишите с девчонками мне ту песню на магнитофон. И дай я тебя поцелую.

Я прикоснулась к ее щеке как к лепестку подсолнуха, ведь с некоторыми людьми несдержанность выглядит как зверство. Но глаза – они ж предатели, они за бачок над унитазом зацепились, ну и Танькин взгляд проник в кривенькое русло моего взгляда: извлекла из бачка мою материальную ценность домашнего разлива.

– И давно у тебя тайничок?

Вроде бы нейтрально спросила. Но я учуяла в голосе теплоту и доверительно выпалила:

– Помнишь, в первый день я взялась сводить Альму на крышу?.. Там мальчик в морского капитана играл, антенны у него были вместо парусов. Я говорю: “Мальчик, умираю, откуда хочешь, но достань мне чачи. И чтоб одна нога там, другая здесь. А то меня друзья заметут”.

– Понятно. Витька тоже в бачке поначалу прятал. Я так хорошо про это знаю, что забыла проверить. Ты лучше скажи: ты к Мишке выходить собираешься?

– Для того и подкрепляюсь… Ну, будь здорова!.. А теперь выкинь эту гадость. И девчонкам – ни слова, жалко их. Принеси мне, пожалуйста, картину “Два человека”. Знаешь, да? Хочу объяснить Михаилу систему моей жизни.

Мишкины глаза тоже бывают, как небушко, – когда закутаны в поволоку. А так как фигурка у него не Бог весть чего, размытая в лучах утра, то внедрились они в меня как продолжения тех лучей. За спиной у Мишки – распахнутое окно, где птички щебечут. И плывут вдали полиэтиленовые пакеты на подветренной сини неба. Хорошо здесь, не дымно. Кто-то деликатно просовывает мне в отведенные за спину руки свернутую картину.

– Ксена, ты только сразу не говори “нет”, а подумай, пожалуйста, – бросает Мишка словно с размаху, с разбегу. Словно упал и несет свое “А-а-а-!” из воронки, из невесть какой круговерти. – Я один на этой земле. Если я и преследую выгоду, то только ту, что не хочу быть один. Послушай, пожалуйста: была у меня жена, которая выпила из меня всю душу, она считала меня плохим, даже когда я был хорошим. И если я и нечестен с тобой, то только в том, что я не прежний, настоящий. Миша, а изломанный, и предлагаю тебе обломки. Может, ты и склеишь меня, ведь ты терпеливая и добрая. Еще у меня есть сын, которого я больше не увижу, потому что Вера увезла его. Я не хочу больше ни с кем расставаться. Ксена, дорогой мой человек, пусть между нами и нет такой большой любви, которая была у нас с Верой, – с ней мы просто высохли друг по дружке, и не надо так больше мучить никого, а все-таки хочется иметь в доме родную кровинушку. Выходи за меня замуж, Ксена, пожалуйста!

Развернув картину и пристроив ее за спиной парусом, я сказала:

– Вот моя рука – видишь два шрама на ребре ладони – две полосы от лезвия бритвы, две зарубки на сердце? Так оставляет свои грустные следы любовь. Два Михаила было в проклятой моей жизни. Два “М” стало быть. И ты, Мишенька, третий. С М. № 2 мы прожили месяц, с М. № 1 вовсе не жили, только за руки держались. Благородные парни темнеют в моих руках. Как и всякий, кто, сделав ко мне шаг, делает второй назад. После первого шага люди становятся высокими, после второго – низкими. А потом они уходят. И я поняла, что все они просто играют со мной. Ты захотел поиграть, да, Миша?..

– Замолчи, пожалуйста! Мы еще с тобой так возлюбим, так взлелеем друг дружку, что самим жутко станет. Не мучай меня, пожалуйста, словами. Давай порешим так: я зажмурюсь, а ты поцелуешь меня, если согласна. Только, чур, ничего не говори!..

Кружится за окном пакет. На ровном месте. В самом синем небушке. Зависая над ручищами антенн. Будто выбирает, куда упасть.

Не знаю, как получилось, но мы поцеловались.

8

Дальнейшее помнится с паузами. Пауза – это когда пропустишь стаканчик и – хлоп на пол, раскинув руки, словно пуля тебя сразила, и ты хочешь перед смертью обнять Землю. Это когда пауз больше, чем листков в календаре, и каждая, оторвавшись, улетает восвояси. Это когда, налетавшись, они валятся на тебя по одной, как изжарившиеся в воздухе птицы.

Первой такой птицей был крик:

– Ах ты, хрен нечесаный! Разлегся на подносе, х… поросячий! А ну, вали в постель, плесень моего сердца! Нет, ты скажи: у нас семья или бардак?! Дом, спрашиваю, здесь или вертеп?!

Кричала я. Потрясая шумовкой над бордовыми ушами Мишки, который, прикрывая грудью салат оливье на кухонном столе, с кем-то там перешептывался в глубоком сне.

Майя, стоя рядом, вразумляла:

– Ну, Ксена, он пока не слышит. Хватит натирать ему уши, ладно? Пойми: человек пьяный.

– П-ь-я-н-ы-й! Нажрался, скотина! Нам пьяницы не нужны! Является ночью с налитыми фарами: “Просыпайся, с-ка, трахаться будем! Жена ты мне или нет?..”

– Неужели Миша так разговаривает?..

Эта птица, чертыхнувшись, переворачивается в воздухе и – камнем в воду. На ее месте – другая.

Вижу сидящего на краю постели Мишку – голого, дрожащего, со всклоченной шевелюрой и смертной тоской в васильковом взоре. Он просит отчаянно и жалобно:

– Признайся, Ксюша, ничего не будет. Ты поимела на Космодроме Виктора?

– Дурак, мы с ним давние товарищи.

– А почему вы тогда на остановке планы на будущее строили? Я ведь слышал.

– А ты как хочешь: чтобы не было или чтобы было? Сходил бы лучше к соседям за чачинской. Боюсь, до утра не продержимся.

Линии на обоях скрещиваются, кружки вытягиваются в капли и стекают под магнитофон, где превращаются в голых индейцев. Среди них – отец: в плавках и с гантелей у плеча, которую ритмично выжимает толчковой правой. Вдруг отец заходит из темноты в спальню, и это уже не шутка.

– А-а, Иисус Христос пришел.

– Да, я пришел за тобой.

Приподнявшись на локтях, я изо всех сил всматриваюсь, стараясь предупредить направление удара, но это вовсе не отцовское лицо. Это какая-то тетка беззастенчиво разглядывает меня всю.

– Простите, что я в ночнушке. Вы, наверное, Мишина сестра?

Его глаза, ей-Богу. Только черные и опрокинутые вовнутрь, откуда посматривают на белый свет благочинно и не без смекалки.

– Нет у него сестер. Я мама его.

– Ма-ма…

Будто неведомая сила срывает меня с пола и ставит на колени рядом с выключенным Мишиным телом.

– Простите, мама, мы только вчера поженились. Благословите, и – Христос нас не оставит. Простите, мама, грешница я великая!

– Значит, не пошутил. Позвонил среди ночи: “Я женился и теперь умираю. Привези скорее заначку”. Так вы, значит, матерей уважаете. Что же я теперь начальству его скажу? Выгонят ведь паршивца.

– А вы, мама, бутылку мне отдайте. Я его из ложечки выпою. А потом – ни-ни! Хотите, обижайтесь на меня, хотите – нет, а пить он не будет.

И, главное, никак не вспомнить ответа. Мишка потом говорил: “Мама нас в первый свой приход благословила”. Но я ничего определенного сказать не могу. Чего не видела, того не знаю.

Вот следующий кадр в памяти установился.

То же раскидистое Мишкино тело на полу, и мама наша за столиком, но уже в кухне, а с другой стороны столика, подперев щеку ладонью, задумчивая Майя. Я почему-то гляжу на них снизу, и тусклая паутина в моем мозгу выуживает фразы из их беседы:

– …Так он хороший был мальчик: вежливый, тихий, что ни день – свежая сорочка. Это Вера его в охламона превратила. А у меня руки коротки были за ним присматривать, я у них не бывала. Они ко мне сначала ходили, а потом, как Верка стала кренделя выделывать, так и перестали. Когда они с Мишкой шли к кому в гости, даже если собиралась своя компания, он прибегал вперед и, тушуясь, просил: “Пожалуйста, не говорите при Вере об этом, и об этом, и еще о том… А то она расплачется и убежит”. И мне наставления давал. Я говорила, пусть напишет на бумажке, о чем с ней можно разговаривать. Иногда сидим с Верой. Я слово вымолвить боюсь. Так она говорит: “Вы нарочно молчите. Одевайся, сынок. Уходим”. Долго внука мне не доверяла, всегда при ней был, чтобы никто не настроил его против. После развода у нее совсем крышу сорвало: влезет, бывало, баба на дерево в центре города и свистит в милицейский свисток – где только откопала себе игрушку… Страшно прямо вспоминать.

– А вдруг это он Веру против всех настроил?

– Кто, Миша?

– Ненамеренно. Я предполагаю. То, что вы увидели, тоже может быть по-своему правдой.

– Н-да… Ксена, скажу тебе честно, мне понравилась. Только беспокоюсь я чего-то. Как ты думаешь, она-то почему не просыхает?

– Вы у Миши спросите…

Чайник кричит на плите. Он может сказать. Пар из носика тычется в решетку на вентиляционном отверстии. Одна нога пара отболталась, просунулась меж белых занавесок и – лбом на стекло. Лежит медузой. По стеклу барабанит дождь.

Пусто за кухонным столом. Одна занавеска откинута, и по медузе ползут струи уличного шума. Выстрелили из пушки. Нет, это шина у грузовика лопнула. Опять не попала: это дверь в доме притворили. Кто-то громадный встал у моего подбородка, лежащего на обхваченных коленях. Это Марина. Поняла, что нельзя быть такой большой, тоже села на пол, плечом к плечу, привалилась спиной к стенке. Я легла к ней на колени и стала медузой. Чайник пышет в лицо, прошу же: выключите и дайте платок. Нет, полотенце. Или вот что – руку. Мы все трое сидим у стены: я, Марина, Майя. Кухонный стол болтается сбоку воздушным шариком. Марина и Майя переговариваются. Фразы резвятся, как щеночки: то один заскочит на другого, то другой вскарабкается на первого. Край вафельного полотенца, что свисает с моей головы, может стать для них перегородкой.

Милая Майя журчит прохладой:

– Может, не стоит так серьезно к этому относиться: высокий эгрегор перекроет источник, если ты будешь черпать не по назначению. Потому что тебя окружают профанаторы, я тебя уверяю.

– Миша – может быть. Но не Ксена.

– Зеленый змий инвольтирует обоих. А нас из-за этого могут не дождаться герои нашего фильма. Ты когда в последний раз занималась сценарием?

– Зябко здесь что-то…

Марина берет меня за талию и – топ-топ-топ – ведет в спальню по очень длинному коридору. Моя рука давно успокоилась в ее большой влажной ладони, похожей на ванную

комнату, где мыло только что распаковали и хрустят вафельные полотенца. Но сердце – оно вгрызается в ребра. И когда Марина разувает и укладывает меня, тело мое, поддерживаемое ладонью под спину, тает и разливается по постели, сердце же всплывает жалобной лягушкой к поверхности кожи. Зачем ты меня родила, мама? Где ты?.. Мама прилегла у изголовья, обхватив ладонями мою голову. Запах молока и хлеба струится по пальцам в льняные волосы.

– Я помню, ты говорила: ты сильная, борись, Ксена, тужься. Я хочу тебе сказать, что обманула тебя. Я напилась. Скотина я, да?

– Это теперь не имеет значения. Ты – сильная!

– Я не хотела… Ты же знаешь. Мама, а папа почему не подходит?

– Он в лоджии. Смотрит телевизор.

– А Джесика, Джесика где?

– Вышла… По нужде.

– Как, мама, она же одна не ходит?!

– А-а… ну тогда папа тоже вышел.

– Ага. А пока его нет, можно я покурю?

– Можно, конечно.

– Почему ты так быстро соглашаешься? Подай, пожалуйста, сигарету – у меня в брюках, в потайном карманчике. Ты еще не находила ее? Правда, я мастерица?

– Хороший ты человек.

– А раньше ты говорила, что плохой.

– Да хороший, хороший. Только уйти тебе надо от нас.

– Это ты теперь говоришь?! Знаешь что, мама… я кушать хочу. Ты, наверное, умаялась со мной и ничего не приготовила.

– Нет, я успела. У нас эклеры есть. Хочешь?

– Пирожные?.. Я сегодня не сладкоежка, но давай попробуем. Вкусно-то как… Спасибо, мама… Мама, а где папа, почему он не подходит все-таки?

Р-р-раз: маму словно стерли мокрой тряпкой. Высоко наверху, на глыбе двух кроватей, лежит вдоль изголовья прикорнувшая Марина. Мы с Майей – на полу, в турецких позах, разглядываем блокнот с Майиными фотками.

– Это следы вдоль речки, правильно? И наши всякие следы, и чужие. А вон парень и девушка перебрались на ту сторону, и у них теперь – только свои. А мы, ты как думаешь, переберемся?

– Когда-нибудь все там будем. Вот только жалко, что ты Таню обидела.

– Таню?..

…Крутись, крутись, болванка, вспоминай.

Ах, кому не спится в ночь глухую?.. Мадамочка съехала с рамы и расселась у постели. Подносит полными горстями свое кислое презрение. Люстра опустилась к ногам, хочется отпихнуть. Изо всей мочи толкаю локтем в адамово ребро:

– Мишка, выключи свет, тебе говорю! Не нравится мне эта, с картины.

– Ксюша, это “Неизвестная” Крамского.

– А по мне хоть “Грачи прилетели”. Долго она будет за нами подглядывать?

– А против Майи ты ничего не имеешь?

– Майя свой человек.

Майя на настенной фотке как ночник… Вот и сейчас, сделав привал у моего бока, Мишка привычно заводит:

– Майя – наша совесть. Я не могу ее погасить. Тем более, что она чем-то похожа на мою бывшую. Я даже иногда думаю, что она воссоздает меня из праха своими добрыми смыслами, как я теперь – Веру. Знаешь, какая была Вера? Однажды нас остановил мент из-за моих длинных волос и, пока он держал нос в документах, Вера подошла вплотную и выхватила у него из кобуры пистолет. Меня оторопь взяла, так это было дерзко и

неожиданно. А сержант рассмеялся. И мы расстались по-доброму. Поверишь ли, я иногда хотел иметь две жены, чтобы одна защищала меня, как Вера, а другую – чтобы я защищал.

– Миша, я спать хочу.

– А вдруг Вера в гости ко мне приехать захочет?.. С сыном. Мы же ее оставим у себя?

– Да куда мы денемся.

– А если насовсем оставим?

– Как это?

– Ну… живут же некоторые в цивилизованных странах…

Стоп. Всем стоять. Рули, болванка, обратно.

Ага. Вот. Шумят. Сдвигают бокалы. Речи толкают. Мы шумим. Мы толкаем. Тут и Майя с Мариной, и Таня со своими Виктором и Олегом, и мы с Михаилом. Фирменный мой салат оливье, Маринины эклеры, Майины хачапури. Про хачапури Миша говорит, что в них есть Джа и зачем-то мне подмигивает. А я же, глупая, улыбаюсь. Салатик в тарелки подкладываю и прошу:

– Кушайте же, гости дорогие! Я завтра еще приготовлю. Вы же завтра придете? Нет, лучше так: вы отсюда сегодня никуда не уйдете.

Мишка бубнит, елозя рукой по талии:

– Пусть идут. Я, Ксюша, суеверный. Хочу, чтобы никого в первую ночь. Особенно Таньки. Нога у нее несчастливая.

Соседский ребенок болтается среди всех со скучающим видом.

– Мальчик! Иди сюда, мой хороший, тетя Ксена тебе пирожных наложит. Она слов на ветер не бросает. Пойдет она с тобой на базар и накупит разных мишек, собачек, машинок. Или ты автомат хочешь? Миша, где игрушки?..

Что там обронили уста поганые про мою Таню?

– Подожди, мальчик. Танюша, ты где? Встань, пожалуйста. Рядом встань, чтобы я тебя поцеловать могла. Я хочу сказать великое спасибо за то, что ты соединила меня со всеми этими лучшими в мире людьми. Я таких людей еще не встречала, ей-Богу. И, главное, все такие особенные. А Таня у нас вообще, как Алла Пугачева!..

– …И как Иосиф Кобзон, – вворачивает Мишка, тоже поднявшись с бокалом. – Есть люди с большим и толковым Джа, а есть такой маленький человечек по имени Ксена, которому еще многому предстоит научиться. Думаю, не зря я собрал коллекцию русских рокеров.

…Взяв мальчика за руку, я вхожу в коридор, и мы находим мяч в коробках со старой обувью. Он торопится играть, но я не хочу выпускать его ладошку так сразу. И шепчу, присев рядом на корточки:

– Постой, милый. Видишь, тетя Ксена замуж выходит. Ей надобно подкрепление. У тебя ведь хорошая энергетика? Дай мне за тебя подержаться.

Потом мы начинаем играть, но появляется Таня с телефоном на длинном шнуре и как обламывает:

– Ксена, откладывать больше некуда. Ты обещала. Бери трубку и сообщай родителям. Можешь уйти в спальню, чтобы никто не мешал. А я пока попою им.

– Нет, останься.

Господи! Будь свидетелем – я этого не хотела… Хотя, если честно, хочется в такой день услышать мамин голос.

– Але… Мама?..

– Ксена?.. Ксена!.. – обрадовалась, чую всем своим собачьим сердцем. Даже трубку отвела и крикнула что есть мочи в комнату: – Боря, – Ксена!

– Мама, я скотина!

– Где ты сейчас? Назови адрес, отец тебя заберет.

– Погоди, мама… Понимаешь, я замуж выхожу – прямо сейчас. Слышишь всякие звуки – это жених со своими старыми подругами и друзьями отмечают, если можно так

сказать… Что ты молчишь, мама? Ты плачешь? Ты что? А ну, прекрати сейчас же! Ты не поверишь, мам, он настоящий мужик. Здесь и Таня, и Виктор, и новые мои подруги.

– Он что – пьяница? Ксена, тебе подливают, да?

– Да ты что, ребенок, что ли? Никто мне здесь насильно в рот не вливает, все по уважительной причине и обоюдному согласию.

– Ладно, об этом мы потом поговорим. Передай этим добрым людям наше “спасибо” за гостеприимство, и папа за тобой заедет.

– Я что – чемодан? Я выхожу замуж! А разговаривать будем после ЗАГСа.

– Да кто ж тебя такую… Ах!.. Дурочка ты, дурочка. Ты знаешь, что отца на днях машина ударила?

– Папу? Что с ним?

– Он объездил все морги, больницы, побывал у твоих знакомых и в последние дни уже просто ходил до ночи по улицам… Невозможно просто так ждать…

– Мама… Какая ты у меня все-таки многослезная.

– …и его ударила машина. Несильно, осталось только синее пятно на ступне, будто кто на ногу наступил. Водитель его обругал, что не видит, куда идет. А он и не видел…

– А где он сейчас?

– А еще через день его в милицию забирали. Увидели такого потерянного и спросили документы. А он же паспорт с собой не носит. Пока выясняли, сидел в участке с двумя наркоманами. Они обязали его принести две пачки чая, если отделается.

– Принес?

– Да. Четыре пачки.

– Молодец у меня папа, нормально!

– Ксена, папа у телефона.

Какие-то бур-бур-бур в трубке. Потом трескучая тишина. И вдруг теплым душем сдержанный голос, в котором отчаянно прячется радость, почти мальчишечья:

– Привет, Ксюша! Что это ты так загулялась? Проблемы какие-нибудь?

Ясно же по голосу – бить не будет! Это же папка мой, с которым мы иногда даже дружим и секретничаем от мамы, с которым мы вместе тайком от всех подавали мои документы в авиационный институт на начальницу всех стюардесс, прошли два экзамена, но мама узнала… Я всем девчонкам в школе фотки его показывала и говорила, что у меня будет такой муж.

– Таня! Это папа мой, он меня простил, простил!.. Да, папа! Здравствуй! Ты понимаешь, я выпила тогда и не смогла вернуться домой. Я долго продавщицу просила: отведите домой, пожалуйста! Ты спроси у нее, если мне не веришь.

– Уже спросил. А дальше что было?

– А дальше… Ты же сам знаешь… Водка проклятая – крест мой и исчадие – водила меня за нос.

– И привела к жениху с красным носом, да, моя хорошая?

Голос у папы, как калейдоскоп. Чуть повернул – и другой. Теперь в нем словно язык высунулся. Подменили на презрительно-ироничный:

– Ну что молчишь? Аргументов не припасла?

– Да просто… не прав ты как-то.

– А ты права по отношению к больной матери, которая не спит столько ночей? В общем, так. Будем считать, что это – твоя последняя подлость. Я приеду за тобой, и начинай в конце концов человеческую жизнь. Хватит уже! Где вы там заседаете?

– Папа, я теперь в другом доме живу – у себя. Мы с Мишей придем к вам с мамой, но не сейчас.

– Да я твоему Мише уши оборву! Почему они там все смеются над тобой?

– Они не надо мной, они жизни радуются.

– Ты знаешь, как называют такую победу? – Пирровой. Это Пиррова победа. Через два “р”. Посмотри по словарю вместе с Мишей.

– Поняла. Ведь я косноязычная. Как ты всегда говорил.

– У тебя ум куриный, в первую очередь. В общем, так. Никуда я не поеду. Ты приедешь сама. Приползешь на брюхе. И я, вопреки своим правилам, тебе открою. Чтобы посмотреть в глаза. Кстати, я искал тебя ради матери. А то, что ты под забором сдохнешь, – я знаю.

– Боря, отдай сейчас же трубку!.. Ксена, это грех большой в пост. Отец Федор тебя все равно не благословит!

– Помню: я вырасту проституткой.

– Опять я виноват? Долго ты будешь выставлять нас перед людьми козлами отпущения? Четыре месяца в твою сторону не смотрел: делала, что хотела. Да как твоя пьяная компания не видит, что имеет дело с алкоголичкой, которая будет жить приживалкой, пока не наберет свои граммы?! Не прав я, а? Молчишь?.. Не слышу! Я тебе задал вопрос, почему не отвечаешь?

– Папа…

– Молчи!.. Ты пьешь, а нормальные наивные девочки водят тебя по квартирам друзей. Вернее, ты их водишь. Скажи, что не так?

…Не могу больше разговаривать. Помоги мне, Танюша, скажи ему “До свиданья!”

Таня, вынув из моих ледяных ладоней трубку, произносит:

– Здравствуйте, Борис Игоревич! Да, Таня! Нет, я не бездомная… Я продиктую вам адрес, хоть вы и не придете. Пусть все будет честно.

Ну, нельзя же так! Нельзя же, нельзя! Это же мой папа, моя лучшая подруга Таня. Почему между ними паузы? Такие громкие, страшные паузы. Как ботинки великана. Топ – одна нога. Топ – другая. Пристроились за спиной и двигаются, словно и нет меня. Словно сквозь меня, добры молодцы, вот-вот и наступят. Я лучше к индейцам уйду. Лягу под кровать, укроюсь с головой одеялом. Пусть только зайдут. А если правда зайдут? Я же не чокнутая, что я делаю под кроватью? Лучше я на кровать лягу. Вот так вот. А ты, дверь, не хлопай! Пусть они думают, что я в туалете. Эй, люди, почему вы свет выключили? Почему так темно, я спрашиваю?! Мама, где я?.. Эй!.. Что ты хочешь?.. Большая черная птица отделилась от места, где была раньше люстра, и кружит, снижаясь, над постелью. Ты хочешь забрать меня? Вцепиться мне в волосы? Облепила меня крыльями. Воздуху!.. Помогите же, люди!..

– Эй? Кто вы?

Заходят. Двое. Голубоглазые и золотоволосые. Один – всклокоченный, с остановившимся взглядом, на груди крест из рук. Встал столбом. Другая – как искра. Сразу метнулась, выпростав вперед руки.

– Ксена, тебе плохо?

– Кто вы? Нет, нет, уйди!.. Уйди! Ты кто?

– Да что с тобой? Я Таня.

Они нас убить хотят – меня и тебя, маленький. Раньше ты был треугольником с ручкой, тебя нагревали и водили по белью, нагревали и водили. Бежим с тобой к индейцам! Видишь, сколько их в углу – выскакивают из поющего ящика и рассаживаются у костра. Тесно им. Негде им. Муравьиная куча уже. Расползается. Замутнили костер, затушили. Не холодно тебе, маленький?

– Ксена, не бойся меня, пожалуйста! Посмотри на меня: я – Миша.

– Не подходи! Он спит. Маленький мой спит! Не подходи! Вы его убить хотите! Убить! Уходите!

Отпрянули. Ушел всклокоченный и вошла похожая на Гоголя. Присела на корточки, подперев щеку узкой рукой. Далеко, как цветок. В другой руке – на полу – стакан. Протянула на вытянутой ладони. Мы с маленьким сжались. Перестала. Книжку из кармана достала – показывает картинки. Нет, фотографии. Моей подруги Майи фотографии, которые та про нашу жизнь снимает.

– Погляди, Ксюша, это – речка в горах, а это – чьи-то следы на берегу. Много разных следов.

– Да. А двое – на той стороне. Перебрались все ж таки. Парень и девушка. Молодцы.

– Видишь, Ксюша, они перебрались, но ходят теперь по своим следам. А как быть с местами, где никто не бывал?

– Есть такие места?

– Есть. Это моя вера.

– Майя тоже так говорила.

– А ты сама – кто?

– Я?.. Не знаю. Я… это самое… пью. У меня с собой было. За поясом. Но я потеряла в дороге. Вы не поможете найти? А как я к вам попала, девчонки?

– Разве тебя не Ксена зовут?

– Нет. Ксена живет в Варкетили, а я тут с вами. Дайте мне пока закурить.

Утюг почему-то валяется на полу посреди смятой простыни. Непорядок какой-то. Не ладно здесь, не у себя. Прилягу на простынь, девчонки подадут одеяло. Меняются. Вместо той, что на Гоголя, сидит теперь нервная с волнистыми каштановыми прядями. Поставила в ноги теплый чайник. Переговариваются с золотоволосой.

– Спасибо за грелку. Мне все равно холодно. Знаете, у меня была одна подруга, Марина, – она всегда согревала меня. Даже когда я ее не видела. Если бы она была здесь, она бы меня согрела.

Каштановая спрашивает низким голосом:

– А сейчас она где?

– Уехала в другой город. Бросила меня.

Темно. Кто это? Ты, папа? Чемодан мой – зачем это? Два столба-великана, и тот, что крупней, размахивает моими трусами.

– Говорю тебе, Веруня: взять и отвезти ее прямо сейчас в детдом. Хватит уже! Испорченный хвост надо откусывать под корень.

Сунули в руки чемодан, выставили и захлопнули. Шумят. А жизнь себе течет. Вытекла вся. Открыли.

– Ладно, заходи. В последний раз прощаю.

Вытекла вся – простили.

Золотоволосая кричит:

– Марина! Майя! Все сюда! Я бы овощем давно сделалась с такими предками. А она – деревце! С почками. С клейкими листиками. С птичками на ветках. Мишка, засранец, если ты ее обидишь, – убью!

Выбежали. Топочут. Кидают снежки слов. Закидали кого-то:

– Вы посмотрите: налился и отвалился!

Ветер. Настукивает в балконную жесть фортепьянную гамму. Залаяли с визгом собаки, от велика до мала. Накроюсь-ка простыней. Сяду в лотосову позу. А что, деревце я! В другом деревце, что побольше. Это деревце, что побольше, – Таня. Я с ней живу и чувствую на плечах ее руки. Кругом ее тонкое дыхание. А обе мы – в Марине! А трое – в Майе. Шум реки. Наше общее деревце гнет и крутит злым ветром: визжат в его звуке собаки, летят вверх тормашками чьи-то ботинки, нежно парят пакеты и что-то еще – чего я не знаю. Лечу я сквозь Таню, сквозь Марину, сквозь Майю, кричу в шум реки, за корой, в чью-то спину-нору: “Миша! Миша!..” Вдруг – дверь. Распахнулась. Там – стужа черной пастью. Вместо языка – чемодан. Отвалился, скатился к лотосовым стопам. И нет двери.

Шумят непонятные люди. Решают, где спать в странном доме. Золотоволосая капитанит:

– Витька с Олегом расстелятся в зале. Майе и Марине лучше быть с Ксеной. А я на кухне подежурю, чтобы жених не пропал.

– Нет-нет, так дело не пойдет.

Вздрогнули – это я пристегнула свой голос к их совету в прихожей.

– Ты что, Таня, бездомная? Неужто тебе ночевать негде? Вон у тебя и Олег есть с квартирой, и Витька с вашей с ним свекровью.

Тяжко. Плохо мне в нашем теремочке.

…Ну кто там звонит в дверь спозаранку? Знаю кто – отец. Прячь сигареты, трусы, стаканы, платки и слезы! Сдирай кожу, надевай рожу! Выметай индейцев, выкидывай в окно гостей. Накрывай белу скатерть, затапливай печь из костей… Постой-постой, да это же Маша!

– Машка ты моя, заходи, будешь первая нога! А предки где, в подъезде?

Достает бутылку, улыбается строго:

– Ксена, мама просила передать тебе свяченой воды. Сразу много нельзя. Сделаешь глоток, смочишь голову – отдохнешь. Потом опять. Ой, да чего я тебя учу! Как ты тут?

И тут из кухни – свекруха.

– Это что – водка? – издали спрашивает. Взгляд волкодава.

Маша краснеет.

– Ты, девушка, вот что скажи: у этой вот, что стоит, наконец, родители любят выпить?

Голос Марины:

– Смотри. Подействовало. Ксена успокоилась.

Мишка, как окропили, вылетел пулей из спальни и сидит, взъерошенный, на кухне. Размышляет.

9

Снять кухонные занавески. Выстирать. Выкинуть кассету “Sacred Spirit” с песнями североамериканских индейцев. Туда же ворох записок: “Ксена, я тебя, может, сейчас ударю. Но это не я. Миша”, “Все по фиг, понимаешь, все! Ну почему так должно быть? Ксена”, “Крепись, в заначке последние граммы. Если ударю, прости. Миша”, “На одной стороне окна день, на другой ночь. Ничего не скроешь, занавеска-то прозрачная. Вот и понимай. Ксена”, “Прости меня раз и навсегда на всю оставшуюся жизнь. Говорю тебе: не я это. Миша”.

Посмотреть, не высохли ли полотенца. Одно, большое, предложить Михаилу и попробовать заманить его в душ.

Набрать тихонько наш номер, послушать мамино: “Але!”

В тот день мы опять не пошли в горы, где надеялись скоротать время на троих с природой, чтобы решить, как быть дальше. Припозднились с пробуждением, приуныли за завтраком, а там Нагвалев ушел в спальню играть на гитаре. У него норма – три часа в день на развитие техники. Чтобы записывать в одиночку магнитоальбомы. Он в песнях был настоящий рокер, только чересчур гладкие они получались, песни, слишком перелопаченные трудолюбием.

Я после всего, что было, – никто. Стирку спровоцировала. Так было удобней. Чтобы не выходить к некоторым гостям, которые приходили нас поздравлять нашими же бутылками, про которые не знали, что они кончились.

Сначала были двое. Профессор и Дьякон. Это пара. Связанная между собой участием в таинствах протестантской секты и верой в перспективу слинять за бугор. Профессор в самом деле был профессором физики, подвизавшимся от большого ума в священники, а молодой парнишка еще мирской профессией не обзавелся. Он только что вернулся из армии и носил тельняшку под курткой, его звали по роду духовной службы – Дьяконом.

– Ты, Профессор, не сожалей, что тебя наука отринула. А слабо тебе откинуть гордыню и сознаться, что ты дерьмо собачье?

– Не знаю, Миша, когда я об этом думаю, я действовать не могу. Словно столбняк.

– Это потому, что гордыня тебя не отпускает, не можешь ты сам себя в ничто поставить. А про столбняк – я тебя понимаю, да… Я, знаешь ли, решил полным хиппарем

заделаться: ушел с работы, чтобы было время о душе подумать. А кусок хлеба – что, на него и в переходе с гитарой можно заработать. Вообще же я так думаю: если не можешь заниматься тем, что хочешь, достойнее умереть с голоду. Я, Профессор, группу хочу создать. Вот, говорят, Дьякон тоже играет. Пойдешь ко мне басистом, Дьякон?

Дьякон, потупившись, отвечает:

– Я в церкви играю. А крутую музыку я до армии бацал. Надо тебя послушать сначала. А так, почему бы и нет.

– Жаль, Профессор, твои золотые руки. Накрылась теперь торговля твоими механическими штучками. Дьякон не видел, какой я столик приставлял к стеллажам? Весь из профессорских технофантазий.

– Может, ты думаешь, что я тебя кинул?

– Ну что ты, ты – особый человек, у тебя своя дорога к Богу.

…Не выпив, засобирались, Профессор стал приглашать обвенчаться в их церкви. Мы с Нагвалевым ответили, что в вере своей тверды.

Оставшись один, Мишка затухал. Опускался потерянно на стул, нащупывал стакан с чаем и замерзал взглядом. Потом вдруг, тихий, босой, пробирался на кухню – за кипятком. Если чайник долго не закипал, молча ходил взад-вперед где-нибудь у меня за спиной.

После тех гостей он только и сказал: “Ксена, никому не говори, что меня с работы выгнали. Даже девочкам”. И примерз к стулу.

Как-то ввалился подвыпивший Вадим. Оставшись вдвоем с Мишкой, Вадим бухнул своим баритоном:

– Ты что, Зема, и вправду на Ксене женишься? Она – баба хорошая, но дурная-дурная. Она предаст и не заметит, не поймет.

Нагвалев выпроводил его под предлогом, будто мы ждем в гости свекровь, с которой Вадим не кланялся. На пороге Вадим вдруг проскулил (он же не знал, что я обладаю недюжинным слухом):

– Не отворачивайся хоть ты от меня, Зема.

– Да будет… Зайду на неделе.

Не успела захлопнуться дверь, пришла тетя Тоня, с конвертом в сжатом кулаке. И прямиком к стулу, где сын Миша.

– Жениться он задумал, сопля недоразвитая, а? Так женятся люди? Пишут они перед помолвкой письма бывшим женам, просят их вернуться и начать прошлое сначала?

Мишка даже не приподнялся, только скукожился весь. Вид его отодвинул от меня голос свекрови. Уши словно водой залило, и я все время думала о воде, о том, как ее вывести из ушных раковин. К тому же шла стирка, и я то и дело убегала в ванную. Обрывки слов тети Тони были как пена на моей одежде.

– Ты зачем письмо написал? Перед днем, когда Ксену привел?! Пусть она слышит, какой у нее муженек, пусть все знает.

– А ты зачем письма чужие читаешь? Я написал, да не отправил – чуешь разницу?

– А откуда фраза: “Приезжай на Пасху, может, у нас еще не все потеряно”.

– Это не так плоско надо понимать.

– Ну, вот что: вы тут между собой решайте, а вечером чтоб были у меня. Оба.

Хлопнула дверь. Я продолжала взбивать густую пену. Возможно, я переборщила с порошком, и пена, расширяясь, сползала к коленям. Мишкины джинсы, в которых я была, потому что, оказывается, подарила свои красные Марине, вымокли и стали противными. Нужно было переодеться, к тому же духота в ванной доводила меня до тошноты. И я пошла в спальню. Помню чувство нереальности, возникшее у меня при виде гитарного чехла, который валялся, скомканный, на полу возле стула, где сидел Нагвалев с чайным стаканом, – а ведь я перед этим подняла чехол и спрятала, аккуратно сложив, в шифоньер.

– Пожалуйста, Ксена, ничего не трогай. Вот посмотри: лежит на книжной полке пустая пачка от “Cammel” – это не просто так, это память. Вот так вот, на боку она всегда и была тут…

– Скажи, Миша, что ты от меня хочешь?

Я выпалила это неожиданно для себя. И не смогла устоять на ногах, привалилась к спинке кровати. Держась за нее, медленно села. Не знаю, почему этот разговор был так болезнен для меня, ясно же, что мы с Нагвалевым не любили друг друга. Наверное, больше всего меня интересовало, насколько люди честны со мной.

– Если ты ошибся, Миша, скажи. Я пойму тебя.

Мишка молчал. А меня несло. Несло, наконец. Не каждый день я могу сказать человеку:

– Скучная я и навязчивая, правда? Пред тем, как надумать свататься, ты хлебнул для храбрости, а там пришла Танька и поставила тебя на лыжи…

Протестующе подняв руку, Миша попытался что-то возразить, но не смог. Стоя у окна, ко мне спиной, он выдавил грустно:

– Как я перед Богом виноват, знаю только я один. Когда я мысленно бросаю Веру, личность ее рассыпается. Я чую всем нутром, как она кричит, потерянная, в пустоту: “Миша, вернись!” Я хотел помочь одному человеку за счет другого – вот как я виноват.

– Ты бы ее отпустил. Пересчитал бы свои заморочки и повыщелкивал бы хоть половину.

– Вот видишь – уже критика. Сможешь ли ты быть рядом? Я даже не о том, что дети появятся. Я о душе моей говорю, которую надеялся с твоей помощью отыскать.

– Ты не веришь мне – в этом все дело.

– Я себе не верю, как я могу поверить другим? Да и ты не слишком доверяешься, ты просто поддаешься.

– Ошибаешься, Миша, я не податливая. Но ты все обосрал.

Последние слова как-то по-особому его задели. Замолчал он. Потом вынул рублевую купюру и, вложив мне в ладонь, отрешенно сказал:

– Я всю ночь молился. И сейчас перед иконой встану. Пусть будет, как Бог рассудит. Спустись, Ксения, в магазин, купи сигареты.

Торжественно это прозвучало. Изысканно. А в предыдущие дни он сам за покупками ходил, чтобы зверьку моему аппетит перебить.

И я пошла. И купила вместо сигарет чекушечку. И тяпнула ее – едва ли не нарочно.

Нет у меня обид на Нагвалева, кроме одной: он душу мою перепоручил Фортуне.

10

...А еще, Ксюша, я никогда не показывал тебе, – пока ты дремлешь, я пишу стихи. Если бы мы были лучше, они были бы про нас и стали бы песнями. А так… я не знаю, о ком те слова. Вот, записываю все-таки одно, ты никому не показывай…

11

Дом остался за спиной. Он стоял на пригорке, белый, как мел, и отличался от других корпусов тем, что с крыши было сбито несколько антенн. Крыша сливалась с низкими клубящимися облаками. На уровне Мишкиного этажа виднелась полоса гор.

Я сделала шаг к лестнице в пригорке, по которой только что лихо сбежала и, пошатнувшись, присела на ступеньку. Несколько человек, идущих к корпусам по лестнице, притихли и стали солидней, строже в своих движениях.

– Пожалуйста, отведите меня к мужу! – сказала я ближней девушке в голубом плаще. Но она была как весенний скользящий ветер.

Мне хотелось ворваться к Мишке, упасть перед ним на колени и заорать: “Ну, ударь меня, ударь! А потом отведи руку, и пусть мы какое-то время будем думать, что это наша последняя стычка. Но только по-честному думать, не понарошку. Мы с тобой еще побузим! Еще погрешим и покаемся! Улыбнись, чудачок, и не вешай на себя всех собак!”

Я понимала, что еще не сумела сделать его хорошим. Время взяло нас в тиски. Время было с врагом Сына Человеческого.

Корпуса на пригорке задрожали в моих глазах, слились в белую реку и словно хлынули с лестницы. В потоке угадывались люди, что спешили к автобусной остановке. Двое, может, отец и сын, остановились у будки, где я отоварилась. Меня словно подняло подводным течением и отнесло к ним вплотную.

– Угостите меня, пожалуйста, пивом, – сказала я, щурясь на них, как на солнце. Ведь я давно не видела улицы. – Это крайне необходимо. Пожалуйста!

Оба отошли в сторону и тоже стали поджидать автобус. Тот, что младше, – он держал под мышкой купленную бонбоньерку – скользнул взглядом по моей обуви. Тут я увидела, что была не в своих надраенных ботинках, а в обрезных Мишкиных ботасах, и это меня разозлило.

– Зыркнули и – нет меня, да? Вот стану я гордая, отвернусь душой и попадаете вы гнилыми грушами со своих черных веток, – процедила я, скрипнув зубами. Тот, кто сидел со мной за столом, знает, что тетя Ксена зубы в порошок стирает, – да только свои, а костяшки пальцев ее вечно припухшие, как железы, потому что она бьет ими о стену, о стену, о стену!..

– Здесь не тренажерный зал, – визгливо сказала из окошка продавщица.

Вдруг на остановке одна дама удивленно грохнула низким голосом:

– Смотрите, пьяная женщина!

Вот выскочка! Это редкость, чтобы в нашем городе так грубо обращали внимание на всякую всячину. Но сигнал был дан. Несколько человек, обернувшись, осклабились.

– Да пошли вы!..

Корпуса плыли лебедями по кругу, стискивая меня в кольцо. Попятившись, я выбрела на тропу, ведущую к заброшенной стройке, надеясь переждать там колотун и собраться с мыслями, но за стройкой обнаружилась конечная остановка всевозможных маршруток. Пока я шла туда, то думала, что вот, у Мишки осталась моя сумка, где губка для обуви, а главное, блокнот с телефонами тех, к кому я могла бы обратиться за помощью. Это должны были быть люди не близкие, чтобы не надо было много разговаривать. На новые же знакомства настроения явно не хватало.

И тут я увидела мертвую белую дворняжку, лежащую на перерытой земле среди обломков кирпичей. Наткнувшись взглядом на ее открытые черные глаза, я почувствовала, что жизнь плескалась в них до последнего. Передняя лапа пса была прижата, подтянута к морде. Переломанный конец этой лапы лежал к кости под прямым углом. Только он был перепачкан кровью и грязью, словно существовал отдельно от чистоплотного, в общем-то, тела. Наверное, собака пыталась лечиться, опустив лапу в лужу, – я однажды видела, как лечатся в луже недостреленные собаки после объезда санитарной службы.

Неприятно поразила куча мусора поодаль. Замусоренные окраины были для меня не впервой, но тут меня поразило, как много и открыто гадит человек. Что мерзкое это, вообще, существо – человек – по сравнению с той же собачкой, пришедшей умереть подальше от жилья, на чистом месте. Да, пожалуй, природа ошиблась, создав такое грязное существо. Дай ему в руки консервную банку, которая раскручивается не слева направо, а наоборот, он все равно будет крутить слева направо. Через триста лет придет другой человек, выхватит у него банку и крутанет обратно. Но тоже не откроет, потому что заклинило, и система раскрутки изменилась. Но тот другой человек будет стараться сделать по-своему еще триста лет.

Домой надо ехать – вот что я поняла. Добраться до будки сапожника дяди Гриши на углу у нашего корпуса, нажраться до потери сознания и упасть своим в ноги, чтобы слово “простите” стало опять неподдельным, потому что извергает его из посиневших губ последнее дерьмо. Только надо успевать уворачиваться от его потных рук, которыми он пробует по-отечески утешить, пряча сальный блеск в косящих серых глазках.

Забравшись в маршрутку, следующую в Глдани, я сразу заплатила водителю и, сообщив ему, что еду в самый конец, села на заднее сидение. “Вот дура-то, – подумала я с презрением, – зачем приставала к прохожим, если в кармане – сдача от водки? Износила память-то?”

Маршрутка тронулась, и белая река вокруг распалась на отдельные корпуса по взгорьям. Они заглядывали в окна, словно из поднебесья. Рядом ехала женщина средних лет в старомодной, но аккуратной одежде – такие ходят к нам в церковь. Я не удержалась и спросила, несмотря на то, что говорить не хотелось:

– Скажите, пожалуйста, вот если бы вы жили в таких корпусах, то какой бы этаж выбрали – первый или последний, при условии, что лифт всегда к услугам?

Женщина, мягко улыбнувшись, сказала:

– Я бы выбрала свой – третий.

– А я бы – последний, вон в той шестнадцатиэтажке на самом высоком холме. Там уже два года квартира продается. Моя подруга Майя хочет купить, потому что Майя чистый человек… Ну, или не то что бы чистый, а… Понимаете, противно иногда жить, когда сверху и снизу – люди. Как бутерброды. Извините, если я чего-то не так говорю.

– Ничего, бывает.

Замолчали. Потом, когда выехали на оживленное сабурталинское шоссе, женщина эта вдруг вкрадчиво говорит, наклонившись к уху:

– Вот вы, милочка, не знаете, каково остаться без родителей. Папа мой покойный говаривал, когда поднимал тост за родителей, что он еще мальчик, потому что мама его жива. Мама – стена между нами и жизнью. Все страшное сначала в нее ударяется. Поэтому мы можем еще по травке босиком побегать, на солнышко засмотреться. Как бабушка умерла, папа сутки со мной не разговаривал. Не слышал, не видел, кто перед ним. А когда мой папа ушел, у меня перед глазами фильм начался: вся наша жизнь, все мои слова и дела – черствые да горделивые. Уже год как нет папы, а фильм тот все крутится… А маму я в пятнадцать лет потеряла.

Никто не понял, даже я, почему я резко попросила остановки и соскочила с маршрутки еще на ходу. Водитель для порядка прокричал в спину: “Девушка, вы же на конечной собирались”. Но я почти бежала по проспекту Важа Пшавела, отмечая краем глаза, что места – знакомые и даже обжитые. Впереди был перекресток, где на Мишкином месте продавал газеты какой-то паренек с видом божьего одуванчика. Исправно мигал светофор, и от главной толпы, валившей через шоссе от метро, регулярно отделялся поток к угловому супермаркету. Я тоже перешла дорогу и, не сбавляя скорости, прихватила из того чудо-магазина мысленным взором пачку “Мальборо” для отца, а для матери – новый халат, – ее, дуру несчастную, больше всех жалко. Обычно у меня оставалась заначка на подарки родителям. На сей раз в карманах было пусто, и я думала с досадой: “Надо же, какие все умные. Жалко, что я не такая. Я, конечно, знаю, что я скотина. Но я хорошая скотина, черт вас подери! Что вам вообще нужно от меня? Что вы липнете ко мне со своими колокольнями? Надо мной и так всю жизнь эксперимент проводится. “Ксена, встань под дерево, тебе солнце голову напечет. – Нет, Ксюша, под деревом стоять не надо, – оказывается, там сквозняк. – Ксюша, а ты скушала на завтрак котлету? – Сожрала котлету, обжора? Теперь батюшка тебя к причастию не допустит!” “Ксена! – Ксена! – Ксена! – Ксена!” “Ксена, туда! Ксена, сюда!” Как будто вы живете одной Ксеной! А ведь я Есенина люблю. И Аллу Пугачеву немножко. И, между прочим, Сальвадора Дали! Вот умру, и станете все свободными”.

Прежде чем голова успела определить – куда, ноги завернули за угол и явно шлепали по направлению к Космодрому. Клетки расшалились не на шутку, требуя горючего. Бессловесный Гогочка был как нельзя кстати. Я отметила с одобрением, что – да, лучше все-таки подзаправиться, чтобы появилось настроение раскручивать дядю Гришу.

Люди на тротуаре мешали мне. Чтобы не натыкаться на них и вообще поменьше сталкиваться с их гаденькими взглядами, я сошла на проезжую часть.

Помню, как возмутило меня, что кто-то грузный, большой и бесцеремонный навалился сзади с левого боку, покарябал ногу, отдавил ступню и сбил-таки с ног. Чертыхнувшись, я упала на правый бок, пребольно ударившись головой о бордюр тротуара. Большой и грузный же, проскочив еще несколько метров, завизжал и замер.

Набежали люди, склонились, протянули руки. Я оперлась на какого-то мужика и встала. Мне совсем не было страшно, ведь я осознала, чем это могло кончиться, уже после. Руки-ноги были целы, болели только голова и ступня, но мир стал каким-то другим – громким в одном и притихшим в другом. Солнце в белых клочьях было красное и сочное, оно мешало до того, что хотелось приставить козырьком ладонь.

Водитель “жигуленка”, отматерившись, примирительно предложил:

– Вам куда? Садитесь, подвезу.

Я хотела ответить, что туда, куда я, ходят пешком, но почему-то не смогла: язык выдавил гортанные, нечленораздельные звуки, а горло напряглось и заныло.

– Ты что – немая?

– Может, она дар речи потеряла, когда ударилась?

Я опять попыталась объясниться, но снова осеклась. В горле булькало, как в радиоприемнике, язык истерически боролся с неповоротливостью.

Больше всего меня испугало, что толпа прибывала. Показывая жестами, что всем спасибо, беспокоиться не о чем, мол, такая я от природы, я перешла, пятясь, на другую сторону дороги и завалилась в маршрутку.

Очнулась я, только когда обнаружила, что пустая маршрутка мчится по проселочной дороге вдоль неизвестного мне микрорайона с одной стороны и гигантского пустыря с другой.

Медленно сойдя, я направилась сначала в сторону жилья. Потом, когда водитель, немного постояв, убрался со своей тачкой восвояси, резко развернулась и побрела на пустырь.

Всюду были пакеты – черные и белые. Изредка голубые и желтые. Целое полиэтиленовое море. Прошитое очередями ветра. Блещущее под неистребимо-красным солнцем, которое словно рокотало в своих небесах с каким-то неизъяснимым трепетом. Во рту был такой вкус, словно язык стал бруском металла. И очень болели спина и затылок.

Я села на землю, лицом к далеким корпусам, которые походили на желтую пену. Горло свело от жажды по простой водопроводной воде, до которой, казалось, никогда не дотянуться.

Весь этот мир, за исключением пакетов и жесткого вибрирующего солнца, лежал теперь в руинах, а воздух почернел, как от копоти.

Подумалось: “Ну вот и закончилась моя сказочка. Бог отнял у меня язык. А если я вдруг опять обрету речь, то все равно притворюсь немой, чтобы никого больше не обманывать. Ведь история отдельного человека – недоразумение. Каждый факт в ней – ширма для отвода чужих глаз. Да, пора, выходит, закрывать двери, ставить перегородку между жизнью и смертью – старость. Простите меня, все мои… дорогие, что я тихо ухожу от вас. Не так, правда, тихо, как мои бедные папа и мама… Вот бабушка идет по пустырю, собирает бутылки. Глянь, а это и не бабушка, это – вчерашняя тетя Ксена. Странные они люди – вчерашняя эта бабушка и эта тетка. Ухайдаканные совсем, спокойные. Помнишь, Господи, я просила у тебя только один бесценный дар – спокойствие? Что ж, ты помог мне”.

Потом пропали и мысли. Я просто смотрела на желтую пену нежно слезящимися, слепнущими глазами и видела кипящий, как смола, черный шар с белым ровным пламенем в середине. От пламени отрывались искры. Они были похожи на рисовые зерна и хаотично двигались в сочной тьме, оставляя за собой дымчато-серые следы. Следы,

пересекаясь, походили на артерии. В этой сети трудно было следить за траекториями искр, но я увидела, что каждую рано или поздно выбрасывает за черту круга.

За чертой была я.

Я смотрела на жизнь светлых точечек – тамошних белых пакетов – как бы со стороны нежизни, из жуткого унылого далека и поэтому без труда представила, что вот, где-то там, в бессмысленном мире, скитается моя точечка. Рано или поздно она скатится слезинкой на пустырь, и все повторится, как сейчас: точечка умрет, а я стану не-я. Пустой и ненужной.

Не умеем мы быть Телом Христовым, отрываемся и мечемся по траекториям из стен-дверей: глухо запертых, непрозрачных. И нет нам иного пути, как сюда. Рано или поздно.

Прикрыв глаза, я увидела картину.

Непролазная стена из красного кирпича вздувается, словно парус. В каждом кирпичике – крошечная замочная скважина. А посередине той стены висит на гвоздике гигантский ключ. Загадка тебе, сиротинушке.

И тут за спиной раздалось:

– Та-та-та-та-та-та-та! Ра-ра-ра-ра-ра-ра-ра! Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна, Кришна, Харе, Харе!..

Я обнаружила сзади паренька в серой рубахе навыпуск, подпоясанного веревкой, который приплясывал, босой, на плоском булыжнике. Галантно наклонившись, он принялся еще и прихлопывать:

– Харе Рама, Харе Рама, Рама-Рама, Харе-Харе!..

На запястьях его были проволочные браслеты и много разных фенечек, как у хиппи. Из нагрудного кармана выглядывала сандаловая палочка, а поверх одежды висел православный крест из дерева. Повернувшись ко мне приплюснутым профилем и продолжая телодвижения, паренек бодро сказал:

– Будем знакомы – серый маг Антилисов, он же Бусито фон Рамакришна. А проще всего называть меня лейтенант Сергей. Да. Честно: я работаю на московские спецслужбы. Мой начальник капитан Путин ждет сейчас моего звонка. Да. Честно. Вам помощь не нужна? Дарю духов-хранителей. Хотите мантру на все случаи? Вот послушайте: “Харе Кришна! Харе Кришна! Кришна-Кришна! Харе! Харе!..”

Может, я пластилиновая? Или ватная? Или вообще – никакая. А только руки-ноги мои задвигались как неродные в такт лейтенанту Сергею – очень уж забавным он мне показался.

Красное солнце подрагивало в угольно-пыльном небе. Приплясывая, мы с лейтенантом не смотрели друг на друга. Задрав к солнцу голову и прищурив один глаз, лейтенант рассказывал про свою путь-дорожку. Искорка эта оторвалась не на шутку и держала путь далече. Первое его путешествие состоялось прошлым летом, когда лейтенант Сергей прорвался сквозь астральные кордоны на планету Голока Врадаван, где, переодевшись в гопи, предавался вместе с другими пастушками трансцендентальному любовному служению Господу Кришне. К сожалению, ему пришлось вскоре покинуть это благодатное место, так как непрошеные космические хиппи платят за постой собственным весом – чем больше такой гость задерживается в одном месте, тем меньше его становится. В конце концов настает момент, когда масса его покоя становится равна нулю, и вечный путешественник превращается, должно быть, в светоносную частицу. Да. Но пока лейтенант Сергей Антилисов не набрал надлежащих оборотов и обретает в основном на околоземных орбитах. Вот думает еще превратиться в ворону и поглядеть на город с веток платана где-нибудь в старом парке. А надоест, так уйдет в микромир, пристроившись электроном к ядрышку какого-нибудь огурца. Все дело в точке сборки, обусловленной запасами энергии. Может, девушка поможет обнищавшему страннику куда-нибудь передвинуться? Да. Честно.

Я никогда не любила фантастику, а уж от мистики нас батюшки в церкви отваживали всем миром. Поэтому путешествия лейтенанта Сергея показались мне скучными. Но был он, как и я, сиротинушка горемычная, и мне захотелось подарить ему на прощание что-нибудь свое.

Я подступила к нему и быстро поцеловала в губы – они были холодные, сухие и синие. А глаза до этого были какие-то утонувшие, а теперь они выплыли и тоже оказались синие. Испуганными птичками они оказались. Ведь птички – это теплая боль. Хотели они мне что-то пропеть, чуяла всем сердцем, хотели. Но не смогли. И канули, ударившись о свое стеклянное небо, обратно. Лейтенант Сергей, отвернувшись, побрел прочь, но не танцующей походкой, а ровно, размеренно, как ходит по земле хозяин. Да и взаправду, наверное, хозяин: он, должно быть, жил на пустыре.

Не знаю, что со мной сталось, откуда силушки взялись да желания, а только воздух посинел, красное солнце пожелтело, а рухлядь вдали обратилась в белые корпуса на фоне очерченных гор.

И понеслась я ловить свою искорку.

Пересаживаясь с маршрутки на маршрутку, стреляя в промежутках сигареты, чтобы комкать их затем от нетерпения.

Если бы я не поддерживала Божий ориентир на безмолвие, клянусь, я бы рассказывала прохожим анекдоты! И только последние сто метров до знакомого корпуса на окраине Варкетили, по асфальту, где только что проехал грузовик, подняв клубы пыли, оказались не по силам.

Я застыла на обочине. Навстречу, плавно вышедши из подъезда, шли, собирая пыль на одежду, три лучших на Земле человека: Таня, Марина и Майя.

– Здравствуйте, девчонки! – сказала я привычным голосом, когда мы все обнялись. – Простите…

И тогда белое солнце обрушилось на меня.

12

…Я сейчас кушаю. Сидя у тумбочки, где молитвенник и тетрадь, куда я записываю свою жизнь. Все-таки мама знает, что нужно человеку для счастья: на салфетке – банка с огурцами, жареная картошка и кетчуп, перемешанный с майонезом. Вы еще не пробовали мой фирменный соус из кетчупа и майонеза в равных частях?

Я, пожалуй, пробуду в больнице еще недельку, все равно лечение оплачивает бывшая папина работа. Доктор, выслушав меня в первый день, сказал: “Авангард в башке!” и выставил сразу два диагноза: неврастения и сотрясение мозга.

Про запой я умолчала, чтобы не срамить семью.

Были у меня девочки. Марина сказала: “Ну, Ксения, уболтала ты смерть! Разрубила наш общий кармический узел. Понимаешь, это трудно объяснить логически, но все мы должны были оказаться под колесами судьбы – сегодня ли, завтра… А ты оттянула это на себя. И мы теперь свободны. Спасибо тебе. Но больше себя не грузи. Обещаешь?”

Наверное, у Марины тоже в голове “авангард”. Честно говоря, не думаю, что я могла столько натворить. И ежу понятно, что они с Майей видят то, чего нет.

Я все думаю: то, чего нет, – оно есть или его нет? Хотя доктор просил пока ни о чем не думать.

Отец с утра приходил, у него другая версия:

– Понимаешь, Ксюша, – сказал он, мнительно потирая платком место на шее, где цепочка с крестом. Он даже когда крестился в прошлом году – капризничал. – Душа пьяницы – это же наружный половой орган. Только простофили принимают его за распахнутую душу. Я – за коммуну, я за флэт, я – за общежитие. Только у коммунаров тоже существуют обязанности: встать, допустим, в десять, а не в двенадцать, сказать всем “Доброе утро!” Собаку приласкать, а не пнуть и отвернуться к телику. А если отлучаешься из дому, изволь сообщить, когда тебя ждать. Это элементарные правила общежития. А вот стоит ли быть свободными, но чужими – вопрос другой. Дурачок, ведь

мы с матерью – заложники твои! Может, я и воспитывал тебя в излишней строгости – как мальчика, извини уж: хотел сделать человеком. Трудно, говоришь, жить? А ты на меня смотри, когда трудно станет. Сколько раз советовал: встала – сделай с отцом гимнастику, убрала постель – займись косметикой. А то ходишь пацанкой… А ты сядь вечером за журнальный столик, сыграй с отцом в шахматы. Пригласи его, дурачок, в поход, он тебя шашлыком угостит, а может, и тем самым коньяком. Ну что молчишь? Не врубаешься в свое положение?

А я в это время действительно отвлеклась – на трусы тети Нади. Дело в том, что в палате со мной лежала одна толстая тетенька с вот такенными трусищами! Ее доставили во время гипертонического криза, и был у нее только сын, которому кулема эта жутко стеснялась сказать, что ей необходимы еще одни трусы. И вот она их вечно стирала, а потом развешивала в разных укромных местах. А сама про те места забывала… Ну, а я этим пользовалась: заныкаю трусы, допустим, к себе под подушку, а потом мы с тетей Надей ищем их. И хохочем весь день напролет. Она уже смекнула, что я прикалываюсь, но игра ей понравилась, и мы теперь делаем вид, что не видим в упор эту интимную принадлежность.

И вот я заметила, как свисают эти трусы из-под края тетушкиного матраса. И стала невольно прикидывать, куда бы их припрятать.

Когда отец ушел, я вдруг разрыдалась, да так, что ни тетя Надя, ни дежурная медсестра битый час не могли меня успокоить. На все расспросы я твердила, что у папы моего – виски седые.

Потом я уснула, а там подошло время обедать, и я, кушая, дописываю эту тетрадку.

Что бы такого еще рассказать, чтобы вам не было скучно?

Я пока подумаю, а вы никуда не уходите, ладно? Я даже не знаю, зачем я исписала эту тетрадку. Честное слово, мне для себя ничего не нужно. Я просто хочу жить среди вас: вместе вставать, вместе кушать, вместе рассказывать истории. Я ведь так рассказываю, чтобы вам страшно не было. Ведь если я стану черствой с вами, то не смогу ничего этого: кушать, рассказать, думать. Хотите, я вам колесо от троллейбуса подарю? Хотите – картину нарисую?

Или вот что: подойду прямо сейчас к окну в человеческий рост на седьмом этаже двадцать первой палаты – по странному совпадению Марина проживает по такому же адресу, – выбью ногами стекло и прыгну в цветущие вишни. Ведь иногда жизнь – это просто выпустить себя полетать. Испугались? Да неужто я вас покину?

Подайте, пожалуйста, тапочки тети Нади, а то папа забыл принести мне мои…

Авторское послесловие

Конечно же, в первую очередь повесть моя - о праве быть собой. И, при этом - затрудненности реализовать это право в условиях "промежутка", когда в обществе потеряны критерии истины и подлинного существования, когда трудно понять, кто мы и откуда, а следовательно, неясно - быть собой - это вообще-то кем быть? Это - о разладе, раздрае в самоощущении постсоветского общества, которое к тому же торопится поменять одну закостеневшую идеологию (номинальный коммунизм) на другую, типа формального православия, ничего не имеющего общего с православием глубинным, святоотеческим. Весь текст, всю совокупность героев и расклад сил можно еще истолковать как проекцию внутреннего мира, подсознания современного интеллигентного человека с загадочной русской душой - трагически раздробленного, разделенного с Источником и корнями, но все ж невидимо с ним связанного, по-своему гармоничного даже в своих диссонансах.

Еще это - Литургия, вынесенная из храма в пространство города и кваритры. Огненное Древо Жизни среди бесприютных ветров космоса - Древо Жизни с сердцевиной-"снегом" и "чем дальше от этой сердцевины, тем тверже человек, тем он более мертв, если хотите"(как написала в своем блоге одна тонко организованная девушка и это совпадает с моими ощущениями). Образно говоря, все структурно делится на растущее Древо Жизни, твердый мир, космос и хаос.
Еще это - "духовная брань" в Великий Пост, путь к Богу(или - для атеистов - просто к смыслу жизни, который, если посмотреть на него с точки зрения буквы, а не духа традиции, может показаться путем от Бога, и чем дальше (но до определенного предела) лучшие герои "уходят от Бога", тем становятся ближе к нему. В одной из аннотаций я даже написала: "Скрытую пружину повести можно определить как движение точки сборки от Центра (Христианского Сердца) к периферии, которое парадоксальным образом приводит к Сердцу... Но все это раскручивается на уровне простых человеческих отношений, и о пружинах помнить не обязательно."
Наконец повесть эта - просто о чувствах натурального человека, еще не ставшего продуктом биомассы, которую штампует Система, уничтожая либо нивелируя интивидуальности. (См. на hgr.narod.ru обращение игумена Григория(Лурье) к "средневековому ребенку, живущему в наши дни".
Уходящие тихо - это в себя уходящие и из себя. Из истории, из юности, во внутреннюю эмиграцию... Из центра к периферии и - от нее - квантово-диалектическим скачком - к Центру. Во всяком случае, пытающиеся уйти. Однако главная героиня Ксения - та самая русская березка, которую гнут и крутят злые ветры - в отличие от других участников "малой литургии" на квартирнике, в итоге действительно идет не так уж и правильно (да и может ли иначе?), так как ее движение не закреплено итоговым выбором, не подкреплено решением. Шанс на благоприятный исход для Ксении и без того был ничтожно мал. Ведь ее мышление блокировано противоречивыми импульсами, идущими из крайне противоречивого и конформистского общества, которое так и не переработало уроки прошлого. Ксения еще не сбылась как личность. А сегодняшняя Россия - как народ в своем подлинном бытии. И совсем не важно, что героиня на самом деле проживает в Грузии. Отдаленность от исторической Родины только обостряет исконные внутренние конфликты. Впрочем, душа человека, как и народа - запредельная бездна. Невозможно ее "схватить", окольцевать строго очерченными смыслам, а значит, в идеале, неисчерпаемы и прочтения этого текста.

Пустите детей и не препятствуйте им

Повесть

Пустите детей и не препятствуйте им
приходить ко Мне,
ибо таковых есть Царство Небесное.

Евангелие от Матфея. 19:14

Часть первая

1

В нашем корпусе, что расположился на окраине Тбилиси под горой, за которой катает свои медленные волны водохранилище, называемое Тбилисском морем - появились квартиранты.

Сначала я увидела сверху только их головы, когда они о чем-то оживленно гомонили на балконе пятого этажа. И этих голов было четыре - две из них были похожи на одуванчики, только темненькие одуванчики.
Позже я узнала, что они принадлежат матери и трем дочерям - старшей было лет пятнадцать, а младшие были еще дошкольницы.
Я слышала, будто они собираются уехать жить в Москву, а у нас они остановились временно. Во всяком случае, обрывки речей об этом то и дело долетали до моего седьмого этажа - новые жильцы говорили громко, наперебой, и почти никогда не закрывали балконной двери.
Их мать вскоре и уехала готовить им гнездышко, оставив детей на чье-то попечение.

Но еще до ее отъезда начались приключения.

С первых же дней младшие девочки заметили в подвале черную кошку и принялись ее приручать, прикармливать.
Как-то спускаюсь на утреннюю прогулку и вижу - кошка уже сидит у них под дверью на половике.

Однако стоило мне ступить на этаж ее нежданных благодетелей, как ее сдуло как ветром.

И так стало каждый день - кошка приходила и сидела у них всю ночь, пока не начинали спускаться соседи, и тогда она убегала обратно в подвал.
Иногда я, проходя во дворе мимо резвящихся детей, спрашивала: « - Ну как ваша кошка?» «-Хорошо» - отвечали они со сдержанной гордостью.

Однажды я выхожу во двор, сажусь на лавочку, как вдруг эти девочки подбегают ко мне. Глаза горят и смотрят мимо – не на что-то одно, а на все сразу. Обе кудрявые, русые – одна крупнокостная и повыше ростом, длинноволосая, глядящая при этом еще и в себя с какой-то неизъяснимой, волшебной, пушистой улыбкой; другая – отчаянно сверлящая нежным огненным взором темных глаз это вот - все сразу! - крутолобая, с густыми барашками кудрей. Они ни секунды не могут задержаться в одной позе – раскачиваются, вертятся вокруг своей оси или хоть прыгают на одной ножке.

Спрашивают – абсолютно беззастенчиво заглядывая мне в лицо:
- А вы нашу кошку не видели?

Взгляды их становятся чуть-чуть пытливыми. И – какими-то деликатными по отношению ко мне. Словно речь идет о моей кошке.

- Нет, - отвечаю.

- А она умерла. Она стала плохая, мама налила ей воды, она немного полакала и сразу умерла.
- Надо же!..- говорю. - Жалко.
- А мы, - продолжают они, - видели ее душу в подвале. Она была темная и у нее светились два зеленых глаза.

- Ну, хорошо, - говорю, - значит, это она с вами попрощалась.
- Не она, а он, - степенно, со знанием делом поправили они меня, - Это был мальчик.
- Кот, значит... - говорю я задумчиво.

И вдруг они сообщают, уже отбегая в свои игры:

- Ее отравили. Нашу кошку отравили!

- Кто?

- Дядя, который живет в нашем подъезде. Нам это сказали по секрету.

Это, наверняка, тот дядя, которому под восемьдесят, несмотря на моложавый вид и который уже немного с приветом и из-за этого стал придирчив к порядку в корпусе и во дворе - все время что-то подметает, переставляет и следит за жильцами - бросают ли они окурки, аккуратно ли пользуются лифтом. Тот был недоволен, что дети приручили подвальную кошку и она теперь, получается, бегает по подъезду, разнося блох.

А может это и не он.

Может это вообще на самом деле – их мама. Страшно, конечно, предположить такое и язык не повернется им это сказать, но бывает и такое. Как говорится, нет кошки – нет проблем.

Но отчего-то, проходя в последующие дни подъезд, я невольно косилась на тонущую в кромешной тьме лестницу за решетчатой дверью подвала. Словно и меня могли обжечь зеленым пламенем два вознесшихся - вопреки всем смертям - глаза.

Иногда я видела тихо сидящих плечом к плечу у решетки сестер. Завидев меня, они прикладывали к губам палец. Этого красноречивого жеста было достаточно, чтобы я безостановочно следовала мимо, хотя мне и хотелось задержаться. Я понимала, что только массивный висячий замок на этой зримой преграде удерживает детей от того, чтобы они ринулись в неведомое.

Спустя неделю встречаю самую низенькую из малышек двумя этажами выше. Так уж случилось, что нам – по пути. Девочка, выбежав из своей квартиры, сначала пробегает мимо, но вдруг останавливается и, вернувшись на ступеньки, по которым спускаюсь я, спокойно произносит, стараясь идти со мной в ногу:

- Здравствуйте. А вас как зовут?

И в самом деле – пора уже и познакомиться.
- Маша.
- А меня - Даша.
- Очень приятно.
- А моя мама сейчас в Москве.
- А с кем же вы живете?
- Пока что к нам пришла жить бабушка. Но мама тоже скоро приедет - в октябре, на день рождения моей старшей сестры. Потому что ее в Москве обманули и выгнали с работы. Но она сейчас ищет новую.
- А в школу ты ходишь? Нет, знаю – не ходишь. Я хотела спросить, пойдешь ли ты в этом

году в школу.
- Нет, не хожу. И сестра не ходит. Ходит только наша третья сестра.
- Сколько же тебе лет?

Долгое задумчивое молчание, потом она, что-то подсчитав в уме, показывает семь пальцев.

Добавляет, прокрутившись на одной ножке и едва не упав, потому что одновременно куда-то с любопытством заглядывает – не то на выведенные кем-то на стене каракули, не то на листву величаво покачивающегося вдоль балконов всех девяти этажей тополя:

- А моей сестре…

Лицо ее скрывается за пятью старательно растопыренными пальцами, рядом с которым тянется вверх еще один палец - указательный - с другой руки. Тонкими струйками сочится в ее огромные глаза с длинными ресницами синее-синее небушко, в котором виден белый след самолета.

Прежде чем унестись, роняет с легким вздохом:

- Мы с моей сестрой Ниной пойдем в школу после лета.

Прошло несколько дней. Только я, прогулявшись, присела на лавочку во дворе, как опять пробегает Даша. Звонко кричит, доверчиво заглядывая в лицо:

- Здравствуйте!

Так она здоровается по нескольку раз на дню со всеми соседями. Сегодня мы поздоровались утром, днем, ближе к вечеру, а теперь уже – наконец и вечер. Но в это время на площадке перед домом еще полно и детей, и взрослых.

Спрашиваю:
- А папа у вас есть?
- Есть. Но мама с ним поссорилась, потому что он продал нашу квартиру и квартиру нашей бабушки тоже. И мы теперь - живем на съемной квартире. Раньше мы жили вон в том доме на горе за дорогой - вон видите, его видно даже отсюда.
- Какой ужас - папа продал две квартиры! А как же он это смог?
- Потому что у мамы были проблемы с банком и она оформила нашу квартиру на него. И не две квартиры, а одну. Мама и бабушка жили вместе.
- Плохо...
- Да, плохо. Теперь у нас некрасивая квартира и за нее приходится платить.
- И где же теперь твой папа?
- Он ушел жить к Кетино, бывшей подруге нашей мамы. Потому что знаете… Кетино сделала для него аборт. А наша мама, когда должна была родиться Нина – не сделала.
- Этот папа - он только твой или сестры тоже?
- Этот папа - мой папа и папа моей сестры Нины. А у старшей сестры - другой папа... А еще у меня есть два крестных папы - они друзья моей мамы... Но крестная мама у меня одна... Ой, извините, я побегу уже домой, а то я в туалет хочу.

- Ты знаешь, в туалет можно сходить вон в тех кустах за оградой, там можно.
- Нет, - улыбается своей очаровательной беззастенчивой улыбкой, - я какать хочу... До свидания!

Утро. Тетя Маша уже тут как тут – тихо примостившись неподвижным изваянием на лавочке с краю детской площадки, встречает рассвет, желая и вовсе раствориться в свежести и прохладе, покуда она еще есть.

Сначала как из ниоткуда появляются кошки – по одиночке или группами из котят. Все они черные с маленькими белыми пятнышками на боках или лапках. Все передвигаются как сомнамбулы, нимало не обращая внимания на тетю Машу. Потом – как-то не заметно – их сменяют три щенка-подростка. Тоже черные и тоже с белыми пятнами, но уже побольше. Они молодые и прыткие. Пока никто не видит, они принимаются носиться кругами по двору, шутливо наскакивая друг на друга и покусывая с довольным рыком за загривки. От этих добрых молодцев не спрятаться, не скрыться. Бросив все, они подскакивают к лавочке и, пофыркивая от удовольствия, трутся о колени вынужденного оживиться человека, не забывая при этом тыкаться, потягивая носом, в ладони.
Не найдя чем поживиться, вежливо помахивают хвостами и отходят.

А в кустах за спиной шебуршит еж, давно здесь поселившийся и ставший практически почти ручным.

В листве тополей, ив и акаций раздаются первые осторожные трели иволог – то в одном, то в другом месте и вскоре их набирающие уверенность голоса сливаются в оркестр. Удивительная все-таки птица иволга. Как двуликий Янус. Она то изливается нежными звуками флейты, то – вдруг издает резкое, зловещее, не то воронье, не то попугайное «А-а-а-р»!

Но и это еще не все.
Есть в нашем дворе и кое-что поинтересней.

В тот день это кое-что было замечено вышедшей на прогулку с таксой соседкой из соседнего корпуса.

- Белочка!.. – изумленно закричала она, подняв голову к тополю, по стволу которого стремительно как ртуть в столбике термометра действительно летела вверх доподлинная, чем-то ошарашенная белка. – Ой, мама, белочка!.. Белочка!..

Казалось, женщина вот-вот взлетит по стволу вслед за уже безвестно пропавшей белочкой. А залившаяся взволнованным лаем такса поплывет за хозяйкой прямо по воздуху.

- Ой, ну зачем же так кричать…
Это вышел из нашего первого подъезда тот самый дядя. Ну, про которого говорят…
А вот я возьму сейчас и спрошу.
-Здравствуйте, дядя Саша.
- Здравствуй, здравствуй Маша. Отдыхаешь?.. Жарко сегодня. Ты посмотри – опять в подъезде валялись бумажки от конфет.
- Фантики, наверное.
- Я им покажу фантики!.. Всех квартирантов надо выселить, раз не умеют себя вести.
- Дядя Саша, а у них горе. Кто-то отравил их кошку.

Высокий седовласый мужчина с лопатой, прищурившись, глядит куда-то вдаль поверх моей головы. Словно забыл там, на невесть какой высоте, какой-то недостающий в хозяйстве предмет. Затем произносит – ровно и отстранено, но в то же время с тихим упреком:

- Нет, это не я. Человека бы я убил, но животное – никогда. У меня в детстве, знаешь, какая кошка была – бурая, размером с теленка. Я не шучу. Мы были ребята послевоенные – пять ртов в семье. Так вот – пятой была кошка.

- Хорошо, дядя Саша.
- Бывай…
Повернувшись, он удаляется неспешной чуть виляющей походкой в сторону гаражей – там у него растут три мощных – под стать дубам – ореха, под которыми разбит цветник.

Дядя Саша неутомимый труженик и если не находит работы в собственном хозяйстве, принимается рыхлить и поливать окрестные деревья и кусты, собирать мусор, подметать. Или просто – рассказывает всем и каждому про то, как можно это сделать наилучшим образом.

Кот из дому – мыши в пляс.
Только этот воинственный противник нездорового быта завернул за угол, как со стороны нашего подъезда стали просачиваться смех и детский гомон. И – вскоре оттуда вылетели пулей две девочки – Даша и Нина. Понеслись, расставив руки самолетиками, на площадку и – скорей, скорей! – взобрались на карусели. Отправились, продолжая чему-то смеяться, в свое первое на сегодняшний день кружение. Снова глядят с неизъяснимым восторгом на несущийся кругом мир, словно видят его впервые.

- Ой… Здравствуйте!!
Это они меня заметили.
Соскочили с каруселей, подбежали, подсели с двух сторон на бревнышко под ивой, куда я присела после разговора с дядей Сашей.
- А вас как зовут?
- Маша.
- А нас – Нина и Даша.
Это каждодневное знакомство – своеобразный ритуал. Ведь у сестер еще мал словарный запас, а значит, хромает и память на слова.
Слова – только повод. И действительно, не все ли равно о чем говорить?

- Вы где живете?
- На седьмом этаже.
- А мы на пятом. Вы приходите к нам в гости.
- Спасибо, как-нибудь приду.
- А у нас дома теперь – новая кошка.
- Да вы что!.. Молодцы!
- Она беременная!..

- Ну, совсем хорошо!..
- Да… Скоро будут свои котята.

Отбегают. Опять усаживаются на карусели.
Так они успевают за день переговорить, наверное, со всеми соседями.

А у меня между тем – тоже есть своя маленькая радость: только что купленный сад с огородом. Мой милый огородосадик, как я его называю.

Я надеюсь взрастить собственными руками помидоры и огурцы, тыквы и кабачки, свеклу и морковь, броккули и фасоль.

Все это, впервые увиденное как оно есть – не на рынке или тарелке – проклюнувшееся как из ниоткуда на месте собственноручно разбросанных семян, быстро покрывшееся клейкими листиками и рванувшее к небу, приосанившееся, возмужавшее и уже раскинувшее во всю ширь полные цветков ветви – представляется мне чудом, волшебством. Мне кажется, я закричу от восторга, узрев завязь первого плода.
Но, увы, плодов нет.
Только - пустоцветы.

Дед, продавший мне часть своего участка среди полузаброшенных огородов позади наших с ним практически сросшихся корпусов, куда он торжественно спускается прямо с балкона первого этажа, неся на плече мешок со смесью картофельных очисток, луковой шелухи и всевозможных гниющих плодов, - все это он выуживает поутру из мусорных баков – объясняет этот феномен так:

- Земля – очень бедная. Солнце приходит сюда – только в обед. И только и успевает, что – погладить макушки деревьев. К тому же, у деревьев, которые выросли здесь самосевом густо, как петрушка – есть еще и корни. И они уже давно сплели под ней сеть. Куда и попадают в наше знойное лето скудные осадки из твоей лейки.

- Ну как же, - говорю я, - ведь тыквы и помидоры все-таки выросли. На них – цветы!

- Ну да, природный порядок таков: сначала – цветы, потом – плоды. А у нынешней молодежи – одни цветы, одни цветы… Вот и получайте теперь – цветы. Вы думаете, у Бога нет юмора?..
Кряхтя, дед переходит с ломанного русского на родной грузинский и выдает тираду из какого-то классика. Но, почувствовав, что за столь исчерпывающим ответом должно, по идее, последовать объяснение того, почему он продал мне столь «хорошую корову» втридорога, спохватывается, и принимается проворно ссыпать гниль под хилые персиковые деревца и кустики картофеля.

- Нет возможности покупать удобрения, - простодушно поясняет он после затяжного молчания, заглядывая мне в глаза своими ясными голубыми глазами, в которых чувствуются какая-то тонкая отрешенность и лиричность, какая-то нездешность и в то же время теплота.

Весь облик деда, контрастирующий с его постоянным зудом деятельности, какой-то приподнятый над землей и напоминает мне этим птицу, причем, юную, с живыми, искрящимися на солнце капельками глаз.

За эту приподнятость я прощаю ему все.

Хотя птица это странная и даже сомнительная. Она сеет, но не жнет.
Дед под своим балконом то пилит, то стругает доски, то перекладывает с места на места бревна, то – таскает камни, копает, а чаще всего – просто любовно сортирует мусор, которым буквально захламил пространство под балконом.
Нисколько не стесняясь, он пытается делиться со мной подробностями технологии сбора своих несметных богатств, а также частью доморощенных удобрений. Но я вежливо отклоняю эти услуги.
И вскоре дед ретируется.
Ведь и приходил он только затем, чтобы сделать вид, что что-то делает.
Деятельность – это просто его хобби. Собственно, и картошку он сажал только затем, чтобы как-то отметиться на своей половине участка. А так – картошку он добывает в тех же мусорных баках.

Когда я вдохновенно рассказываю ему о книгах известных сторонников природного земледелия, он, слушая краем уха, роняет со своей элегантной, несколько загадочной, мелодичной, неизменно теплой, тонкой улыбкой:

- Я понимаю – у всех свое хобби. Кто-то увлекается охотой, кто-то – рыбалкой, А кто-то – садоводством.
Всем своим видом дед выражает мне почтение.
А я – выражаю почтение ему.
И этим мы – оказываем друг другу немалую услугу.
Хотя в остальное время – просто молчим.

Или попросту – не встречаемся.

В одно из утр, придя в очередной раз в этот странноватый уголок природы и опять не найдя там плодов, я устало ложусь на траву в междурядьях. Еще очень тихо. Пчела беззвучно облетает оранжевые чаши на извилистых как реки стеблях тыкв. По ним же – как бы плывет пассажиром задумчивый муравей, держа какую-то былинку. К задней стороне бархатного листа прилепилась улитка. Другие улитки попали в прозрачные застенки целлофанового пакета, где их целая куча. Одни из них, к счастью, спят или притворяются спящими, но некоторые пробудились и, вытянув глаза-антенны, пытаются найти выход.

Позже я аккуратно высажу их в бурьян на пустыре. Мол, осваивайте, друзья, новые земли.

Это послание я пытаюсь донести до улиточного рода буквально ежедневно, отрывая от него в день по пакету.

Другим пожирателям огородных культур пока что везет – им великое переселение не грозит. Ведь наука пока не изобрела средств мирного и безболезненного изгнания, например, муравьев или божьих коровок, не говоря уже о тлях, клещах, пауках. И – что самое грустное – даже не пытается двигаться в этом направлении. Самое гуманное из того, что она пока может – это разведение насекомых-хищников, которые питаются огородными вредителями. Наука привыкла опираться на здравый смысл, а не на нравственное чувство. Какое ей дело до какой-то маленькой ядохимикатной войны в пределах царства насекомых.

А взять, например, сорняки.

Мне представляется, что в языке любого народа есть не только сочные и прекрасные слова-плоды, не только их тени – антиподы - слова-паразиты, но и целый пласт слов-пустоцветов, родившихся в результате прагматичного обобщения чьего-то недалекого ума, радостно подхваченного толпой. Такую ложку дегтя можно отыскать даже в некоторых народных сказках, поговорках, пословицах, где прославляются хитрость, коварство, зависть, корысть, пренебрежение к другим народам.
Так вот – слово «сорняки» - тоже из этого коварного рода.

Это всего лишь ярлык для такой же божьей травы, как и повсюду.

Сорной она становится, попав в плен оград, где ее вдруг принимаются рвать с корнем, вытаптывать, муштровать – словом, всячески теснить.
А еще ее закладывают в бочки, заливают водой и, дав перебродить, питают затем ее

кровью землю. Или сеют и, безжалостно срезав до цветения, закапывают, чтобы вся ее свежесть перешла в прах, откуда потом и взойдет хлеб наш насущный.

Но где же выход?..

И почему это так?..

Я часто задаюсь этим вопросом.
И как будто то бы – выхода нет.

Ведь если не потеснишь другую божью траву – «не нашу» - то не вырастишь «нашу», так сказать, кровную, «свою».
Окультуренные растения крупней, сочней, вкусней, чем в дикой природе. Но и беспомощней, слабей.
Без войны поддерживающего их земледельца со всем «не нашим» им пока не выжить. А, следовательно, – не выжить и земледельцу со всем своей родней.
Причем, он вынужден методично давить и на культурные растения, прибегая ко всяческим уловкам, требуя и требуя от них урожайности, очень часто превышающей их природные возможности.

Но что если немного сместить ракурс зрения?
Что если перестать делиться на наших и не наших и вспомнить, что все мы – земляне?

Что если направить всю мощь коллективного разума в виде возвышенной науки – не на борьбу, а на поиск сосуществования?..

Тогда – кто знает? – быть может, вдохновившись нашим примером, «**волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому».**

«Все в ваших руках!» - словно говорит мне смоковница на соседнем участке. Еще зеленые, мелкие ее плоды овевает нежная утренняя дымка.

Не все знают, что смоковница – одно из возвышенных названий нашего обыкновенного инжира.

Как-то к огороду подбежали, пересмеиваясь, Даша и Нина, влетели с разбегу в калитку и, прыгая и вертясь по своей привычке на одной ножке, чтобы захватить в поле зрения сразу все-все, возбужденно спросили:
- Это что – все ваше?! А когда у вас вырастут цветы, можно мы сорвем один цветочек?
- Можно. Но только один. И такой, у которого есть братики на одном кустике. Но я бы на вашем месте и этого одного не стала отрывать от семьи. И уж тем более – вырывать с корнем.
- А разве вы не дарите цветы маме?
- Ну, понимаете… Скажу вам честно – нет, не дарю. Моя мама любуются ими с балкона.
- А у нас с этой стороны балкона нет. Можно мы тогда приведем сюда свою маму, когда она приедет?
- Конечно, приводите!
- Вы знаете, а вон там, где стоит машина, есть яблоня. Мы иногда собираем ее яблоки для бабули, чтобы она варила компот.
- Ой, девочки, эта яблоня питается бензином, угорает в выхлопных газах. Не трогали б вы

этих яблок…
- Да нет, они хорошо пахнут. А вас как зовут?
- Маша.
- До свидания, тетя Маша!

Опять продолжились кошачьи истории.

Как-то Даша с Ниной, перехватив меня на ступеньках у своего пятого этажа, – лифтом я стараюсь не пользоваться и это обстоятельство впервые сулит мне маленькие приятные сюрпризы, - возбужденно вскрикнули:
- Здравствуйте!!
- Здравствуйте-здравствуйте… А это не ваша новая кошка приходила сегодня ко мне под дверь в 6 часов утра?.. Мяукала там.
- Она серая была?! Наша!!! Где она?!
- Не знаю, наверное, убежала.
- Вы на каком этаже живете?
- На седьмом.
- Наверное, она убежала на восьмой, к строгому дедушке с веником. А тот ее прогнал.
- Что вы за люди – то черную кошку ищете, то – серую…
- Она у нас беременная!

Не попрощавшись, понеслись галопом вниз.

Только вошла я в дом, как стали слышны со двора истошные, и, как мне показалось, отчаянные крики Даши. Выскакиваю на балкон и вижу, как по дороге вдоль корпуса со всех ног несется Даша с каким-то темным комочком в руке и кричит с невероятным восторгом на всю округу:
- У нее выпал котенок, у нее выпал котенок!!!.. Наша Мурка родила!!!

Позже я видела сверху, как Даша, слегка раскачиваясь, терпеливо выслушивала выговор от тети Элисо – продавщицы продуктовой будки у подъезда, где семья отоваривалась в долг:
- Ну подумай, Даша, ведь этот люк был ее роддомом. Кошка могла попасть в дурдом, когда ты в него ввалилась. Хорошо еще, что ты сразу вернула ей ее сокровище.
Даша понимающе кивала.
Потом взяла нагруженный доверху пакет и, приобняв его обеими руками, побежала в подъезд.

Какое-то время наши пути не пересекались. Я нигде не видела знакомые фигурки, не слышала звонких голосков.

Наконец появилась Даша. Подъехав на роликах к подъезду, когда я из него выходила, она сходу сообщила:
- Кошки больше нет. Она убежала из нашего двора вместе с котятами.
- Что ж… Так будет лучше для всех.
- А еще мою сестру Нину сбила машина.
- Как это?! Когда? Где?!
- Вчера и еще вчера и еще вчера…Она играла возле этих кустов у подъезда, а потом вышла из них на дорогу. А там как раз ехала машина. В этой машине была еще жена шофера и их ребенок. Жена увидела Нину и быстро схватилась за руль. А водитель нажал на тормоз. Но у Нины все равно попала под колесо ножка. Они сразу взяли ее на руки и отвезли в больницу. Заплатили там за все.

- И как она? Все еще в больнице?
- В больнице она была с тех пор как родилась вот сколько раз…- Даша показала четыре пальца. – Но сейчас она дома. Лежит с забинтованной ногой и играется в компьютере.
-Ну а ты?.. Ты-то чего ездишь на роликах по дорогам – беги кататься на площадку.
- За меня не волнуйтесь – я ловкая. И потом – все это случилось из-за того, что когда мы были на кладбище, я подняла с могилы монету… Но мама зарезала в Москве петуха и Боженька больше не сердится.
- Ох, Даша, зря ты веришь во всякую чушь.
- Нет, что вы – это все очень серьезно! И потом – так говорит мама!

Все лучшие помыслы девочек были направлены к образу мамы. Этот образ они бережно лелеяли, поместив в самый центр горячих сердец и охраняли от любых нападок. Даже от нападок собственной матери на этот же самый образ.

Иное отношение было у них к отцу.

- Наш ненормальный папа, который оставил нас без квартиры, - рассказывала Даша, - передал сегодня через друга сумку с кока-колой, хачапури и шоколадом. Мама написала Инге на телефон, что лучше бы – обувь купил. Знаете, он дожил до этих… до пятидесяти пяти лет, но никогда не работал. А в молодости он сидел в тюрьме, потому что был вором. Свою квартиру он тоже давно продал, а теперь живет у своей любовницы, у Кетино. Потому что у нее большая квартира и она купила ему джип… Вы видели когда-нибудь тут белый джип? Это он иногда приезжает, звонит Инге, нашей сестре, и передает подарки. Правда, потом сразу уезжает – он боится нашу бабушку. Стесняется ее… Хотя вообще-то наша бабушка умерла.
- Как умерла?! Вот эта вот бабушка, что…
- Нет-нет, эта бабушка, что живет у нас – это мамина тетя. А та, наша родная – она отравилась из-за несчастной любви, когда маме было шесть лет, а тете Любе – два годика. Напилась разных таблеток. Их было сто двадцать штук.

- Вообще-то, Даша, Кетино хорошая, - осторожно вставляет Нина, - вот помнишь она в прошлый раз, когда мы звали папу со двора, спустилась и дала конфеты.
- Я не хочу ее конфет.
- Но ты же их взяла? Взяла, да?..
- Дурында, я их потом выбросила.

Но и тут – побеждала любовь и неистребимая детская доверчивость.
Через полчаса после этого рассказа Даша уже хвалилась мальчишкам, с которыми они то играли, то ссорились по десять раз на дню:
- Мой папа – самый сильный и красивый. От сильной силы у него даже выпали с головы почти все волосы. У него – большие усы. Когда мы с Ниной были маленькие, он катал нас на плечах. Вы видели его белую машину? У него там под задним сидением есть пистолет… Честно-честно…Он говорит: «Даша, если что – ты только скажи».
- А что ты, что ты можешь сказать? Ну скажи-скажи, если сможешь!
- А вот и скажу!

Достав из кармана телефон с потертым экраном, карту для которого купил как раз папа, и как раз сегодня, Даша, не долго думая, набрала его номер и энергично прокричала:
- Папа, здравствуй!.. Слышишь, папа, меня мальчики обижают!
- Что?..
- Меня мальчики обижают. Ты бы не мог мне помочь?

Из телефона послышалось какое-то глухое ворчание и он, к величайшей досаде Даши, отключился.
- Ну и где твой папа? – торжествующе сказал друг-недруг. – Лично мой папа – он вот он, видишь, стоит с друзьями у магазина. А где папа твой?

Этот вопрос, по-видимому, не на шутку вывел Дашу из себя.

- Я обижена на папу, - хмуро поведала она мне как свидетельнице происшествия, потерянно опустившись рядом на лавочку.
И чуть позже, когда Даша с Ингой ходили за продуктами в универсам, близ которого и жил отец, Даша, заметив его в окружении друзей тоже у какого-то магазинчика, подлетев к нему, вдруг выпалила:
- Папа, у нас дома кушать нечего, а ты - тут!
Отец густо покраснел.

Вскоре на московский телефон матери поступил звонок.
Мать, вступавшая в переговоры с отцом своих младших дочерей только через третьих лиц, трубки не взяла. Но звонки продолжали непрерывную атаку. И она поняла – что-то стряслось. Сняв же трубку – услышала брань задыхающегося абонента, который как бы из-за всех сил старался сквозь нее прорваться, материализоваться в комнате. Крикнув в ответ:
- Погоди, я так ничего не слышу! – она отодвинула аппарат на расстояние вытянутой руки. - А теперь говори.
Но трубка, прежде чем оттуда донесся более - менее связный рассказ о случившемся, еще долго извергала проклятия.

Эту концовку, над которой мы все посмеялись, рассказала мне Инга.
Ей частенько приходилось являться под балкон отчима, где он жил у своей Кетино, и просить у того денег.
Пара была бездетна, жила тихо и уединенно, причем, Кетино тоже не работала, но то и дело летала к работающей в Украине матери, где, по-видимому, добывала какие-то средства к существованию.
В эти-то периоды стояние Инги, а иногда и всех трех сестер под балконом наглухо зашторенной трехкомнатной квартиры на втором этаже – принимало катастрофические масштабы для скрывавшегося в ее глубине папы. И он просто не выходил на балкон.
Выполняя эти поручения, Инга успевала проведать всех своих друзей по старому дому и порой так задерживалась допоздна, что ее собственной матери, когда та еще была здесь, тоже хотелось прорваться сквозь телефонную трубку и, материализовавшись джином между дочерью и ее неизвестным или попросту воображаемым кавалером, устроить им там бурю в пустыне.

Инга в свои пятнадцать лет выглядела на все семнадцать. И все ужасно за нее боялись. Даша часто увязывалась за сестрой, когда та уходила по делам либо на прогулку, причем, не только по просьбе бабушки, но и по собственному почину.
- Инга, ты куда?.. – строго спрашивала Даша, завидев маневры сестры по отдалению от корпуса.
- Мне подружка позвонила. Будь здесь, а я скоро приду.
- Я - с тобой! А то бабуля покажет тебе подружку. И дружка – тоже покажет!
- Правильно, Даша, - одобрительно подмигивала я, - Сестру ухажерам – не отдавать!

Вообще же Инга, казалось, была не в семью. Сдержанная и молчаливая, с тонкими чертами лица и фигурой с развитыми формами, плавной походкой, неторопливыми движениями, негромким голосом, никогда не интересующаяся чисто детскими забавами –

она проводила свои дни за зеркалом и компьютером, отмахиваясь от семейных забот. Учась в грузинской школе, она и по-русски-то теперь говорила с акцентом. Похоже, что необузданные нравы родни тяготили ее. Настоящие свои чувства эта девочка уже научилась скрывать, прячась, как в домик улитки – в маску равнодушия с присущей тому двойной жизнью.

Это так контрастировало с еще невинным, цельным поведением Даши, у которой, как и у всех еще безрассудных детей, природная доброта причудливо переплеталась с неприкрытыми звериными инстинктами.

Тем не менее, сестры были дружны. Они могли гулять, держась за руки. И у Инги, которая даже во время прогулок была погружена в свои мысли, прояснялось лицо и на губах ее, когда она рассеянно слушала щебет Даши, проступала едва приметная нежная улыбка.

Вот они выходят, взявшись за руки из подъезда. Инга целует сестру и говорит: «Пока-пока», отрывается на шаг-другой и плывет гладкой походкой в свое немного грустное далеко. Там ее подхватят под руки и уведут в свой мир более веселые подруги, а, может быть, и дружки. Пока она просто плывет по течению. Она не знает, чего ей хотеть. Она зависла в закольцованном времени.

Даша же со всех ног кидается в проход на площадку, где я прогуливаюсь со своей пожилой матерью. Разбег – и она повисает у меня на шее.

Моя мама в шоке.
- Деточка, ты же тяжелая, - говорит она Даше с неудовольствием.
- И часто это происходит? – оборачивается она ко мне. – Ты же кишки подорвешь.
Она еще пытается что-то говорить и даже в сердцах бросает вблизи моего уха:
- Да это же не ребенок, а обезьяна. Смотри – она вскарабкалась на забор и уже раскачивается на ветках деревьев.

Но я, отмахиваясь, приветливо улыбаюсь.
Даша, подхватывая эту улыбку, словно расцвечивает ее всеми цветами радуги. Все больше воодушевляясь, она продолжает молча «выделываться» (на взгляд моей мамы). А на самом деле - демонстрирует всевозможные пируэты, и артистизму ее нет предела. Спрыгнув на землю, она в довершении программы делает колесо и садится на шпагат.

- Ее надо отдать на гимнастику, - говорит мама уже спокойнее.

Тут Даша, потянув меня за руку, просит:
- Пожалуйста, отойдем на минутку.
Там, в сторонке, она шепчет:
- Тетя Маша, а почему ваша мама с вами спорит?
-Честно говоря, я не знаю.

Тут надо заметить, что мама не могла простить Даше одного эпизода.
Как-то, когда она возвращалась из магазина, сгибаясь под тяжестью продуктовой сумки, мимо прошли Даша со своей матерью – тогда они только вселились в наш корпус и еще никого не знали.
- Прабабушка идет, - бросила на ходу Даша.
Ее мать, покосившись на мою мать, коротко рассмеялась.
- Не прабабушка, а бабушка, - уточнила она со смехом.
- Нет, это прабабушка, - энергично возразила Даша.

Дети всегда определяют возраст очень точно.
Разумеется, мне тоже не понравилось, когда Даша однажды заметила, что я уже «перехожу к бабушкам».
Но смириться с переходом к прабабушкам – дано не каждому.

Был еще случай. Даша спросила:
- Тетя Маша, а почему бабушка со второго этажа сказала, что у меня противный голос?
- Потому что это ненормальная бабушка! Ну, понимаешь, у бабушек в определенном возрасте начинается маразм.
- Нет, тетя Маша, бабушка хорошая. Просто я не понимаю, почему она так говорит.
- Поменьше кричи в подъезде. А с голосом у тебя – все в порядке.

Это дашино «нет, бабушка хорошая» заставило меня в дальнейшем выбирать слова. И вообще, я стала относиться к своим повседневным привычкам критичней. Например, мне пришлось заменить рванные кеды, в которых я ходила на огород, а потом – на свою утреннюю прогулку по площадке перед домом, полагая, что все понимают, что это я так– еще с огорода.
Даша вдруг воскликнула:
- Ой, тетя Маша, у вас в кедах дырка.
Я ответила:
- Да, надо сменить.
Но не стала.

Тогда в следующий раз Даша вкрадчиво так спрашивает у меня:
- Тетя Маша, а вы знаете, что у вас порвалась обувь?.. Нет-нет, если вы знаете, то – все в порядке. Просто я на всякий случай спрашиваю – вдруг вы не знаете.

Очень удивилась «прабабушка» - моя мама – пилившая меня ровно за то же самое, что я так поддаюсь влиянию Даши.
И почему-то рассердилась.

Но больше всего маму возмущали сцены у продуктовых будок.

- Да-ша!.. – раздавался с балкона монотонный, но пока что еще вежливо-просительный голос Инги.
Этот призыв повторялся по многу раз за день, начиная с первой дашиной прогулки. Причем, вначале он словно не доходил до ушей адресата. Даша продолжала невозмутимо играть.
- Даша! – вновь и вновь развевался как белое полотнище неотвратимый, все более крепнущий, все более властный призыв. Нотки вежливости в нем становились так редки, что соединяющая их струна могла вот-вот порваться.

Даша, наконец, раздраженно выкрикивала:
- Что?!
- Сходи к тете Элисо, возьми в долг кофе, картошку, сигареты и – сама знаешь что. Бабуля просит…
- Ох, Инга, иди сама. Мне стыдно!..
- Даша, бабуля очень просит.
- Пусть Нина пойдет!
- Никуда я не пойду! – орет с другого конца площадки Нина.
- И я не пойду!

На некоторое время воцаряется тишина. Инга больше не выходит на балкон.
Даша и Нина продолжают настойчиво заниматься своими играми – кто чем.

Но дело сделано. И вскоре Даша, сбросив притворную погруженность в забавы, вздохнув, направляется к будке.

Там она долго переминается с ноги на ногу, ожидая, когда продавщица сама обратит на нее внимание и задаст какой-то вопрос. Тогда Даша, подпрыгнув, обопрется обеими руками на стойку будки и повиснет на них – так ей удобней вести переговоры прямо в окошко.
Потом она потащится в подъезд уже с пакетом. Иногда – с очень тяжелым пакетом.

А, бывало, Инга крикнет сверху:
- Нина, пойди к дяде Серго – передай ему записку… Беги скорее, там папа.
- Папа?! У дяди Серго?!
- Да. И пусть еще даст лук и зелень.

Нино проносится через площадку как метеор.
Там, за площадкой, заброшенные огороды. За ними – гаражи. И в одном из них – магазинчик дяди Серго, совсем еще молодого мужчины, который в свободное от покупателей время играет с товарищами в домино и попивает пиво – для этого у них есть стол и скамьи в виноградной беседке.
- О, Даша-Маша пришла, - бросает он скороговоркой.
Товарищи улыбаются.
Но среди них почему-то нет папы.
Наверное, он уже ушел.
Эх, надо было бежать быстрее.

- Дядя Серго, мама просила дать в долг… Ну, в общем, вот записка.

Вернувшись на площадку, она кладет в лифт пакет, а Инга потом вынимает его на своем этаже.

- Нина, бабуля еще сахар просит. Возьми еще, пожалуйста, сахар. Но меня уже дома не будет – я ухожу.
- Инга, ты уже надоела!.. Хорошо, допустим, я принесу сахар. Но кто его поднимет?
- Твой папа!..

Молчание.
- Эй, Нина!.. Ну быстрей… Мы кушать хотим.
- Обманщики. Не было там никакого папы!

Как-то я услышала такой диалог между случайно налетевшими друг на друга во время игры Ниной и Дашей.
- Ты ей уже приносила?
- Нет, ей сегодня уже больше не надо.
- Ну конечно, она же вчера упала и лежала пока ты ее не подняла.
- Я сначала хотела позвать на помощь соседей, но бабуля сказала – не надо, стыдно. Что мы маме скажем, когда она будет говорить с нами в скайпе?..
- Даша, я ей не приносила. Это все ты.

В такие дни – балкон на пятом этаже пустовал, как заброшенный скворечник.
А моя мама высокомерно прикрывалась зонтиком, если ей доводилось совершать пешие восхождения пешком.

В этот день, поднявшись высоко над Землей и обозрев ее в воображении с высоты, любой здравомыслящий землянин мог бы ужаснуться содеянному в Пальмире.
Любая женщина разрыдалась бы от увиденного в Донбассе. А любой настоящий мужчина захотел бы разогнать в честном кулачном бою какую-нибудь очередную четырехстороннюю встречу-вечеринку президентов.
Шли на работу полицейские и бандтиы, генералы и финансовые магнаты, таксисты и дворники, учителя и доктора.
Спускался на тоненькой струйке слюны огромный черный паук.
Летела к своей страшной судьбе муха.
Падал жук вместе с облетевшим тополиным листом.
Великие державы привычно демонстрировали друг другу боеголовки.
А на площадке перед нашим корпусом, высоко взлетая на качелях, две девчушечки – Даша и Нина – дружно пели популярную в интернете, но не популярную в государственном эфире песенку-шутку про чужого президента и его маму. Но при моем приближении - так же дружно смолкли.
- Ой, здравствуйте, тетя Маша!.. А вы же ничего не слышали, да?.. А то мама нам не разрешает петь на улице.
- А кто вас петь научил – бабушка?
- Нет-нет, что вы – это мы сами.
- Ладно. Считайте, что я вам поверила. Слушайте, вы тут так разогнались, что еще немного – и улетите в космос! Кстати, а вы хотели бы быть космонавтами?
- Нет! – звонко выкрикивает Нина.
- Нет! – вторит ей Даша.

Я искренне удивлена:

- Но почему?!
Нина весело отвечает за двоих:
- А мы не готовы покидать Землю!.. И с мамой – тоже расставаться не хотим!

Начинает накрапывать дождь. Прозрачные капли полируют башенки под старой акацией, которые дети построили из оранжевых стеклышек. Шуршат по листве. А потом, припустив, вдруг превращаются в градины. Сильный порыв ветра заставляет градины лететь косо, почти отвесно – ударяясь в прислоненный к стволу лист жести, они звенят с гулким эхом.

Все мы, укрывшись под навесом, заворожено слушаем эту все нарастающую, убыстряющую темп мелодию. Следим, думая о чем-то своем, а точнее – совсем не думая, за танцем белых горошин.

…Все. Небо уже чистое. Горошины стремительно тают, в том числе на наших ладонях. Оранжевые стеклышки таинственно поблескивают, окутанные какой-то тонкой, хрустальной дымкой. Тонко разливается синева. Пробует голос птица.

- Лука! – кричит вдруг Даша. Она бросается к подъезду, из которого выходит упитанный мальчуган лет двенадцати. Это их двоюродный брат, пришедший вчера в гости со своей матерью – тетей Любой – и оставшийся с ночевкой.

- Лука, одну минутку!.. – Даша пристраивается к нему сбоку, стараясь приноровиться к его размеренному, солидному шагу.
Но и Нина уже тут как тут. Взяв Луку под руку, она пристраивается с другой стороны. Лука снисходительно усмехается, слушая их болтовню.
- А скажи, Лука…э-э-э… ведь мама больше любит меня? – спрашивает в какой-то момент Нина.
- Нет, меня! – тут же вставляет Даша.
- Меня!
- Нет, меня!

Как неуловима эта перемена! От благодушия не осталось и следа. Девочки раскраснелись и вот-вот подерутся.
- Ну вот что – она никого не любит. Понятно?! – ставит свою вескую точку Лука и убыстряет шаг.

Все трое скрываются за поворотом.
Но вскоре появляется раздосадованная Нина. Утирая на ходу слезы, она вбегает в подъезд.
- Нина, что случилось?
- Ничего!
Из-за никогда не закрывающейся балконной двери на пятом этаже долго слышится сердитый рев.

Однажды я застала Дашу гуляющей с какой-то большой фотографией в золотистой рамке.
- Это мама, - сказала она немного нехотя. – А это у нее на руках я в первый мой день рождения.

С фотографии глядела в упор задумчивым, не видящим, бесконечно чем-то удивленным, серьезным взором молодая рыжеволосая женщина, державшая в руках зажмуренного младенца так, словно это было облако, до которого она каким-то образом дотянулась. И которое – гляди – растает.

- А я – у мамы в желудке! - гордо пояснила прибежавшая на разговор Нина.

- Ты так хорошо помнишь, что было до рождения?
- Отлично помню! Вы же знаете что у меня… ну это… косоглазие. А знаете почему? Потому что когда я была еще в желудке, папа ударил маму в спину битой. И попал мне прямо в глаз!

- Господи боже мой... Ну а ты, Даша, ты-то где была до рождения? Можешь вспомнить? – тороплюсь я перевести тему.
Дашу этот вопрос ставит в тупик.
Она некоторое время моргает своими огромными ресницами. Потом неуверенно произносит:
- Значит, дело было так. Сначала была Инга. А потом Инге надоело быть одной и она попросила маму, чтобы та родила ей сестру. Ну мама и родила – сначала меня, а потом – Нину.

Она пытливо посматривает на меня, словно на экзаменатора, который должен вынести какой-то вердикт. И уже по этому вердикту станет ясно, верны ли ее воспоминания.

- Хорошо, Даша. У тебя классная помять!… Хочешь, я вынесу шахматы?

- Хочу! Но я рассказала еще не все. Когда я родилась и увидела тетенек в белых халатах, то подумала – «Какие все дураки!».
- Как так – ты же еще не умела говорить.
- Но думать-то я умела.

Это уже стало традицией – наши игры в шашки шахматными фигурками на маленькой магнитной доске. Играет Даша неуверенно, но при этом вид у нее – как у бывалого игрока. Но этот бывалый игрок словно зажмурен, как тот младенец на фотографии. Хотя на самом деле посерьезневшие глаза Даши широко раскрыты. Однако блеск в них – какой-то кукольный.

Нина тоже играет в «шахматные шашки», но сугубо по-своему. Не сумев понять смысла передвижения фигур, она задорно поет:

- Диги-диги-так!... Оп!..
И ставит шашку туда, куда ей захочется. Сметая ею шеренги других шашек.
А после – отчаянно хохочет.

Но Даше не нравится ее хохот. Она немного отодвигается от сестры и вдруг, припав к моему уху, шепчет – горячо и в то же время немного падающим голосом:
- Тетя Маша, будьте моим Лунтиком.
- Даша, а это кто? – спрашиваю я тоже шепотом.
- Вы что – не видели мультик про Лунтика? Ну, это такой зеленый человечек, он прилетел с другой планеты. Он дает всем добрые советы. И у него есть друг Кузя – ну, такой кузнечик.
- В общем, старший друг.
- Наверное… Тетя Маша, вы приказывайте мне что-нибудь, а я буду исполнять все ваши желания. Честно-честно. Но пусть это будет нашим секретом, ладно?
- По рукам!..
- Жду приказа!
- Вот тебе мой первый приказ: Даша, вырасти, пожалуйста, хорошим человеком.
- Есть! Ваш верный Кузя обязательно исполнит это желание!

Даша загадочно улыбается.
Озорно сбросив фигурки с доски, она отбегает вдаль и украдкой – так, чтобы не заметила сестра - посылает воздушный поцелуй.
Она посылает его так осторожно, словно дует на одуванчик.

Придется мне вечером залезть в интернет и познакомиться с этим Лунтиком.

- Знаете, а мама до сих пор не нашла в Москве работу. Боюсь, что из-за этого она приедет только к зиме. Вот я никак не пойму, почему ее все ищут-ищут и никак не могут найти, эту работу? – делится своими мыслями Даша, когда ненадолго подсаживается ко мне на лавочку, отвлекшись от игр с детьми.

- У мамы хоть есть там к кому обратиться в случае чего?
- У нас там живут два дедушки. Но они – почти мертвые.

Произнеся последнюю фразу, Даша пожимает плечами и вздыхает.
Потом недоуменно спрашивает:
- А почему люди умирают?
- Ну, Даша… Понимаешь… Наверное, так. Земля – она на самом деле маленькая, она

умещается у Бога в ладонях. А Бог живет в Раю, которому нет ни конца, ни краю. Там все постоянно меняется, все – волшебное, интересное, захватывающее. Ну, как сейчас у тебя. А дедушки с бабушками на маленькой Земле уже все посмотрели. Все, что хотели – сделали. Или не успели сделать, но – это уже их проблема… И представь – чем бы они еще тут занимались, если б жили вечно?.. Жить на Земле вечно – это значит вечно скучать.

Услышав эти слова, Нина тоже бросает игру и подсаживается ко мне с другой стороны скамейки.

- Тетя Маша, а я боюсь умирать. Я же чуть не умерла, когда меня сбила машина, - говорит она, усмехаясь. В отличие от Даши, которая, вопрошая о том и сем, всегда предельно серьезна, она не чужда черного юмора. – Вы знаете, а жизнь мне правда кажется какой-то… ну… не знаю, как это сказать. Ну, какой-то такой, что прямо – ах!.. Все прямо такое красивое, такое хорошее.
- Волшебное, - подсказываю я.
- Да, тетя Маша!.. А еще знаете, я иногда просыпаюсь ночью и начинаю всех жалеть. И у меня начинает болеть вот здесь, где сердце. И еще в середине живота – прямо под ребрами. Но мне приятно-приятно. А у вас так бывает?

Даша, которая с появлением Нины с другого моего бока, возмущенно выдавила что-то вроде «Э-э!..», крепко прижимается ко мне. Вперившись взглядом в сестру, она зло произносит:
- А что это ты так смотришь тете Маше прямо в глаза?..

Тут надо заметить, что такие же доверительные – без малейшей оглядки - отношения у девочек были не только со мной, но и со всеми взрослыми людьми, которые принимали в их жизни хотя бы мимолетное участие. Они не только приветливо здоровались по многу раз на дню с соседями, продавцами и дворниками, но и немедленно бросались обниматься с теми из них, кто отзывался на это с улыбкой. А Даша даже бегала в соседний двор, чтобы посидеть-поговорить с одной престарелой бабушкой, которая выходила продавать кухонную утварь. Правда, иногда наградой ей – становилось мороженое. Но не в этом суть.

А вот отношения с другими детьми, так же как и отношения друг с другом – складывались у сестер не столь радужно.

Дети могут в один миг, защищая свои кровные интересы, которые кажутся нам, взрослым, смешными – превращаться в маленьких зверьков. А после – тоже вмиг – возвращать свое привычное лицо. И еще не чувствовать за этими переходами – какой-то мучительной для сердца безвкусицы. Мне не раз приходилось, разнимая их, ощущать свое бессилие. Дети не только не улавливали своей противоречивости, но и не имели внутреннего конфликта.

Но как-то меня осенило, что другая – скрытая – конфликтующая с их «я» – сторона конфликта могла бы появиться … в результате моих усилий!..

Да-да, благие намерения показать им, мягко говоря, некрасивость зверька, да так, чтобы они буквально встретились с ним взглядом – и привела бы к его появлению как отдельно существующей субличности.

Которая немедленно отправилась бы в тартар подсознания.

Пока же – тени не было.

Как не было и отдельного, возвышающегося над цельностью эго.

И что мне теперь оставалось делать?..

Это был большой и серьезный вопрос.
Я решила пока что – ничего не делать.

Я просто наблюдала, как камешки медленно перетираются, обтачивая друг друга. И как таким образом – возможно, формируются алмазы.
В конфликты детей я решила вмешиваться, только если они угрожали чьей-либо безопасности. И то – без долгих выяснений того, кто больше виноват, да и вообще – без поисков виновных.

Во всем же остальном я положилась на заложенный внутри нас всех саморазвивающийся механизм Красоты.
Но я не знала, куда выведет такая дорога.
Более-менее понятно было одно – Красота это цветок, который необходимо поливать и подпитывать. А садовники тут пока что – взрослые.

Мне вспоминался один из вариантов древнегреческого мифа о Кроносе-Сатурне.

Когда-то Бог Неба Уран и Богиня Земли Гея были едины.

Но их динамичное супружество было разрушено – и разрушено по нескольким причинам.

Во - первых, Уран был слишком творческим, слишком фантастическим. Он так фонтанировал идеями, что его фантазия создала помимо прекрасных творений немало чудовищ. Которые он, недолго думая, сбрасывал в недра Земли. Мол, не родила бы ты их, матушка, обратно?
Корчась в антиродовых муках, матушка терпела-терпела, да однажды не выдержала, и обратилась за помощью к старшему сыну Кроносу, чтобы тот урезонил папашу. (А может Кронос, был младшим сыном).
Кронос был – прообразом нашего современного требовательного родителя. Который разрешает конфликты тем, что – запрещает их.

Мифологический Кронос и разрешил конфликт отца и матери радикально.

Он попросту оскопил Бога Неба и стал править сам.
С тех пор – неожиданностей стало поменьше.
Но и Жизнь перестала бить ключом.

Союз Неба и Земли был разрушен.
И, возможно, как видится мне продолжение этого скорбного сказания – именно в результате этого появился Аид.
В Аиде поселился Фобос.
Миром стал править великий Страх.

Страх и низший, ползучий разум.
Хотя некоторым казалось, что они живут в Золотом веке, так вдруг все стало гладко да ровно.

В наше время эпоху такого правления назвали бы казарменным коммунизмом.

Помня о своем преступлении, Кронос стал страшиться собственных детей и на всякий случай проглатывал их сразу же после их рождения.

И только благостного Зевса он не смог поглотить.

Это Зевс вывел из пены морской Афродиту. Ту самую Афродиту Уранию, что родилась из чудом сохранившегося в водах Океана семени Неба.
Кронос же – оказался в Тартаре.
Как говорится, не рой другому яму…

Разве мы не проживаем этот миф, начиная прямо с пеленок?

Что в нас хотят запеленать?..

И как мы можем не смириться и восстановить утраченную Жизнь?

Культ Сатурна был распространен среди многих народов в бытность их исторического детства. Где-то его называли Шани, где-то – Сетом, где-то – Фавном, где-то - Паном в облике козла. А где-то – просто старухой-Смертью с серпом или косой.

Более того, некоторые исследователи прослеживают этимологическое сходство между именами «Сатурн» и «Сатана», а также между характерами их носителей. Этот он тот самый Властелин Колец Саурон из трилогии Толкиена.

Но вот на смену отцу-самозванцу пришел истинный Отец, явленный в Иисусе Христе.
И как будто бы все сразу должны были увидеть колоссальную разницу между этими лицами.
Но не тут-то было! Сатурнианцы не торопились сдаваться, и не сдались до сих пор. Хотя Христос сказал всем ясно: «Ваш отец – дьявол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины».
Впрочем, это не повод обижать стариков. Да и согласно греческой версии мифа о Кроносе – тот в итоге был прощен, вызволен из Тартара и нашел пристанище на Острове блаженных.

Но что если маленькие дети – это дети Урана? И могут приходить к Иисусу непосредственно, минуя искушения узкого разума уже падших старших?
Может быть, дети – как те самые язычники, до которых достучаться проще, чем для иных «иудеев и эллинов»?
Потому что старость, болезни и смерть – действительно не норма. Отнюдь не норма!
Доколе нами будут управлять какие-то скелеты из шкафчика в подсознании?!

Вот подбежавшая Даша, сдерживая из всех сил слезы, показывает царапину на руке:
- А там опять этот плохой мальчик Саба на дороге, который сделал мне вчера это!
- Он, случайно, в тебя не влюблен?
- Ага, влюблен! – хмыкнув, Даша сердито тараторит, - Когда мы только сюда переехали, он увидел меня в магазине, а потом всю дорогу шел рядом и спрашивал, как меня зовут. Потому что я не отвечала. Но когда он уже и в подъезд за мной увязался, я спросила: «Что ты хочешь?». Он сказал: «Дай один раз поцелую. Только один раз – и уйду!...». «- Точно уйдешь?». «- Точно». «На, целуй!».
- И что было потом?

- Поцеловал в щечку и ушел, - Даша улыбается сквозь слезы. Но тут же опять хмурится – вчерашняя царапина еще саднит.

Вдруг она срывается с места навстречу высокой голубоглазой девочке, шествующей на площадку с ракетками для настольного тенниса.

- Эленэ!..
Взявшись за руки, они бегут к железному столу и принимаются за игру.
Но игра не ладится – для правильного удара по шарику не хватает ни ловкости, ни роста. Хоть в первое время они никак не могут в это поверить и сердятся друг на друга, а Даша даже пару раз раздосадовано ударяет ракеткой о стол, рискуя ее сломать. А это – уже причина для двойного конфликта с подругой.
Стремительно врывается на площадку Нина, требуя быть принятой в игру. Она заставляет Дашу уступить на время ракетку и Эленэ успокаивается, испытав некоторое превосходство. Ведь Нина, которая младше всех, в состоянии только из-за всех сил размахивать ракеткой над головой.

- Отдай, дурында! – наконец выхватывает у нее ракетку Даша.
Но повеселевшая Эленэ уже не хочет упустить инициативу и принимается нарочно подавать шарик вбок.
- Эленэ, перестань!! – визжит Даша, пропуская мячи.
Но та продолжает валять дурака. И скоро Даша присоединяется к этому кривлянию, сначала из желания компенсировать пропущенные удары, потом – из подражания, а после – искренне заразившись весельем.
Все трое скачут и кричат, размахивают ракетками и барабанят ими по столу.

- А я хочу посадить арбуз! – кричит, врываясь в эту суматоху, еще один светловолосый голубоглазый персонаж, который, на первый взгляд, кажется братом Эленэ. Но та демонстративно отворачивается от него. Ворот его рубашки съехал набок, штаны болтаются на худощавой фигурке.

- Я арбуз хочу посадить! – умоляюще повторяет мальчуган и достает косточку из почти доеденного ломтя. Ему требуется безотлагательное внимание.
Эленэ, круто развернувшись, толкает его в грудь:
- А кто вчера сказал: «Мне с вами мама не разрешает играть»? Эх, ты, Илья-не-муромец!

- Про маму – я пошутил. Ну, я просто пошутил… Пошутил я!.. Потому что я просил вас, просил – ну хватит играть в эти прятки. Я хотел в мертвых царевен. А давайте так - вы сейчас замрете по моей команде, а я вас буду расколдовывать.
- Делать нам нечего! – поддерживает подругу Даша.

- Но он же просто шутил, - возражает Нина, - может, поиграем в царевен?
- Делать нам нечего! – упрямо повторяет Даша. И – топнув ногой, отворачивается.

Илья, вздохнув, сидится на качели и, раскачиваясь, принимается напевать.
Вслушавшись в его песенку, все три девочки изумленно подбегают к нему и почти одновременно вскрикивают:
- Что?!.. Ты… ты ругаешься плохими словами?!
А мальчуган между тем продолжает беспечно напевать:
- Скотина я, скотина я, скотина я, скотина…
Кажется, он уже забыл, что здесь не один.
Очнувшись, он добродушно поясняет:
- Это я не на вас. Это я – скотина. Понимаете?.. Я!..

Дети изумлены еще больше. Они никогда не видели человека, который хает сам себя. Готовые уже было накинуться на обидчика, они неуверенно протягивают:
- А-а-а… Ну ладно.
И – отступаются от своих планов.

А Илья-не-муромец, соскочив с качелей, принимается рыть в песке ямку.
- Я посажу арбуз и он вырастет вот какой! Вот такой вот!

- А спорим – не вырастет! – смеется Эленэ, - Мы его растопчем. Правда, Даша?
- Ага. Вот прямо сейчас и начнем.

Илья вдруг начинает плакать. Он кричит во все горло, обернувшись к тут же выглянувшей с балкона третьего этажа женщине:
- Мама, скажи им!.. Я хотел посадить арбуз, а они говорят, что растопчут его, когда он вырастет!

Женщина, улыбнувшись, зовет сына домой.
Продолжая реветь, Илья убегает.
А возмущенные фактом очередного ябедничания подруги начинают разрабатывать план мести. Они шепчутся как настоящие заговорщики. Чувствуется, что звенья этого плана, усложняясь в геометрической прогрессии, становятся все изощренней. Особенно преуспевают Эленэ и Нина. Даша же то лукаво улыбается, то – вдруг хмурится. Потом она начинает улыбаться немного растерянно, а хмуриться – все больше. Наконец она выкрикивает:
- Ну хватит!.. Дурынды, он же маленький!

Позже Эленэ приносит из дому тетрадь и они с Дашей принимаются играть в школу, где Эленэ – учительница. Еще не знающая грамоты Даша, пыхтя, выписывает палочки и опять вынуждена хмуриться – ведь ей задали целую страницу.
- Пиши, Даша, пиши!- чеканит со знанием дела третьеклассница Эленэ.

- Надоело… - ворчит Даша. Но дела своего не бросает. Хотя и ищет предлоги затянуть его.

Вдруг Эленэ вспрыгивает на стол прямо напротив ее тетради. И из-за всех сил топает ногой по гулкой поверхности.
- Даша, пиши!.. – она деланно хмурится и тут же с полуулыбкой поясняет: - Когда я занимаюсь математикой, моя мама иногда делает так же. Учительница должна быть строгой!
Даша недоверчиво улыбается. Она напряженно старается что-то сообразить. Потом выдает:
- А у нас самый грубый не мама, а папа.

Вечером, когда Эленэ уже не пускают гулять, Даша с Ниной все-таки сыграли с Ильей в мертвых царевен. Как видно, царевны расколдованы, потому что когда я затеваю с ними игру «Расскажи о своем лучшем друге и передай ему мяч», Даша неожиданно бережно передает пойманный мяч Илье и, обняв того за плечи, бойко произносит: «А мой лучший друг – это Илья! Он самый добрый, самый веселый! Я очень люблю своего друга».
Илья ошарашен и смущен. Кажется, он не вполне уверен, что речь идет о нем. К тому же, он опасается, что незаслуженная похвала будет вскоре отнята, причем, при самых суровых обстоятельствах.

- Ну а у тебя, Илья, есть лучший друг? – спрашиваю я.
- А как передать мяч другу, если его нет?

- У тебя еще нет друга? Это ничего – ты обязательно его найдешь.
- Да я уже нашел, нашел я!.. – Илья, шепелявя, прямо-таки заливается смехом от моей непонятливости. Он чувствует себя очень счастливым. Это прямо-таки пик его триумфа. – Я нашел друга, но его сейчас здесь нет – мама приведет его в наш двор только послезавтра. Это Гена!.. Я очень люблю моего друга Гену, он… это самое… ну, самый-самый! Вы знаете Гену?
- Нет, к сожалению.
- Как, вы не знаете Гену?!
- Я знаю Гену, - произносит Даша с необыкновенно ласковой интонацией и опять покровительственно кладет Илье на плечо руку, которую до того деликатно убрала. – У Ильи очень хороший друг!
Она незаметно подмигивает мне.
Даша теперь тут – за старшую. И эта роль ей явно нравится.

Когда я, шутливо подкинув мяч, подаю его Нине, та смущенно выпаливает:

- А мой лучший друг – это Даша. Хоть она меня и не любит.

Эта маленькая команда иногда сопровождает меня буквально повсюду.
Только я выйду, все бросают свои дела и кричат нестройными голосами:
- Здравствуйте!... А вы к нам?
- Я пока что в магазин.
- А можно мы с вами?
- Можно-то можно, но вам там будет не интересно.
- Нет, нам все интересно, что от вас!
Последнюю фразу выкрикивает Эленэ – она единственная из всех почему-то здоровается со мной только хором, а тет-а-тет – никогда. Она просто проскальзывает мимо, делая вид, что не узнает меня. То ли из смущения, то ли из невозможности определить, что я за фрукт такой, ведь у третьеклассниц уже имеются зачатки рационального мышления, и ум просеивает полученную информацию то так, то этак. А может, ее смущают какие-то разговоры взрослых за моей спиной.
По возвращении из магазина, Даша потом провожает меня до самого подъезда, а после поднимается пешком до самого моего этажа и деликатно ждет на лестнице, пока я не положу покупки и не выйду с большой спортивной сумкой через плечо. Она старается избегать встреч с моей мамой.

- А что там у вас? – спрашивает она, косясь на сумку.
Все уже привыкли, что там могут оказаться не только мяч или шахматы, но и, например, секатор, при помощи которого мы сможем расчистить от зарослей шиповника тропинку позади площадки.
Все ждут чего-нибудь новенького. Очень радуются всему новенькому. Но быстро теряют к нему интерес. И – опять жадно ловят каждый мой жест, надеясь на что-то невиданное.
Я же - не поспеваю за этим невероятным детским ритмом. Да и не пытаюсь поспеть.
Впрочем, я знаю, что – невольно разочаровываю их. Хоть они и не подают виду.
Я выдаю им – малыми порциями – новенькое.
А дети жаждут – чуда.

Однажды я достаю из сумки книги.
Дети тут же отбирают их у меня и принимаются разглядывать обложки.

Эленэ, едва взглянув на названия, равнодушно отходит и принимается скакать через прыгалку.
Даша, достав свою прыгалку, немедленно присоединяется к ней.
Книга русских народных сказок задерживается лишь на коленях у Нины – ей в ней интересны картинки.

Она весело сообщает:
- А вы знаете, у нас дома есть книга, где нарисована Красная Площадь. Там сейчас наша мама. Тетя Маша, а Москва правда красивая?

Вторая книга картинками не богата и это стихи. Стихи Агнии Барто.
Я пытаюсь читать их вслух. Но дети, кажется, совершенно не слышат меня. Более того, вокруг меня образуется пустота, в которую лишь иногда врывается пробегающий Илья, которого девочки принимаются со смехом гонять по площадке.
В перерывах между гоном Илья, присев на край скамейки и поглядывая одним глазом в сторону шепчущихся мучительниц, пытается рассказать мне о своем любимом киногерое Брюсе Ли.
Мне обидно почти до слез – обидно не столько за себя, сколько за – высокую культуру.
Но позже, взяв себя в руки, я начинаю понимать, что мне нужно отступиться от страстного желания поскорее приобщить детей к ее лучшим образцам. Как я уже отступилась до того от вмешательства в их странные конфликты.

Иначе дети бессознательно отступят от меня сами.
Я пока не знаю, почему это так. Но, видимо, мне еще не раз придется наступать на горло собственной песне.

На следующий день Даша, когда мы остались одни, поглядев на меня искоса, осторожно спросила:
- Тетя Маша, а вы еще будете читать стихи?
- А что – тебе понравилось?.. - оживилась я. - Ты знаешь, я хотела читать вам каждый день по стихотворению. Всего по одному. Но представляешь, сколько бы их собралось через год!.. Целая книга любимых стихов!
- Ой, не надо… Тетя Маша, я не люблю стихи. Только не обижайтесь, ладно?
- Ладно, - ответила я угрюмо.
- А хотите – мы будем писать стихи?
- Ну уж прямо-таки и писать…- горько усмехнулась я, - Писать – но не читать.
- А что – я могу!.. И стихи, и рассказы, и сказки. Вы только мне скажите – про что. И давайте вообще уже заведем специальную тетрадь и начнем туда записывать то, что насочиняем.
- А что – это идея! – торопливо соглашаюсь я на это воистину царское предложение. – Купим еще цветных карандашей и будем рисовать к написанному иллюстрации. Это будет наша с тобой книга. Первая книга!
- И – секретная!
- Так когда же начнем?
- А прямо сейчас. Давайте, пока у нас нет ни карандашей, ни тетради, уже что-нибудь сочиним. Про что будет наш рассказ или стихи?
- Ну… Давай, может, про птиц… Давай придумаем историю про журавля.
- Про журавля?... Пожалуйста!... Значит, так. Журавель вышел на улицу и встретил лебедЯ. (Даша делает ударение на последнем слоге).

Я не в силах сдержать смех.

- Тетя Маша, вы чего?

- Ну и что было дальше?
- А это все.
- Все?.. Сегодня же впишу этот шедевр в книгу!

Однако этот шедевр так и остался единственным. На следующий день Даша уже утратила интерес к нашей секретной книге и забросила ее.

Даша, несмотря на свой прямой и бесхитростный нрав, всегда старается угодить взрослым, иногда даже вопреки своим интересам, если, конечно, и взрослые в свою очередь готовы чем-то жертвовать – хотя бы собственным всезнайством.

Дома ее частенько ругают за плохой аппетит и капризность в выборе блюд. Для бабушки как бывшей образцовой работницы советского общепита, питание – это род священнодействия. Даша буквально впитала в себя из ее поучений уважение к простым непритязательным профессиям. Да она и не знает о других – в семье не было ни летчиков, ни капитанов дальнего плавания, ни даже докторов.
- Даша, так кем ты все-таки хочешь быть?
- Поваром. Я очень люблю готовить.
- Что-то я не замечала, что ты любишь кушать.
- Я готовить люблю. Хотите, перечислю то, что я умею?.. Я и пирожки могу печь, и хинкали делать, и яичницу, и салат…
- Правда-правда, - поддакивает Нина, - Даша, расскажи, как ты сегодня помогла бабуле вымыть пол. А вы, тетя Маша?..

Нина вдруг принимается разглядывать меня с подозрением. Возможно, в памяти у нее всплывают два айсберга - мои бывшие дырявые кеды.
- А что - я?
- А вы умеете готовить?
- Нет, - отвечаю беспечно, - я не умею готовить и не люблю. Наверное, это потому, что я, когда была маленькая, хотела стать космонавтом.
- Ну а маме вы помогаете?

Сделав усилие, выдаю педагогичный ответ:
- Угу, конечно.

- Когда я буду печь пирожки, то занесу их вам! – закругляет беседу Даша.

В другой раз Даша доверительно сообщает нам с дядей Сашей, что ее работой будет уборка большого дома, который она купит для семьи, а также подметание магазина одежды, заведовать которым будет Эленэ – та уже зарезервировала для нее место.
Наши снисходительные улыбки ей непонятны. Она настороженно хмурится.
С точки зрения Даши, и дядя Саша - уборщик, следовательно, ему как будто бы должен понравиться ход ее мыслей.

Желание угодить бабушке все-таки перевешивает.
Когда дядя Саша уходит, Даша угрюмо шепчет мне, что все-таки будет поваром.
- Ну ладно, поваром так поваром. Пока ты где-то пропадала, к корпусу подъехал белый джип и из него вышла Инга с арбузом. Поспеши. А то как бы тебе не остаться без вкусненького. Нина уже дома.
- А я не очень люблю арбуз. Это они с папой купили с машины, которая возит еще дыни и эти самые… тыквы?
- Не знаю. А что ты тогда любишь?

- Хеллоуин.
- Ой, а что это за блюдо такое?..
- Это когда пугают. Но у нас такого нет. Оно - американское!..

Как-то я застаю Эленэ, Дашу и Нину в крайне возбужденном состоянии. Загнав плохого мальчика Сабу на старый тополь, они ожесточенно метают в него палки и камни. Девочки дико орут, Саба – уже не смеется и оглядывается по сторонам в поисках других деревьев… Если перескакивать с одно на другое, то – может, удастся добраться до собственного двора и остаться в живых.

Пытаюсь на сей раз применить холодный душ.
- Вы же девочки! Оставьте бедного мальчика!
- Ага, бедного!.. – кричит, повернувшись ко мне всем корпусом Даша. – Вы бы видели как он вчера ударил Луку!... Лука катался на качелях, а Саба ему сказал: «Встань!». Лука не послушался и Саба его как ударит прямо в нос!.. У Луки сразу пошла кровь. Мы с Ниной закричали. Хорошо хоть, что тетя Люба была дома - она выбежала и так избила этого Сабу, так избила!... А потом еще взяла его за ухо и сделала вот так!... А я его толкнула в грудь!.. Пусть убирается!
- Даша, люди должны быть великодушными. Этот мальчишка уже получил свое. Не надо ему мстить.
- А мама говорит, что - надо!.. Если кто-то сделал тебе плохое, то нужно сразу же и ему сделать то же самое!
- Я думаю, мама говорила про врагов – про бандитов, например. А всех остальных нужно прощать. Особенно, когда они маленькие.
- Ничего не про врагов! Она даже нашего папу не простила! Однажды он ударил ее ножом. И она взяла нож и тоже его ударила. У них у обоих есть шрамы – можете когда-нибудь сами посмотреть!
- Даша…
- Ох, тетя Маша, да идите вы знаете куда!..

Красная от гнева, вся в слезах, Даша убегает на другой конец площадке.
Вот те раз – нежданно-негаданно я нарвалась на ссору.
Растерянно опускаюсь на лавочку, делая вид, что ищу что-то в сумке. А на самом деле – лихорадочно пытаюсь подобрать какие-то нужные слова. Да и успокоиться.

А тем временем на площадке появляется группа девочек постарше.
Взвизгнув, Даша тараном несется к ним наперерез и из-за всех сил толкает одну из них головой в живот.
Между ними завязывается потасовка. Хоть и старшая девочка, которая раза в три выше Даши, не желая связываться с малышней, прибегает к чисто оборонительным действиям.

До меня доносятся обрывки их словесной перепалки.
- Хатия, а ну убирайся из нашего двора!.. Наша мама же сказала, чтобы ноги твоей больше не было около Инги! Ты предательница!... Из-за тебя твои подружки чуть не порезали нашу сестру ножами!... Восемь на одну, хорошо, да, хорошо?!

Опять – ножи. Я ушам своим не верю, что такое происходит отнюдь не в параллельной вселенной. Может быть даже – прямо у моего огорода, где я нередко нахожу окурки.
- А я знала, я разве знала?!.. Зачем эта дура вышла к ним, когда они ее вызвали? Сидела бы дома!... Да мне плевать на вашу Ингу, мне она больше не подруга!

- … Ой, белка!..

- Что?..
- Белка!... На сосне – сидит белка!.. Нет, уже не сидит. Вот, вот, побежала!.. Тетя Маша, Эленэ, белка!!

Смахивая слезы, Даша восторженно всматривается в крону самой высокой сосны за площадкой. Взгляд ее проясняется и в то же время становится нездешним, на губах блуждает рассеянная улыбка.

Хатия, ошарашено проследив за ее взглядом, крутит у виска и, повернувшись к своим сгорающим от любопытства спутницам, начинает что-то взволнованно объяснять.
А Даша, Нина и Эленэ, взявшись за руки, бегут на качели.
Всеми забытый Саба осторожно покидает насиженный сук и стремглав несется вон.

На следующий день, подкараулив Дашу в подъезде, я вынула из своей волшебной сумки три книги.

- Тетя Маша, вы хотите почитать? – спросила Даша с опаской.
- Нет-нет, не волнуйся. Возьми, пожалуйста… Открой, посмотри… Вот эти две книги - это повести очень хороших детских писателей. Правда, вам с Ниной они смогут пригодиться лишь в классе третьем-четвертом. К сожалению, это все, что нашлось у меня дома из такового вот, из детского. Книги сейчас дорогие и у вас наверное их мало… У вас вообще есть дома книги?
- Есть. Но почти все они - чужие.
- Ну вот, видишь… В общем, я их вам с Ниной дарю.
- Спасибо, тетя Маша!
- Погоди. Возьми еще третью книгу. Это Новый Завет. Она в первую очередь для бабушки, мамы и Инги… Ну и для вас, конечно. Правда, опять получилось, что и эта книга – она как бы на потом… В общем, неси все поскорее домой.
- Хорошо, тетя Маша. Спасибо вам!

Вечером в нашу дверь уверенно постучали.
Мама подошла к глазку, посмотрела, вернулась в комнату и говорит с едва уловимой усмешкой:
- Иди – это к тебе. Кажись, это твоя маленькая подружка.
Открываю, а там и вправду стоит Даша.
- Здравствуйте, тетя Маша. Спасибо вам за книгу про Боженьку!.. Тетя Маша, а у вас есть кот?
- Кот?!. Нету.
- Бабушка просила передать вам это. Вот…
И – протягивает пакет кошачьего корма.
-???
- Заходите в гости… - заученно добавляет она упавшим голосом. – Бабушка сказала, чтобы вы заходили.

Ну, корм мы с мамой, конечно, не взяли.
Но приглашение я взяла на заметку.

Звезды спрятались за голубым шатром неба. Плывут как ладьи узкие облака, от них отрываются белые дымчатые кольца, из следа колец образуются фигурки – вот плывет по небу слон, вот бегемот, а вот – человечек с раскрытыми, почти уже ставшими крыльями руками. Хочется нырнуть в эту синеву и взять человечка за нежное, эфемерное крыло, а после взмыть с ним туда, где спряталась корона из звезд. Эй, крылатый человечек, помоги! Дай поскорее руку!..

Даша, сидя на ветке старого ясеня, чувствует себя еще одним человечком, тоже оторвавшимся от земли, правда, еще не сумевшим развести руки так широко, чтобы они были готовы превратиться в крылья. Ведь ей пока нужны руки, а не крылья, чтобы обхватывать ими ствол.

- Даша, я домой хочу! – слышится снизу упрямый голос Нины.

Даша сейчас прямо-таки ненавидит его.

- Где твой дом?! – кричит она вниз. – Разве его не отобрал у тебя твой отец?!

- Дети, не ссорьтесь, - с улыбкой говорю я. – И давайте продолжим наш путь. Ведь бабушка, наверное, приготовила хеллувим… То бишь что-нибудь вкусное.

- Да я вообще есть не хочу!.. Это Нина вечно голодная! А вы тетя Маша знаете что… вы поиграйте с нами немного в нашу игру, ладно?

- Да, тетя Маша, поиграйте, пожалуйста! – подхватывает Нина, забыв обидиться и дать сестре колкий ответ, за котором обычно у них начинается потасовка. – Поиграйте в доброго волка!

- Ладно, бегите в свой домик!

Даша мгновенно оказывается на земле и, схватив не столь ловкую Нину за руку – стремительно втягивает ту, хохочущую и притворно упирающуюся – на площадку качели с горкой.

Все. Это и есть домик. Следовательно, путь мне туда, волку, пусть и находящемуся, так сказать, в процессе перевоспитания, заказан.

Я почтительно останавливаюсь у ступенек.

И начинаю просить:

- Козлятушки-ребятушки, впустите волка-погорельца. Враги сожгли родную хату и мне, горемыке, больше не хочется даже козлятины… Честное слово, я больше не волк.

Лукаво переглянувшись, козлятушки выставляют вперед руки с сжатыми кулачками и приподнимают одну ногу – это сигнал готовности к обороне.

Но волк не догадлив.

- Впустите, козлятушки, и примите в дар корзинку с малиной.

- Ладно, от даров мы не отказываемся. Поставь корзинку на верхнюю ступеньку. А сам пока оставайся внизу. Сейчас мы слезем, а ты немного побегай за нами.

- Так у меня уже нет такой привычки! Ведь я уже добрый-предобрый!

- Ну пожалуйста, волк, побегай… Давай так – ты просто поиграй немного в прежнего волка.

- Хорошо, раз это доставит вам удовольствие, то можно немного и поиграть.

Волк, оскалившись, начинает гоняться за козлятушками, а те кидаются в него камешками, палочками и прошлогодними шишками. Один из камней врезается прямо в колено.

- Ну все, надоело притворяться. Не буду я играть в какого-то прошлого дикого волка, когда я ваш друг и брат. Или принимайте, или – отпустите на все четыре сторону. Пойду я лучше к медведю – он, я уверен – гостеприимный.

-Ладно, волк, заходи! И вот тебе медаль за успешную работу над этим… как его… собственным характером!

Даша, подбежав, обнимает меня, целует в щеку и торжественно водружает мне на шею какую-то ветвь. А после – вручает свой портфель.

И вот мы опять продолжаем путь.

Пока Даша отбежала вперед шагов на двадцать и идет себе, глядя во все стороны широко раскрытыми глазами, Нино, едва волоча свой портфель, осторожно спрашивает:
- Тетя Маша, а медведь – это Милена?
- С чего это ты взяла?
- Вы всегда спрашиваете: «Как там ваша Милена? Что она сегодня еще натворила?»
- Ну а как же – мне интересно все, что случается у вас в классе!
- Но про Милену вы спрашиваете чаще, чем про других. Вам, наверное, как доброму волку, хочется взять эту Машку-Милены на перевоспитание, да, тетя Маша?
- Ты отчасти угадала… Но еще больше мне хочется, чтобы вы с Дашей сами стали добрыми волчатами и приняли эту Машку-Милену в свою школьную компанию. А то вы все гоните ее от себя, вот она и звереет.
- Значит, так, тетя Маша, я расскажу вам про Милену, но вы, пожалуйста, когда Даша дойдет вон до того поворота – отдайте ей портфель и возьмите мой… А то я очень устала. Значит, сегодня Милена сделала вот что…Вы не поверите, но она пришла вся очень аккуратно одетая, красиво причесанная и умытая… Наверное потому, что ее вела за руку мама… Учительница же сказала, чтобы мама приходила вместе с ней и сидела с ней рядом на ее последней парте. Вот мама и приходит… Когда мама, а когда тетя… А иногда бабушка. Мама молчит и хмурится и то и дело шепчет что-то Милене на ухо. А вот тетя может вдруг взять и ударить ту по щеке, представляете?! Прямо на перемене, когда не видит учительница. На что Милена тоже как даст ей кулаком в живот!.. Или если тетя стоит, а Милена сидит за партой, Милена может поднять ногу и лягуть эту тетю ногой… Мы все прямо-таки падаем от хохота… Потом на другой день вместо мамы или тети приходит бабушка Милены – та добрая. И Милена с бабушкой, сидя на последней парте, часто о чем-то с улыбкой шушукаются. С ней Милена никогда не дерется и в тот день почти не озорничает. Но бабушка болеет и может приходить не часто.
Ну так вот, сегодня Милена пришла с мамой и в руках у нее был букет цветов.
Она сразу подошла к Раисе Тимофеевне и сказала, отдав букет:
- Учительница, это вам!
И – прошла к своей парте.
Надо сказать, что вела она себя весь день так себе – ни плохо, ни хорошо.
А когда прозвенел звонок с последнего урока и все стали собираться, Милена тоже собрала свой портфель и, проходя мимо учительского стола – попыталась забрать свой букет обратно. Просто спокойно вытянула его из вазы.
Но тут, конечно, подоспела ее мама и, забрав букет, поставила его на место.
Все, тетя Маша, возьмите, пожалуйста, мой портфель, а то мне очень, очень тяжело!... Эй, Даша, теперь моя очередь! Забери у тети Маши свой портфель!

Такая вот новая жизнь началась у нас с сентября, когда бабушка Даши и Нины попросила меня до приезда их матери – водить тех в школу за некую скромную, почти эфемерную плату.
Вот мы и ходим, успев за наш путь и поиграть, и поговорить.
Работа была бы и радостной и интересной, если бы девочки по дороге не ссорились. А ссорятся они буквально через каждый десяток метров и почти всегда – на почве конкуренции за внимание. Для каждой из них не так уж тяжела ноша в портфеле – вопрос в том, кому из них удастся подольше разделить ее со мной.

- Тетя Маша, возьмите, пожалуйста, мой протфель!
- Нет, мой!
- Нет-нет, не твой, а мой!... Слышишь, мой!
- Вот тебе!..
- А вот тебе!..
- Знаете что – несите свои портфели сами!

- А мы не можем – посмотрите, всем первоклассникам носят портфели их мамы или бабушки или папы!
- Да они бы справились и без родственников! Уже не маленькие!
- Так не интересно!.. Ну, тетя Маша, пожалуйста, несите наши портфели, несите по очереди!... Мы больше не будем драться! Вы же тоже уже переходите по возрасту к бабушке… Хотя как-то вы не похожи на бабушку.
- Ладно, уговорили. Только ускорим шаг. Даша, иди рядом, не убегай вперед. А ты, Нина, не плетись сзади. Дайте кто-нибудь портфель.
- Я первая даю свой портфель!
- Нет, я!
- Ах, ты маленькая стерва!... Вот тебе!
- Господи, какое счастье что вы не близнецы! Вы бы убили свою мать, отталкивая друг друга от родового канала!

Не менее драматично протекают между девочками выяснения на тему, кто из них больше любит друг друга.
Обычно их затевает Нина.
Она упрямо твердит:
- Даша, ты меня не любишь!
- Отстань!.. А за что вообще-то я должна тебя любить?..
- За то, что я твоя сестра! А ты, Даша, когда я лежала десять дней с перевязкой после того как меня ударила машина – ты вообще со мной не играла. Ты все время убегала на свою улицу.
- Ну и что – разве у тебя не было планшета? Мало там игр?
- Нет, Даша, не любишь ты меня… Ты никогда не обнимаешь меня, не целуешь. Хотя к учительнице ты подбегаешь каждое утро и обнимаешь ее обеими руками за ее толстую-претолстую талию.
- Ты же тоже обнимаешь учительницу!
- Но позавчера ты, Даша, вообще-то удивила меня. Когда мы с тобой спали на диване, ты зачем-то поцеловала меня в щеку… Зачем ты это сделала, а. Даша?... Ты думала что я сплю?
- …
- Даша, почему ты молчишь?

- А не про все можно говорить, - подаю голос я. – Ты, Нина, вот взяла и в первый школьный день призналась в любви мальчику, с которым посадили тебя за парту. А он из-за этого покраснел. Хорошо ли, что ты так поторопилась?
- Зато он на другой день сказал, что тоже меня любит и что будет носить мой портфель. У нас бы все было хорошо, если бы я не рассказала это Даше, а Даша – всему классу. И теперь все кричат нам: «Тили-тили тесто, жених и невеста!» Из-за этого Ника опять стал мне просто другом. Из-за тебя, Даша, я потеряла львиную долю любви!

Когда мы, наконец, подходим к корпусу, меня ждет новое испытание – девочки бегут не в подъезд, а на детскую площадку и, вспрыгнув на качели, раскачивают их так истово, словно хотят сорвать их с цепей. Мне с трудом удается спустя время угомонить их и все-таки направить в подъезд.
А там, в подъезде, Нина, поднимаясь по лестнице, может вдруг сесть на ступеньку и сказать, лукаво глядя Даше прямо в глаза:
- Вот что, Дашенька, ты иди к своей любимой бабушке, а я здесь посижу. Скажи, что я не желаю идти домой.
- Ну и получишь от нее.
- Ну и получу. А тебе-то что?... Иди-иди..

Даша, сдерживая изо всех сил поток возмущенных слов, круто отворачивается и проворно взбегает на следующий этаж… Останавливается…Молчит.
Молчит и Нина.
Даша взбегает еще на один этаж.
Опять молчание.
И еще один этаж, и еще.
Я тоже молча поднимаюсь по этажам, оставив внизу Нину. Несу ее портфель.
Что нам сказать бабушке – что Нина сидит внизу?

У самой двери – сидит на ступеньке и Даша, устало привалившись к стене.
Она не хочет заходить без сестры, все-таки ей не хочется, чтобы бабушка рассердилась и накричала на ту.
Поняв это, появляется радостная Нина. Победно кричит:
- Ну, давайте уже стучите! Я кушать хочу!

Школьная жизнь буквально с первого сентября потрясла нас чередой недоразумений и испытаний.

Торжественное мероприятие перед зданием школы в первый учебный день было смято – все хаотично перемещались на площадке перед входом, ища своих. Находя – радостно обнявшись, тут же принимались оживлено говорить… Подбегали с цветами к педагогам, вылавливая их в толпе, и весело за что-то отчитывались. Тут же слонялись озабоченно уткнувшиеся в мобильники родители. Они были в меньшинстве и все время путались под ногами.
Неуместными казались и первоклассники, которые жались к своей родне и поглядывали на происходящее исподлобья. Они еще не знали своих и должны были их как-то опознать.

Даша сиро стояла где-то в сторонке, прислонившись к топольку.
А Нина неугомонно болтала – это был ее излюбленный способ выбраться из одиночества. А точнее – лихо превзойти его.
- Тетя Маша, жаль, что мы не взяли котенка. Было бы время поиграть с ним.
- В следующий раз возьмем. Посадим его в портфель – дадим в руки «Азбуку».
- Вы издеваетесь?! Что ему там делать, в портфеле? Вы что – не любите животных?!
- Прости, это я по старой привычке… Когда-то я действительно их не любила. Это было в раннем детстве.
- Быть такого не может. Я думала, что вы были в детстве самой доброй, умной и послушной девочкой.
- Ох… Не так все было, не так. Чтобы стать хорошей девочкой, сначала надо перестать верить, что ты одновременно девочка плохая. А с этим большие проблемы – есть немало людей, которые судят нас по так называемым слабостям, которые являются продолжением наших достоинств. И тем самым – заставляют «слабости» сопротивляться, обороняться и – как ни странно – расти… А когда растут «слабости» - то и достоинства становятся меньше! И вот все видят перед собой уже не человека, а – калеку! Калеке же деваться некуда – он вынужден искать обратный путь к себе. А дорога-то вверх круче, чем вниз. Правда, если мы только взглянем на одного человека, который не смирился с этой дорогой вниз и не встал на ее путь – его звали Иисус Христос – то он нас освободит. Надо просто поверить ему, поверить, что путь, которым он прошел – доступен всем.
- Так получается, что вы не любили кошек потому что, наверное, любили собак. Да, тетя Маша?
- Нет, милая Нина, я любила людей. И хотела, чтобы в них не было зверей. Поэтому на

настоящих зверьков я поглядывала немного свысока. Их жизнь не интересовала меня. И я бы и сама заметила этот перекос во внимании и понимании, если б на него не указывали мне пальцем. Люди слишком спешили перевоспитать меня. И я одно время чуть было не превратилась в животное, потому что стала от злости мучить ни в чем не повинных зверьков.
- Ладно, тетя Маша… Давайте, что ли, поищем наш класс, а то он у нас какой-то повсюду рассеянный.

Давно уже прислушивающаяся к нашему диалогу Даша, подскочив и взяв меня за руку, звонко сообщает:
- А мне сегодня, знаете, какой приснился сон? Мне снилось, что вы – кошка! И держите в зубах мышку!

Наверное, да… Звериное начало еще не угасло во мне. И всем не мешает держать со мной ухо востро. Я принимаю это условие!

Школа… Она и манит нас всех, и отталкивает.
Манит обилием в одном месте легких, вездесущих существ – у них нет шаблонов и поэтому они все еще пытаются высвободить и поднять уже почти эфемерные крылья. Они шалят и смеются – им кажется, что все нипочем.
Но не тут-то было – на каждый взмах крыла есть свое лекало. И – опытные министры программисты. Хочешь не хочешь, но учителя, подчиняясь программам, обязаны помогать вездесущим существам как следует привязаться к пространству и времени и сложить, наконец, такой рудимент, как крылья.
Педагоги спешат – они искренне хотят выполнить долг.

А мы с Дашей и Ниной никуда не спешим.
Мы никому ничего не должны.
Но мы платим за это слишком суровую цену – цену в виде напряженных как канат нервов. И – неважных отношений с некоторыми взрослыми, да и похожими на них детьми.
Иногда для того, чтобы пройти вперед, надо сначала отстать.
Вот мы и плетемся покуда – в отстающих.

Класс оказался маленьким – всего на 14 человек. Это был единственный первый класс с обучением на русском языке при грузинской школе. С каждым годом русскоязычного населения в Тбилиси становится все меньше и русские школы закрываются. Русский сектор открывают при грузинских школах и учащихся в них раз-два и обчелся. Это дети всех национальностей – армяне, курды, греки, езиды, азербайанцы, украинцы, русские. Многие из малоимущих или откровенно несчастных семей.
Педагоги их тоже из тех, кто никуда не уехал.
Никто из них не знает, зачем он здесь и что будет завтра.

Наверное, поэтому торжество по случаю прихода в школу первоклассников было опущено. Раиска Тимофеевна, грузная, страдающая одышкой дама лет пятидесяти восьми просто внедрилась в толпу и каким-то образом собрала вокруг себя весь этот разбросанный по двору лом из остатков детских душ – собрала как хороший, качественный магнит.

Лицо ее было доброе и одновременно надменное. Ей всегда, с самого начала было всех искренне жаль. Но в то же время ее не отпускало недоумение.
- Что я здесь делаю? – нередко вопрошала она в дальнейшем вслух саму себя. – Я много лет преподаю в этой школе русский язык для грузинского сектора. Зачем я решила по

примеру своей сестры связаться с преподаванием в начальной школе? Это мой эксперимент. Запомню этот неудачный опыт, чтобы больше никогда не повторить его. Потому что с этими… То есть с вами, дорогие мои дебильные детки, ну просто невозможно… Вы только представьте, почти все вы – отстающие. А двое из вас – вообще должны учиться в школе для умственно отсталых детей. Алекс, Милена! Противные дети-инвалиды!.. Прекратите драться!

Милена – самая высокая девочка - чернобровая, с широкой черной косой. Очень видная, симпатичная и в то же время имеющая в чертах лица и фигуры отчетливые черты огромной, вечно вертящейся обезъяны. Ну, той, которая еще не превратилась в человека. Кто-то когда-то выудил эту обезъяну из глубин ее подсознания и закрепил, указав на нее пальцем. Вот девочка и бесконечно транслирует этот образ, чуть ли не плача сама.

Раиса Тимофеевна то кричит на нее, то – пытается хвалить. Но Милена, только что пообещавшая перед всем классом, что больше не будет – пообещавшая, по всей видимости, искренно – все равно то и дело вскакивает посреди урока и начинает бродить по классу. Или вдруг вылетает из него пулей, не спросив разрешения. Или залезает под парту и валяется на животе, хватая за ноги одноклассников. Или – вдруг набрасывается на тоже одиноко сидящего за последней партой в соседнем ряду Алекса – немого и тоже агрессивного мальчика. И тогда между ними завязывается нешуточная драка.
Их разнимают.
Милену выгоняют в коридор, откуда она потом возвращается после звонка на перемену вся в пыли, измазанная побелкой.

- Чем занимается Милена в коридоре?

На этот мой вопрос Даша, выставив вперед ладонь и предостерегающе отмахиваясь ею, ответила так:
- Я когда вышла как-то с урока в туалет, видела как Милена, лежа на полу, перекатывается по коридору. А еще от нее всегда пахнет колбасой…Поэтому пускай она будет где-нибудь подальше, подальше, подальше!..

Но немого Алекса Даша жалеет. Он не пахнет колбасой и иногда подбегает к Даше и пытается с помощью жестов пригласить ее попрыгать вместе с ним на одной ноге… Даша прыгает и одалживает Алексу линейку и карандаши.
Этого мальчика когда-то до полусмерти избил отец-наркоман, после чего тот потерял речь.
Теперь у его мамы другой муж. Он относится к пасынку неплохо. Есть надежда, что речь у ребенка со временем восстановится. Но беда в том, что мальчик агрессивен – он постоянно затевает драки, желая обратить на себя внимание и донести нечто без слов. Даже дети уже поняли, что это он - от одиночества. И стараются его избегать. Но это, конечно, не выход.
Зато Милена, и сама всегда готовая к общению через драку – охотно вступает с Алексом в конфликт. У них это – конфликт перманентный, полюбовный. Все тоже давно поняли это и почти не обращают на парочку внимания.

Как отличается Милена-первоклассница от той Милены-королевы, которая явилась первого сентября в роскошном платье с блестками под двери школы в сопровождении свиты! В свиту входили папа, мама, бабушка, тетя, старшая сестра – все были необыкновенно счастливы, без конца шутили. Похлопывали Милену по плечу, то и дело братались с ней, широко распахнув руки для объятий, куда девочка не могла не угодить, как точно посланный в ворота мяч. Это, пожалуй, было самое жизнерадостное семейство,

приведшее чадо учиться.

Когда дети вместе с сопровождавшими их взрослыми поднялись в класс и начался первый урок, который Раиса Тимофеевна из экономии времени решила совместить с родительским собранием, то в какой-то момент Милена встала со своего места за первой партой, где она присела впопыхах вместе с мамой, и направилась к сидевшей чуть далее высокой девочке-блондинке – девочке очень спокойной, нимало не вертлявой. Видимо, они успели познакомиться во дворе.
- Ксюша, пойдем в коридор! Поиграем! – быстро проговорила Милена низким, запинающимся голосом.
Ксюша едва заветно отрицательно мотнула головой.
Милена принялась просить ее выйти, прямо - таки умолять.
Но Ксюша была непреклонна. Так же как и Ксюшина мать, искоса смотревшая на эту сцену с неудовольствием.
Тогда Милена, круто повернувшись, выскочила в коридор, где уже носились с воплями несколько ребят. Но почти тут же вновь ворвалась в класс и вдруг с ревом кинулась к матери на грудь.
Тут все смешалось, все принялись утешать Милену и, немного утешив, вновь отправили в коридор.
Но вскоре она опять вернулась с ревом и с разбегу вспрыгнула к матери на колени, уткнулась той в грудь.

С тех пор прошло уже более двух месяцев.
По словам Даши и Нины, Милена утратила дар обращения к людям.
- Ну а хоть что-то она все-таки говорит?
- Только с учительницей. И только когда хочет выйти с урока. Она начинает кричать: «Учительница, отпустите меня! И тогда я дам вам конфетку!». А с нами она только дерется. А иногда – и с учительницей тоже. Однажды Милена вылила на себя воду из-под цветочной вазы на учительском столе. Раиса Тимофеевна достала из шкафчика полотенце, чтобы вытереть ей голову, но та вдруг выхватила это полотенцем и как ударит им учительницу!...Мы так и присели от хохота… А Раиса Тимофеевна заплакала.

Дорога в школу.
Она существенно отличается от дороги из школы.
Когда мы идем в школу, мы словно весело взбираемся на гору. Нам легко.
А когда возвращаемся, то плетемся с горы вниз с целым горбом проблем – каждый со своим горбом.
Сие и трудно, и скучно.

Для того, чтобы не разжигать зависти, девочкам купили одинаковые портфели.
Однажды они даже их перепутали.
- Это не мой портфель!.. – гневно закричала Нина, тотчас бросив его на пол. И ухватилась рукой за портфель Даши, пытаясь стянуть ранец у той со спины. – Отдай!
- Нет, это мой портфель!
- Нет, мой!..
- А я говорю – мой!
- Отдай!
- Не отдам!

Нина, совсем отчаявшись заполучить свое, звонко выкрикивает:
- Хорошо, тогда давай поделимся!

…Прекрасное ноябрьское утро. Солнце нежит еще не вошедшую в зимнюю дремоту землю, дает надежду покачивающимся на старых стеблях головкам хризантем, что тянутся из обрызганных лучезарной небесно-голубой краской покрышек у подъездов корпусов, ласкает упрямую молодую травку. Играет в прятки на каплях росы в опавшей листве.

- Здравствуйте, тетя Лена!
Дворничиха в оранжевой куртке смущенно оборачивается и принимает в объятия кинувшихся к ней со всего разбегу девочек.
- Здравствуйте, здравствуйте мои золотые… В школу?
- В нее самую!
- Ну, с Богом!.. Учитесь хорошо!

Сигают коты из мусорных баков.
Другие коты – проворно запрыгивают в них.
Подходит маленькая собачка со слезящимися глазами, в которых отражается солнце, ложится на спину и подставляет округлый, весь в корочневато-розовых родимых пятнах, глядящий глобусом живот. Даша, присев, ласково похлопывает его.

- Калипса! – восторженно кричит Нина, завидев в окне первого этажа напротив полного котами мусорного бака – опирающуюся лапами на подоконник большую белую собаку со стоящими ушами. – Тетя Маша, это полусобака-полуволк! Ее хозяйка – подруга нашей мамы!
- Знаю-знаю. Ты мне каждый день про это рассказываешь.
- У Калипсы нет детей, потому что во всей округе нет мужа-волка. А простых собак она к себе не подпускает.
- Знаю и про это.

- Здравствуй, третий палец! – приветствует Нина двусмысленный рисунок на заборе. – До скорой встречи!

Тем временем Даша, отбежав вперед, уже присела у сетки, за которой расхаживает важный, необыкновенно роскошный петух и квохчут многочисленные пеструшки. Так хочется рассмотреть все узоры на халате петуха.

Но Нина уже у другой сетки, за которой, скуля и повизгивая, носится щенок добермана-пинчера.
Даша со всех ног мчится туда же и, оттолкнув сестру так, что та едва не падает, просовывает сквозь сетку пальцы, которые щенок принимает как великий дар и тут же начинает лихорадочно-благодарно облизывать их.

После девочки собирают цветы – это учительнице. Какие-то простенькие, невзрачные, уже последние на этой земле.
Раиса Тимофеевна равнодушно ставит эти букетики в вазу на своем столе и так приятно видеть их потом перед глазами.
Но для начала нужно эти букетики красиво преподнести...

Как-то Раиса Тимофеевна стояла в школьном дворе спиной к дороге, беседуя с другой, незнакомой учительницей. Вдруг ее чуть не сбили с ног, налетев сзади и ловко заключив в объятие.

Долго потом отпаивали друг друга обе учительницы сердечными каплями, несмотря на то, что напавший разбойник оказался всего лишь Дашей.

Потом, отведя Дашу в сторону, Раиса Тимофеевна принялась что-то шепотом внушать ей. Я расслышала только концовку:
- Ты поняла, Дашенька – в классе все, что угодно. Но не здесь, когда нас окружают другие люди.

Милена в тот день носилась кругами по двору. Вид у нее был сосредоточенный. Она озобоченно прикладывала к уху пенал и глухо, скороговоркой проговаривала, словно молитву или сигнал SOS:
- Лида!... Лида!... О, Лида, о!... Ну? Лида! Ответь!... Слышишь, Лида!.. Ответь!.. О, Лида-Лида!.. О!..

- С кем это она? – задумчиво произнесла я вслух.
- Это она придумала какую-то воображаемую Лиду и играет теперь с ней. А с нами она дружить не желает – нас она только бьет, - равнодушно пояснила Нина.

Не успев обдумать эту информацию, я вдруг взяла Нину за руку и, подведя к Милене, предложила срывающимся от волнения голосом:
- Милена, это Лида… Эту Лиду зовут Нина… Ну, ты, наверное, помнишь ее имя… Береги ее – это теперь будет твоя лучшая подруга!.. Береги и защищай! Тебе дана большая сила – так используй эту силу для защиты друзей!.. Ты меня поняла?

Смешавшись, Милена удивленно прислушивается, глядя куда-то вбок… Рука с пеналом медленно отодвигается от уха и затем падает вниз.

- А теперь обнимитесь!

Обе девочки стремительно кидаются друг к другу на грудь и трижды, крест накрест, обнимаются.

- Берегите друг друга!

Милена смущенно переминается с ноги на ногу, не зная, что делать дальше.

- Да, тетя Маша! – произносить скороговоркой Нина.

Взявшись за руки, они с Миленой отходят в сторонку.
И вовремя: появляется отец Милены, который ведет за руку в школу ее сестру - та старше всего на год и стареется выглядеть степенно.
Отец и сестра о чем-то тихо беседуют. Нимало не обратив внимания на Милену, они проходят мимо и скрываются в вестибюле.

Круто повернувшись, Милена направляется быстрым шагом по той же дороге обратно – в противоположную от школы сторону.

- Куда ты, Милена? – бегу я за ней.
- Домой!.. – бросает та напряженным, глухим, словно гири ворочающим голосом.
- А где ты живешь?

Вопрос ставит Милену в тупик.

Приостановившись, она хмуро взглядывает мне прямо в глаза глядящим насквозь – и сквозь – на что-то иное, никому не известное и поэтому бесконечно далекое, от чего наворачиваются на глаза слезы – отрешенным, забывшимся взглядом. И отрывисто роняет:
- В горах.

- Это просто дзэн! – вырывается у меня.

- Просто Милена живет вон в том корпусе на горе! – поясняет Нина. Она кричит: - Раиса Тимофеевна, Милена хочет уйти домой! Она одна на дороге!

Подбегает учительница, хватает Милену за руку и уводит ее, внезапно сделавшуюся пассивной и равнодушной, в школу.

Я же подхожу к стайке родителей, которые, пронаблюдав за последней сценой, теперь осуждающе шушукаются.

- У этой учительницы совсем нет авторитета, ее никто не слушается. Мой Саша раньше был и послушный, и исполнительный, а теперь – разбрасывает книги и требует американские мультики. Это – следствие их разболтанности на уроках. А еще эти заграничные мультфильмы!.. Они просто помешались на них. Чуждый менталитет действует на наших детей как отрава.
Бабушка одного из лучших учеников еще не стара – ей немного за пятьдесят. Она плотная, подвижная, напоминает купчиху из старых фильмов. На лице ее – вечная озабоченность, вечная бдительность. Цепкий взгляд не пропустит ни одной мелочи, отбросит туманности и создаст прочную, ясную картину.
Это тот самый Саша, с которым посадили Дашу. С ним у Даши сложились вполне себе приличные отношения – даже бабушка была временно довольна. Но в последнее время Саша действительно изменился. Несмотря на то, что бабашка по-прежнему может, отведя его в сторонку, вдруг залепить ему пощечину… Хотя вообще-то такое в стране запрещено.
Один из самых успевающих учеников, Саша стал конкурировать за внимание класса с долговязым Алексом – а тот третий в классе хулиган после Милены и второго, не говорящего Алекса. И – тоже стал вскакивать посреди урока и выкрикивать в адрес девочек какие-то глупые прозвища. Стал ездить по классу на стуле, воображая себя водителем джипа… И как итог – вдруг ударил из-за всех сил Дашу кулаком по лицу за то, что та сделала ему замечание. Просто разбил ей лицо в кровь.
С Сашей потом долго говорили и учительница, и представители родительского комитета, и бабушка. Он искренне извинился перед Дашей. Даша искренне его простила… Но осадочек остался. Сашу и Дашу рассадили… И теперь они даже не смотрят друг на друга.
- На следующий год вернется из Турции Сашкина мама и мы переведем его из этой школы.
- Да, эта школа теперь никуда не годится. Чувствую, что и мне придется переводить своего. Он тоже уже и читает, и считает, - я каждый вечер заставляю его прочитывать по сказке. Все это он умел еще в детском саду… А тут – приходится опять учить со всеми буквы. Хочу посадить его сразу во второй класс, но разрешения пока не дают.
Это говорит устало-разумная женщина с какой-то вечной печалью в лице – она мама Ники, с которым сидит Нина… Этот мальчик тоже печален и часто, подперев щеку рукой, а то и улегшись на парту и отвернув голову к стене – о чем-то мечтает. К тому же он застенчив и нередко краснеет, особенно когда Нина достает его своей болтовней про любовь.
Чувствуется, что маму его подавляют собственные усилия по поддержанию порядка в

семье. И поэтому она любит вспоминать старину, рассказывая про то, как училась в этой же школе, когда ее мать работала тут поварихой, и какой в ней был тогда ответственный, образцовый коллектив. Знания давали в правильном порядке, в заранее выверенных пропорциях, учили по единым классическим учебникам.
- Надо же, и как нас угораздило снять квартиру в этом районе и устроить Ксюшу в столь дебильную школу. Мы с мужем с Украины, у него тут бизнес – мы приехали только в сентябре и ничего тут у вас поначалу не понимали. Да и честно говоря, не понимаем и теперь. Наша Ксюша читает уже не только сказки, но и целые книги. Она запросто складывает и отнимает любые числа, знает таблицу умножения, обладает каллиграфическим почерком. Ведь мы занимались ее развитием буквально с двух лет. Мы уже обошли с ней все музеи Тбилиси, все парки и зоопарки. Ксюша ходит на европейские танцы, посещает бассейн. А тут, простите за выражение, какой-то кружок по обучению неграмотных детей неграмотных людей. Спрашиваю у Раисы Тимофеевны: «Может быть, вы начнете включать в ход урока задачи повышенной сложности? Я боюсь, что дети не видят перспективы для дальнейшего развития. У нас в Украине…». Но она, нахалка, знаете что ответила? «- Милая, у нас тут не Украина. Большинство детей этого класса даже не всегда имеют возможность съесть перед уроками бутерброд с маслом. Мы занимаемся с ними по учебникам самым простым и большинству они сложны, как китайская грамота. Если ваш ребенок хочет большего – пожалуйста, скачайте ему учебники из интернета – сейчас там есть все, на любой вкус. А можете немного подождать и вскоре увидите перемены и в нашем образовании. Нас, старых педагогов, загнали на компьютерные курсы и готовят к тому, что скоро дети будут не писать, а печатать в мини-компьютерах. Учитель будет давать им персональные задания бесконтактно, из своего чемоданчика, не отходя от учительского стола. Тогда будет тихо – все уткнутся в свои компьютеры. Каждый будет решать свое задание - в меру своих сил, прилежности и способностей. Уйдет в прошлое списывание, а значит, и взаимовыручка… Простые ручки и тетради тоже уйдут в прошлое… Да и умение писать – станет излишним. Хотели новшеств – получите!».
Мама Ксюши – бывшая спортсменка. Она добродушная и умелая, со всегда выпрямленной спиной – хватается за любое дело, не особенно заботясь о правильности суждений и выводов. Ее задача – пронести по жизни свой внутренний олимпийский огонь, щедро одаривая им окружающих. И горе тому, кто встанет у нее на пути.

- Ну и правильно, - подаю голос я в самом конце, после того как выговорятся и другие взрослые. – Все это необходимо менять. И менять в корне. Вот только бы понять – что с нами со всеми происходит.

Это слишком абстрактно и меня никто не слышит.

Я вижу как из здания школы выходит мать Милены – сегодня ее вызывала учительница по грузинскому. А есть еще и учительница по английскому. И это при том, что Милена – благополучно подзабыла свой родной русский. А стало быть, ей теперь не с чем сравнивать иностранные языки. Следовательно, основа для их усвоения отсутствует. Почему-то никто не обращает внимания на такие мелочи.
Взглянув искоса на расшумевшееся сборище родителей – она поспешно сворачивает на тропинку, ведущую за школу, чтобы уйти другой дорогой. Это давно уже не та уверенная в себе и в собственном чаде молодая цветущая женщина, какой она была в начале. Сыплющиеся со всех сторон удары-упреки за дочь словно подрубили ее – даже походка ее стала шаткой.
И все-таки она еще не сдается – дирекции школы таки не удалось уговорить ее перевести Милену в школу для детей с задержкой развития. Она мотивирует свой отказ тем, что, во-первых, когда Милена дома, то один на один она называет все пройденные буквы и

цифры. Но в присутствии учителей почему-то теряет этот навык. А во-вторых, в единственной в Тбилиси бесплатной инклюзивной школе нет русских классов.
Плохо тут то, что мама Милены категорически отказывается показать ребенка детскому психологу, видимо, путая того с психиатром.
- Моя дочь – нормальная! – отрезает она категорично. И пресекает любую попытку продолжить разговор.
Эта ее гордыня – встала барьером, через который не могу перешагнуть и я, чтобы протянуть Милене руку помощи. Например, взять ее с собой на прогулку, когда мы с Дашй и Ниной просто играм, просто дурачимся, просто любим друг друга.
Мы для мамы Милены – какие-то ненормальные.
Она даже не смотрит в нашу сторону, видимо, боясь заразиться.

Ну, вот и дорога домой.
Даша, уйдя далеко вперед, волочит набитый кирпичами книг портфель, который накренил ее на бок, как лодку в шторм. Иногда она зло бросает его в пыль и плюхается на него сверху. Сидит, поджидает, когда мы с Ниной нагоним ее.
- Нина, отдай портфель тете Маше! – приказывает она сестре. – Ты не видишь – ей трудно.
- Я не могу его нести.
- Можешь!... Ведь я же могу!
- Ты старше на год.
- Ага!.. А как не слушаться, то ты кричишь: «Кто ты такая, чтобы меня учить – ты старше только на год!»
- Даша, отстань!
- Тетя Маша, отдайте Нине портфель – ведь у вас давление.
- Я и сама собиралась, но давайте уже сначала дойдем вон до той развилки. Если хотите, поиграем потом в волка.
- Не хочу, тетя Маша!.. И вообще – за той развилкой я пойду по одной тропинке, а Нина пусть идет по другой.
- А я? С кем пойду я, ведь мне поручено сопровождать вас обеих?
- Вы с Ниной идите. А со мной ничего не случится… Одну минутку, тетя Маша… Нина, подойди, пожалуйста, я хочу тебе что-то сказать на ушко.

Шепчутся.
Но я все равно невольно слышу, как Даша внушает сестре:
- Если тетя Маша заболеет, то нам придется не ходить в школу… Что значит «ура»?!. Знаешь что – отвали!

Позже, когда Даша скрывается за широким корпусом после развилки, Нина хмуро заявляет:
- Тетя Маша, почему вы меня подружили с этой Миленой? Нет, сначала было хорошо – мы вместе гуляли и на первой перемене, и на второй. Когда она хотела с кем-то подраться, я ее… ну это… как его… отвлекала. Предлагала, например, порисовать мелом на доске… Правда Раиса Тимофеевна не разрешает подходить к доске на перемене. Но мы все равно рисуем, когда та выходит. И вот мы рисовали, рисовали, а потом на третьей перемене Милена вдруг схватила с парты у доски чей-то карандаш и как всадит мне этот карандаш прямо в руку… За то, что я сказала, что ее рисунок получился не очень красивый – она изобразила какую-то зубастую рожу. А теперь смотрите какая у меня на руке ранка – хорошо еще что не задета вена… В общем, мы с Миленой разошлись, как в море корабли.
- Жалко… Ладно, Нина, давай найдем Дашу, я беспокоюсь за нее.
- Вы расстроились, да?.. Но я оставила Милену не насовсем. Я немного приглядываю за ней издали – если она начинает с кем-то драться, то я кричу «Милена!» и она послушно подбегает ко мне. Но дальше я не знаю, как с ней быть. И просто спрашиваю что-нибудь

про уроки.
- А что она отвечает?
- Ничего.
- Что же потом?
- А я и не помню. У нас в классе на переменах так все быстро меняется – вот кто-то куда-то побежал. А вот я куда-то побежала… Тетя Маша, а знаете кем я буду когда вырасту – я буду учительницей. Как вы думаете, у меня получится?

Из-за корпуса, за которым находится трасса, через которую мы обязательно переходим все вместе, взявшись за руки – при этом машины моментально тормозят, с видимым удовольствием уступая нам дорогу – выскакивает с дикарским криком Даша и, приобняв меня, протягивает свою узенькую ладонь.
Она начинает, отчего-то посмеиваясь, рассказывать продолжение своего растянувшегося уже на неделю конфликта с Ксюшой.
- Эта Ксюша очень странная… Она теперь сидит с Сашей. Его же пересадили от меня после того случая… Ну, вы знаете сами… Кстати, мне его жалко, представляю как ему досталось дома от бабушки… Но ему в конечном итоге повезло – ведь они с Ксюшой любят друг друга… Ну что значит как это любят? Тетя Маша, вы смешная… Да не домыслы, а они сами нам недавно признались, что они жених и невеста… Нам, это всему классу. Я знаю, что в ваше время было по-другому… Но теперь же наше время… Ладно, тетя Маша, слушайте дальше… Вы же помните, Ксюша постоянно двигает свой стул назад… Стул давит на нашу с Ниной парту и мы там потом сидим зажатые как селедки в бочке. Я говорила-говорила: «- Ксюша, пожалуйста, не двигай стул!». Не слушает... Тогда я взяла и отодвинула на следующий день перед уроками нашу парту назад. А она пришла и опять прилипла к ней со своим стулом… Тут я вскочила и как заору: «Ксюша, не двигай стул! Ты уже меня задолбала!»… А это дурында не расслышала и подумала, что я выкрикнула плохое слово… Ну, вы сами понимаете… И нажаловалась потом своей маме. Она даже представляете что сказала маме – что не будет ходить в школу, пока я не извинюсь. А я не буду извиняться – потому что я не говорила этого слова и вообще-то в этой ситуации это Ксюша не права. Я так и сказала ее маме и учительнице.
- Хорошо, Даша. Раз ты права – значит, отставай свою правоту смело. Но и на Ксюшу особо не обижайся. Может она рассеянная и из-за этого плохо слышит.
- Да все она вообще-то слышит… Ах да, тетя Маша, сегодня ее мама опять подходила ко мне и сказала будто Ксюша никогда не слышала даже такого слова как «задолбала». Ага, как же!.. У нас в классе всякие такие слова летают как снежки.

Я знаю, где еще имеются такие слова. Там их преподносят, как горячие пирожки, и когда сердятся, и когда хотят приголубить.
Мастер этих невозможных пирожков – бабушка Люба. Так ее, в сочетании с именем, иногда называют между собой дети, дабы отличать ее от умершей сестры – бабушки Инги. Но чаще всего они называют ее просто бабулей.
Бабуля – бывший повар и официант одного из лучших ресторанов Тбилиси, что на горе Мтанцминда. Она обслуживала даже правительственные делегации, к чему допускали не каждого. Однажды ей даже подарил свои личные часы тогдашний министр обороны СССР маршал Гречко, зашедший в ресторан на ужин после удачно проведенных учений. Эти часы они потом положила в гроб к отчиму – тот был фронтовиком.
Бабушка Люба всю жизнь приобретала имущество и щедро раздаривала его окружающим. Вот и осталась, по ее словам, на старости лет нищей. О чем она на самом деле не скорбит. Потому что настоящие ее потери – не в этом.

Никогда не забуду я урока чтения под ее руководством.
Даша никак не могла прочитать ни одного слова из трех-четырех букв, которые я

выкладывала магнитными буквами и так и этак. Даже слова «мама», от тоски по которой она иногда плакала, проснувшись среди ночи.
Бабушка, постукивая палкой, прибрела из кухни и выложила на доске четырехбуквенное слово.
- Читай!
- С…У… К…А.
- Ты, грамотей, не буквы называй, а читай. Алфавит я знаю и без тебя.
- С… У…
- А дальше?
- К… А…
- Пожени сначала две первые буковки, потом две вторые. Ну же!..

Но как она ни билась, Даша, глядя на слово, только все больше терялась, все больше хлопала глазами. И – наконец, когда окончательно выдохлась, отвернув голову от доски, вдруг непроизвольно произнесла его… И тут же зажала себе рот.
Мы расхохотались.
А Даша – расплакалась.
Она смела на пол книги и тетради, швырнула оглушительно забренчавший пенал, который стал от частоты сих действий погнутым, и убежала в другую комнату.
Я знала, что Даша справляется с периодическими истериками сама. И потом, вернувшись, все поднимет и хмуро, с неким вызовом произнесет:
- Что там еще надо писать?

Итак, я с некоторых пор не только вожу детей в школу, но и работаю у них учителем. Пока мать в Москве, причем, почему-то все еще в статусе ищущей работу, а бабушка у плиты – детям нужен человек, который будет делать с ними уроки. И у меня не было другого выбора кроме как стать таким человеком. Потому что то, что происходит у Даши и Ниной с учебой, не влезает ни в какие ворота.

Нельзя сказать, что они в классе самые отстающие – ведь есть еще не говорящие Милена с Алексом. Есть еще постоянно что-то затевающий и всех задевающий, но не знающий букв долговязый Алекс. На их фоне девочки смотрятся середнячками. Но на самом деле мне с большим трудом удалось научить их соединять буквы в слова, складывать не палочки, а цифры. Такие простые операции всякий раз оказывались за гранью их привычного, умопостигаемого мира. Мне приходилось повторять попытки преодолеть барьер снова и снова. Причем, я поставила перед собой задачу делать это без криков и угроз. И удерживала меня от них сверхзадача – я очень хотела понять, в чем причина возникновения, казалось бы, на ровном месте, барьера в сознании двух активных, сообразительных девочек. А понимание – это вообще-то путь к свободе, включая свободу от необходимости понукать не понимаемыми или не понимающими себя людьми.

Учились мы в лоджии, за единственным столом, который был обеденным. Но мы кое-как устраивались за ним. И занимались по очереди – сначала Даша, а потом Нина. Или наоборот. Пролив поначалу немало слез по поводу того, чья очередь садится первой. Обеим девочками хотелось поскорее расправиться с заданиями и убежать во двор. Казалось бы – почему бы им не делать уроки вместе. Но нет – девочки мешали друг другу, торопясь выкрикнуть ответ, что в конечном итоге выливалось в потасовку. Да и силы их были не равны – Даша шла впереди, а Нина отставала все заметней.

Обе они сидели на стуле так, словно ездили на еже. Они то вскакивали, то подскакивали, то принимались раскачиваться. То – начинали шалить и болтать. При этом взгляды их с трудом сосредотачивались на символах в учебнике или тетради. Я бы даже сказала, что их

внимание проскальзывало по ним, как проскальзывает лодка по поверхности реки, когда ее сносит течением… Этим несущим лодочку первоначальных знаний течением была для них я. И в какой-то мере – школьная учительница, не поспевавшая за обилием школьных дел и проблем даже призадуматься о некоторых мелочах.
Для того, чтобы понять предмет, девочкам надо было окунуться в сам поток.
Но, увы, они еще не научились плавать. Хотя река манила их.
Порой эти все еще далекие, поневоле откладываемые знания так завораживали их, что они даже расстраивались и сердились. Или напротив – впадали в экстаз.
Например, Даша, захлопнув «Азбуку», спрашивала:
- Бабуля, а где наш Пушкин? Тетя Маша, давайте лучше я вам Пушкина почитаю.
- А?.. Пушкин?.. Опять Пушкин?.. А… Ну, ты же роешься в книжном шкафу хозяйки, грамотей. Пойди и вырой его. Это единственная книга, которая осталась от библиотеки, которую я собирала сызмальства. Пока я лежала с сыном в туберкулезной больнице, библиотеку кто-то спер.
- Вот он!.. Какая чистенькая книга. Тетя Маша, я вам «У Лукоморья дуб зеленый прочитаю».

Раскрыв наугад старенький том, Даша почти не глядя в него, принимается вдохновенно декламировать стихи, которые она когда-то выучила вместе с мамой. Эти стихи для нее как радостная песнь. Как гимн всепобеждающему Богу, о котором она не помнит, но которого, без сомнения, знает. Раскачиваясь лодочкой, она готова повторять волшебные строки снова и снова.
- Ведь красиво, да? – спрашивает она сияющим голосом. – Хотите еще раз?
- Очень красивые стихи.
- Да, тетя Маша. Этим стихам про Лукоморье научила маму ее мама перед ее самой смертью… А ту – ее мама. Нина их тоже знает. Но давайте учиться дальше, а то Нина тоже захочет читать Пушкина и прибежит к нам. А я ей как дам!.. А мне этого сейчас не хочется.

Подойдя к полками с книгами хозяев, Даша проводит по ним пальцем, заворожено рассматривает корешки. Достает одну книгу, потом другую. Неторопливо рассматривает картинки.

Демонстративно вынимает толстую-претолстую книгу с парусником на обложке.
- Тетя Маша, спасибо за «Острова и капитаны» Владислава Крапивина, - говорит она, вздохнув. – Я уже научилась читать название и имя писателя. Честно-честно.
- Еще не зная все буквы?
- Ну и что?
Даша хитровато и то же время обиженно смеется.
- Я знаю – эта книга на потом! – кричит из другой комнаты Нина, забавляющаяся в компьютере поиском нарядов для куклы.

Действительно, я подарила эту книгу на потом… Я так и написала первого сентября на ее форзаце – «Эта книга – маяк. Из тех, которые светят всю жизнь! Но понимаешь ее – не сразу».
Подписав книгу, я собиралась преподнести ее девочкам после первого школьного дня, когда они вернутся, все сияющие, домой. Я представляла, как торжественно пожму им при этом руки, и как они благоговейно примут книгу из моих рук. Как побегут показать ее бабушке. Как и она скажет по этому поводу какое-то краткое напутственное слово.

Но все случилось куда прозаичней.
В Грузии первоклассникам дарят маленькие компьютеры.

Вот и Даше, как и другим детям, на первом же уроке учительница в присутствии директора вручила небольшой чемоданчик, который она крепко прижала к груди, и, опустившись за парту, все продолжала сидеть с ним, пока учительница не велела поставить подарок на парту.
А Нине компьютера не вручили.
Потому что перепутали ее с Дашей, которая еще не значилась в списке класса из-за какой-то неразберихи в документах.
Итак, компьютер Нины достался Даше.
Но девочки про это не знали.
Нина поняла только то, что ее почему-то обделили.
И какой же она сразу подняла лютый рев!
Сдерживаемый в стенах школы, он бурно излился по дороге домой. Им, наверное, была навеки пропитана вся земля нашей крепкой, зеленой столичной окраины.
Выхода не было – пришлось мне опустить задуманное торжество и отдать детям «Острова и капитаны» в условиях рева, который не прекращался ни на минуту и дома.

Потом, конечно, все выяснилось и учительнице компьютер пришлось у Даши забрать, передав его Нине. Удивительно, но Даша не плакала. Она терпеливо дождалась, когда ее имя вписали в классный журнал, и получила свой компьютер.

Когда Даша только-только сложила в тетради 2 плюс 2, она так была горда собой, что тут же, нависнув сзади над уткнувшейся в тетрадь Ниной, принялась поучать ту:
- Нина, вот смотри – 2 плюс 2 равно 4. А у тебя почему-то 5. Ну, Нина, сколько можно думать!.. Ты что – тупая?!
- Даша, отстань!
Истошный крик Нины долго изливался потом на всех как из противопожарного шланга. Бабушка называет его воем. А Даша – глупым воем.

Может быть виной отставания девочек – плохие слова?..
Слова-указатели, слова-обвинители.
Или даже слова без слов, выраженные одним взглядом.
Или просто – слова как молчание.
А бывают еще слова пустые – те наполнены равнодушием.

С балкона своего этажа я поначалу слышала в первые сентябрьские дни как бабушка выкрикивала на всю округу в адрес девочек голосом, который становился у нее на высоких тонах визгливым и режущим, всевозможные упреки:
- Бродяги!... Мало того, что вы разбрасываете по дому вещи и не хотите прибираться, вы еще и в тетрадях выводите каракули. Даша, я же учила тебя летом как писать палочки. Одна к другой, одна к другой – с одинаковым наклонам. А у тебя они пляшут так и сяк. Я в ваши годы уже освоила каллиграфический почерк. Причем, меня никто не заставлял – я сама - понимаете! – сама захотела научиться писать красиво. Потому что я была девочка, а не конь.
- Бабуля, я – конь.
- А я – твой наездник. Такую позорную страницу я из твоей тетради вырываю!
- Бабуля, что ты наделала!!. Я столько писала!
- Ничего, напишешь заново. Но уже красиво. А Нина пускай, пускай пыхтит и воет – она за все это время поставила в тетради только одну точку. Причем, не слева и вверху, а почему-то справа и в середине. Она настолько глупа, что не понимает где лево, где право. А все из-за улицы, куда она убегала летом, пока мы с тобой чему-то учились. Господи, вы так же непутевы как ваша мать!.. Виданное ли дело, она даже не приехала, чтобы повести

вас первого сентября в школу. Живет там в свое удовольствие!

Позже бабушка предложила:
- Пожалуйста, Маша… Ну, пожалуйста!.. У меня нет никаких нервов! Выпили они мою кровь! Занимайся с ними, Маша, ты. Ведь это же у тебя - университетский диплом. А что это значит? Это значит - ты универсальный специалист. Можешь справляться с любой проблемой. Уж бездарей-то ты сумеешь как-нибудь обучить. Помоги нам, дорогая. А то они, дьяволята, вырастут неучами, как их мать. Когда их мамаша приедет, то обязательно отблагодарит тебя. За это ты не переживай.

Может быть, сказать, что горячо любимая мама неуч – это дать установку на подражание, которой дети подсознательно следуют?

Помимо всего, школьная программа первоклассников русской школы в Грузии перегружена такими кирпичами как одновременное изучение русского, грузинского и английского языков.
Эти кирпичи свалились им на голову разом, опрокинув в какое-то зажмуренное, почти сомнамбулическое состояние, из которого они вырываются, только придя в исступление.
- Бешеные дети! – жалуется всякий раз учительница, когда выводит их нестройным рядком к томящимся в ожидании родителям. – Ужасно невозможный класс!

Я смело выбросила два кирпича с нашего тонущего учебного судна. Оставив только один – красный - кирпич.
Только русскую Азбуку.
Собственно, она и была красного цвета, с лучистым солнцем знания на задней стороне обложки.
За этой Азбукой, как и за другими учебниками, мы ездили с Дашей на книжный рынок. И встретили в тот день в автобусе дядю с необыкновенно длинными усами и с золотой рыбкой в прозрачном пакете с водой. Дядя ехал и улыбался. Он подмигнул сидевшей напротив Даше, которая, подперев щеку кулачком, отчего-то смущаясь, поглядывала на рыбку исподтишка. Дядя сказал:
- «Встал поутру, умылся, привел себя в порядок – и сразу же приведи в порядок свою планету». Антуант де Сент-Экзюпери.
Даша зажмурилась от счастья и засмеялась. Должно быть, она понимала свою будущую профессию уборщицы, за выбор которой ее осмеивали взрослые, как раз так. А веселое слово «Де Сент-Экзюпери» - это, должно, быть – «спасибо» на языке ангелов.

Давайте говорить веселыми словами!
Долой плохие слова!

Как хочется поскорее ринуться с головой в море знаний! Но на поверхности плавают какие-то знаки в виде букв и цифр. Они постоянно смешиваются, рябят, покачиваясь, на волнах. Иногда выпрыгивают из воды, как рыбки и тут же вновь плюхаются в нее. Порой их склевывают чайки. Порой - разводят своими поющими голосами русалки. Ими опоясываются дельфины, идущие в бой за спасение людей!
Как вдруг взять и отделить эти знаки от всего этого волнующегося моря-океана и превратить в какие-то мертвые ракушки и скелетики рыбешек, которые выкидывает на берег волной?

Конечно же, в семье Эленэ, например, эту проблему решили проще. Лет этак еще с четырех. Они просто вдалбливали, вдалбливали, вдалбливали тонкими, бренчащими как мелочь об стол, молоточками буквы и цифры прямо в новорожденное сердечко, внутри

которого, как в русской матрешке, уютно расположился мозг. А сердечко при этом было равномерно разлито по всему телу.
Да нет, и это неправильно, потому что я сказала про это чужими, оторванными от корней словами.
На самом деле дети и есть сплошные сердца - вездесущие, всепроникающие.
А молоточки - раз! – и в один прекрасный день прокалывают их.
Тогда матрешка распадается на несколько своих уменьшенных копий. Ведь Вселенная устроена фрактально. Ум, родившись, вылетает из сердца и осматривается. Он видит с одной стороны мир, а с другой – тело. Ему теперь предстоит как-то балансировать.

Моря больше нет.
На столе прилежной ученицей Эленэ, которую по протекции папы - помощника прокурора приняли в школу как ребенка-вундеркинда с пяти лет – стоит граненый стакан с водой. Сквозь грани которого она иногда задумчиво смотрит на растворившееся в воде солнце.
В сентябре этого года Эленэ забыла Дашу и Нину.
Встречая их в подъезде или во дворе, она даже не здоровается.
- Не спрашивайте меня «почему», - говорит Даша почти безразлично, - я и сама ничего не понимаю. Да и мне все равно. Нет, мы не ссорились…Как-то Эленэ, когда я подошла к ней, когда она шла под руку с одноклассницей, прошипела сквозь зубы: «Отвали, малышня!.. В вас есть что-то такое, чего быть не должно». Я вот только, тетя Маша, все думаю – а что в нас не так?
- Не знаю, мой дорогой человечек. Я и сама частенько чувствую себя глупой. Но не будем отчаиваться. В Книге про Жизни на Земле Бога написано: «Сыны века сего догадливей сынов света в некотором роде». Так что глупость – не порок.
- А все говорят, что – порок.
- У слов есть много значений, и они постоянно меняются. Все зависит от того, что вкладывает в слово твоя душа. Даже слово «глупый» в устах доброго человека может стать похвалой.
- Тогда, тетя Маша, он должен сказать: «Глупенький!».
- Верно!... Ну, ты меня поняла.
- Тетя Маша, а почему Бог нас наказывает?
- Да никого он не наказывает. Это мы сами себя наказываем. Самое большое наказание – забыть себя.
- А говорят, что хуже всего – забыть Бога.
- Ну да. Забыть в себе Бога – это и значит забыть себя.
- И все-таки, тетя Маша, я поняла, но не совсем. Объясните, почему в Книге про Бога написано, что Бог всех наказывает направо и налево. Потоп-то Он сотворил?
- Кто тебе это рассказал?
- Я сама прочитала. Я иногда читаю эту Книгу с фонариком, лежа под одеялам. Так интересней.
- Но ты же еще не выучила всех букв.
- А я вспоминаю мультик по этой книге, и у меня появляются перед глазами картинки.
- Даша, а ты как сама чувствуешь – Бог злой или добрый?
- Добрый… Очень добрый.
- Даже люди, если они добрые, честные и искренние сами с собой и другими – никогда никого не наказывают так, как это принято, скажем так, у людей менее честных. Например, писатель и педагог Владислав Крапивин, книгу которого ты тоже, наверное, почитываешь с фонариком, ведь в ней прекрасные иллюстрации – по его собственному признанию, ни разу не ударил своих сыновей. А их у него двое. В крайнем случае, если они в детстве очень сердили его, он, обижаясь, переставал с ними разговаривать. И ничего – оба выросли хорошими людьми… Как и тысячи других мальчишек и девчонок,

выросших на его книгах. Как ты думаешь, может ли Бог быть хуже Владислава Крапивина?
- Думаю, что - нет.
- Вот и думай дальше.
- Вы думаете, я хочу, чтобы Бог нас наказывал?!
- Конечно же ты этого не хочешь! Твое сердце возмущено!.. А кто-то пытается убедить тебя, что все наказания – от Бога. И грех – не принимать их. Смотри не ведись на эту обыкновенную человеческую манипуляцию.
- Но ведь в Книге про это написано!.. Написано!.. Или нет?.. Вы ее вообще читали?
- Понимаешь, Даша, чтобы постичь такую Книгу, нужно нырять в ее глубину. А слова плавают на поверхности. Они лишь отражают характер и настроение моря. И отражают его не прямо. Поэтому читать надо, не держась за слова. Как тебе, чтобы прочитать слово, вредно цепляться за буквы – я все время про это напоминаю – так ныряльщикам в глубину книг вредно цепляться за слова. Противник нашего Господа тоже цитировал Библию, когда спорил с Иисусом в пустыне. Он, в частности, искушал его словами. Он тоже умел говорить: «Написано…». А ты помнишь, я рассказывала вам с Ниной про одного отстававшего в школе мальчика – его звали Альберт Эйнштейн. Который стал потом ученым и перевернул представления о Вселенной у целого мира. Как ты думаешь, смог ли бы он донести такие представления до древних иудеев – вчерашних рабов, только что выведенных из Египетского плена? Конечно же, родись Эйнштейн среди рабов и рабовладельцев, на которых делились тогда люди, то шансов объяснить им свою теорию относительности, как и донести многие другие более совершенные знания, у него не было. А теперь представь на его месте мальчика Моисея, который тоже был в юные годы каким-то отсталым да глупым – так о нем думали во дворце фараона. Как ему донести до них, что наш Бог – чудесный, но Чудо распалось в их душе на маленькие невзрачные чудеса – например, на падающие с небес на тарелку жареные перепела?.. Вот он думал-думал, и придумал написать Книгу, в которой передал характер и слова Бога в понятной для рабов форме. Где Бог – это их Господин. Он посылает им то радость, то горе, в зависимости от их настроя и поступков. Ну и наказывает их по всякому, как наказывали тогда рабов. Но мы-то уже не рабы! Да и Бог еще две тысячи лет назад сорвал с себя эту давным-давно устаревшую маску господина-рабовладельца, когда проходил к нам таким, как он есть – как Господь наш Иисус Христос. Вот и взирай на Иисуса Христа, когда затрудняешься с пониманием каких-то слов Книги.
- Да я, тетя Маша, так и делаю – я вспоминаю про Иисуса и чувствую что - нет – он бы не смог использовать с нами, дураками, палку как палку. Он бы очистил ее от всяких сучков и – сделал бы из нее указку.
- Ну, вот ты все и поняла. Хоть и говорят, будто Библия – это книга за семью печатями. А мне, поделюсь с тобой своей фантазией – представляется, что семь печатей это как семь матрешек, когда их всех вынули друг из друга. А может, их и не надо вынимать? Может, не надо разбирать большую матрешку?
- А хочется знать, что там внутри!
- Ох, это «хочу все знать» вместо «чувствую»!.. Даша, почувствуй – в большой матрешке есть только Любовь. И – ничего другого… Не открывай ее, пожалуйста. Любовь не любит прикосновений руками. Ты сможешь нащупать вместо нее только маленькие матрешки – все более маленькие, маленькие и маленькие. Если не понимаешь великой Книги – лучше брось ее на пол. Да-да, выброс ее. И просто – взирай на Иисуса. А Бог тебя поймет. И утрет твои слезы. Он поднимет свою Книгу. И раскроет перед тобой, когда ты немного подрастешь.

Я рассказала им про Эйнштейна, когда Даша рассердилась на Нину за ее «2 плюс 2 равно 5».
Объяснив, что самый смиренный разум у настоящих ученых.

Не у коллекционеров дипломов и званий, а у тех, кто понял, что они знают только то, что ничего не знают.
Потому что мировой простор бесконечен и беспредельны возможности по постижению его совершенных законов.
У настоящих ученых как отличников школы жизни – нет повода гордиться собой, да и времени у них на такие пустяки тоже нет – хочется успеть открыть для людей хотя бы еще один совершенный закон.
Такие люди догадались, что 2 плюс 2 не обязательно 4. И создали высшую математику.

- Я тоже буду ученым! – воскликнула Нина. – Я буду нырять с аквалангом в океан и изучать китов и акул!
- Тогда начни с чтения «Истории рыб». Пока – через рассматривание картинок. Присматривайся к названиям под картинками. У тебя память отличная и ты скоро запомнишь их все целиком. И будешь узнавать их в тексте еще до того как научишься читать предложения. Представляешь, как это будет интересно!.. Ты будешь вылавливать эти рыбки-слова как заправский рыбак!

- Подумаешь, рыбки! – скривилась Даша. - Ты, Нина, так грязно пишешь в тетради, что учительница говорит, что ей противно брать ее в руки. И сколько ей уже тебе повторять: «Нина, не называй буквы в слове, а читай их». Но ты все равно не слушаешь. Ты только сидишь над тетрадью как коршун и прикрываешь ее ладонями, чтобы никто не увидел твои каракули. Учительница даже уже и не хочет тебя вызывать. А потом возьмет – и оставит на второй год!
- Даша, я тебя ненавижу! Ты не сестра!!..
- А я как сейчас кину палку в этих сцепившихся волчат, так тетя Маша сразу поймет, что нельзя им потакать, – подает со своего кресла в углу лоджии бабушка, оторвавшись от кроссворда. Но берется не за свою палку, а за швабру.
Дети разбегаются. Сердито показывают другу кулаки. И вот-вот опять сойдутся в нешуточном бою.
Я пока не придумала, что с этим делать. И только беспомощно взываю к порядку.
Иногда у меня даже вырывается:
- Елки - палки, Даша, дерись, но не бей сестру в живот!
Наверное, если привычка работать кулаками закрепится, то Даша потом с вызовом заметит мне:
- А вы говорили – дерись!
- Бедный Бог тоже говорил дикарям через закон Моисея: «Око за око, зуб – за зуб». Чтобы они, наконец, поняли, что - выбив кому-то зубы, они рискуют получить по зубам и сами... Хотя вообще-то с самого начала сказал: «Не убий!».
- А зачем он тогда заставлял иудеев резать барашек?
- Барашки были прообразом Иисуса Христа, которого эти же иудеи – неважно, они сами или их потомки… Ну, ты сама знаешь, что они с ним сделали. А Он потом взял их грехи на Себя. То есть не обиделся на них. И не стал им мстить. Потому что понимал, что они – еще маленькие. Да и месть, убийство – это такие качества, которые не помещаются в Бога. Ведь Он благородный рыцарь на белом коне!
- Подождите!.. Иисус въехал в Иерусалим на осле.
- А как ты думаешь, почему Он выбрал не коня, а осла?
- Наверное, потому что осел – упрямый и глупый. Ой!.. Что-то я ничего не пойму. Ведь Иисус-то умный.
- Да, ослики - как думают про них многие люди – упрямые да глупые. А Иисус все равно выбрал ослика. Это – загадка. Вот и подумай над ней.

Но чаще наши занятия проходят дружней.

Случаются, конечно, и драки. Есть время слез.
Но есть и немало приятных минут.
В такие минуты мы учимся и одновременно беседуем, причем, в эти беседы вплетаются серебряной нитью семейные истории, которые бабушка бережно хранит в своей памяти, как в малахитовой шкатулке, и часто любовно перебирает. Нам она передает их в виде баек. Да и сама бабушка – худощавая, верткая, с часто меняющимся, как бы извивающимся настроением – от теплой улыбки до слез – похожа на царевну-ящерицу. Дети говорят, что в молодости она была необыкновенно красива.

- Какие у вас завтра уроки?
- Математика, чтение, русский, грузинский, английский, окружающий мир.
- Начнем с чтения.
- Нет-нет, чтение потом!... Сначала - писать! А то не успеем!
- Как же писать, когда не умеем читать?
- Но учительница же проверяет тетради каждый день. А по чтению спрашивает – не каждый... Тетя Маша, не тяните время! Мы и так после школы отдыхаем только час, да и то его половина уходит на кушанье. А потом приходите вы, и мы занимаемся почти до ночи. Мы только и успеваем немного побегать по улице и – ложимся спать. Когда, тетя Маша, жить?!
- Хорошо, начнем с математики. Вот что мы действительно не успеем, так это грузинский и английский. Окружающий мир, наверное, тоже… Хотя это очень важный предмет.
- Учительница по английскому не задает нам домашних заданий. А с грузинским нам поможет ночью Инга, когда вернется из друзей. Она напишет нам все на листочке, а мы утром быстро перепишем. Про окружающий мир мы все знаем – про него учительница рассказывает на уроке.
- Ладно, Даша, доставай математику.

Далее Даша, которая так торопилась, начинает безуспешно бороться со временем как угодившая в его паутину пчела. Борьба это горькая и почти проигрышная, потому что время становится все более густым, непроходимым, темным. Чем больше девочка пытается вырваться из него, из-за всех сил всматриваясь в учебник и старательно копируя из него все черточки и кружочки закорючки, тем больше они пляшут у нее в тетради и тем чаще куда-то пропадают, так до нее и не долетев. Вся ее тетрадь исчеркана красными молниями – это оповещает о грядущей грозе учительница. А вдруг она никогда не выучится читать и считать?.. Как это будет стыдно! Страшное это подозрение делает тело деревянным.
Даша все больше ерзает на стуле, все сильней раскачивает его, взгляд ее становится блуждающим и все чаще замирает, уставившись в какую-то точку на стене.

И тогда я беру в руки некий невидимый руль и неспешно, мягким тоном подсказываю, как и что ей надо делать. Я буквально направляю голосом ее взгляд и руку – взгляни туда, а потом сюда… Прибавь – это, отними – то. Вот это напиши сюда, вон то – туда… Да-да, в таком порядке лучше. Но не обязательно в таком. Пиши так, как удобней тебе… Про почерк пока забудь – пиши как можешь… А теперь немного отдохни… Конечно, можно. Часто мне приходится почти диктовать ход решения. А то и просто делать задания за девочек, а им остается только переписать.
А переписать - это почти как перетаскать мешок кирпичей!

Незримая машина, которой мне приходится рулить, полна мешками с кирпичами. И я чувствую себя соучастницей какого-то воровства. Словно мы у кого-то крадем эти кирпичи. И есть подозрение, что крадем у себя самих.
Так зачем-то надо школьной программе, которая гонится за нами с сиреной как

полицейская машина!

- Тетя Маша, а что такое ад? Это второе солнце в земле?
- Нет, это зарытый в землю талант. Это невозможность стать на Земле человеком. Хотя потенциал к этому есть. И ты горишь в его огне, как во время пожара в запертом доме.

- Бабуля, посмотри, я красиво написала, да?..
- Да где ж там красиво. Убери поскорей тетрадь, пока я ее не порвала, несмотря на запрет тети Маши. Ты лучше скажи, грамотей, не припасено ли у тебя где в баночке сахарку? Попили бы чаю. Тетя Маша, вы слышали – я иногда отсыпаю в отдельную банку сахар и прячу его, чтобы эта саранча не уничтожила его разом. А недавно подметала и нашла в углу спальни тайник – Даша нашла себе какую-то банку и тоже прячет в ней сахар. Я говорю: «Я-то прячу сахар от тебя. А ты от кого – от себя?»… Ладно, внученька, доставай новые чашки для чая. А сама сбегай в будку к тете Элисо – купи что там нужно вам к чаю. Кока-колу купи себе и Нине. Ну и мне маленькую бутылку. Скажи, что мама приедет и за все расплатится.
- Какие новые чашки для чая? Из чайного сервиза для гостей? А у нас не бывает гостей, которые пьют чай. У нас бывают только те, кто пьют водку.
- Врешь! Есть у нас такие гости. Да вот хоть взять тетю Машу… А раньше ко мне ходили все степенные, порядочные люди. Что делать – многие перемерли.
- Тетя Маша больше не гость – она нам родная.
- Кто ж с этим спорит. Без тети Маши вы б пропали. Иди, Даша, в магазин и купи там что-нибудь к чаю и для тети Маши.
- Ох, бабуля, хватит уже. Потом ты начнешь петь песни.
- А что – разве я плохо пою?
- Всю ночь?! Ты помнишь, что сказал дядя Сулико, который живет под нами?.. Что вызовет патруль! У него – парализованная жена, а ты ей спать не даешь. Ты хочешь, чтобы нас в детдом забрали?!
- Даша, я иногда тебя боюсь… Вот вырастишь и станешь еще директором. И сведешь нас всех со свету.
- А я думаю, что она станет вашим семейным ангелом. И исцелит раны вашего сердца, приумножит вашу мудрость. Недаром она задает столько вопросом, запасаясь ответами смолоду.
- Я поняла тебя, Маша... А ты, Даша, не защищай уж так рьяно этого Сулико – из-за него погибла тогда ваша кошка. Это он травил в подвале мышей – кот, видимо, и сожрал отравленную мышку… А я, между прочим, люблю и мышек, и блошек, и всякую травинку. Кормлю на балконе голубей… Кстати, попроси еще в долг зерна.

После чая – беремся за русскую грамматику.
Даша читает в учебнике:
- «ЗлоГо героя…». А злоГо – это что такое?
- Это - другая форма слова «злой». В нем слышится «в», но пишется «г». Ну, ты же знаешь – в русском языке слышится одно, а пишется другое.
- А почему бы не писать правильно?..

Мы немного смеемся. Особенно над тем, что мне не удается ответить на вопрос. Оказывается, я тоже не все знаю. Причем, я и не собираюсь это скрывать. «Узнаю – расскажу», - спокойно отвечаю я в таких случаях. Иногда же - сразу принимаюсь рыться в книгах, в интернете, что-то прикидываю в уме, размышляю вслух.
- На свете так много всякой всячины, - вздыхает Даша. – Ума не приложу, как все это запомнить и понять где что. Как научиться отделять правильное от неправильного.

- Надо ничего не принимать на веру просто так, а учиться размышлять. Тогда ты научишься замечать закономерности, которые связывают те или иные вещи. И сможешь их группировать. Тогда они не будут разбегаться перед твоими глазами во все стороны как лебедь, рак да щука. Например, нельзя произвольно смешивать буквы и цифры – буквы сгруппированы в алфавит, а цифры – тоже во что-то сгруппированы. Только я забыла – во что… Ничего, вспомню потом. Главное – понимать информацию, а не хранить ее в памяти как какой-то отсыревший сахар… Так отделяют правильное от неправильного. А вот с добрым и не добрым сложнее. Это различают сердцем. Причем, заметь – даже правильное люди не всегда используют по назначению, не всегда обращают к добру.
Что же касается вопроса как писать верно, то я бы ответила так – полюби, Даша, чтение. И читай в свое удовольствие. Когда читаешь с любовью, то строчки сами струятся перед тобой как волшебные и сами собой рождают слова. И рука их потом так и пишет словно сама, и пишет все правильно. Я никогда не учила правил. Но пишу при этом грамотно. Да и в русском языке слишком много из них, правил, исключений.
- Наверное, вы были в школе отличницей.
- Нет, Даша, троечницей. У меня не было времени раскладывать в своей голове знания по полочкам. Я стремилась вперед.

Когда настает черед Нины, та, усевшись на стул с таким видом, будто тот электрический, тем не менее, весело сообщает:
- А я раньше думала, что ТетьМаша – это все одно слова. Ну, я тогда была еще маленькая. Давайте, теть Маша, начнем с русского.
- Может все-таки с математики?
- Ну, давайте, с математики.
- Скажи мне, пожалуйста, сколько будет 5 плюс 5?
- 5 плюс 5?.. Х-ха!.. Легко!..
Нина вытягивает перед собой руки с растопыренными пальцами, смотрит на них, что-то про себя шепча. Считает их, отмечая счет кивками головы.
- Будет 11.
- Немного не так.
-Ой, я дура-дура! – хлопает себя по лбу Нина. И заискивающе и в то е время лукаво заглядывает мне в лицо. – А как правильно?

У нее нет настроя на то, чтобы угодить вслед за сестрой в липкую и тягучую как мед паутину оторванных от какой-то незримой, всем и так понятной основы знаний, которую ткет какой-то паук. Как нет и храбрости лететь мотыльком на огонь. Она не любит преодолевать неестественные трудности.
- Мама не будет про это думать. Она не любит думать зря, - обронила как-то Нина, когда бабушка в очередной раз сетовала, что мама, находясь в отлучке, совсем не думает про то, как они тут без нее.
Не знаю, как маму, но эти слова точно характеризуют саму Нину.

- Вытяни руки еще раз. Вот смотри – это одна рука, а это – вторая. Посчитай сначала пальцы на левой руке… Посчитала? Верно, пять. А теперь пересчитай на второй. Пересчитала? Да, тоже пять. Ну и сколько будет 5 плюс 5?
- Тринадцать, - выпаливает, не успев даже моргнуть, Нина. Как обычно – наугад. Ритуал обращения к пальцам она соблюдает лишь для отвода глаз.
- Ну, ты и дура! – успевает крикнуть убегающая во двор Даша.
- Даша, заткнись! – чувствуется, что Нине совсем не хочется так грубить. Но почему-то нужно.
Она зевает. Но, спохватившись, подавляет зевок ладонью.
- Извините, тетя Маша.

- А сколько будет 5 плюс 7?
- Значит, так… Сначала посчитаем пять пальцев на левой руке… Посчитали. Теперь еще семь на правой… Ой, а пальцев больше нет. Тетя Маша, одолжите мне свои… Вытяните, пожалуйста, руки… Продолжаю считать…Значит, сколько у нас было – девять? А стало – одиннадцать. Одиннадцать, тетя Маша!.. А знаете, как считает Милена? Когда ей не хватает пальцев на руках, она скидывает туфли, стягивает носки и начинает считать пальцы на ногах. Вот умора, да?.. Вы не беспокойтесь, я в школе за ней приглядываю. Я продолжаю отвлекать ее внимание на себя, когда она хочет подраться или унестись куда-нибудь из класса… Что вы говорите! Ей нужно не это? А как же с ней дружить, если она не умеет дружить?!. Теть Маша, а, теть Маша… Вы лучше скажите, а получится из меня клоун? Я, когда вырасту – хочу быть клоуном. В цирке же не нужна математика? Или как?

Я предлагаю ей сочинить и решить задачу про цирк.
Нина тут же выпаливает:
- Шли семьдесят человек медведей…
И жутко хохочет.
Потом, посерьезнев, озабоченно спрашивает:
- А почему существуют волки и зайцы? Ой, я дура-дура!.. Я хотела спросить, почему они кушают друг друга. Если вы говорите, что Бог добрый.

Наверное, она ожидает, что сейчас расхохочусь я. Поскольку теперь уж точно сяду в лужу.
В мой телефон плюхается сообщение. Наверное, это рассылка. У меня есть время подумать, пока я вожу по ней взглядом.
- У вас что, нет в мобильном фильтра от рекламы?.. Дайте я вам установлю. – Нина ловко щелкает моим мобильником, практически не глядя на него - раз, два и готово.

- Я не знаю ответа.
- Ничего, тетя Маша. Я вас и так люблю.

- Не на все еще вопросы есть ответы у человечества. И сколько их еще будет у него – вопросов… Ведь Вселенная бесконечна. Значит, и загадок в ней множество. А есть еще такие тайны, которые ведомы только Богу. И мы их человеческим умом понять не сможем. Но тайна конкуренции в природе за пищу, я думаю, не из таких. Причина ее, конечно, еще не известна науке, хотя был такой ученый как Дарвин, который объяснял все слишком плоско, глядя из сегодняшнего дня… Но давай попробуем пофантазировать. Представим, что раньше люди жили в Эдемском саду и питались только манной небесной и фруктами.
- А потом съели яблоко, что было строжайше запрещено. Потому что хотели все знать. Нам про это рассказывала тетя Алена.
- Ну вот, они съели запретный плод, и у них завелся внутри какой-то червячок. И они, словно вывернувшись наизнанку, стали видеть все не так. Не своими глазами, а глазами червячка.
- И что – червячок захотел есть капусту?
- Да, как-то так... Люди забыли про манну небесную и про Бога, который щедро расточал ее. И переключились на питание капустой. А потом и – принялись друг за друга. Причем, не только фигурально. Ты, наверное, слышала про племена каннибалов. Которые еще сохранились кое-где, как пережитки седой древности… А животные, рыбы, насекомые, растения и даже микроорганизмы – они подчиняются человеку, как заповедал им Бог. И могут подражать только ему. Их пищей в Эдемском саду была – его доброта. А человек стал червячком. Ну, вот природа и тоже нехотя, иногда горько плача от самой себя, порой

испытывая тошноту, поглощая извратившуюся человеческую энергию, раздвоилась в самой себе, вывернулась наизнанку и…
- Тоже стала бескрылой и стала ползать на брюхе! Вы это хотели сказать, да, тетя Маша?
- Ну, вот ты и ответила сама на свой вопрос. А теперь, заметь, если развить эту мысль дальше, то получится, что если ты прогнил изнутри, то – тебя сожрут микробы. На каждый порок – свой набор микробов. Вот тебе и причины болезней.
- У нас был сегодня фантастический урок! Спасибо, тетя Маша… Можно уже идти?
- Как?.. Мы же еще не написали ни строчки.

- Погодите, теть Маша. Я вам сначала про леопарда расскажу.
- Про какого леопарда?
- Про того, которого убил Илья. Вы же знаете – Илья ходит на каратэ. И вот его мама в воскресенье пригласила нас с Дашей к себе на дачу. Это в деревне около Мцхеты. Вы же знаете, там много туристов. И для туристов в клетке завели леопарда. Ну, чтобы им было не скучно… И вы представляете, этот леопард убежал, а у Ильи на даче был лук – не игрушечный, а настоящий. Ему его сделал папа. И вот Илья встретит сбежавшего леопарда, когда гулял с луком по лесу, поднял свой лук, выстрелил – и попал леопарду в самое сердце. А потом, чтобы его мама за это не ругала – снял с него шкуру, разделал и изжарил на костре. А потом съел!... Только ужас сколько было кровищи вокруг этого костра, когда мы хватились, что Ильи давно нет и пошли на дым. Даша как запищит, когда все это увидела. А я чуть в обморок не упала. Меня до сих пор тошнит.
- Бедняга лепард! Боже мой, ведь мы бы могли потерять Илью! А мясо леопарда – съедобно ли оно?..
- Теть Маша, вы что? Вы что мне – поверили?!.. Это была шутка. Не было никакого леопарда. А Илью мы не видели с лета – у него то школа, то танцы, то плавание, то каратэ.
- Зря ты меня обманываешь. Я могу потерять к тебе доверие. Ведь если не знаешь, правду ли говорит человек или врет – то волей неволей настораживаешься.
- Я больше не буду.
- Доставай тетрадь.
- Ладно… А вы с Дашей тоже сочиняли задачи? Про что она придумала свою? А то мы на днях решали в классе недоконченные задачи и попалась задача про баржи. На которых из одного города в другой везут какие-то товары. Надо было придумать – какие. Ну, Даша и написала в своей тетрадке: «Баржи везли бутылки…». Это она бормотала вслух, пока писала. А я-то теперь сижу рядом. Я и спросила: «А с чем бутылки?». Я хотела, чтобы она написала ну сами понимаете с чем… Но она взглянула на меня так строго, что аж мороз по коже и, взяв ручку, так сильно нажала ее, что сломала. А потом схватила мою ручку и докончила предложение. Поставила в конце с силой огромную точку. У нее получилось: «Баржи везли бутылки с лимонадом»… А на днях она знаете что учудила? Я ее спросила на перемене: «Даша, пойдем сегодня в гости к Любе? Лука, наверное, накачал новые игры». А Даша возьми и ляпни на весь класс: «Нет, Люба сегодня будет пить!». Хорошо хоть все галдели и, наверное, почти никто не услышал. Я шепнула ей в ухо: «Даша, тише!.. Люба не пьет, ты что забыла - она закодировалась». Даша призадумалась, стрельнула глазами в одну сторону, стрельнула в другую, и говорит своим запинающимся голоском, но, опять, блин, на весь класс: «Люба не будет пить…».

- Что-то ты разошлась, - подает из кухни голос бабушка, - Ну и дети – одна – бродяга-грамотей, а другая – бродяга-чародей. Целыми днями пьете мою кровь!
- Бабуля, ты пьешь водку, а мы с Дашей пьем твою кровь, чтобы уменьшить в ней водку.
- Может, у меня потому похмелье? Вот и будете по очереди восполнять мне то, что выпили. На барже привезете!

Пока бабушка возится с тестом для пирожков, Нина сбрасывает на пол тетрадку, которую

только достала и, встав на нее обеими ногами, принимается топтать.
Потом поднимает и, смахнув грязь, как ни в чем ни бывало усаживается за стол.
- Как я ненавижу уроки! Но вас, тетя Маша, я люблю. Давайте уже писать.

Когда я выхожу после занятий за дверь, дети тоже выбегают на лестницу и пытаются провожать меня до самого моего этажа. Но я их останавливаю. Мы братски обнимаемся.
- До свидания, тетя Маша! Спокойной вам ночи!.. Пушкин, ты здесь?.. Шел бы ты уже домой. Хочешь чаю? Если хочешь, мы принесем!

Я вглядываюсь в темный силуэт с головой как у большой круглой колючки. Силуэт отделяется от стены и садится на нижнюю ступеньку.
Нет, это не Александр Сергеевич Пушкин, а – просто Пушкин.

Несмотря на то, что на лестнице кромешная темнота, мы знаем, что он всегда здесь.

Так все называют паренька лет шестнадцати за его роскошную курчавую и нарочито нечесаную шевелюру. Он прописался на лестнице, поклявшись Инге, что будет приходить после колледжа и оставаться здесь до утра, пока она его не просит.
Но мы знаем, что Инга не простит. Потому что если она что-то твердо решила, то – это навсегда.

Инга встречалась с этим парнем целый год и весь год просила его отказаться от идеи стать вором в законе.
Да-да, Пушкин мечтал о карьере вора и совершал для этого, тренируясь, кражи шоколадок и конфет из окрестных супермаркетов, пытаясь потом сложить эти трофеи у ног подруги – разумеется, она их отвергала. Нарочно втягивался в драки со шпаной. И накачивал мышцы в спортзале, потому что полагал, что настоящим преступникам они необходимей всего.
Наконец, Инге надоело отговаривать его, надоело напоминать о разбитой жизни своего отчима. И она с Пушкиным рассталась.
А тот – никак не уходит.
Он клянется, что никогда не станет вором. А станет теперь полицейским, и будет с ворами бороться. Ведь повадки бандитов он уже изучил.

Мысленно я так и вижу, как Инга проплывает мимо него своей плавной походкой, и, открыв ключом дверь, бесшумно захлопывает ее. Щелкает замок. Все. Пушкин сюда не пройдет.
Дальше она торопливо пробирается в спальню, тоже закрывает дверь и ложится, не раздеваясь, на тахту.
Но бабушка, приковыляв из лоджии, приоткрывает эту скрипучую дверь и, просунув голову, сердито говорит:
- Явилась не запылилась. Ты бы хоть свет включила… Батюшки, да ты еще и одетой собираешься спать!.. Что называется – догулялась.
- Отстань, пожалуйста. У меня голова болит. Я потом встану и переоденусь. И приму душ.
- Вот приедет мать – она с тобой разберется. Разъяснит тебе по-своему как шляться ночью по подъездам. Я же тебе опять поверила. Поверила, что ты сходишь только в универмаг за лаком для ногтей и сразу - обратно. Даже дала тебе деньги на этот лак и на стиральный порошок… Ну и где порошок? Про лак я уже не спрашиваю – черт с ним.
- Понимаешь, бабуля, я встретила около универмага одноклассницу и оказалось , что у нее день рождения. Она меня пригласила, а как пойдешь без подарка. Я купила вместо порошка коробку конфет. Прости… Порошок я завтра попрошу в долг у тети Элисо.
- Врешь!

Все знают, что Инга почти всегда в таких случаях врет. Но все равно почти всегда поначалу верят ей. Потому что у нее талант драматической актрисы. Однажды она даже взяла и хлопнулась перед всей семьей в обморок. Тех чуть кондрашка не хватила. Все бросились приводить ее в чувство. Но Инга открыла глаза и томно сказала:
- Не надо… Я пошутила. Это была репетиция – вы же знаете, что я собираюсь в театральный.

Бывают у нее шутки и пострашней. По рассказам детей, собственную мать она, когда та готова была влепить ей пощечину, мгновенно останавливала словами: «-А мне сегодня приснилась бабушка Инга! Она хотела меня о чем-то предупредить. Но я ничего не поняла». И мать как на забор напарывалась: «- Мама?.. Ну-ка рассказывай сон».

Странные люди - подростки.
Даша с Ниной по-прежнему следят за их любопытной, полной каких-то тайн жизнью – в оба глаза. И всегда в курсе сердечных дел старшей сестры.
Они поведали мне, что Инга часто садится, после того как бабушка уснет, в освобожденное той кресло и сидит там в наушниках, уткнувшись в телефон, до утра. Что-то пишет, стирает, снова пишет и снова стирает... А потом смотрит какой-нибудь взрослый фильм. И – по ее щекам катятся слезы. Потому что ей понравился один парень – его зовут Гио. А этому парню на нее наплевать.
Он ей сказал:
- Ты можешь приходить ко мне, только если я тебя позову. А такое не случится никогда.
И задача Инги теперь – как-то вырвать из сердца свою любовь.

Однажды Инга стала привирать бабушке так:
- Бабуля, я опоздала потому, что когда я переходила дорогу возле церкви, мне встретился батюшка. Он тоже шел по «зебре» и вдруг ему стало плохо, и он упал. Пришлось дотащить его до остановки и вызвать скорую. А она так долго ехала. Представляешь, я помогла батюшке!

Даша, услышав это, даже открыла рот и приподнялась от волнения со стула. Потом, нахмурившись, тяжело, с шумом упала обратно на сидение.
- А вы – мой батюшка! – сказала она, рассмеявшись. И шутливо боднула меня головой в грудь, а потом несколько неловко, смущено приобняла.
- Нет-нет, - возразила я, - ваш батюшка – тетя Алена.

- Тетя Маша, перекреститесь! – шепчет мне Даша в автобусе, если нам случается проезжать мимо храма. – Это – дом Бога.
И трижды истово крестится еще раз.
- Ах, да! – словно спохватываюсь я и торопливо осеняю себя крестным знамением.
Можно бы было, конечно, обойтись и без этого.
Объяснить, что это не обязательно и что Богу не нужны внешние знаки внимания.
Но я чувствую, что Даша не поймет меня.
И, пожалуй, даже обидится.

Часть вторая

1

Настала зима. По обыкновению последних лет – бесснежная. Небо как исчеркали простым карандашом – да еще и опрокинули в него стакан, в котором полощут кисточки после акварельных красок. Стало оно мутное, не поймешь чего от него ожидать.
Вздыхая, Даша неторопливо вырисовывает кисточкой золотистый остров с пальмой в синем море. Сегодня воскресенье и можно немного пожить для себя.

Рисовать она умела всегда. В этом она пошла в Ингу. А вот Нина в сестер не пошла. Ну и не надо ей ни в кого идти – хватит с нее и того, что она умеет наряжаться и танцевать.
Этот рисунок она тоже бережно сложит в стопку рисунков, которые подарит маме.
Ведь мама приедет уже завтра!
Правда, они ожидали ее еще с месяц назад, когда она тоже каждый день писала Инге через скайп – завтра, завтра, завтра… Причем, не показывая лица, и Инга даже тревожно спрашивала в сообщениях: «Мама, это правда ты?..». И каждый день прямо-таки бежал со всех ног, торопясь превратиться в завтра. А иногда вдруг спотыкался и переставал двигаться. И завтра становилось таким далеким!

- Бабуля, ты спишь?
- Уже нет… Вздремнула немного. А Инга не приходила?
- Еще нет. Как ты думаешь, мама завтра приедет?
- Дашенька, да разве ее поймешь? У нее, небось, и денег нет на дорогу. Я-то ее знаю, она никогда не признается, что дело швах, пока ее не клюнет окончательно петух. Но потом явится и все вывалит, как на духу… Лучше про это не думать. Сердце так и болит, ведь она мне не чужая. А эта неизвестность, душа моя Даша, хуже всего. Хуже всего, когда не знаешь, что будет завтра.
- Бабуля, а бывают детские молитвы? Ты можешь написать мне какую-нибудь легкую молитву, и я выучу ее с тобой наизусть? Я буду молиться, чтобы с мамой ничего не случилось.
- Хорошо, Дашенька, хорошо… Иногда ты бываешь такой хорошей девочкой. Правда, недолго. Твоя проблема в том, что ты многое начинаешь, но не многое доканчиваешь.
- Можно, бабуля, я сегодня лягу спать с тобой?
- Конечно, моя милая. А Нинка, Нинка где?
- Шляется где-то.
-Но-но, так нельзя говорить про сестру!
- Но ты же говоришь.

Еще раз вздохнув, Даша вырывает из альбома для рисования чистый лист и принимается выводить зеленым фломастером буквы – она уже выучила их все. Этими буквами она должна суметь достучаться до Деда Мороза. Должна суметь рассказать ему про их беду – про то, что у них нет своей квартиры, а на съемную - уходят все деньги. Из-за чего мама вынуждена ездить по всему свету в поисках достойного заработка. А ей попадаются на пути – какие-то недостойные люди.
А мама у них – все знают – такая доверчивая!.. Даша даже недавно сказала старшей сестре: «Инга, ты видишь, маме трудно. Может ты пойдешь работать?!.».

Даша начинает как бы мысленно писать, водя иногда рукой по воздуху. Время от времени она шевелит губами, как бы вчитываясь:

«Доверчивость - это у нас семейное. Бабушка часто рассказывает историю нашей семьи. Особенно когда тут тетя Маша. И я ее внимательно слушаю, несмотря на занятия. Потому что история всякий раз обрастает новыми подробностями. Я уже знаю, что моя прабабушка – мама бабушки Любы и бабушки Инги – жила в Ростове-на-Дону, в семье

инженера-метеоролога. Они жили с папой вдвоем. А мама ее умерла, когда она была еще маленькая. И у них была немецкая овчарка, которая знала все собачьи команды. Когда началась война – Родина призвала собаку в Красную Армию. И прабабушка с ее папой проводили ее на фронт.

Потом, уже после войны, им прислали благодарственную грамоту за отличное воспитание собаки – ведь та помогала санитарам выносить с поля боя раненных бойцов, спасала жизни.
Сама же прабабушка в войну чуть не погибла – фашисты угнали ее в Германию и бросили в концлагерь. Но потом туда зашел один офицер, который искал прачку, и ткнул своим костлявым пальцем в прабабушку… Благодаря этому она осталась жива. И работала потом до самого окончания войны в его доме, обстирывая его большую семью за похлебку с картофельными очистками.
Потом тот немецкий город взяли наши войска и освободили бабушку.
Правда юная бабушка вместе с другими своими соотечественницами-девушками чуть не пострадала тогда от своих солдат. Они так изголодались по любви, что – сами понимаете… Так что им пришлось от них убежать и пробираться к их командирам ночью, тайком.
Наконец, она вернулась в свой город.
А там уж родились у нее сначала бабушка Люба, а затем – через девять лет – бабушка Инга.
Бабушка Люба родилась в Ростове-на-Дону. А другая, их родная бабушка – уже в Тбилиси, куда прабабушка уехала куда глаза глядят от своего непутевого первого мужа.
Прабабушка продала дом в Ростове, – папа ее к тому времени уже умер – и отправилась на юг.
В поезде же к ней подсела одна тетя.
И ей прабабушка все сразу рассказала про себя – рассказала и то, что везет деньги на новый дом.
А та и говорит:
- А я еду спасаться от милиции. У меня в магазине выявилась в кассе недостача. А как она случилась – я понять не могу. Одолжи мне, милая женщина, денег – я положу их в кассу, а потом продам «Жигули» и тут же все тебе верну. Вот тебе мой адрес и мое имя-отчество.
Прабабушка, услышав про такую большую беду, не промедлила ни секунды – она тут же отдала все свои деньги. И кто бы мог подумать – та женщина так и пропала вместе с деньгами. А имя она оставила не свое, а чужое. И адрес тоже чужой.
Прабабушка даже не пошла жаловаться в милицию. А просто устроилась работать кондуктором в тбилисском трамвае и стала снимать комнату.
В первое время ей приходилось очень трудно – бабушка Люба, хоть и была еще школьницей, как могла помогала ей – ходила за хлебом, за керосином, сама готовила для себя и для мамы суп. Собирала в лесу ягоды и грибы. Срывала фрукты с деревьев в заброшенных садах… И так умела хорошо все это сэкономить да распределить, что еды хватало даже на соседских ребятишек – бабушка Люба всегда угощала и их.
В трамвайном депо прабабушка и познакомилась с нашим прадедушкой, который работал там механиком.
И у них вскоре родилась бабушка Инга.
К тому времени они уже все жили в отдельной квартире – она принадлежала прадедушке.
Вся семья души не чаяла в бабушке Инге, пока та была маленькой.
И когда стала большой – тоже не чаяла.
Бабушка Люба любила ее так, как любят свою дочь – ведь сестренка была намного младше.
Но и для бабушки Любы прадедушка тоже был хорошим отчимом. Например, когда ей вырезали гланды, доктор, отпуская ее из больницы, велел ей ничего в этот день не кушать.

Бабушка Люба не так уж любила поесть. Но тут на нее что-то нашло, и она стала очень просить: "- Мама, дай мне кусочек мяса. Ну, пожалуйста, дай!.. ".Но мама ей не давала. Тогда бабушка Люба как расплачется, как топнет ногой, как закричит на прадедушку: "- Это все ты!... Это из-за тебя она жалеет для меня лишний кусок, потому что я тебе не родная!" Тут прадедушка кашлянул, встал с дивана и говорит, пройдя к прабабушке на кухню: "- Вот что, Валя – дай ей котлету".
В общем, сестры выросли и выскочили замуж.
И обе – неудачно.
Бабушка Люба вышла замуж за человека, который потом запил и стал ее бить. И вскоре помер совсем молодым – надорвался в армии, подняв какой-то груз. У них до того родился сын Дима.
А бабушка Инга за свою короткую жизнь – она умерла в двадцать восемь лет – выходила замуж дважды, и тоже неудачно. От одного мужа у нее родилась мама, а от другого – тетя Люба. С обоими мужьями она развелась.
А где-то в эти годы в гости к прадедушке приехала его другая, старшая дочь от другого брака, который был у него с одной женщиной еще до того, как он встретил прабабушку. Та женщина с дочерью – жили в России, в Саратове.
И жили неплохо – бабушка Люба даже ездила к ним однажды в гости.
И вот – ответный визит.
Бабушка Люба показала старшей сестре город, сводила ее в ресторан – она уже к тому времени работала в главном ресторане столицы на Горе Мтацминда.

Ничто, как говорится, не предвещало беды.
Но когда старшая сестра должна была уезжать, то она сказала прадедушке: "- Папа, собирайся. Мама велела передать, что ждет тебя. Возвращайся – живи в Саратове".
Но у прадедушки-то уже была наша семья и он сказал «Нет».
И тогда старшая сестра прокляла всю нашу семью, весь наш род.
Она закричала, прежде чем вышла за порог: "- Да будьте вы все прокляты! Будете умирать один за другим – гробы будете друг за другом выносить!"

И так и случилось – сначала умерла наша бабушка – бабушка Инга, когда мама и Люба были совсем маленькими, а потом Дима – сын бабушки Любы.
Ну а дальше умерли, не выдержав горя – и прадедушка с прабабушкой. Правда, они уже были пожилые.

Ох, бабушка Инга - бабушка Инга!… Что она наделала! Напилась таблеток из-за парня, потому что тот изменил ей. Разве можно так серьезно относиться к парням – ведь у них одно на уме. Всем известно, чего хотят мальчики. В то время как девочки хотят просто держаться за руки и смотреть им в глаза.
Из-за бабушки Инги у мамы не было в детстве счастья.

То есть, у мамы не было мамы!

Когда бабушка Люба услышала про это по телефону, она сразу выбежала со своей работы и как начала плакать. Ехала в метро и все плакала, плакала… И наверное, вся выплакалась наперед… Потому что когда спустя несколько лет умер ее Дима, которому тоже не было еще и тридцати – у нее уже не осталось сил плакать.
Она тогда просто легла на диван и пролежала несколько дней, как мертвая.
А потом встала и говорит своим двум подругам, которые пришли утешать ее:
"- Я всю жизнь работала, всю жизнь собирала имущество, чтобы вернуть своей матери ее потерю. Я могла бы стать администратором гостиницы – мне предлагали такую должность. Могла бы всю жизнь оставаться поваром – а готовить я люблю… Но я

перешла на должность официантки, потому что это была тогда более денежная работа. И расшатала суставы, тягая подносы, испортила себе вены на ногах… Нет, я никого не обманывала – разве что каких-нибудь крутых да наглых. Мне все сами давали чаевые. А я на них – построила две кооперативные квартиры – себе – отдельную, сыну – отдельную. Я сказала матери – переходите вместе с батей жить ко мне, взгляни, как у меня просторно и как все обставлено чин по чину – все в хрустале, лучшая импортная мебель. Но они не захотели, потому как привыкли жить там где привыкли. Но ничего, ведь я все равно им всю жизнь помогала, обеспечивала всех и продуктами и вещами – причем, самыми-самыми первыми на этой земле. Например, покупала им в ведерочке самую первую клубнику. Цена меня не интересовала... Потом, когда настали девяностые, мне пришлось свою квартиру продать – ведь надо было выживать, кормить семью. А работы у меня уже не было. И вещей в квартире тоже – какое-то время мы жили за счет них. Порой мне даже приходилось опять ходить в лес по грибы да по ягоды, потому что в доме не было и кусочка хлеба. А потом Любка подросла и подняла бунт – не хочу, говорит, жить с вами со всеми. Хочу жить отдельно, своей жизнью. Давайте делить квартиру. А тут надо сказать, что моя мама относилась к детям не ровно – Карину она любила до умопомрачения. А Любку тоже любила, но – по-своему. Разговаривала с ней строго, и все как-то критично. Видимо, та чувствовала себя в доме какой-то лишней, хотя это было не так. Мой Димка к тому времени был уже женат, имел двоих детей и жил с женой там же. Работал он, как и дед – автомехаником. Машину он чувствовал как человека. Прямо как доктор умел найти подход к любой машинной болячке. Он тоже прикипел к дому, к району, к Тбилисскому морю, к своим проклятым дружкам и ни в какую не соглашался перебраться в квартиру, которую я построила для него. Он слушал все это, слушал, а потом и говорит: "- Мама, отдай мою квартиру Любе". Ну, я и отдала. Так я и осталась на этом свете без собственного жилья, как когда-то моя мать. А теперь вот Димка умер – загубила его проклятущая водка... А ведь я его, гада, выходила, когда он лечился в туберкулезной клинике после того как он вылежался осенью на холодной земле. Он ремонтировал тогда машину дружку, который тоже был вечно молодой, вечно пьяный… Я четыре месяца спала на коечке в больничном коридоре – потому что никто не смог выгнать оттуда мать... Врач, выписывая его, сказал: "- Еще один запой – и вы труп". И вот он – труп. И лег на то самое место на кладбище, которое я забронировала для себя. У меня там построена целая семейная усыпальница. А теперь дайте мне стакан. И, пожалуйста, все уйдите".

Получается, проклятие подействовало. И теперь наша семья обречена.
Бабушка Люба постоянно напоминает это маме, когда та ввязывается в дела, в которых мало что понимает. Она называет их прожектами.
Таким прожектом, а точнее – проклятием - бабуля называет и возникновение нашего папы.
Наверное, уже удивляться не приходится, что он у нас появился после того как потерял свою квартиру – он продал ее, чтобы отдать часть денег за долги.

На оставшуюся часть – он хотел купить квартиру поменьше.

Но одолжил деньги другу на операцию.

А тот во время операции возьми и умри.

И вот папа остался без квартиры и попал в наш район.

Одно время он снимал комнату, а потом познакомился с мамой и перешел жить в их дом, где она жила с бабулей.

Сначала он маму очень любил. И меня он тоже очень любил, после того как я у них завелась.
А Нину, когда она была еще в животике, он любить не хотел – он хотел, чтобы она была мальчиком.
А если она вдруг девочка, то – он желал, чтобы мама сделала так, чтобы Нина не вышла из животика.
Но мама папу обманула – сказала: «Мальчик-мальчик».
Он до сих пор на нее за это злится, хотя Нинку он все-таки потом полюбил. Ведь он хвалился перед товарищами, что ожидает сына.
Но вообще-то, если честно, эта злость за обман у него – только предлог.
Он сам обманщик.
Потому что к тому времени как Нина образовалась в животике, он уже стал тайком лазить к маминой подруге – та жила по соседству.
Иногда даже со мной на руках.
Жалко, что тогда я ничего не понимала, я бы ему как дала!..
Ну, он потом и ушел жить к маминой подруге.
С деньгами от нашей квартиры.
Ведь мама имела в банке долг и переписала на него квартиру, чтобы банк не смог ее отобрать. У бабули же была прописка без права на собственность – как-то все не задумывались над тем, чтобы прописать ее с правами.
А у папиного брата, который живет в Украине, как раз случилась какая-то очень большая неприятность.
Потому что тот никак не мог развязаться со своим темным прошлым.
И папа, чтобы выручить брата – взял и, ничего не сказав маме, срочно продал их квартиру.
Половину денег он отослал жене брата, чтобы та его выручила, а половину – отдал им. На эту половину – купить новую квартиру невозможно, да и мама уже, наверное, превратила ее в четверть.

Ох, как мама потом плакала, ох, как рыдала – однажды даже подралась и с папой, и с этой своей бывшей подругой. Но слезами делу не поможешь, когда такое проклятие.
И вот, получается, что их семья опять потеряла все свое имущество.

К тому же еще, мама, расстроившись, вообще раздала друзьям и соседям почти всю мебель и много других прекрасных вещей – она решила начать жизнь с новой страницы и купить все новое.
А на новое потом денег как-то не нашлось.

И вот я и думаю – что-то в нашей семье с этим имуществом не так. Его - то теряют, то – потом всю жизнь трудятся из-за всех сил, чтобы вернуть его обратно.
А вернув – кому-то дарят.
Потом опять мучаются, чтобы его обрести.
Наверное, потому мне не хочется лишний раз одалживать Нине свои игрушки – мало ли что еще с ними случится.

В общем, проклятие. Точнее слова не подберешь.
Хотя и тетя Маша, и тетя Алена не разделяют этого мнения.

Тетя Маша в суеверия вообще не верит.
К тому же, она очень любит этот источник всяческого зла, по понятиям нашей семьи, – город Саратов.

Там у нее живет подруга, с которой она всегда на связи через интернет.
И тетя Маша даже шутит, что ее к нам, тетю Машу, и послал сам батюшка-Саратов.
Так как эта саратовская подруга и посоветовала ей летом подарить нам Новый Завет.
После чего бабуля сразу заочно полюбила тетю Машу и пригласила ее в дом.
Возможно, что это даже бумеранг – Саратов, наконец, отозвался добром, ведь бабушка Люба относилась к первой дочери своего отчима как к родному человеку.
И, стало быть, все – проклятие разорвано, как старый счет!

Тетя Алена тоже согласна с последним мнением. Только она уточняет, что траектория бумеранга управляется Богом. Следовательно, его и надо благодарить.

И мы благодарим – вон у нас на стене – икон как орденов на груди ветеранов отечественной войны! Перед ними трижды в день молятся и бабушка, и мама, и иногда и мы с Ниной. Только Инга пока не молится.
Мама даже, прежде чем стать на молитву, еще и надевает на голову платок.
Правда, тетя Алена вздыхает. Она тихо спрашивает:
- Нельзя так – в одной углу у вас иконы, а в другом – тарелка для домового. Это грех. Вы уж как-нибудь определитесь – вы с Богом, или с домовым.
Мама смеется. Отвечает скороговоркой:
- Алена, я все понимаю. Но ничего пока с собой поделать не могу.
У нас действительно стоит на серванте блюдечко, куда мама или бабушка подливают молочко. Там еще с прошлой зимы - тогда мы снимали другую квартиру – остались засохшие шкурки от мандарина. Только домовой их почему-то не ест.

Тетя Алена – это настоящий бриллиант в нашей домашней компании.
Очень трудно рассказывать о ней простыми словами.
Однажды был очень дождливый день. Ну прямо очень-очень. В небе громыхал гром, его отзвуки гулко отражались от железной двери подвала в подъезде, где мы стояли с тетей Машей, и я, пугаясь, вцепилась тете Маше в руку. К тому же посыпался град – а это уже радостно и я бросилась собирать градинки, которые падали на первые ступеньки.
Тут из лифта выходит тетя Маша с большой сумкой в руке и, поздоровавшись с нами и потрепав меня по щеке, делает шаг вниз, в это светопреставление.
- Алена, ты, куда? Наверное, в гости? – спросила тетя Маша.
- Нет, к кошкам!
Мы с тетей Машей переглянулись и подмигнули друг другу.
- А что – кошки хотят кушать и в грозу, - сказала тетя Алена.
И отправилась кормить кошек.
Она кормит кошек, которые бродят близ нашего корпуса. Да и собак частенько тоже.
Правда, с собаками у нее однажды случилась незадача.
Мама тети Маши, которая боится собак, просила ее, обиженно прикрываясь зонтиком: «Алена, не прикармливай их возле подъезда. Клади им еду где-нибудь подальше. Они потом лежат здесь весь день и ждут тебя. А я не могу пройти во двор». Но тетя Алена, слушая, только отвечала: «Не бойтесь, они не кусаются».
Однако она плохо знала своих питомцев. С тетей Аленой они были добры, а с мамой тети Маши – злы. Я даже видела, как они зарычали на маму тети Маши, когда та все-таки тоже решила с ними подружиться и кинула им кусок пирога. Пирог-то они съели, но маму тети Маши так и не выпустили из подъезда – вскочив на ноги, они угрожающе зарычали на нее.
А еще я заметила, у всех собак есть такая особенность – днем они собаки, а ночью превращаются в волков. Ночью они сбиваются в стаи и носятся по округе, о чем-то споря друг с другом и с очертаниями деревьев и кустов, и даже с луной в черном небе. Ни дай бог им попасться тогда на дороге!

Наверное, у собак, как и у некоторых людей две души. Днем вторая, ночная, ускользает в какую-то неизвестную ямку внутри них и спит там. А как выплывет луна - она выползает оттуда шипучей змеей.
А те собачки, которые мучили маму тети Маши – они были единодушные. Они прямо показывали перед всеми свой нрав. Делали, что хотели!
Ну и поплатились за это.
Вскоре они покусали одного дядю, который шел мимо подъезда и дядя позвонил в специальные службы. Те собачек забрали… Правда, мне их сразу стало жалко. Я до сих пор думаю, действительно ли их сдали в питомник, как сказала потом тетя Алена, или все-таки убили?

Однажды тетя Алена нашла лежавших недалеко от мусорного бака новорожденных котят – те были еще слепые. Она подумала, что их бросила кошка-мама и взяла их на руки. А когда возьмешь в руки такое крохотное, миленькое и беззащитное существо и прижмешь его к груди, то сразу становишься ему как бы мамой… Вот тетя Алена и умилилась и не захотела их положить сразу на место. Сначала она немного погладила их, а затем перенесла подальше от бака и от дороги, чтоб их не схватили школьники, которые бегут по дороге.
Но когда она пришла на это место спустя два часа, то – увидела, что котята расползлись в разные стороны и жалобно пищат, а мамы-кошки возле них как не было, так и нет.
И пришлось маме-Алене срочно отнести их домой – но не к себе, а к нам. Потому что ее мама не пускала ее домой с кошками. А мы – рады всем. Бабуля тоже всегда и кормила животных, и лечила их, и брала некоторых пожить.
Правда, бабуля сказала тете Алене:
- Зря ты тронула их руками – некоторые кошки бросают котят, когда от тех пахнет человеком. Видимо, кошка их задумала куда-то перенести и то место у бака было у нее промежуточным пунктом. Ну да ладно, пускай побудут у нас, пока не откроются глазки. Но потом, Алена, ты уж раздай их.
- Да-да, я уже начала обзванивать знакомых. Я куплю специальную смесь и буду приходить и кормить их из бутылочки сама. Вы только следите за тем, чтобы их Васька не ударил лапой и посматривайте, не сбросили ли они покрывальце – им пока без него нельзя. Пускай вот так и лежат в коробке в уголочке – они смирные.
У нас же жил черный кот Васька - муж серой Мурки, которая тогда сбежала от него, чтобы родить где-то на улице, и потом так и исчезла куда-то вместе с котятами. А вообще котов у нас сначала было двое, но один, который приходил под дверь из подвала – погиб вскоре после того, как мы с ним познакомились. Мы даже не успели дать ему имени и ввести его в дом. Все называли его даже не "Кот", а - "Кошка".
И вот Васька прямо так удивленно смотрел на котят, что – ему иногда хотелось подойти к коробке и тронуть их лапой. А когда котята начинали шевелиться, то он, встрепенувшись, пытался играть с ними. А они еще такие маленькие, такие хрупкие!.. Вот мы с Ниной и смотрели в оба глаза за Васькой, чтобы вовремя отогнать его. Но нас часто дома нет и смотреть в оба глаза приходилось бабуле. А глаза у нее подслеповатые. И поэтому мы все очень переживали, пока их выхаживали.
И все-таки выходили!
Хотя только одного.
Трое других почему-то заболели и умерли, хотя тетя Алена носила их к ветеринару и делала им уколы, которые тот прописал, а также массажировала им, положив на ладонь, аккуратно пальцем вздутые животики.
Но мы были рады и этому.
И потом торжественно отнесли уже открывшего глаза нашего сыночка его новой хозяйке – одной тете из церкви, куда ходит тетя Алена.

В этой церкви тетя Алена – нарасхват. Она ведет там вместе с двумя своими подругами детский центр.
В этот центр они собрали детишек из таких семей, как наша – их называют неблагополучными. Хотя я и не понимаю, в чем наше неблагополучие. Насчет детей цыган, которые тоже туда забегают – мне тоже не понятно. Да, они бродят целый день, где попало и плохо одеты. Иногда даже ездят на автобусе одни на Тбилисское море и купаются там без присмотра. Но родители их все равно любят.
Другое дело – бездомные дети или такие, у которых дома совсем кушать нечего и родители сами посылают их попрошайничать. Тетя Алена с подругами специально разыскивают таких на улицах, где ходят туристы, угощают их хачапури и шоколадками и приглашают в свою церковь, она там как раз поблизости. Так что тетю Алену часто можно встретить в городе в окружении попрошаек, которые двигаются за ней как маленькие черные лебедята, среди которых она плывет, словно лучезарная белая лебедушка. Ведь тетя Алена очень высокая – она на целую голову выше тети Маши, хотя та тоже высокая. А еще она очень худая, хрупкая и всегда ласково улыбается, когда с ней заговоришь. Иногда даже кажется, что она вот-вот превратится в синий дым и растает, унесшись с земли.
Мы с Ниной тоже посещаем по субботам детский центр – тетя Алена нас сама и отвозит туда, и привозит. Нас и Гогу и с Мари, которые живут в полуразвалившейся хибаре в лесу около нашего моря, - они беженцы и у них тоже нет денег на дорогу. А у тети Алены, как она говорит, есть какой-то фонд.
Мы в том центре играем, рисуем, танцуем, поем, кушаем – и слушаем рассказы из детской Библии. А потом все вместе думаем над ними. На обратной же дороге тетя Алена обычно угощает нас и Гогу с Мари лобиани и мороженым.
Бабуля говорит:
- Я вас отпускаю туда затем, чтобы вы не болтались целыми днями на улице, и может, кое-чему бы научились, раз у нас нет возможности водить вас на кружки. Я знаю, что там вас, по крайней мере, накормят. Но что-то мне подсказывает, что вы ходите туда ради лобиани.
- Бабуля, у тебя вечно не то на уме, - возражает ей Нина. Хотя, вообще-то, ей это не в бровь, а в глаз. Это она у нас любит прибавить себе лишнего веса. Тем более что тетя Алена каждый день приносит нам домой какие-то сладости – там и опять мороженое, и конфеты, и печенье, и какие-то сухарики, ну и, конечно, фрукты. Бабушка очень ей за это благодарна, но говорит: «Алена, не балуй их». Но тетя Алена – она же добрая… Слова тети Маши про то, что конфеты с печеньем каждый день есть вредно, она, к счастью, кажется, плохо слышит.
Еще тетя Алена помогла Инге с английским, когда той назначили переэкзаменовку. И не потому, что Инга тупая, а потому что у нее было много пропусков из-за головной боли. А ее головной болью был Пушкин.

В церкви тетя Алена ведет Библейские уроки на грузинском языке, и мы мало что понимаем.
Это обнаружила тетя Маша, когда спросила нас, что мы там проходим. И рассказала про это тете Алене. После чего тетя Алена стала потом на обратном пути снова рассказывать нам в маршрутке урок на русском, и потом переспрашивать, что мы из этого поняли.
Но иногда мы все равно не понимаем.

Тетя Алена обычно приходит к нам после того как тетя Маша уходит. Они живут на одном этаже, буквально через стенку, и обе не замужем. Только тетя Алена младше – ей тридцать четыре года. И тетя Алена часто краснеет, а тетя Маша – нет.
Например, когда Нина рассказала как она однажды, заночевав у тети Любы, увидела как та ест по ночам и подробно расписала ее рацион, тетя Маша посмеялась вместе со всеми, а

тетя Алена покраснела и нахмурилась. «Нельзя так говорить о людях… Нехорошо», - обронила она тихо и опустила голову. У меня же в голове все перепуталось, и я в этот раз так и не поняла, что хорошо, а что – плохо.

А Нина рассказывала так:
- Это было поздней ночью, когда все, кроме меня и Любы уже заснули. Но она думала, что я тоже сплю… Люба тихо встала и вышла. Дверь в кухню была приоткрыта и то, что лежит на столе, очень хорошо освещалось лампочкой. Сначала Люба сварила курицу. Съела ее почти всю. Легла… Потом опять тихо встала и пошла на кухню. Сварила сосиски – пять штук. Съела их… Легла… Спустя время встает опять – на столе появились варенные сардельки – три штуки. Ну, думаю, ладно, теперь уж, наконец, Люба заснет. Нет, встала опять – налила себе борщ… Где был в это время ее муж? Он тянул в метро кабель по тоннелю. Нодарчик работает по ночам проходчиком.

Тетя Алена пытается отучить бабулю от ее пагубной привычки. Она подарила ей Псалтырь и попросила:
-Тетя Люба, когда захочется пить, читайте псалмы.
Но бабушка сказала:
- Эх, Аленка… Поздно мне меняться. Моя песенка спета. А я как пила смолоду, так и буду пить. Хотя я Божья дочь! Я знаю, что я - Божья дочь! И для всех делала только добро, которое мне и вышло боком!

Однажды тетя Алена не успела обсудить с нами урок в дороге и попросила тетю Машу выделить ей небольшое время посреди наших школьных занятий.
И вот она пришла и провела свой урок в присутствии тети Маши. А потом сказала сначала Нине, а потом мне:
- Ну-ка, расскажите своими словами, как вы поняли то, что я вам сейчас объяснила.
Но выслушав ответы, они только, переглянувшись, улыбнулись.
Видно, мы все перепутали.

- Ничего, - сказала тетя Алена, - главное, что Св. Дух уже коснулся их и ведет свою работу. Не надо торопить – все равно все делает только Дух. А мы – кто мы такие. Надо уметь уступать перед Ним.

А я тут возьми и спроси, причем, почему-то у тети Маши – видимо, я перепутала урок тети Алены с уроком чтения, который у нас был до того:
- А что такое субботний покой?
Эти слова я слышала в церкви. «Не войдете в субботний покой!» - якобы так говорил Бог израильтянам, когда водил их по пустыне.
Тетя Маша сказала:
- Мне кажется, что субботний покой – это жизнь без правил. Когда правил нет, а ты их все равно соблюдаешь. Но нисколечко при этом о них не думаешь, даже не помнишь про них. Просто живешь и дышишь полной грудью. Например, ты лежишь на диване и без труда читаешь любимую книгу. Стало быть, ты как бы вошел в субботний покой читателя. А Бог, сделав все свои дела, тоже вознамерился радостно провести время в своем Творении. Призвав к тому же и нас. Но мы оказались слишком плохими учениками. Правильно, тетя Алена, я говорю?
- Примерно. Субботний покой - это когда ты полностью повернулся к Богу лицом к Лицу и живешь в его присутствии... Живешь как дышишь. Мы – Его дыхание.
- А зачем тогда учить правила?

Тетя Маша приготовилась ответить. Но тетя Алена опередила ее:
- Затем, что после того как Адам нарушил единственное правило, которое ему заповедовал Бог – его природа изменилась и он перестал различать добро и зло. И вот Бог дал ему правила – дал десять заповедей и разъяснения к ним, чтобы он окончательно не запутался и не погиб. Мы не можем полагаться с тех пор на свои суждения.

Тетя Маша возразила:
- Это верно только для не раскаявшихся людей. Тех, кто еще не обратился к Богу и которых он милосердно не исцелил по их просьбе. А если Господь уже коснулся человека, то – значит, возродил его. Покрыл Благодатью и вернул ему достоинство. Сделал его вновь единосущным Себе. А не по-прежнему раздвоенным. Существенная разница, которую не всегда учитывают номинальные и даже некоторые истинные христиане. Когда же человек опять с Богом, опять цельный – то зачем ему привязывать свои вновь ставшие белоснежными журавлиные крылья к правилам, когда он летает и без них?
- Это – философия, - устало сказала тетя Алена, - А христианство – это практика.
- Я вовсе не против десяти заповедей. Я против того, чтобы всегда жить с оглядкой на них, всегда как бы еще в рабстве у буквы. И – боятся взлететь. Ведь у летящего журавля, в отличие от синицы, заповеди в крови!

Я, конечно, ничего не поняла. И тетя Алена, наверное, тоже. Потому что она, вздохнув, промолчала. Но запомнить – я запомнила. И отложила в мозгу на потом.
Тетя Маша обладала способностью соединять в своем уме вещи, казалось бы, несовместимые, находящиеся друг от друга очень далеко. И даже взрослые - не всегда понимали ее.

А между тем, тетя Маша продолжала, горячась все больше:
- А дети – те вообще еще единодушные. А мы учим им двоедушию, и даже иногда, к сожалению, в церкви. Нет-нет, Алена, не принимай это на свой счет – у вас действительно замечательная практика. И я в данном случае говорю не о ней.
Чувствовалось, что тетя Маша спорит с каким-то своим, невидимым нам противником.
- Но ведь грех – врожден. Он есть и в младенцах.
- Это вопрос спорный. Сказал же Иисус: «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко мне, ибо таковых есть Царство Небесное».
- Это надо понимать как обращение к взрослым – будьте просты, как дети. А ты, Маша, усложняешь. Но даже дети имеют грехи. И исповедуют их.
- Это когда они уже выстроят в своем уме картинку с делением на зло и добро. Тогда как во Вселенной Бога такого деления нет – там есть только Добро. Увы, наш мир действительно полон падших людей. И они прививают свои склонности, навязывают свою картину мира.

Этот бесконечный спор прервала я.
Я снова вспомнила почему-то собачек, которые были единодушными, то есть правдивыми, в отличие от других собачек-подлиз, которые не показывали ради ласки людей весь свой звериный нрав, а кое-что прятали в свое подземелье где-то под шкурой. И потом выплескивали его по ночам.
Я подумала, что у каждого честного взрослого дикого зверя - свои повадки.
А у прирученного – тоже свои. Но уже немного притворные. Ведь он во многом поломал себя, переучиваясь. И стал уже после этого двоедушным.
Наверное, тетя Маша хочет сказать это.
Но хорошо ли быть диким зверем?
Может, лучше поселить всех зверей в зоопарк и заняться их воспитанием?

А еще я заметила, что детеныши всех зверей – и диких, и домашних – похожи. В этом возрасте они схожи между собой больше, чем со своими родителями. Например, щенки и котята могут друг с другом играть.
Они все еще пушистые, добрые, доверчивые. Все еще миленькие. И немного глупенькие. А потом, видно, смотрят на зверей своей породы, учатся всяк у своих зверьков-учителей – и меняют повадки. Становятся такими, как все. А потом набирают лишний вес, как Люба, скучают, лежа в постели, стареют и умирают. Какая-то плохая перспектива. Тетя Маша права!
Но я не стала про это про все говорить, потому что думаю я намного быстрей, чем говорю и запутываюсь в словах. Да и слов мне еще явно не хватает.
Вместо этого я спросила:
- А как можно очиститься от первородного греха? Надо не слушать беса, который стоит за левым плечом, а слушать только своего ангела-хранителя, стоящего за правым?
- Умница, Даша, - сказала тетя Алена, - ты поняла, что сначала надо очиститься. И только потом Св. Дух довершит внутри человека свое дело – это называется освящением. Ничто без труда человека не дается даже по Благодати. Хотя и собственные усилия без Благодати – это тоже ничто.
- А я с этим и не спорю, - согласилась тетя Маша. – Я просто хочу сказать, что очищаясь, взрослый человек с самого начала должен делать попытки взлететь над правилами. И тогда, освятившись, он прямо-таки воспарит. А дети – это особый случай. Это исключение из правил. Они еще в полете! Зачем давать им в руки синицу, когда они и так живут в раю?
- Этот земной рай выгородили для них любящие взрослые. Ценой труда и страданий. И им тоже придется когда-нибудь повзрослеть и взять за кого-то ответственность. Не стоит путать божий дар с яичницей, отождествлять небесное с земным.
- Я, конечно, не столько знаю, сколько предполагаю. Но мне кажется, что земля и небо не так далеки друг от друга.

Мне опять захотелось задать вопрос. И не из любопытства, а просто так. Мне нравилось, как мы говорили. Ведь спор ради истины, а не просто какой-то своей правды – всегда сам по себе событие. Он красив, как алмаз!.. «Кого уважаю – тому возражаю», - любит приговаривать тетя Маша.
Я спросила:
- А хороший человек – это, наверное, такой, в ком добро совсем вытеснило зло?
Лицо тети Маши прямо-таки посветлело и из глаз ее словно посыпались радостные искорки.
- Нет, дорогая Даша! – сказала она несколько торжественно. – Если добро и зло перемешать в душе, то получится серый сумрак. Среднее арифметическое ведет к скуке. Но вытеснить зло добром – тоже не выход. В результате такого насилия над душой и появляется двоедушие. Это когда на сознательном уровне человек думает, что он хорош, а в подсознании у него черным-черно. Можно даже заметить это по поведению некоторых христиан – они то очень вежливые и добрые, то – вдруг неожиданно, порой даже из-за пустяка или без причины могут нагрубить. Могут совершить то подвиг, то – внезапно предать. Точно так же часто ведут себе и дети – в них тоже есть потенциал разных качеств в самом широком диапазоне. Но у детей этот диапазон включен постоянно и они им легко играют, ничего не скрывая. Поэтому детям нужно всего лишь научиться владеть своей силой, направляя ее на добро. Вместо того, чтобы внушить себе ложный стыд, привить ложное чувство вины и загнать половину качеств куда-то внутрь, где они спрессуются и извратятся… Кстати, бывает и наоборот, когда человек почему-то стесняется в себе чего-то хорошего и оно прячется в тень, а плохое – оно так и прет всем в глаза и человек уже сам смотрит на себя глазницами своей черной маски, став ее пленником. К примеру,

таким был горьковский Клим Самгин. Он выдумал себя, вытеснив в бессознательное свою человечность. И стал просто ходячим пустым умом. Точнее, его выдумали взрослые, навязав ему роль. Такие люди могут вдруг в один миг измениться, если коснуться их сердца. И стать очень хорошими. Потому что спрятавшийся в водах бессознательного белый змий вползет к ним обратно в душу и – вдруг доверчиво растворится в ней, как в своей родине. Но для этого сначала надо грешить, а потом – каяться. А это тоже кривой и лукавый путь… До второй половины которого тот же Клим Самгин не дожил. Он так и не раскаялся. А вот его создатель Максим Горький – это просто настоящий пророк. Все его творчество – великое предупреждение.
- Без Бога человек не может ничего. Ты рассказываешь что-то из области современной утопической психологии. А Горького я давно сдала в макулатуру. Все что человеку необходимо знать о его предназначении содержится в Библии, - произнесла тетя Алена и встала. – Извините, мне пора уходить. Не буду вас больше отвлекать от уроков.

И тетя Алена, тепло и немного грустно попрощавшись со всеми, вышла.

Тетя Маша же задумчиво проговорила, обращаясь скорее к себе, чем ко мне:
- Я тоже полагаю, что воссоединить все части человека, исцелить его, сделать вновь цельным может только Бог. Или доктор от Бога. Ведь вытесненное – оно как ветер. И не терпит пустоты. Оно все равно проникает в сознание. А если его упорно не пускать – то врывается в него. А цельным человек становится, когда перестает осуждать, делить на правое и левое. Человек должен встать твердо на ноги. Низ – внизу, верх – вверху. А не разрываться между низом и верхом, упав ниц. Низ тянется за верхом, верх – испытывает неодолимое притяжение к небу. Вот и вышел - человек прямостоящий. А осуждение ближних – это на самом деле такая форма самоосуждения, в виде проекции на других своих вытесненных сторон, которые ничуть не исправились в подпольной тюрьме, а еще больше ослабли и извратились. Ближнего надо бы возлюбить как самого себя, разглядев в нем человека, каким его задумал Бог.
То, что случилось с нашей революцией и нашим советским государством – лучшее свидетельство опасной односторонности, в какую скатываются люди, когда самонадеянно отвергают Бога. Образ Клима Самгина – это воплощение пустоты, ничтожности и равнодушия с потугами на собственную значимость. С примесью трусости, стремления перестраховаться, спрятать свое лицо, зарыться в мелочные сомнения. Это все то же вековое мещанство с его самовольством, за которым скрывается экзистенциальная неуверенность, которую на сей раз пытаются погасить философским материализмом. Мещанство, подавшее теперь себя в более элегантной обертке. Которое большевики старательно выдавливали из себя и из народа. А она потом - эта пустота - все равно просочилась во все их дела и отравила их, замазав серой краской. Им с самого начала во всех своих делах надо было не обманывать себя и народ, а быть действительно искренними, правдивыми и честными, иметь холодную голову и в то же время горячее сердце – какими они и позиционировали себя. О чем Горький предупреждал их еще в «Несовременных мыслях». Им надо было быть, а не казаться. А на это нужно мужество и смирение перед Богом. Тогда бы Бог, которого они отвергли, стал бы лучшим краеугольным камнем в их большой светлой горнице. Ведь настоящим коммунистом был не Ленин, а – Бог.
Нет бы признаться в своей немощи переделать человека одними собственными силами, пускай даже ценой сверхчеловеческих усилий, покаяться перед Богом и людьми. И тогда, быть может, Господь помог бы им. Так ведь нет, им проще было убедить себя, будто никакого Бога над ними нет.
Первые христиане продавали свою частную собственность и слагали вырученные средства у ног апостолов, чтобы те распределяли их между всеми нуждающимися поровну. Это было настоящее коммунистическое общество. Это в него стремилась

горьковская Мать, видя перед своим мысленным взором образ Христа. Собственно, наш Господь не собирался назначать над людьми царей. Он хотел как лучший среди равных руководить ими сам. Но люди просили пророка Самуила дать им царя. И Бог, скрепя сердце, дал им царя. Сказав им, однако, что цари будут потом по жизни угнетать их, живя для себя. Ведь не все же имели такое золотое сердце как царь Давид, взошедший на престол из низов. И вообще – нельзя отдавать себя никому в рабство.

В общем, ничего я из этих речей не поняла. Но все равно поняла. А как – я не знаю.

Был еще у нас такой случай. Эти мои противные одноклассники-двоечники – долговязый Алекс и Артур – не приняли меня в игру.

Оценок нам еще не ставят, но учительница все равно знает, кто двоечники и называет их по именам.
Так что прозвище «двоечники» за Алексом и Артуром можно сказать – закрепилось прочно.
Пожалуй, они даже им гордились, как гордятся воинским званием.

В этот раз они играли в коридоре в шпионов – эту игру придумал Алекс. Я слышала, как он тихо сказал Артуру: «Нину возьмем, а Дашу – не надо».
Убежав от них в другой конец коридора, я прижалась лбом к окну и расплакалась. В таком положении и застала меня Раиса Тимофеевна. Я рассказала ей все как есть и она сказала: «Ну, Даша, подумаешь какие пустяки. Успокойся и идем в класс».
Ага, пустяки! Это целая трагедия, когда тебя отвергают ровесники! Причем, Нину-то они в игру приняли.
Нина очень удивилась, что я перестала с ней разговаривать. И прямо на уроки стала спрашивать: «Даша… Даша…Что случилось? Чем я могла обидеть тебя?». Когда же я дала ей понять, что она бы могла и не участвовать в той игре, то Нина удивилась еще больше и сказала, что жаль, что она не слышала разговора Алекса с Артуром, а то она из солидарности с сестрой не вступила бы в эту идиотскую игру. Потому что она за сестру, по ее словам – готова с кем хочешь вступить в схватку.
«А что ж ты все время смеешься, когда я плачу!» - сказала я, потому что на лице Нины почти всегда идиотская улыбка. На что она выпалила: «Даша, если я улыбаюсь, это не значит, что мне при этом всегда весело. А с Артуром я вообще хотела разобраться отдельно – он вчера опять ударил в живот девочку. На сей раз мою подругу Тоню. Хочу предупредить его, что его притворные извинения перед всем классом по просьбе учительницы ему не помогут. Скажу ему, что если папа его так дерется с его мамой, то пускай он бьет ногой в живот папу, если он такой смелый. А Тоня, хоть она в нашем классе и самая худенькая и маленькая по росту и часто пропускает школу – человек самостоятельный. Ей приходится после школы ехать домой в автобусе одной, потому что ее мама лежит дома вся в шинах после операции. Кстати, она у Тони пьет».
Свои слова Нина подтвердила на перемене. Она подошла к Алексу и сказала, что больше не будет с ними играть, раз они обидели ее сестру и ее подругу. На что Алекс хмыкнул: «Ну и не играй…».

Хорошо еще, что у нас в классе есть Диего.

Это такой очень умный и аккуратный мальчик – волосы у него красиво уложены и гладко причесаны, сорочка всегда отутюжена и воротничок обвивает маленький галстук. На нем – элегантный черный пиджачок. Он ходит с маленьким портфелем-дипломатом. В нем все книги и тетради аккуратно разложены по полочкам и так же аккуратно он раскладывает их

на парте.
Диего умеет писать и считать давным-давно, еще с детского садика. Но при этом не зазнается. Он никогда не обзывается и не носится как угорелый по коридорам с мальчишками – просто сидит и читает книжку. А если его о чем спросить – он тут же спокойно расскажет тебе даже больше того, о чем спрашивали – и ты заодно узнаешь из этого ответа кое-что новое. Он охотно одалживает карандаши и вырывает из альбома по рисованию листы, если кому-то надо, в отличие от некоторых жадин. И при этом смотрит на тебя ясными, всегда немного улыбающимися глазами.
В общем, мне нравится, что в классе есть Диего. С ним как-то спокойней, уверенней.
И я, вспомнив о нем, перестала плакать.

Но у тети Маши после уроков я все равно спросила:
- Тетя Маша, почему меня дети в игру не принимают?
И рассказала про сегодняшний случай.
- Так бывает, - ответила тетя Маша, вздохнув. – Наверное, это была по жизни - не твоя компания. И они сразу почувствовали в тебе чужака. И даже лучше, что – сказали об этом прямо. Ты еще найдешь свою компанию. Заметь, Алекс и Артур – это еще не все твои одноклассники… У меня, Даша, тоже есть проблема с компаниями. Я не люблю играть во многие игры, в которые играют люди. И частенько сама отказываюсь вступать в коллективы, даже если меня очень просят.
- А почему?
Но на последний вопрос тетя Маша не стала отвечать.

Вскоре после этого Диего пригласил весь класс на день рождения, который его мама решила отметить в детском развлекательном центре. Он попросил учительницу раздать нам пригласительные билеты.
Мы очень ждали этого волнующего дня, когда можно будет попасть в детский центр – ведь там и игры на любой вкус, и всякие пирожные.
Однако пойти мне туда пришлось одной, а точнее, только с тетей Машей – у Нины поднялась температура из-за разболевшегося горла и она осталась дома.
Кроме Милены, туда пришли все, даже маленький Алекс, который уже перестал быть совсем немым, научившись выкрикивать отдельные слова.

И вот там, в детском центре, все мы поначалу беспорядочно носились по залу, не зная на чем остановиться – вокруг было столько всего!.. А потом массовики-затейники распределили нас по командам и праздник начался.

Диего как именинника они попросили выйти из строя и поставили его на постамент в виде звезды. Дали ему в кулачок микрофон и стали задавать через свои микрофоны какие-то смешные вопросы. Диего охотно и обстоятельно отвечал. И все по примеру затейников принимались бурно хлопать в ладоши.
Они очень хвалили его, очень поздравляли.
Потом поднесли Диего торт со свечами и он их задул. Все прямо-таки чуть не взлетели со своих мест, взревев как реактивные самолеты. И я тоже шумела от радости вместе со всеми. А маленький Алекс – он тоже ревел от радости и кружился, выкрикивая слова.
А потом начались игры-эстафеты.
Во время одной игры каждой команде дали по мешку и нужно было бежать в мешках до финишной черты. Маленький Алекс тоже бежал в мешке, причем, быстрее всех и я не помня себя от восторга кричала: «Алекс, Алекс, быстрее!... Ну, пожалуйста, быстрее!... Ну победи, Алекс!..».
И Алекс, который вначале стоял в самом конце нашей команды, а потом переместился по правилам игры вперед и должен был теперь бежать к финишу – от него теперь зависел

результат игры – он победил!
Ведущие подхватили его на руки и стали подбрасывать под наши аплодисменты, а потом тоже поставили на звезду.

Но потом, когда игры закончились и начались танцы вперемежку с анекдотами, которые периодически рассказывали ведущие – это были два парня, одетые в медведя и льва – я как-то устала и присела в сторонке.
А ведущие не хотели, чтобы я сидела и то подмигивали мне, то начинали поющими в микрофон голосами напрямую зазывать меня присоединиться к веселым танцам.
Но мне-то видно было по их лицам или не знаю по чему, но видно – что им самим больше не весело.
Было видно, что они уже сделали свое дело и теперь им просто хочется, чтобы мы занимали себя сами – занимали танцуя.
А эти танцы для меня не были занимательными. И я не хотела притворяться.
Хотя все остальные почему-то притворялись.
А может, они просто не замечали как притворяются веселыми ведущие.

Из-за всего этого – из-за того, что меня никак не оставляли в покое – у меня испортилось настроение.
И я, найдя среди взрослых, которые в это время чаевничали в другом зале, тетю Машу, шепнула ей на ушко: «Тетя Маша, я домой хочу».

Тетя Маша попыталась меня отговорить. Но когда увидела, что у меня на глазах уже показались слезы, сказала: «Идем».

Наш внезапный уход заметили и тоже попытались меня отговорить.

Мама Диего, молодая очень красивая женщина – темно-каштановые ее волосы переливались по спине и плечам как вуаль королевы, несмотря на то, что она была всего лишь служительницей банка – тоже подошла ко мне.
- Уходишь? – спросила она удивленно, с неподдельной грустью. – А что с тобой случилось, маленький человечек? Может, ты по кому-то скучаешь?
Присев передо мной на корточки, она взяла мою руку в свою ласковую ладонь.
- Да, по – маме. И это бывает всегда, - хотела ответить я. Но промолчала.
- Ну, хорошо, если не хочешь говорить, то не надо. Жалко, что ты не останешься на ужин – ведь вы еще не садились за стол. Но знаешь что – погоди немного… Я сейчас пойду к официантам и попрошу отрезать тебе тортика – возьмешь его с собой. Там будет торт и для твоей сестренки.

Нам вручили коробку, внутри которой, кроме половины торта, были еще и пирожные, и мы отправились домой.

Вскоре Раиса Тимофеевна попросила тетю Машу задержаться, когда та пришла за нами в школу.
А потом, когда ребята разошлись по домам, сказала, понизив голос:
- Мария, я хочу вас предупредить, что Нину я могу не перевести в следующий класс – она совсем не занимается. Скажите мне, что с этим ребенком? Она не умеет ни читать, ни складывать и отнимать. О задачах я уже молчу. К тому же она пишет как курица лапой, пропускает не только буквы, но и целые предложения. Начинает не сначала, а с середины, пропускает страницы… Даша тоже занимается едва-едва… Но она хоть старается. Обеих девочек необходимо развивать. У нас в школе много кружков – выберете что-нибудь для

девочек. А то я, например, заметила, что Даша плохо ладит со сверстниками – ее надо учить обходить острые углы в отношениях. Когда они держатся с сестрой вместе, то контакт с детьми у нее есть. А вот одна Даша дичится и сторонится коллектива. Это надо вовремя отрегулировать. На танцах или на спорте дети дополнительно учатся выстраивать отношения в команде. Обеих девочек надо развивать. Когда там приедет их мать?
- Говорят, что буквально на днях.
- Я это уже слышала. Передайте, ей, Мария, пожалуйста, когда она вернется, что у нас в школе есть учительница – она моя приятельница – которая прекрасно натаскивает отстающих первоклашек. Правда, она за это, естественно, берет деньги. Пускай Нина попробует позаниматься с ней. Или – сделайте уже сами что-нибудь. Вы же видите, у меня нет времени на дополнительные занятия – вот бегу сейчас на урок к старшеклассникам.

Везде нужны деньги, деньги, деньги. И на кружки, и на дополнительные занятия. Наверное, тетя Маша расстроилась, потому что уж она-то знает нашу жизнь.
Тетя Маша полдороги молчала, глядя себе под ноги. Просто мерно шагала с портфелем Нины, а та послушно шла рядом, держась за ее руку и как всегда болтала о ерунде.
Я решила ободрить тетю Машу и, остановившись на обочине дороги через овраг, который мы каждый раз переходим, бросила свой портфель в пыль, села на него сверху и сказала, подняв палец:
- Тетя Маша, Нина – одну минуточку! Остановитесь, пожалуйста. Давайте подумаем все вместе, как нам помочь Нине. Знаете, я думаю вот что. Чтобы Нина, да и я, лучше учились, надо, чтобы мы с вами пошли в парк – посмотрели на ветки, на листья, на шишки. Насобирали бы их. Вы бы нам про них рассказали. А потом сходили бы в зоопарк, посмотрели на животных и вы бы тоже все про них рассказали. Надо пойти еще куда-то, где есть ископаемые. Если там, конечно, бывают дни открытых дверей, когда школьников запускают бесплатно.

Тетя Маша, услышав это, прямо-таки изумилась. И, протянув мне поднятую к верху ладонь, воскликнула:
- Даша, дай пять! Так и надо поступать.
Но потом она рассердилась на того невидимого врага, с кем иногда спорит, и стала отрывисто говорить сильными, упругими фразами, словно сражаясь ими как острым мечом:
- Вот только где у нас время на такие прогулки – ведь школа совсем нам его не оставила! Между прочим, министерство запрещает задавать первоклассникам домашние задания. Но ваша учительница задает все равно. Потому что она резонно считает, что за те тридцать пять минут, пока идет урок, вы и рта в школе открыть не успеете, а не то чтобы освоить и закрепить какие-то навыки. Она учит вас по старинке, так как учили ее… Но в ее-то время грузинский язык начинали изучать только с третьего класса. А английский – вообще с пятого. Да и в учебники не были так перенасыщены дополнительной информацией – в них была главная линия, которую все ясно видели. И что самое важное – был стержень в виде гуманистических идей, вокруг которого все и формировалась. У педагогов – был энтузиазм, и не было перегрузки часами. Так что новая программа действительно не рассчитана на то, чтобы дети после школы еще и занимались уроками дома. Ведь им еще к тому же необходимо выкраивать время на прогулки на свежем воздухе, на кружки и походы в театры и музеи, на спорт. Какой-то замкнутый круг!..
- Так давайте его разомкнем, - предложила я.
- Да как же мы его разомкнем, когда для того, чтобы я могла с вами заниматься по-настоящему, мне нужны для занятий с вами дополнительные ночные часы!

Я это поняла так – тетя Маша хочет, чтобы мы перестали спать по ночам. И это мне как-то не понравилось.
Но тетя Маша вдруг закричала:
- Эврика!... Я все поняла!.. Вам действительно нужен еще один педагог, который делал бы с вами уроки и с которым бы вы упражнялись в закреплении рутинных навыков. Без таких навыков никуда – вы выписывали бы буквы, цифры, чертили с линейкой.
А я бы вела с вами – творческие занятия, во время которых давала бы вам в увлекательной форме развивающие задания! Мы бы играли с вами - в развивающие игры.

- Нет-нет, мы не хотим другого педагога! – выпалила Нина, чуть не заплакав.

- Ну, наконец-то у меня как туман сошел с глаз. В современной начальной школе необходимы два ведущих педагога: один - педагог-предметник, а другой – педагог-психолог. Пускай один день с ребятами занимается предметник, а другой день – психолог. Задача психолога – изучать развитие и успеваемость каждого школьника в отдельности, выявлять причины неуспеваемости и ненавязчиво корректировать их – ведь в арсенале педагогической психологии сейчас разработана масса всевозможных коррекционных методик и упражнений… Можно, например, сделать так – три дня заниматься предметами, а два – коррекционной деятельностью… А классным руководителем должен быть – вообще отдельный педагог!.. Его задача – воспитывать и развивать!.. Для этого его необходимо освободить даже от преподавания!.. А у нас всем этим занимается одно лицо!.. Точнее, не занимается!.. Так как попросту не может!

Глаза у тети Маши горели как у львицы – видно, раньше мне мешал это увидеть туман, который теперь исчез. Я тоже приободрилась – наверное, нас ожидают большие перемены.

Но тетя Маша вдруг, призадумавшись, гневно, с горечью сказала:
- Три дня – косячить. А два потом – исправлять косяки. В этом есть свой резон. Но это – выход для инвалидов. А нормальные педагоги действительно должны, подобно Сухомлинскому, организовывать уроки среди природы, водить детей в турпоходы, показывать им экспонаты в музеях. И эти экспонаты – они должны быть не скучными для учеников начальной школы. В музеи вас пока не затащить – это мы уже проходили. Помнишь Даша – мы побывали с тобой в маленьком дом-музее художницы Нино Чакветадзе?.. Ее картины так понравились нам с тобой в интернете. Но на стенках жилой квартиры, одну комнату которой выделили под музей, они выглядели как-то тускло. Да и висели они среди самых обыкновенных предметов домашнего обихода. Хотя сама художница – как раз по нашей теме. Она рисует детей как еще не покрывшихся «толстой» людской кожей ангелов… Например, там были ажурные подсвечники. А зачем детям какие-то подсвечники… Им бы – взять в руки необыкновенно оформленный глобус и от души крутануть его. Увидеть малахитовую шкатулку из сказки, а рядом – кусок природного малахита. Подержать тот в руке… Эврика!.. Начальную школу надо наполнить самым сказочным, самым волнующим содержанием!.. Надо создавать детские музеи, где знания о мире подаются в самой радостной и волнующей форме! С учетом достижений передовой науки. И обязательно так, как рекомендуют педагоги-психологи!.. А прямо в классе разложить повсюду немеркнущие следы-экспонаты, какие оставляют на земле природа и лучшие из людей! Чтобы все могли увидеть за ними следы Бога!

- Примерить к ним свой след!.. – продолжила я.

- Вот только на все это сейчас у нас нет времени! Это – Система! – мрачно сказала тетя Маша. И, продолжая о чем-то думать, опустив низко голову, опять тронулась в путь.

- Ничего. Оставим это на потом! – беспечно сказала Нина, всунув ей в руку свой портфель.

Я же почувствовала, что мне хочется идти впереди тети Маши широкими шагами и, весело напевая: «Да-да-да!», перепрыгивать через лужи.
А отчего это так, - я пока не поняла.
Захотеть же в моем случае что-то приятное, даже если оно непонятное – это значит тут же сделать.

Как-то возле подъезда какой-то проходящий мальчуган с тетрадкой в руке, приостановившись, сказал тете Маше, когда мы возвращались из школы:
- Привет! Давно не виделись, да?..
Я подумала, что это к тете Маше приехал родственник.
Но как же я удивилась, когда всмотревшись в него, я узнала Илью.
- А, привет, Илья-не-муровец! – тепло отозвалась тетя Маша, - Как ты поживаешь?

Не знаю как тетя Маша, а я его не видела давно. И за это время он вырос и выпрямился, прямо-таки стал ходить и стоять вытянувшись в струнку. И глаза смотрят по-другому – более глубоким взглядом. Отчего они стали еще синей и в ней, синеве, стало больше оттенков.
- Привет, Даша! – бросил он вскользь, немного стесняясь.
Мы разговорились.
И вскоре уже наперебой говорили о чем-то все втроем, никого не стесняясь, потому что Илья остался все таким простым и беззлобным.

Он стал показывать нам свою тетрадку, где была нарисована ласточка. Под рисунком всего лишь с одной ошибкой, которую тетя Маша тут же исправила, было написано крупными печатными буквами несколько коротких предложений. Все они были о жизни ласточек, за которыми, как оказалось, Илья наблюдает в бинокль – а бинокль висел у него на груди. И он в доказательство своих слов тут же приложил его к глазам.
- Погоди, Илья, а разве ласточки не улетели в теплые края? – спросила я, вспомнив про то, что на улице зима.
Илья ответил, что он наблюдает их в Африке – а на что бы тогда ему нужен бы был бинокль? И немного хвастливо добавил, что прочитал за год детскую энциклопедию про птиц.
Тут он немного покосился на тетю Машу и, кашлянув, поправился:
- В ней есть картинки всех птиц. И я их теперь всех могу узнавать. Честное самурайское!
- Да мы поняли, Илья, - поддержала его тетя Маша.

И тогда Илья принялся рассказывать, обращаясь больше к тете Маше:
- Понимаете, я хочу стать изобретателем. Я решил подсматривать за природой и брать на заметку то, что она нам подсказывает. Для начала я выбрал ласточек и теперь наблюдаю за ними – особенно за тем как они летят и как устроены их крылья. Я придумал для начала изобрести для людей ласточкины крылья, которые можно будет, выходя из дому, надевать на плечи и лететь с их помощью куда захочешь - можно даже не работу или просто в магазин. Лететь низко над землей, как летают ласточки перед дождем. Можно даже еще ниже – совсем в полуметре. И тогда другой транспорт станет не нужным. Планета очистится, потому что уйдет в прошлое бензин.
- Молодец, Илья! Ты еще и планете поможешь!
- А потом я еще хочу дятла как следует рассмотреть. Постараюсь сконструировать дуплорез, который будет работать как его клюв. Хочу посмотреть как дела у бобров – может, удастся подучиться у них работе с упавшими от старости деревьями и сучьями.

Тогда лесозаготовками мы - обеспечены!
- Да ты, Илья, просто государственный человек!
- И мне дадут за это Нобелевскую премию. Кстати, тетя Маша, а вы не знаете, сколько сейчас дают?
- Не знаю, Илья.

Мы еще немного поговорили и Илья спросил, где Нина. Я сказала:
- У нее горло болит.
- Передавай ей привет! И скажи, чтобы она не забывала, что она должна мне тысячу конфет! Помнишь, как мы поспорили с ней на эту тысячу, что я найду и приведу к ней мальчика, который ее любит?
- Помню-помню. Но только ничего не передам Нине – все-таки она еще маленькая для таких вещей. Да и Мамука, которого ты привел, ее обманул – он сначала сказал, что любит ее, а на следующий день – что пошутил. Но Нина все равно в него втюрилась – он ходит в очках, а Нина – хочет быть умной.
Выяснили, что Илья записался в клуб юных изобретателей.
Все-таки хорошо ходить на кружки. И иметь на это возможность. Я никогда про это не думала, но теперь поняла, что деньги существуют не только для того, чтобы покупать на них продукты и имущество, а и для того – чтобы покупать интересные книги, путешествовать, получать новые знания, вкладывать эти новые знания в дело… Деньги открывают новые возможности. Главное только - с ними, с возможностями, да и с деньгами – не переборщить.

Перед тем как уйти, Илья, что-то вспомнив, сказал:
- А у меня бабушка умерла.
Тетя Маша, посерьезнев, промолвила:
- Знаю, Илья. Моя мама дружила с ней.
- Неужели! – пробормотала я. – Как жалко! Эта та бабушка, которая всегда разговаривала со мной, когда я стучала к вам в дверь, когда хотела вызвать тебя на улицу. Она единственная в вашей семье, кто любил меня… Ой… Илья, прости.

И Илья рассказал такую историю.
- В тот день бабушка, вернувшись с рынка, не зашла в комнату, где играем мы с братиком. Обычно она всегда заходила что-нибудь сказать нам. А тут сразу прошла в лоджию и легла на свой мусор… То есть она спала на матрасе, который стелила на куче хлама, который она доставала из мусорных баков. Этот хлам она чистила и носила продавать на рынок. Мол, для того, чтобы покупать себе сигареты. И отдыхать от нас всех, сидя среди торговцев. Вы наверное все знаете про это – потому что из-за этого из нашей квартиры воняло… Ну, и бабушка, то есть моя настоящая бабушка – потому что та, что теперь умерла приходилась мне прабабушкой - моя еще молодая бабушка – бывало, не разговаривала из-за мусорки в доме со своей мамой по полгода. И вот она хоть и была тогда дома и видела, что с бабушкой что-то не то, все равно не подошла к ней. Так как они не разговаривали. И вот так прошло с полчаса. А потом ее дочь все-таки пошла в лоджию… Ну, а потом уже моя мама приходит к нам с братиком и говорит: «Дети, бабушка умерла»… Я сразу закричал и расплакался и проплакал, наверное, час. Никто не мог меня успокоить. А моя настоящая бабушка – которая дочь – она не проронила ни слезинки, вы представляете?! Даже моя мама была от этого в шоке, хоть и не подавала виду.И у нас дома теперь про бабушку и не вспоминают. Какие-то они все, даже не знаю как вам сказать… Они как дальние родственники!

После ухода Ильи, я заметила, что тетя Маша кашляет и что вообще лицо у нее осунувшееся, бледное. Видно, совсем мы ее замучили уроками.

Да и простуживаться она стало часто – говорит, что как войдет в школьный вестибюль, так подхватывает там какой-нибудь вирус.
Сама она посмеивается над собой. Ничего, говорит, зато теперь у меня появится к ним всем иммунитет, а то я по жизни многое пропустила – пропустила кое-какие вирусы и надо бы с ними теперь побороться.

Чтобы развеселить ее, я стала рассказывать подробности того, как Илья еще в сентябре, когда только началась школа - сосватал Нине Мамуку.
- А кого любит сам Илья? – спросила машинально тетя Маша.
- Да Ингу…
- Какую еще Ингу?
- Нашу, какую же еще! Разве в нашем дворе есть другая Инга?
- Но она же… взрослая для него. Или я чего-то не поняла?
- Ну и что?.. Какая разница… Инга красивая. Илья тогда передал ей записку, где вывел грузинскими буквами – ведь мама отдала его в грузинскую школу: «Я люблю - тебя. А ты - любишь Пушкина. Но я все равно целую тебя». Но вы правы – это все пустяки.

Мы уже почти подошли к нашей двери, когда я сказала, потершись о руку тети Маши плечом:
- Тетя Маша, а давайте бабушку навестим?
Тетя Маша, наверное, подумала, что я хочу сходить на кладбище – там уже много наших бабушек. И остановилась, не зная что сказать.
- Я имею ввиду бабушку Лялю, - подсказала я ей.
- А.. ту бабушку, с которой ты летом любила разговаривать, когда та сидела на лавочке возле качелей? Она еще угощала тебя мороженым.
- Да, тетя Маша. Давайте ее навестим – она совсем старенькая и живет одна. Она почти не выходит из дому. Давайте к ней пойдем! Прямо сейчас!
- А уроки?..
- Мы потом сами все напишем – нам Инга поможет.

И мы пошли к бабушке.

По дороге я спросила:
- Тетя Маша, как вы думаете, почему бабушки так любят мусор?
- Ну не все же. Некоторые, как твоя – его убирают и выбрасывают. Да и вас – стараются приучить к порядку.
- Но все равно, получается, и они интересуются мусором. Смотрите тетя Маша – одни бабушки и дедушки любят собирать мусор, а другие – выбрасывать. И при этом все про него думают.
- Ну и что из того?
- Не знаю. Я просто заметила.

И мы пошли к бабушке.

Мы долго стучали в дверь с полустертой белой краской, потому что бабушка была почти глухая.

Наконец, что-то за ней прошаракало и раздался скрипучий голос: "Кто?..".

Я долго объясняла бабушке, что я - Даша.

Наконец, она открыла и, сильно всмотревшись в меня, пробормотала:

-Да-а.. Ну, захотите.

- Вы меня помните, бабушка Ляля? - сказала я, обняв ее. Бабушка была высокая, и я доставала ей только до груди.

- Помню?...Да, моя милая, конечно. Проходите к столу. А это твоя мама?

- Нет, это моя соседка и учительница.

Мне показалось, что бабушка Ляля на самом деле не узнала меня, но ей захотелось, наверное, иметь такую внучку и она нас приняла и усадила на стол.

Она была очень худая, костлявая, с вечным выражением скорби в лице, которое было словно припудрено пылью. Комната тоже была как напудренная, несмотря на то, что в ней царили тишина и порядок.
Глядя на бабушку Лялю, я подумала, что когда человек рождается, то он - целый человек. Когда вырастает и становится взрослым - от него остается половина. А от бабушки Ляли осталась только четверть. Хотя вообще-то все должно быть ровно наоборот. Или я чего-то не понимаю?..

- Угощайтесь, пожалуйста, - сказала тетя Маша и выложила из сумки на стол пачку вафель. - За нас не беспокойтесь, нас угощать не надо.

Но бабушка Ляля все равно суетливо достала стаканы, вытерла их от сильной пыли и отправилась ставить чайник на плиту. Да еще и принесла печенье с конфетами, правда, все это было довольно не свежим.

Наконец, нам удалось бабушку Лялю остановить и усадить ее с нами за стол.

Тетя Маша стала предлагать ей помощь. Оставила свой телефон и сказала: "Звоните в любое время. Мы можем и в магазин для вас сходить, и, если надо - в аптеку. Можем проводить в банк за пенсией. В поликлинику можем сводить".

- Спасибо. Но я пока все это делаю сама, хотя мне уже девяносто два года, - сказала бабушка Ляля. А точнее - прокричала. Потому что разговаривали мы так: тетя Маша что-то спрашивала, а я - повторяла это на тон или больше выше. Вот где пригодился мой писклявый голосок - эта бабушка улавливала только его.

Мы пробыли там совсем недолго. Потому что бабушка Ляля все время задыхалась, да и изо рта ее, когда она говорила, вырывался какой-то свист.

Очень мне стало ее жалко. И я сказала:

- Бабушка, Ляля, вам нужна палочка, чтобы вы, когда пойдете на улицу, опирались на нее. Чтобы вы нигде не упали. У нашей бабули есть лишняя палка, и я думаю, что она вам ее подарит – наша бабушка не жадная.
- Палку?... Хорошо-хорошо, милая. Знаете, а ведь за последние пять лет вы тут - первые гости. Жалко, что я в юности смеялась над парнями, которые пытались свататься ко мне. Все искала идеал. И вот - теперь сижу как сыч в идеально пустой квартире.
- А у вас что - никого нет?
- Есть двоюродные сестры, племянники. Но я с ними не вижусь с тех пор, как в

девяностые племянники вынесли отсюда некоторые вещи, пока я гостила в Москве. Я оставляла им ключи... С тех пор и не общаемся.

Когда мы вышли за дверь и побрели куда-то через сквер, набитый мамами с колясками, тетя Маша задумчиво проговорила:
- У этой бабушки - чистота.
- Это потому что она весь свой хлам давно продала. А однажды я видела, как она шла куда-то поутру , согнувшись колесом, и несла в авоське хлеб, который ей, наверное, дали в бесплатной столовой. Вдруг она увидела какую-то незнакомую девушку и, быстро вытащив батон, стала пытаться всунуть его той в руки. Девушка не понимала, зачем ей батон и чего вообще от нее хотят. И все отодвигала от себя руки бабушки Ляли. А та как закричит: "- А ну возьми! Возьми, тебе говорят!" Но та, конечно, не взяла. А шарахнулась от бабушки в сторону и поскорей убежала... А так она никому не открывает. И вам, наверное, тоже без меня не откроет. Эта бабушка совсем отбилась от рук. Видно, крепко ее обидели.

Тетя Маша задумчиво протянула:
- А и в самом деле, Даша, зачем бабушкам мусор? Наверное, это болезнь.

Я воскликнула:
- Тетя Маша, вы что, не понимаете, бабушки собирают мусор,чтобы быть полезными! А еще, тетя Маша, они хотят сказать: "Я вам не мусор. А если даже и мусор, - ну и что?.."

Тетя Маша ничего на это не сказала. Только удивленно взглянула на меня и ускорила шаг, что-то высматривая впереди себя. Наконец, высмотрела лавочку вдали от тетенек с колясками и почти рухнув на нее от сильной усталости, провела по ней ладонью.

- Давай присядем, - сказала она.

Но я осталась стоять.

- Я хочу с тобой поговорить, - сказала тетя Маша каким-то неуверенным, виноватым голосом.- Послушай, Даша... Когда я услышала от бабушки Ляли, что у нее никого нет, кроме племянников - воришек, то чуть было не спросила у нее, а не хочет ли она завещать свою квартиру тебе....Ведь у вас квартиры нет. А у бабушки, получается, есть, но ей некому ее оставить. Но я постеснялась это спросить... Да и не решилась - подумала, что она испугается.
- Тетя Маша, не надо пугать бабушку, - у нее больное сердце!
-Ну вот, Даша, я и услышала то, что хотела. Я и хотела с тобой посоветоваться... Фух!... Ты уже ответила. Действительно, если ради квартиры придется испугать бабушку - то не стоит....Но понимаешь, в чем дело. Теперь меня замучает совесть. Мне кажется, что мое отношение к этой бабушке стало нечистым.
- Это из-за того, что вы захотели, чтобы бабушка меня увнучерила?.. Ну и мусор у вас в голове, тетя Маша!.. Бабушка же сама хочет кого-нибудь всем своим одарить. И вы всего лишь угадали это ее желание и пошли ему навстречу.
- Не все так просто. Бабушка могла бы нам не поверить. И - выставить нас за дверь. Потому что ты же сама сказала - ее сильно обидели.
- Трудные вы люди, взрослые. Советую вам, тетя Маша, никогда не думать о таких пустяках. И - пойдемте уже домой.

А потом в моей жизни появилась Кети.

С ней, как и с тетей Машей, меня свела кошка.

Как-то я увидела на нашей площадке незнакомую высокую девочку, которая гуляла сама по себе. Она водила по полю баскетбольный мяч и время от времени точными, скупыми движениями направляла его в кольцо. И - почти всегда в точку.

У нее была очень прямая фигура и все движения тонкие, бережные и нисколько не напоказ. Благодаря чему и мои движения тоже утратили беспорядочность и стали порядочными.

Я так и замерла. И с этим растущим замиранием в груди я предположила.... Точнее эта мысль сама стремительно пронеслась в голове, все в ней смешав... Я подумала, что может я, наконец, найду в ней подругу, которая именно подруга, а не воображала.

И вскоре я убедилась, что не ошиблась.

Девочка посмотрела на меня и сказала не словами, а глазами, кивнув на мяч и слегка улыбнувшись: "Поиграем?.."

И когда я кивнула в ответ, дала мне пас.

Мы стали бросать мяч в кольцо по очереди.
Причем, она не пыталась меня обыграть и, кажется, даже нарочно несколько раз кинула мимо кольца, так как я отставала. Это было приятно.

Не зная, что сказать, я начала рассказывать про нашу кошку - по то, как у нее из живота вылезли почти на моих глазах котята. Хотя на самом деле на моих глазах вылез только один котенок. И вылез он не из живота. Но мама говорила, что котята выходят из живота и я рассказывала так, как говорят взрослые.

- Не из живота, - поправила девочка с улыбкой. А голос у нее был хоть и не громкий, но мелодичный.

- А мама говорит, что - из живота.

Кети - так звали девочку - едва заметно усмехнулась. Опять почти одними глазами. Губы ее улыбались лишь уголками рта и при этом рядом с ними появлялись ямочки. Глаза же ее всегда светились какой-то светлой, скромной улыбкой. И смотрели по-доброму. Как в душу глядели - просто и ясно.

- Тогда кошка должна была бы взять в лапу нож. И разрезать себе живот.

Я ошарашено промолчала, сначала ничего не поняв.

Потом, ударив из-за всех сил по мячу, отчего он отскочил и откатился к самой ограде, решительно вскричала:

- Гм... Мама - врунья!

- Да моя мама тоже не всегда говорит правду. Вот папа в Кисловодске - он другой. Когда Йося был еще маленьким - папа и мама развелись...И вот...

В общем, мы долго тогда о чем-то говорили. Даже не упомнить о чем. И с тех пор сильно подружились. Хотя Кети было одиннадцать лет, а мне скоро будет только восемь.

Мы говорили друг другу только правду и никогда не ссорились.

Только один раз Кети обиделась на меня, - на то, что я ударила при ней Нину. Она сказала, что я топчу ногами достоинства сестры. На что я возразила, что Нина - забияка, и Кети знает это сама. Из-за Нины у меня испорчены отношения со многими детьми и в классе, и во дворе. Потому что чуть что не так - и она начинает толкаться и обзывать их. Поэтому все от мала до велика, завидев Нину, насмешливо кидают в ее адрес какие-то колкости.

Кети тоже заметила это и однажды сказала:

- Нина, что-то тут не так. Почему-то все вокруг показывают на тебя пальцем. Как ты думаешь, почему?

В общем, Кети на меня немного обиделась. Но вскоре все забыла и мы с ней продолжили общаться как ни в чем ни бывало.

Все было так хорошо. Прямо-таки отлично. Мы с Ниной даже ходили к Кети домой в корпус напротив и играли с Йосей, ее младшим братом, который тоже нас полюбил. Йося болел ДЦП и не умел ходить без помощи мамы или сестры. Когда мы приходили, он садился на ковер и начинал, шаля, ползать по нему. Мы здорово тогда шалили все вместе. И во время этих шалостей Кети становилась совсем другой - она могла внезапно выкинуть глупую, а иногда и жестокую шутку.

Шалость все и разрушила, как мне кажется. Потому что другой причины я не нахожу.

Мама Кети и так не очень благоволила к нам с Ниной. Она боялась, что мы заразим Йосю какой-нибудь инфекцией и все спрашивала, делали ли мы прививки. Это ради Йоси они после того как от них ушел папа - во всяком случае, так объясняла Кети мама - уехали из Кисловодска, где у них до сих пор есть частный дом, и мыкаются теперь в Тбилиси по съемным квартирам, Мама целыми днями работает или куда-то уходит, а Кети - смотрит за братиком. Даже стирает ему и готовит кушать.

Правда, она иногда кричит на маму в ответ на лишнюю просьбу. А один раз - даже заматюкалась. Все-таки в ней тоже есть горячая кавказская кровь. Папа Кети был грузином. Но грузином кисловодским. А таких в Кисловодске целая улица. И им отдельная Грузия не нужна.

Ну а Йосе она оказалась нужна, поскольку в Тбилиси ему подошел климат.

Но я отвлеклась...

В тот день мы так расшалились у Кети дома, что принялись кидать вместо мяча друг другу котенка, который у них жил…А потом Кети, заскочив с ним в туалета, нечаянно уронила его в унитаз.
Видимо, он хлебнул там чего-то. И к следующему вечеру - помер.

Уже затемно Кети вынесла в тряпке труп котеночка во двор и мы его похоронили среди зарослей орешника за площадкой. Нам было его очень жалко. Мы положили его в дырявый пластиковый таз, которые нашли среди каких-то развалин, вырыли яму и забросали потом ее землей вперемежку с щебнем.

А потом нам почему-то опять захотелось беситься.

Мы побежали в соседний корпус, взлетели, как птицы на трубы, и, вцепившись в них руками, ловко прошли их все на руках. Мы кувыркались и почему-то смеялись как ненормальные. И вообще - были очень оживлены. Несмотря на свое горе.

Я опять отметила, что Кети очень ловкая, спортивная. И прямо-таки любовалась ею.

А потом она сказала:

- Ну ладно, Даша, мне пора. От мамы уже пришел смс.

И все - Кети исчезла.

И с тех пор - я ее больше не видела.

Много раз я поднималась к ней домой. Стучала. Слышала чьи-то шаги за дверью.

Но стук мой, видимо, никто не слышал - может быть, это Йося, наконец, научился ходить. а потом оглох, чтобы хорошего ему не показалось мало. А мама его - на работе.

Но где же тогда Кети?..

Тетя Маша говорит:
- Стучи сильней.
Но мне как-то неудобно. Да и страшно - вдруг Кети навсегда уехала в Кисловодск?

Где это видано, чтобы двух друзей и подружили, и развели кошки?..»

Ну все, кажется, она припомнила все важные события осени и начала зимы.
А теперь пришла пора запечатлеть их на бумаге.
Склонившись над альбомным листом, Даша старательно вывела крупными печатными буквами:
"Дорогой дедушка Мороз! Надеюсь, ты все слышал. И все уже давно понял. Подари нам, пожалуйста, на Новый Год квартиру. Даша".

Вложив письмо в конверт и заклеив его, она положила его в том Пушкина на полке, перекрестилась, и, вернувшись на место, тут же уснула, уроним голову на стол.
Потому как до Нового Года было еще далеко. А ночь - уже баюкала землю.

2

Спустя несколько месяцев Даша опять принялась писать письмо.
Опять положила перед собой вырванный из альбома лист. Взяла зеленый фламастер.
И, выведя прописью слово "Продолжение", подумав, написала под ним:

"Спасибо тебе, дедушка Мороз, за нашу хорошую жизнь. Передавай привет Богу, раз ты у него на службе. Много писать я еще не умею, поэтому остальное я буду не писать, а думать. А ты, пожалуй, послушай".

И Даша принялась думать. А точнее, вспоминать - что значило в ее случае рисовать в уме прожитое как на воздухе, в котором летают стрекозы, носятся птицы. И может быть даже люди - тоже летают, еще не спустившись с небес на грешную землю.

А вспомнила она вот что:

"Новый Год!.. Проснувшись, я сразу вспомнила про него, и сразу побежала к своим ботиночкам, надеясь выхватить из них, как из почтового ящика, долгожданный конверт с ордером на квартиру.

А там оказалась - кукла Барби.

Кровь так и бросилась мне в голову. Слезы так и закапали. Я только и успела сквозь них заглянуть еще и в ботинок Нины, из которого тоже торчала, словно желая выскочить из гробика, кукла Барби - только Кукла-Барби - негритянка.

Я разревелась.

Инга, выбежав из спальни, еще заспанная, тревожно спросила:
- Что случилось?..
- Дед Мороз нам квартиру не подарил! - крикнула я звенящим от обиды голосом.

- Ну ты, Даша, совсем!.. - выдохнула Инга и покрутила у виска пальцем с длинным ногтем, похожим на перламутровую ракушку. - Нет на свете никакого Деда Мороза - пора бы уже об этом знать.

- Есть Дед Мороз! - закричала я, топнув ногой. - Раз я хочу, значит, он будет!

- Как - Деда Мороза нет?.. - пролепетала проснувшаяся от шума Нина. - А как же... Как же я стану умной?!
И Нина тоже захныкала.
А мне и без этих ее слов было понятно, чего она просила в письме.

- Ну вы и психи! - сказала в сердцах Инга, изумленно всмотревшись каждой из нас в глаза. Опять скрывшись в спальне, она захлопнула за собой дверь.

Я выкрикнула:
- Это ты нам подсунула эти куклы! А настоящий Дед Мороз еще не приходил!

Потом я бросилась на кровать вниз головой и от нечего делать - сразу провалилась в сон.

Ну а потом во сне возникла мама. И я, привстав, притянула ее, склоненную, к своей грудке.
Она превратилась в огромный оранжевый шар, и, обхватив его, я словно растворилась в нем. Все обиды перестали для меня существовать и я, став счастливей так, что больше некуда, радостно открыла глаза.

Кто-то теребил меня за плечо. Перевернувшись, я увидела над собой маму. Неужели?!.

- Мамочка, ты приехала!

Это действительно была мама. В новом рыжем меховом полушубке и с новой прической на выкрашенных в рыжий цвет волосах. Приветливо улыбаясь, она приложила палец к губам, показывая другой рукой на спящую Нину.

Я поняла, что мама пока не хочет себя обнаруживать. Она хочет, наверное, отдохнуть с дороги. А скорее всего ей хочется узнать от меня первой про то, как мы тут без нее жили. Мы сбежали с ней на цыпочках на кухню.
Я быстро рассказала ей шепотом про нашу жизнь, а потом мама принялась распаковывать сумку и достала оттуда - я просто восхитилась! - то есть стала восхищенной, наверное, до самого седьмого неба! - мама достала из сумки книгу Пушкина!
- Вот купила вам с Ниной сказки Пушкина. Ничего другого, кроме книги и конфет, мне купить не удалось - я едва смогла наскрести на билет.

Мама немного слукавила. Позже она извлекла из чемодана огромного белого гипсового медведя, сказав, что это теперь будет - наша копилка.

- Пушкин!.. - воскликнула я, и, раскрыв эту большую красочную книгу в глянцевой зеленой обложке, принялась рассматривать картинки.
Я тут же озабоченно спросила:
- А правда, что когда Пушкин был маленьким, мама его не любила и даже однажды, рассердившись на него из-за какой-то шалости, не разговаривала с ним целый год?
- Не знаю. А откуда ты это взяла?
- Тетя Маша рассказывала.... Наверное, мама тогда просто отомстила Пушкину за, что он до шести лет вообще ни с кем не хотел говорить. Он молчал-молчал, а потом вдруг сказал, когда сидел за обеденным столом: "А пирог-то подгорел". Все удивились и дали ему другого пирога. С тех пор он и научился разговаривать... Правда, тетя Маша говорит, что, может, эта история про пирог – всего лишь фейковая новость. То есть исторический анекдот… Ну ничего, главное, что у Пушкина была няня Арина Родионовна.
- Бедный Пушкин! - сказала мама, удивившись. А когда она удивляется или сердится, то глаза у нее становятся круглые и вспыхивают, как у львицы.
Обхватив ее шею руками и запрыгнув к ней на колени, я промолвила:
- Ты мой львенок...
- Совсем ты у меня стала большая, - сказала мама, потрепав меня по щеке. И добавила, смеясь: - Чувствую, что в следующий раз, когда дети будут спрашивать тебя, кто твой папа, ты ответишь им: "Пушкин".

Потом я, что-то вспомнив, соскочила с ее колен и быстро произнесла:
- Ой, мама, подожди... Я должна отнести одной бабушке палку... Я совсем забыла.
- Какую палку?
- Бабушкину... То есть... Потом расскажу... Я быстро!

И, схватив стоявшую в углу залы вторую палку нашей бабушки, от чего та сразу проснулась, натягивая на ходу куртку, я побежала с ней к бабушке Ляле. Хотя наша бабушка и закричала мне вслед:
- Куда?!... Я же тебе объясняла, что она - шатается! И - праздник же!.. Нельзя без конфет!

Но я рассудила, что палка для бабушки лучше конфет и неслась без остановки. Быстро одолев все ступеньки, я взбежала к бабушке Ляле на этаж, и, когда та приоткрыла дверь, я просунула в нее палку.

- Бабушка Ляля, с Новым Годом! - произнесла я несколько торжественно.

Бабушка, взяв с опаской палку в руки, посмотрела на нее, потом поставила ее на пол и попробовала опереться. Немного потопталась, прошлась взад-вперед. И - решительно сказала:
- Нет, палка не годится. Она шатается - с ней еще убьешься. Отнеси ее, девочка, своей бабушке обратно.

Она еще немного сухо поговорила со мной - и закрыла дверь, так и не пустив меня за порог.

И хотя я потом еще несколько раз приходила к ней и одна, и с тетей Машей - она нам с той поры больше так и не открыла.

Оказывается, и какая-то палка может стать причиной раздора.

Мы не отходили от мамы целый день.
И я, и Нина, и Инга, и бабуля, пока та орудовала у плиты, слушали про мамины приключения в Москве и, подмигивали друг другу, давая понять, что больше уже точно не отпустим ее на заработки.

Мама рассказала, что рассчитывала остановиться у дедушки - а наш дедушка, с которым наша покойная бабушка рассталась, когда маме было всего три годики давно жил в Москве в другом браке.
Общих детей у них с женой не было, но у второй жены дедушки была дочь. Мама иногда приезжала к ним в гости, и они тоже приезжали в гости к маме. Но потом жена умерла. А дедушка вместо того, чтобы оплакать ее, привел в дом какую-то молодуху... Ну а доченька ее, у которой была уже своя семья и своя квартира, очень на него за это обиделась и - выставила из материнской квартиры, сумев отсудить ее. И теперь дедушка с молодухой, как и мы, мыкаются по квартирам и даже чуть ли не по подвалам.
В общем, не повезло маме с папой. А его старший брат, который тоже жил в Москве с семьей, был так стар и болен, что даже не узнал бы маму, попросись она к нему. И она отправилась жить к своей бывшей однокласснице. А та - уговорила ее попытаться взять ипотеку. Для ипотеки же - нужна была хорошая работа. И мама принялась ее искать. Но так как мама не выучилась после школы из-за беспорядка в стране, ее на хорошую работу нигде не взяли.
Наконец, она устроилась разносчицей продуктов на пригородных поездах. Мама одна, без чужой помощи, каждое утро поднимала в поезд громадную тележку и потом раскладывала на ней доверху продукты из двух огромных сумок. С этой тележкой надо было целыми днями ходить по вагонам и весело кричать, немного припевая: "Напитки, пирожки, сладости!"... Словно человек - это какой-то робот-рупор.

Однажды один молодой человек, сидевший в конце вагона, сказал ей, привстав со своего места:
- Потанцуем?..
- Я тебе потанцую! - процедила сквозь зубы, не переставая улыбаться, мама. И гордо проплыла мимо.

И вот так мама работала, работала... А денег ей ее хозяева потом не заплатили, потому что они были обманщиками. А так как мама не заключила с ними трудового договора, а просто положилась на их честное слово - в суд мама обратиться не могла.

И маме пришлось идти мыть подъезды.
Она их и мыла все это время, чтобы накопить денег на обратную дорогу. А они все не накапливались и не накапливались. Ведь надо было еще кушать, а там похолодало и понадобились куртка, шапка и сапоги. Пришлось сначала заработать на одежду.

Наконец, мама заработала на билет в маршрутку и выехала в дорогу под Новый Год. Всюду были пробки, был снегопад и туман. Мама жутко промерзла. Но зато увидела пол России и от души налюбовалась ее снежными равнинами. А потом ее глазам открылись

заснеженные горы. И мама поняла - скоро она будет дома. От этой мысли в ушах ее появился какой-то хрустальный звон и сердце после легкого перебоя, как бы повернувшись от счастья вокруг себя, стало биться мерно и сильно, словно оно было кремлевскими курантами.

... К вечеру стол был накрыт.
Мама и бабушка поставили на нем свои прекрасно приготовленные блюда.
А потом стали приходить гости.
Сначала пришла тетя Алена и принесла гостинцев. Она подарила нам с Ингой и Ниной вязанные шапки.
Потом пришла тетя Маша и тоже принесла немного гостинцев и подарила нам карандаши и линейки.
Правда, они ушли потом раньше всех.

Затем стали подходить подруги мамы, с которыми они бегали когда-то босиком по двору.
Пришла невестка бабушки и привела ее взрослых внуков - увидев их, бабушка прослезилась. Потому как они обычно навещают ее раз в год.
Потом подъехал к корпусу папа и, вызвав Ингу, передал громадный торт и два новеньких портфеля. Мы быстренько их с Ниной распределили между собой и, слава Богу, без ссор.

Ну и праздник потом выдался, когда все сели за стол!
Все просили маму рассказать, что она делала в Москве и мама опять все рассказала по новой.

Тут я немного опешила, потому что мамина история неуловимо изменилась - в ней появились ранее не уловленные мной подробности. Но я не стала про это думать и проглатывала в тот новогодний вечер каждое мамино слово.

Время от времени все рассказывали анекдоты.
Мама рассказала пару анекдотов из моей жизни.
Я уже знала их наизусть.

Первый анекдот был такой.

Однажды, когда я была еще маленькой, к маме тоже пришли много гостей и она посадила меня в манеж.

Манеж же у меня был не такой как у других детей. Любя сюрпризы и необыкновенные, изысканные вещи, мама купила его из-за того, что его стены были исписаны строчками из детских стихов. И пока я там играла, мама иногда читала их мне вслух. Это были короткие стихи - в две-три строчки. Поэтому все, что больше, потом, уже в школе, было мне не по размеру и поначалу напрягало. Кроме пушкинского Лукоморья, конечно, которое мы с мамой любили читать наизусть хором.

Ну, так вот… Я осталась одна в этом манеже, после того как мама с гостями, немного поиграв со мной, тоже сели за стол.

И вот они сидят и рассказывают друг другу анекдоты. А я тоже сижу в манеже, но одна.

Наконец, мне это надоело, и я стала кричать, показывая себе в грудь указательным пальцем:

- Даша!.. Даша!..

Все посмотрела на меня и почему-то рассмеялись.

Как и сейчас смеются.

А над чем - не поймешь.

А Даша, между прочим, не любит, когда взрослые вот так посмеиваются над ней. Иногда она тоже пробует посмеяться вместе со всеми, но как-то это выглядит у нее не натурально.

Второй анекдот был про папу. Точнее, папу-козла.

Однажды, когда мы были маленькими, мама повела нас с Ниной в зоопарк.
И там я увидела в вольере горного козла.
- Папа-козел!.. - сказала я маме, показав на него пальцем.

Гости опять смеются. И опять не понять над чем. Хотя мама объяснила им, что частенько называла дома нашего папу козлом, вот ребенок и запомнил.

- Мама!.. - вырвалось у меня в этот раз прямо при гостях. - Забудь ты уже этого козла!

Но мама почему-то вдруг нахмурилась и сказала:
- Даша, выйди из-за стола!

Я удивленно поднялась и вышла. И обиженно забилась в уголок бабушкиного кресла, которое пустовало.

А мама подняла тост за какой-то домострой.

Она сказала:

- Друзья, наверное, надо жить так, как жили наши предки - по домострою. Когда во главе семьи стоит настоящий мужчина, настоящий хозяин. А не мама и папа в одном лице. И все его при этом уважают и слушаются. И все по цепочке от мала до велика - слушаются друг другу. Мама слушается папу... Нет, погодите, сначала мама слушается бабушку... Потом папу... Или все-таки сначала папу?..

Тут мама немного запуталась и сказала, засмеявшись:
- Нет, лучше сначала бабушку... Ну а мама потом может так дать по шапке детям, что они станут у нее шелковые!... Дети же тоже должны учить друг другу в зависимости от того, кто старше. И почитать своих родителей. Так выпьем же - за родителей!

Потом мама добавила, кому-то моргнув:
- Ладно, Даша, не горюй... - И, дополнив бокал, опять подняла его. - Папа, конечно, не козел. Он - гордый имеретинский олень. И рога у него - большие!

Все опять рассмеялись.

Кто-то встал и поднес мне бокал с лимонадом, правда я от него отвернулась.

Потом, когда все стали пьяные и увлеклись сами собой, я опять вернулась за стол и отведала по очереди все вкусности так, что у меня разболелся живот.

В общем и целом, праздник прошел хорошо.
Земля и небо прямо-таки перемешались, когда опять, как и вчера, начался салют. Все вышли на балконы и долго радостно восклицали, глядя на вспыхивающие повсюду красные, желтые и зеленые огни.

Уже глубокой ночью мы вдруг увидели, что за окном сыпется какой-то пух, причем, перины никто из соседей сверху не вытряхивал.

Да это же снег, первый снег!.. Значит, дедушка Мороз нас вспомнил!..

Мы с Ниной помчались во двор, чтобы ловить на ладони снежинки и вскоре к нам спустилась, проводив гостей, и мама.
И мы втроем сыграли в снежки, которые лепили из пушка, собирая его с еще темного, мокрого асфальта.

Вернувшись домой, мы попытались уснуть. Уже выключили свет. Как вдруг за дверью, которую мы по привычке никогда не закрывали на замок, раздался какой-то шум и канонада. Она распахнулась и мы, испуганно вскочив с кроватей, увидели Сабу - нового парня Инги. Он был студентом Академии художеств.
Тот торжественно нес впереди себя как несут иконы батюшки во время крестного хода - выполненный маслом огромный портрет Инги, из-за спина которой, положив ей руку на плечо, выглядывал он же, Саба, собственной персоной.
И глаза у них обеих на картине были точно такие как в жизни, но - более грустные. Словно они уже взрослые. И очень многое передумали.
Вместе с Сабой шел его товарищ, - тот нес бутылку шампанского и искрящийся во все стороны бенгальский огонь.

Тут мама с Сабой и познакомились.

Зато потом, когда праздники прошли, на нашу голову неожиданно посыпались не снежки, а плевки.
Все те соседи, которые угощали нас, встречая в новогодние дни, конфетами, стали по очереди подходить к маме и жаловаться на нас с Ниной.
Тетя с третьего этажа сказала, что я измазала ей дверь своими белыми - все в мелу - руками. Хотя я только однажды случайно оперлась на нее ладонью, когда остановилась передохнуть.
Тетя со второго этажа - что Нина роняет с балкона крошки на ее белье. А бабушка при этом приваживает голубей, которые тоже отмечаются на белоснежных простынях.
Дядя Саша сказал, что я рисую на стенах подъезда. А тетя Анука - что свистю там сверчком и тем самым, быть может, высвистываю ее из дома.
Мама тети Алены сказала, что мы бросаем в лифте шелуху от семечек. Хотя мы вообще-то лифтом не пользуемся.
А мама тети Маши им назло - ничего не сказала... Хотя наверняка подумала.
Дядя Сулико проинформировал маму, что бабушка по ночам пела, смеялась и плакала.
Тетя Элисо - что ждет долг за продукты.
А дядя Важа сумрачно предупредил, что чача - это не вода. И за нее необходимо платить.

А одна бабушка, которую я даже не знала в лицо, шепнула маме на ухо, будто Ингу все это время провожала до подъезда какая-то свита, а ее предводитель даже одно время жил у нас на этаже. Хотя Пушкин уже давно от нас съехал.

И что же сделала мама?
Она сказала нам:
- Ну и хорошо. Значит, пора отсюда уходить. И я уже знаю - куда. Но это пока - секрет. Или, если хотите, – новогодний сюрприз. А все долги мы, конечно, со временем отдадим.

И вот тогда-то все вскоре и убедились, что ты, дедушка Мороз, существуешь.

Потому что сюрпризом оказалась новая квартира, которую мама купила в развалинах завода "Алиони".
Не знаю, что там выпускали на этом заводе, но тот, как сказала, прослезившись, бабуля, закрылся в тот год, когда распался великий Советский Союз.
И мы в нее вскоре переехали.
И присоединились к тем пятидесяти семьям оставшихся по разным причинам без жилья смельчаков - некоторые по скудоумию называли их босяками - которые таки приостановили распад завода тем, что самовольно вселились на много лет простоявшую под палящим солнцем территорию, где спали только бездомные собаки, и выложили в каркасе из кирпичей себе квартиры. И даже - могли теперь негласно продавать то, что построили своими руками.
Это было совсем недалеко от нашего корпуса - минут пятнадцать ходьбы.
И вскоре мы все отправились смотреть наше новое жилье.

Тетя Алена даже сказала:
- О, "Алиони"!... Конечно же я знаю его! Мы приходили туда в прошлом году на Рождество и раздавали тамошним детям самаритянские подарки. Все хочу пригласить их в наш детский центр, но - они не поедут. Трястись на автобусе по бесплатному проездному билету школьника им в такую даль утомительно. А на маршрутку у них нет денег.

Мама заплатила за квартиру в "Алиони" - а эта была двухкомнатная квартира с душем и туалетом - всего пять тысяч лари. Сняв эту сумму со счета в банке, где лежал остаток прежней нашей квартиры, переведенный в деньги.
Она торопилась не зря - ведь счет таял, пока мы платили за съемное жилье.

Правда, квартира выходила окнами не на улицу, а в коридор, отчего было всегда темно. Но у нас почти всегда был включен свет. Да и в крыше над коридором была дырка, в которую рано утром проникал настоящий луч солнца.
А этаж был первый. И нашему Ваське было удобно сигать с окна за крысами, когда те носились ночами по коридору.

И хотя бабушка предрекала, что эта очередная мамина авантюра не закончится добром - что власти так и не позволят жителям "Алиони" зарегистрировать свою собственность и не сегодня, так завтра, выселят их, а потом построят на том месте что-то свое - мы с Ниной и тетей Машей крепко поверили в силу добрых писем.

Все пожимали мне руку и поздравляли.
Ведь это мое желание растопило сердце Бога, когда к нему в небесную канцелярию постучался Дед Мороз и положил перед ним письмо.
- Вот видишь, - говорила, очень от всего этого приободрившись, тетя Маша, - мысли, когда они устремлены в небеса, делают свою невидимую работу всегда, и надо просто уметь ждать, когда они вернутся тебе сторицей.
Нина же, таинственно улыбаясь, повторяла:
- Значит, и мое желание скоро сбудется.

И оно у нее понемногу сбывалось. Тем более что мама повела Нину к глазному врачу, и тот велел изготовить ей очки.
Надев эти очки, Нина стала и читать, и писать значительно лучше. Оказывается, буквы и строчки у нее перед глазами всегда расплывались и переплетались меж собой, а она не могла об этом сказать, потому что думала, что так бывает у всех.
Честно говоря, Нина теперь читает немного лучше меня - она читает гладко, а я почему-то с запинкой. И еще я не умею, как говорит тетя Маша, чувствовать границы предложения. Я не замечаю этих границ и текст превращается в бесформенный поток, отчего я и не успеваю, пока читаю, понять его смысл.
Тетя Маша скачала из интернета таблицы с цифрами и почему-то сказала, что они помогут нам освоить не счет, а чтение. Эти цифры были на бумаге вразброску, и мы должны были суметь их быстро найти и назвать по порядку.
А еще тетя Маша сама придумала такое упражнение - она просила нас выучить почти наизусть какой-нибудь маленький абзац из понравившегося нам текста, а потом несколько раз прочитать его, несмотря на то, что он выучен - в книге. Причем, прочитать на скорость, стараясь от чтения к чтению ускоряться все больше. И при этом - читать облюбованный абзац с выражением, как бы обнимая его взглядом.
Мы с Ниной старались наперебой - нам было очень приятно, что наш маленький текст - а у нас у каждой он был свой - прочитывается у нас на одном дыхании и прямо таки звенит в наших ушах. Нам так нравилось играть им, ласкать его!..

- Я была такая дура, - самокритично признавалась потом Нина - но потом на наш свет появились сначала тетя Маша, а потом Дед Мороз. И я выдохнула как после марафонского бега навстречу уму: "Фух!.."
- Но по математике ты все равно все еще дура, - напоминала я ей.

Тут надо заметить, что мама, услышав впервые как мы читаем и просмотрев наши тетради, пришла, к нашему огорчению, в ужас и сказала, что мы просто двоечницы.
И что когда нам станут ставить в старших классах отметки, это сразу выявится.
Мы даже расплакались.
А мама сердито заверила, что когда у нее появятся деньги, она обязательно купит песочные часы и будет проверять по ним, сколько мы успеваем прочитать слов, пока высыпается песок. Позже она действительно купила нам красивые песочные цветы с голубым песком, которые тетя Маша приспособила потом под развивающую игру.
- Я в вашем возрасте читала уже семьдесят слов в минуту. И при этом учительница все равно ругала меня, будь ей не ладно!... До сих пор вспоминаю все это с отвращением… А ведь до того, как я пришла в школу - я уже умела читать газеты. Меня научила этому моя бабуля. А в школе почему-то я резко сдала и, когда меня вызывали, у меня улетучивались все мысли, и я только тупо смотрела в центр доски. Я только дралась на уроках, а бабуля за меня краснела.

- Как Милена! - вырвалось у Нины.
- У Милены учительница - добрая, - возразила я.
- Но обе учительницы - не находили к детям подход, - заметила тетя Маша. Она, не поднимая головы, делала в блокноте какие-то заметки для себя.

В отличие от тети Маши, мама всегда говорила нам про нас одну только правду. Но как же она в данном случае была далека от истины!

Бедная мама - она даже не заметила противоречия в своих словах. Песочные часы не помогли ей учиться лучше.

- Что вы там пишете? - спросила я тетю Машу, заглядывая к ней в блокнот.
- Да так,.. - ответила тетя Маша рассеянно, - Пишу статью для журнала педагогики. Про то, как не надо заниматься с детьми. Надеюсь, ее опубликуют.
- А про то, как надо - вы тоже напишите?
- Угу... Постараюсь.

Обрадовавшись ответу с небес, мы с Ниной стали было пробовать и дальше загадывать желания и мысленно посылать их в небеса. А они у нас были всевозможные, были необъятные. От желания побывать в Африке – до того, чтобы у нас в кресле, где сидит бабуля, оказался бы вдруг крокодил. Или чтобы Инга вдруг вернулась домой, а в спальни - кит... А иногда нам просто хотелось, чтобы пошел легкий дождик, а потом опять выглянуло солнце.

Но тетя Маша, узнав про это, строго предупредила, что небеса такой каши не любят и что эта мешанина когда-нибудь свалится нам на головы. И что вообще - к небу можно обращаться только с самыми серьезными намерениями, и только тогда оно сможет распахнуться и одарить нас по-настоящему.
И мы перестали так делать.

Хорошо, когда у тебя есть человек, к которому можно обратиться с любым вопросом.

Как-то я спросила:
- Тетя Маша, А всегда ли надо спрашивать разрешение у Бога, когда что-то задумаешь?
- Не знаю, Даша, тебе, я думаю, теперь видней, - сказала тетя Маша, слегка усмехнувшись,- Попробуй ответить сама.
- Тогда я буду спрашивать у своего сердца. Тетя Алена говорит, что когда в нем тепло и светло, даже если тебе самой печально и трудно - то, значит, Бог одобряет тебя. Наверное, когда сердце выше твоих трудностей и невзгод - то ему оттуда, сверху, видней... Но по пустякам Бога беспокоить, я думаю, все-таки не стоит. А то он будет думать: "Ну Даша, ты же уже не маленькая. Разве не сказал я вам - вы боги? Стало быть - творцы своей судьбы. Так делайте же что-нибудь, делайте!.. Творите!.. Живите передо мной в правде и радуйтесь. А я буду тихонько помогать издали. Если упадете - дайте руку, и я помогу вам встать. А встали - идите дальше!"
- Ну и ладно, - согласилась тетя Маша.

Мы пожили еще немного в корпусе, пока мама и новый парень Инги делали ремонт в нашей новой квартире, а потом Саба приехал вместе со своим другом на грузовике и мы, погрузившись в него, слава Богу, переехали.

А там время стало лететь стрелой, все больше ускоряясь. Ведь когда мама дома - жизнь кипит.

Тетя Алена пришла в "Алионе" вместе со своими подругами и договорилась, что один раз в неделю они будут проводить занятия с детьми прямо тут - в помещении, которое алионцы использовали для разных торжеств. Там теперь можно будет и рукоделием подзаняться, и про Бога послушать.

А тетя Маша - она вскоре вообще всех нас очень удивила.
Однажды она пришла к нам в "Алиони" в форме как у военных. И как же она ей подходила - глаз не оторвать!..
Когда она скинула куртку и сняла пиджак, аккуратно повесив его на спинку стула, мы

увидели ослепительно-белую сорочку с сине-голубыми погонами. Такие же погоны были и на пиджаке. А бедра облегала волной темно-синяя юбка.

Я сразу вспомнила песню про синее море, - его, настоящего, я еще никогда не видела... В этой песне море называли синей вечностью. И этой синей вечностью - я это почувствовала - веяло теперь от погон и от всего облика тети Маши:

Море вернулось говором чаек,
Песней прибоя рассвет пробудив.
Сердце, как друга, море встречает,
Сердце, как песня, летит из груди.

Оказалось, что тетя Маша записалась в благотворительную организацию, которая, подобно доблестному Дон Кихоту, оказывала поддержку всем, кто в ней нуждается - особенно детям, старикам, инвалидам.
Единственно, чего я не поняла, это - почему когда взрослые так вот перечисляют - старики, инвалиды и тому подобное - они включают туда и нас... Ну да ладно, не буду думать о пустяках. Как, например, думает наша бабушка. Она сразу засыпала тетю Машу кучей лишних вопросов. Главный из которых прозвучал так:

- А от какой это церкви? Хочу понять, кто вас крышует.

- Да какая разница, - отвечала тетя Маша, смеясь, - Может это вовсе и не церковь. Главное - быть друзьями Бога. Правильно я говорю, Даша?

- Правильно! - согласилась я с тетей Машей от всей души.

Но бабуля все качала головой и приговаривала:

- Маша, я думала, что ты взрослая женщина, а ты, оказывается, как коммунистка, собираешься бесплатно работать на какого-то неизвестного дядю. Нет, я не против коммунизма - я и родилась и выросла во времена его первого блина, обернувшегося нам потом комом в глотке. Но мы-то уже живем при капитализме.
- Тетя Люба, христианство и есть коммунизм. Да мне, честно говоря, совсем не важно, в какие я вхожу организации и сколько мне за это платят. Я, может быть, сейчас наконец реализовываю свою детскую мечту влиться в тимуровское движение - в мое время в нашей школе его уже не было.
- Ну, ты все еще играешься... Смотри сама.

Приходя к нам в гости, тетя Маша потом немного рассказывала нам о своей новой жизни, которой она занималась в выходные, когда отдыхала от нас с Ниной.
Мне особенно запомнился ее рассказ о доме для престарелых в Цхнети, куда тетя Маша с другими друзьями Бога ездили отвезти памперсы и показать тамошним бабушкам и дедушкам концерт. Они пели им на гитарах и читали стихи, рассказывали интересные истории из своей жизни, а потом тетя Манана - так звали директора этого дома - повела их в палаты, где лежали такие люди, которые уже не могли вставать от дряхлости, а некоторые даже не помнили себя. И эти очень старенькие люди - они все стали протягивать к ним руки, потому что соскучились по живому. И друзья принялись их всех обходить и обнимать.
Некоторые рассказывали ужасные истории.
Одна бабушка рассказала, что ее неделю назад подобрали на улице с желудочным кровотечением. Ее забрала сама Манана, которая ездит ночью по улицам Тбилиси и ищет

бездомных стариков. Потому что Манана дала обещание Богу. Ее внук страдал тяжелым недугом, был прикован к постели и женщина пообещала, что сделает все – все, что потребуется для спасения не только его жизни, но и жизней всех людей... Она перестроила свою дачу в элитном курортном поселке под приют для пожилых. И вместе с такими же энтузиастами сама же его и содержит. Интересно, что спонсоры находятся сами, некоторые анонимные, она даже их не знает.

А ту бабушку с кровотечением - ее выгнал на улицу из собственной квартиры, когда она на него ее оформила, человек, который много лет притворялся другом... Еще достаточно молодой человек... Когда узнал, что она заболела и что, возможно, понадобится платная операция.

Тетя Маша записала адрес той бабушки - хотела пойти и сказать тому человеку, чтобы он хотя бы купил бабушке лекарства и вообще бы, блин, вернул ей то, что забрал.

Но тетя Манана сказала:
- Не надо. Там ждать нечего. Он юрист и все равно откупится. Знаете сколько я знаю таких.

"И тогда я поняла, что мы действительно живем как в раю. И еще при этом ропщем", - рассеянно довершила свой рассказ тетя Маша. - Я, мои родственники, мои друзья..."

Надо сказать, что тетя Маша могла ездить в свою благотворительную организацию не часто. Потому что когда человек много думает и учит думать других - а тетя Маша думает о многом - его мысли и есть его главное дело. Все другое ему приходится откладывать на потом или поручать своим помощникам.

Хорошо, что у нас большая семья и все в ней друг за друга горой.
Хотя и у нас был случай, когда бабуля ушла жить к Любе и сказала: "Не вернусь!".
Потому что мама, после того как мы перешли в "Алиони", запретила ей петь, обзывать нас бродягами и пить.
Много чего они тогда наговорили друг другу. А когда у нас ссорятся, то начинают все преувеличивать.
Бабуля кричала, - прямо при алионцах, - когда садилась в такси, когда Люба приехала за ней: "Неблагодарная!.. Я вам всю жизнь посвятила! Работала для вас дни и ночи!".
А мама отвечала - и тоже при алионцах:
"- Да если б не ты, у нас бы была совсем другая жизнь! Ведь это глядя на тебя Дима и Люба пристрастились к бутылке. Тебя даже внуки видеть не желают!

Такое происходило не раз. Пока мы жили на съемных квартирах, бабуля периодически уходила жить к Любе. Но чаще она жила у нас.

В этот раз она вернулась быстро, так как мама поехала просить у нее прощения. Потому что батюшка из храма, что рядом с "Алиони" - я часто бегаю туда за свечками - сказал маме, что за спасение души ее мамы надо ежедневно молиться и соблюдать все посты. И мама прилежно молилась.

"Чужим помогаешь, а своих не бережешь", - сказала еще тогда, уезжая, маме бабуля.
Это был намек на то, что мама до того помогла своей подруге написать в полицию заявление на сожителя, который, кстати, украл однажды у мамы телефон, когда она была у них в гостях.
Сожитель бил мамину подругу по спине горячим утюгом пока та, как-то сумев вырваться

от него, не добежала до нас, когда мы только перешли в "Алиони". Она жила потом у нас с неделю. пока мама успокаивала ее и настоятельно уговаривала уйти от садиста, объясняла ей, что тут без полиции не обойтись.
Наконец, уговорила.
Они поехали вместе в полицию и того дядьку потом задержали, а он при этом прокусил себе язык и - это просто кошмар! - откусил себе палец.
Ему назначили экспертизу и собирались судить.
Но мамина подруга сжалилась над ним и заявление забрала.
Мама говорила, что они потом опять сошлись.

"А вы не боитесь, что тот человек теперь будет мстить? - спросила соседка. - Все-таки у вас дети. Может, вам не надо было связываться с полицией?"
Но мама посмотрела на нее так выразительно!.. И ответила, что - ничего не боится!

Зато за нее, такую, постоянно боюсь я... Но не подаю вида. Только плачу, когда она задерживается и не говорю почему.

А Инга говорит, что никогда не стоит бегать за мужчиной. Что у любой любви есть свой срок и рано или поздно она проходит. И что лучше женщине быть самостоятельной, чтобы ни от кого не зависеть.

Но мне помнится, что когда она сама бегала за Гио, она так не думала. Приехав, мама советовала ей: "Не повторяй ошибок своей бабушки - не ставь на любовь. Да и моих ошибок - тоже не повторяй. Зря я тебя назвала именем покойной бабушки - говорят, это не к добру. Пойми, все мужики, а тем более бабы - предатели. Живи, моя дорогая, для себя".
Инга же, держась пальцами за виски, печально роняла: "Мама, ты не понимаешь - своими речами только делаешь мне хуже".

Фух!.. Трудно вспоминать плохое.

Поэтому теперь - о смешном.

Когда наступила весна, меня показали по телевизору.
Дело было у здания мэрии, куда мы пришли вместе с другими алионцами на митинг.
Мы требовали, чтобы "Алиони" признали жилым объектом.
Все это снимало телевидение.
В какой-то момент наш сосед дал мне в руки большой флаг, который был до того у дяди, который говорил в микрофон, и посадил к себе на плечи.
А после это видео, где я сижу на плечах и размахиваю флагом Грузии, - попало во все новостные выпуски.
Правда, "Алиони" так и не признали. Мэр просто сказал, выйдя к людям: "Не знаю... Когда-нибудь... Может быть".

Потом, когда мы возвращались домой, я узнала на плакате, - он был небрежно прикреплен к стене какого-то длинного офиса - депутата, который сопровождал мэра. И - кивнув на него маме со словами: "Какой неприятный!" - рраз! - и сорвала плакат.
- Даша, что ты делаешь?! - закричала мама, полоснув меня своим сердито попыхивающим взглядом львицы.
Но тут же расхохоталась на всю улицу, заметив, как один малыш впереди, царственно восседая на плечах своего папы, старательно отдирал друг за другом от стены висящие в длинном-предлинном ряду такие же одинаковые плакаты.

В мае у нас случилась еще одна маленькая радость - Инга купила нам всем новые телефоны, причем, модели были самые современные. Через них мы с Ниной, наконец, начали смотреть анимэ, которым увлеклись зимой. Хоть тетя Маша и утверждает, что через телефон что-то долго смотреть вредно.
Это наша Инга пошла работать.
Они устроились с Сабой рекламщиками в турфирму, которая катала туристов на катере по Куре - эта река протекает через центр Тбилиси и через нее перекинут Стеклянный мост.
В рекламщики прогулок на катерах брали только молодых и красивых, как Инга - больше девушек, чем мальчиков, И красивые девочки и мальчики от пятнадцати до двадцати лет, прекрасно одетые, всюду ходили с папками, в которых лежали красочные буклеты.
Инга и Саба отправлялись после занятий, успев сделать в автобусе на коленках что-то из уроков, в Парк Рике и прохаживались там возле Стеклянного моста с листовками, зазывая туристов, до одиннадцати часов вечера. Возвращаясь, Инга мыла ноги, которые распухали и натирались, и - сразу падала на кровать и засыпала. Ей даже не всегда хотелось съесть ужин.
Но она была по-своему счастлива и гордилась собой. Дело у нее в руках спорилось. Они с Сабой стали неплохо зарабатывать. Причем, умели собирать деньги, чего никогда не умела мама. Наш белый медведь-копилка частенько лежал на боку и сушил склеенную лапку, через дырку в которой мама выуживала купюры.

Про телефоны бабуля сказала - и мама ей тоже вторила:
- Это - лишнее. Надо бы сначала раздать долги. Но то уже - забота матери.
Она заранее предупредила, чтобы ей нового телефона не покупали и мама отдала ей свой старый.

Но Инга ответила, что будет и дальше покупать нам что-то лишнее. А о самом необходимом - да, пускай по-прежнему заботится мама, которая мыла теперь по ночам в ресторане полы. А то, мол, маме частенько приходилось отказываться от необходимого в пользу лишнего. И надо бы выровнять этот баланс.

Инга и Саба собираются устроить нам прекрасные летние каникулы. Они задумали повести нас всех на море, где мы будем жить в палаточном городке прямо на берегу, среди корабельных сосен.
Для этого они уже купили три круглые палатки и теперь собирают деньги на спальники с ковриками.
Я так и вижу это лазурное море, которое до сих пор видела только в компьютере!.. И белые парусники среди высоких волн с солеными брызгами!..
А Нина представляет, как ей будут падать прямо в рот киви, которые свисают там гроздьями с деревьев вдоль приморских улочек. Так сказала ей бабуля.

- Тетя Маша, а как ваш огород? - вспомнила я как-то за этими мыслями. - Что-то мы давно на нем не были.

И вот что тетя Маша поведала:

- У моего огорода вдруг объявился настоящий хозяин и стал заявлять свои права. Он давно забросил свой огород и когда дед Валик начал выращивать там свою петрушку, вытянувшуюся в жуткой тесноте из косточек сгнивших слив, персиков и абрикос - а гнилые фрукты, как ты помнишь, тот добывал из мусорок - он смотрел на это сквозь пальцы. А когда там появилась я, он принял меня за его родственницу.... Ну а потом, когда я все обустроила там на своей половине - посадила яблони и вырастила розы - ему, видно, захотелось самому иметь такой огород. И он потребовал его обратно.

Тут-то и выяснилось, что дед Валик продал чужой огород.
И батоно Валентину пришлось раскошелиться - пришлось вернуть мне деньги обратно. Правда, я ему немного скостила сумму, чтобы его не хватила от жадности кондрашка. Чему он был несказанно рад. Хоть и возвращал мне деньги дрожащей рукой.
Ну и ладно. Я взяла и купила на эти деньги в дом разные необходимые в быту вещи. А то я до того покупала больше книги.
- Вы, наверное, сильно расстроились.
- Да нет, не сильно. Я провела на огороде, пока вы были в школе, немало приятных минут - дышала свежим воздухом, орудовала взамен утренней гимнастики лопатой и тяпкой, наклоняясь над грядками, к тому же еще освоила азы садоводства. Так что можно считать, что я просто взяла его на год в аренду. Да и достался он мне даром - мне выслала на него деньги в подарок, попросив меня присмотреть и купить себе сад, та самая Светлана из Саратова, про которую я как-то рассказывала вам. Моя подруга, с которой мы виделись только в скайпе. Она и подарила мне сад - просто так. Ни за что, ни про что.

Я вспомнила, что тетя Маша как-то и нам купила табуреток, - наверное, тоже из той суммы. Потому что на нас она пока может работать только в долг. И подумала, что надо бы найти эту Светлану в интернете и написать ей: "Спасибо".

Но вместо этого я спросила:
- А правда, что на саратовскую землю приземлился первый космонавт планеты? Нам учительница говорила.
- Правда. Причем, совершенно случайно. Саратовцы даже шутили: "Где родился, так и пригодился". Хотя, строго говоря, родился он под Смоленском. Но в Саратове учился в техникуме и посещал аэроклуб.
- А мама окончила школу имени Гагарина. В ней теперь учится Инга. Правда, когда школа стала грузинской, ее переименовали. А один мамин одноклассник даже стал космонавтом. Его взяли в отряд космонавтов!
- Знаю-знаю. В Саратове есть целый Проспект Космонавтов. А еще у них в центре города на Соколиной Горе - есть памятник "Летящие журавли"... Ну, ты понимаешь, наверное... Это монумент погибшим воинам, которые, быть может, превратились в журавлей. А еще прямо в парке на Горе повсюду стоят настоящие танки и самолеты времен Отечественной войны. И дети среди них так и бегают.

- А еще в Саратове родился Николай Гаврилович Чернышевский - автор романа "Что делать?" Он показал в своем романе, что быть альтруистом намного выгодней, чем оставаться эгоистом. И доказал это всей своей жизнью, проведя за свои убеждения лучшие свои годы в тюрьме, на каторге и в ссылке.

- Потому что ему было так выгодно - да, тетя Маша?

- Ну, вот ты все и поняла, Даша. Чтобы отличить альтруизм от противоположного ему во всем животного эгоизма, Николай Гаврилович придумал ему название - *разумный эгоизм*.

Немного помолчав, тетя Маша добавила:
- Жалко только, что после того, как я ушла с огорода, сосед не поливал там деревья и две из посаженных мною яблонь засохли. Хотя я и перелезала на первых порах поздно вечером с ведерком через забор и делала полив втихаря... А еще он выкорчевал с корнями розы, когда удалял петрушку деда Валика... Ну да ладно, пусть это будет на его совести. Одна яблоня все равно прижилась и - ничего, растет!.. Будем надеяться, что у него рука не поднимется ее спилить.

Вскоре после этого разговора тетя Маша привезла из питомника саженец акации какого-то очень раскидистого и долголетнего сорта. И мы вместе с ней и Ниной посадили его на площадке перед домом - между двух лавочек, на спинках которых была отлиты переплетенные виноградные лозы.
Тетя Маша сказала, что нынче в наших краях много иволог. Они понаделали здесь гнезда и их птенцы обязательно вернутся сюда следующей весной. А их потомки - они тоже будут всегда возвращаться – будут петь и гнездиться в ветвях нашей акации.
Я представила огромное дерево, обнимающее двор и в нем, среди белых душистых цветков с золотистым отливом, поют своими голосами-флейтами ярко-золотые иволги с черными крыльями и хвостом.

- А еще, девочки, вы знаете, - добавила тетя Маша, достав из сумки маленький том с оленем на обложке. Сев на лавочку, она раскрыла его - он весь уместился на ее ладонях, - я раньше не понимала, что чувствуют растения, когда их срезают осенью ради зерен и плодов те же руки, которые бережно вырастили их из семян. Но великий грузинский поэт Важа Пшавела открыл мне это.

И тетя Маша прочитала:

Как станут колосья стеной,
И тут я от просьб их чумею.
Тот с этой, а этот с иной,
Всем племенем, шея на шее.
Душ в тысячу эта толпа
Бушует о разном и многом.
Сдается, при блеске серпа
Кажусь я каким-то им богом.
Срежь нас! протеснясь к лезвию,
Кивают головками злаки.
Нет, нас! Мы стоим на краю!
Другие мне делают знаки".
"Чуть туча душа ниже пят.
Смотри, как зерном нас расперло.
А ну как посыплется град"
И хряснет холодным по горлу…
Иные орут: "Пощади!
Дай бог тебе силы и счастья".
Послушать так сердце в груди
С нескладицы рвется ни части
На всех угодить не посметь.
Ни рук ведь, ни глаз не хватает.
Намечешься день и как плеть.
К заре тебя с ног подсекает.
А чем против градины серп
Любезнее сердцу колосьев?
Боятся, что людям ущерб,
Иные печали отбросив;
Зерно для народа соблюсть,
А не для вороньего клева,
Вот вся-то забота и грусть
Пшеницы золотоголовой.
Затем-то, шумя на ходу,

Под серп и торопится жито,
Чтоб людям пойти на еду,
А будут голодные сыты,
Чтоб к небу молитвы несло
Простить прегрешенья умершим.

- Вы поняли? - сказала тетя Маша. - Съедобные растения думают о том, как исполнить свой долг. Смысл их жизни в том, чтоб поддерживать жизнь человека. Чтобы тот возвышал ее, - жизнь, - до небес. И вернул бы потом когда-нибудь на Землю бессмертие. Человек может благодарно собирать их, как делал Миндия, от имени которого ведется повествование. Травы даже плачут при этом от счастья:

Он рвет их, покуда темно,
И только роса их курчавит.
Он знает: из них ни одно
Ни в грош свою целость не ставит.

Немного призадумавшись, тетя Маша добавила:
- А вот деревья спиливать нельзя. Потому что у них долгий век. И потому что многие из них дарят нам плоды, позволяя просто срывать их. Или роняют их на землю сами... А когда ты подходишь с топором, то они беззвучно молят: "Не тронь меня, слышишь, не тронь!...". Об этом Важа Пшавела тоже написал в своей поэме "Змеед".

И она прочитала еще один отрывок:

Но иначе плачут деревья.
Лишь Миндии внятен их стон,
Их жалобы и настоянья,
И в жизни от этого он
Не чувствует преуспеянья.
Чуть скажет, стволу не в укор:
Мне надо тебя на дровишки,
А жалость отводит топор,
И нет от нее передышки.
"Не тронь меня, слышит, —
не тронь,
Красы не темни мне окружной.
За то ль меня с солнца в огонь,
Что я пред тобой безоружно?"
Он смотрит кругом, одурев,
А сметит какое меж ними,
Так сверх пощаженных дерев
То стонет еще нестерпимей.
И вот он домой порожнем,
Не взявши с собой ни полена,
А чтобы не вымерзнул дом,
Жжет дома солому и сено.
В подмогу валежник, кизяк,
Все, что подберет он дорогой,
За что всякий раз, что ни шаг,
Всегда благодарен он богу.
И с тем же советом для всех

Твердит он соседям, как детям:
Деревья рубить это грех.
Довольствуйтесь суховетьем.
Но мнения не побороть,
Что это одно сумасбродство.
Ведь все это создал господь
Для нас и для нужд домоводства.
Лес рубят по-прежнему все.
Редеют чинары и клены.

Очень мне запомнился этот день.
Долго звучал у меня в ушах немой крик деревьев: "Не тронь меня, слышит, — не тронь!..".

Наша Инга тоже полюбила стихи. Они с Сабой читают их в интернете. Однажды одно стихотворение так тронуло ее, что она заставила всю нашу семью оставить все свои дела и замолчать. Она встала перед нами и так и сказала:
- Замолчите!.. А теперь слушайте.

И прочитала стихи, написанные на грузинском языке каким-то неизвестным автором. Они были длинные, я понимала не все, но поняла, что один дядя - герой стихов - все вопрошал Бога - "За что?!". Все спрашивал: "Почему, ты, Боже, такой жестокий, почему смотришь так спокойное на то, как стенает и мучается все живое?". Он долго перечислял эти муки. И даже крикнул под конец: "Да кто ты, Бог, такой?.. Откройся!"
А Бог открыл свое заплаканное лицо и сказал:
"Я Сына своего вам отдал единственного!.. Что еще я могу для вас сделать, что?!."

Однажды я подошла к маме, и у нас состоялся большой и серьезный разговор:

- Мама, а почему наш папа - такой?
- Какой?
- Ну... почему папа стал вором?
- Ты же знаешь, к тому времени как мы встретились, он уже завязал. Но если ты интересуешься, я скажу. Мне кажется, что на него повлияло то, что случилось с его дядей, когда папа с братом были еще совсем маленькими.
- А что случилось с его дядей?
- Их дедушка - тогда он еще был молодым - подрался с соседом из-за земли.
- Из-за земли?..
- Да, моя дорогая. Они не поделили у себя в деревне какой-то кусочек земли возле межи, подрались и дедушка в драке случайно убил соседа ножом. А в тюрьму вместо него пошел младший сын, взяв вину на себя - он так сам решил и умолил всех не вмешиваться... Его осудили на очень долгий срок. Но после суда он исчез... А куда - не смогли узнать даже правоохранительные органы. Он словно в воду канул. И никто с тех пор о нем ничего не слышал.
- Бедный папин дядя!... Неужели он так вот сгинул ни за что, ни про что? И что - совсем нельзя его найти?
- Я думаю, что такими же вопросами задавались и папа с его братом. И - обозлились на весь мир. Особенно - на правоохранительную систему. И назло всем стали нарушать закон... Ну а потом папа одно время подрабатывал начальником бригады маляров, которые занимались покраской только что построенного храма. И эта храмовая атмосфера

и общение с верующими людьми заставили его одуматься. И он тогда отошел от прежних приятелей. Правда, в религии он тоже не остался.
- А как смотрели на все это его родители?
- О!.. Бедные родители. Говорят, они были хорошими людьми. Отец - проводник поезда, мать - домохозяйка. Мать скончалась, когда оба сына сидели в КПЗ, причем, оба в одной камере... Не выдержало сердце. А отец умер годом раньше. Они оба очень хотели внуков, а эти балбесы - они даже жениться не желали. Мама иногда умоляла их жениться. Просила: "Хочу, чтобы на моей могиле прыгали внуки!"... И ты знаешь, Даша... Ты помнишь как мы ходили в прошлом году в поминальный день после Пасхи на кладбище и я, после того, как мы навестили мою маму - я повела вас на могилы ваших дедушки и бабушки со стороны отца? Вы тогда побывали на них впервые.
- Да, мамочка, я помню... Мы еще долго искали их.
- Вы еще с Ниной что-то разыгрались и несколько раз пробежались друг за дружкой по могилам, а потом запрыгнули на плиты и стали прыгать на одной ножке. Увидев это, я крикнула: "Даша!.. Нина!.. Вы что?!... Ненормальные!...Немедленно сойдите оттуда!". И вдруг осеклась... Мне привиделось, что ваши дедушка с бабушкой тихо сидят, обнявшись, на скамейке у своих могилок и, глядя на вас, блаженно улыбаются.
Потом вы с Ниной взяли по пасхальному яичку и покатили их навстречу друг другу по бабушкиной плите. И представляете, они сошлись точно посередине и, остановились, как вкопанные. Словно бы кто их соединил вместе.
Оттуда мы перешли на могилу моего двоюродного брата Димы, сына нашей бабули. Который ушел молодым так нелепо, сгорев от чахотки.
Мы поставили свечи.
И вдруг там мне почудилось, что он хочет, чтобы я зажгла сигарету.
А он был большой любитель курева и часто посылал меня в магазин за сигаретами. Он даже иногда в шутку просил, даже если не надо: "Ну что, сестренка, сбегаешь за сигаретами?". Он любил достать первую сигарету из пачки, память ее в пальцах и - сжечь дотла при помощи зажигалки. Он задумчиво наблюдал за тем, как она горела в пальцах и сбрасывал потом пепел в пепельницу.
И вот я взяла и воткнула в землю сигарету. И подожгла ее зажигалкой в память о брате.
А она вдруг вся воспламенилась и сгорела в один миг.
И я словно услышала смех.
Словно Дима дал понять через эту сигарету - что он здесь и слышит нас.
Тут я, забывшись, мысленно выругалась: "Придурок! Тебе же нельзя курить!..."
И - опять осеклась...

- Мама, неужели мертвые вот так вот сидят и ждут нас у своих могил, пока мы не придем к ним раз в год в поминальный день? А все остальное время... как же они там без нас?
- Нет, мертвые не привязаны к могилам. Мне думается, что у своих могил они встречают нас только потому, что мы туда приходим. А на самом деле ушедшие всегда с нами - стоит только вспомнить о них. Всегда и всюду, в любое время и во всякий час. Ведь духовный мир не знает границ. Я верю, что все наши предки, весь наш род хранят нас с небес, помогая нашим ангелам-хранителям. Особенно, если среди них есть кто-то святой.

- А тетя Алена говорит, что контакты с мертвыми запрещены. Подумай сама – как бабушка Инга и дядя Дима могут молиться за нас из ада?.. Ты, мама, такая доверчивая!.. Ты совсем не думаешь про то, что это падшие духи притворяются умершими родственниками, чтобы подавать недобрые советы, хитро мешая их с правдой!
- Да, моя дорогая. Наверное, тетя Алена права.

И вот - ура! - нас распустили на летние каникулы!
Мы, наконец, выбежали из школы и долго неслись из нее без оглядки.
Хотя мне и было немного жаль, что теперь будет не с кем поговорить об анимэ.
Почти весь год мне очень не хотелось ходить в школу, и я часто пропускала ее.
Но в последнее время меня так удивлял Диего, что мне даже стало интересно приходить посмотреть на него.
Он стал совсем другим.
Диего связался с длинным Алексом и Артуром - и стал на них похож.
Алекс и Артур втянули его в свою шпионскую игру. У них появились какие-то общие шпионские тайны. Учительница уже выгоняла их всех троих из класса, чтобы они имели возможность обсудить их в коридоре.
Диего стал разболтанным, грубил девочкам и учительнице английского языка. Галстук он снял, воротничок расстегнул. Да и учиться стал хуже.

Все в нашем классе с кем-то дружат.
Нина дружит с Тоней.
Сашка - с Ксюшей.
Милена - с маленьким Алексом по-прежнему не дружат, но так люто, что это все равно, что дружат.
И только я - ни с кем не вожусь.

Но под конец меня очень удивил большой Алекс.
Он подошел ко мне на физкультуре и, кашлянув в кулак, громко сказал, что любит меня.
Хорошо еще, что никого не было рядом.

Потом он тихо добавил, что им нужна разведчица. И что когда бы я ни захотела - я могу вступить в их игру в качестве разведчицы. И он готов ждать меня сколько угодно. Он никогда не возьмет на это место никого другого.

Я растерялась и ответила:"Давай отложим это на потом". И что я хочу, чтобы он пока остался мне просто другом.
«Как хочешь», - скромно сказал Алекс и тотчас удалился как настоящий воспитанный мальчик, которых я видела только в старом кино и в лице прежнего Диего.

Потом мы опять как-то сошлись с ним в школьном коридоре и от души поговорили об анимэ - он тоже им увлекается. Мы долго азартно перечисляли кто что смотрел и какие там дальше события в следующих сезонах. И вкусы у нас оказались в чем-то похожими.

Хотя вообще-то у нас в классе почти все смотрят анимэ.

Анимэ - то есть японские мультики про подростков - это такая штука, которая необходима в нашем возрасте как воздух. Особенно двоечникам. То есть... Я сейчас, наверное, несу чушь, ведь ими увлечены сейчас почти все. Но двоечникам без них - совсем никуда.

Ну как нам иначе узнать про свою будущую жизнь, прежде чем мы вступим в нее - как нам узнать про жизнь подростков, - если в "Азбуке" пишут только про жизнь малышей?

Все мультики про малышей мы уже посмотрели.
Мы уже не малыши!
А у подростков жизнь интенсивная, загадочная.
Простыми словами о ней не расскажешь.

И кратко - тоже не сможешь рассказать.
А если бы кто и смог сказать о подростках кратко - мы еще не умеем как следует читать!

Вот и не осталось нам ничего другого, как смотреть про жизнь подростков анимэ!
Тетя Маша вот говорит про один мой любимый фильм: "Красивый фильм. Красивая музыка. И герои как на подбор - тоже красивые. Все понимаю, все принимаю... Но зачем же этот красивый главный герой - вампир?".
Но тут тетя Маша, во-первых, действительно чего-то не понимает. А во-вторых - если она хочет сказать, что некоторые анимэ плохие, то - пускай режиссеры снимают хорошие. Анимэ не становятся плохими от того, что их иногда снимают дураки.

А двоечникам анимэ необходимы вдвойне! Ведь они вообще не могут вначале одолеть ни одной детской книжки и даже часто путаются, когда читают коротенькие, как кажется взрослым, а на самом деле такие длинные истории из "Азбуки".

Подам-ка я тете Маше для ее статьи эту идею про бедных двоечников, которые проходят мимо настоящей жизни, потому что узнают про нее не из книг.

Когда мы разбежались после последнего звонка из школы, некоторые из нас были как звери. И это буквально.
В тот день, когда наши родные пришли за нами, мы встретили их в костюмах героев из сказок и мультиков.
Мы посадили вошедших за парты, а сами встали перед ними в ряд и принялись декламировать стихи своими звонкими и уже немного дерзновенными голосами.
Я была в костюме Лисички. Нина - в костюме Карлсона. Сашка был Волшебником Гудвином. Ксюша - Мальвиной. Тоня - Дюймовочкой… Маленькому Алексу досталась роль Зайца из "Ну, погоди!". А большому - роль Серого Волка, но Волка из Красной Шапочки. Хотя, на мой взгляд, ему бы больше подошла роль Волка - помощника Иванушки-Дурачка.
А Красной Шапочкой была - кто бы мог подумать! - Милена.
Все очень беспокоились, справится ли Милена с ролью и на всякий случай поставили рядом с ней Диего в роли Доктора Айболита. А в зале между тем дежурил другой доктор - тетя-детский психолог, которую нанял ей папа.
Но Милена справилась. И даже сумела поцеловать подскочившую к ней с букетом малышку.
Я втайне радовалась, что мне не достался костюмчик Лисы ее детсадовской поры, который, наверное, навеки пропитался колбасой. Тетя Милены - она костюмер - предлагала маме купить у нее Лису за полцены. Но Саба взял нам напрокат костюмы в театре.

После представления Раиса Тимофеевна вышла вперед и сказала:
- Дети, попрощайтесь с Ксюшей и Сашей - они уходят от нас в другую школу.

Нда... Немного жаль.

Я по-прежнему прихожу на детскую площадку перед нашим бывшим корпусом. Ведь здесь у меня есть Мамука и Темука. Есть Илья.
Но - прихожу все реже.
Здесь стало грустно.
Мне даже не помогает будущее дерево, которое мы посадили с тетей Машей.
Птицы из будущего - не поют мне!..

Я рассеянно играю с кем-нибудь из ребят и посматриваю на окна Кети.
Наши два корпуса, стоя напротив друг друга, все так же глядят друг другу в окна.

Иногда я опять направляюсь в корпус напротив, взбираюсь на шестой этаж и стучу.
Но ответа - нет.

Потом я долго качаюсь на качелях, которые почему-то стали скрипучими, и, когда становится совсем темно - остается только этот скрип, который я уношу потом к себе домой и не знаю как выплакать его.

Как-то тетя Маша, - это уже было в начале лета - поймав нас с Ниной у корпуса, сказала каким-то изменившимся, посерьезневшим голосом:
- Погодите!.. Я должна вам что-то сказать... И это очень серьезно. Присядьте... Время идет, вы растете. И - скоро вы забудете меня. И меня - и некоторых других своих старших наставников... Не перебивайте!... Вы будете считать, что мы - это вчерашний день. У вас появятся новые друзья, другие интересы... Я хочу сказать, что не обижусь на вас за это. Вы только постарайтесь... постарайтесь остаться людьми!.. А теперь - идите... Хотя стойте!

Тетя Маша, переведя рассеянный взгляд в какую-то точку поверх наших голов, добавила:
- Все меняется. Вы еще можете стать совсем другими, совсем другими... Никто даже не поверит, глядя на вас, что вы были такими!..

- Вы хотите сказать, что нам пора... - пролепетала я, чувствуя, как по щекам катятся слезы. Я безуспешно пыталась вытереть их рукой. - Что нам пора... становиться бабушками?

Но тетя Маша, взглянув на нас задумчиво и светло, едва заметно улыбнулась и - ничего не сказала".

Это второе - летнее - письмо Деду Морозу Даша не стала запечатывать в конверт, а сделала из него бумажный кораблик и отпустила в вечное плавание по ручью, что сбегал с горы недалеко от дома.
Она только немного посетовала, что забыла мысленно приписать в конце, что вообще-то то, что нарисовало ее воображение - всего лишь рисунок. Да и то выполненный простым карандашом. И относиться к нему так и следует - как к рисунку.
А на самом деле она живет волшебно.
Словно у нее каждый день - Новый Год с Днем рождения в придачу.
И она - держит в руке воздушный шар, полный золотых огней.

3 сентября 2019г

Послесловие

Когда-то в одной из своих статей я написала: "Детство - это не место и не время, а способ существования души".
Душа же "по природе своей христианка", как сформулировал эту мысль еще Бл.

Августин.
Все, что человеку нужно - это позволить своей душе быть.

Данная повесть и стала итогом моих многолетних наблюдений за жизнью маленьких детей как душ в чистом виде.
В том числе - наблюдений за жизнью, взрослением, воспитанием и обучением двух учениц начальной школы, с которыми я занималась в качестве домашнего учителя.
Одной из тем - является изображение и художественный анализ проблем современного начального школьного образования и воспитания.

Многие изображенные в повести события переданы мною с документальной точностью.
Но мне бы не хотелось, чтобы читатели ограничились бы только фактической стороной.
Думаю, проницательный читатель разглядит проходящую лейтмотивом очень важную мысль... Даже не мысль, а - не побоюсь этого слова - интуитивно найденную гипотезу.

Суть этой гипотезы вот в чем.

По моему предположению, изначально человек рождается без Эго и подсознания.
Он просто - чистое бытие.
Еще естественный и непосредственный ребенок.

Но ему еще предстоит научиться управлять своей силой и приобрести разнообразные навыки, умения, знания.
Ему еще предстоит стать сознательной личностью.
Предстоит адаптироваться к миру, который, согласно Библии и другим священным Писаниям - является падшим.

И вот тут-то его ждут многочисленные препятствия.

Они могут исказить его нормальное развитие.

В ходе неправильного обучения с помощью отдельных представителей взрослого мира - ребенок может стать раздвоенным: то есть обрасти Маской (Персоной).
В результате чего часть его натуры станет вытесненной в защитно возникшее искусственное образование в его психике, которое принято называть подсознанием.
Говоря образно, травмированная душа-Психея сложит при этом крылья и превратится в распавшуюся на дихотомии психику.

Тогда-то вместе с Тенью и появится Эго.

Увы, большинство детей неизбежно обречены на этот процесс.

Поэтому с еще цельным маленьким ребенком надо обращаться предельно аккуратно.
Носиться с ним, как с хрустальной вазой!... Буквально - нянчиться!

Чутко отслеживая все его глубинные потребности. В том числе потребности во взрослении.

Любое насилие - в том числе интеллектуальное и моральное - должно быть исключено!

Это не означает, что воспитание станет лишенным духовно-нравственной и

интеллектуальной основы - нет-нет, как раз наоборот!

Именно опираясь на высокую христианскую нравственность и передовую гуманистическую педагогику, гуманистические науку, литературу и искусство, необходимо ненавязчиво помогать ребенку гармонизировать все его силы, помогать справляться с травмами, полученными в мире, лишенном правильных подходов к тем или иным вопросам бытия..

Конечно, в ребенке есть и гены - и через них может включаться дурная наследственность. В генах могут присутствовать и не самые лучшие склонности.

Но у еще цельного ребенка есть шанс прийти с помощью своих наставников к Богу и - эта дурная наследственность с Божьей помощью может так и не включиться. Дурные склонности могут быть полностью изглажены - опять-таки с Божьей помощью.
И ребенок будет, таким образом, спасен по Благодати.
Его натура останется цельной. Из него вырастет прекрасный сознательный Человек.

Автор

© Наталья Гвелесиани, 2025
ORCID: 0009-0006-7898-9156
https://orcid.org/0009-0006-7898-9156
DOI: 10.5281/zenodo.17723170
https://doi.org/10.5281/zenodo.17723170
© Наталья Гвелесиани, 2025.
Creative Commons Attribution–ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).